

И * Л

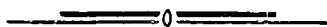
*Издательство
и н о с т р а н н о й
литературы*

АНТОНИО
ГРАМШИ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В ТРЕХ
ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва—1957

АНТОНИО ГРАМШИ

ТОМ
ПЕРВЫЙ

ОРДИНЕ НУОВО

/1919~1920/

Перевод с итальянского

В. Г. АНТОНОВА и К. Г. ХОЛЮДКОВСКОГО

Под редакцией К. Ф. МИЗИАНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1957

ANTONIO GRAMSCI

L'ORDINE NUOVO
1919—1920

Редакция литературы по историческим наукам

Заведующий редакцией
кандидат исторических наук И. П. СЕМИН

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В Италии (Турин) выпущено в свет многотомное собрание сочинений Антонио Грамши, выдающегося деятеля итальянского и международного коммунистического и рабочего движения.

В настоящем русском трехтомном издании публикуются избранные произведения Грамши, входящие в упомянутое итальянское собрание его сочинений.

Данная книга — «Ордине нуово» — является первым томом русского издания.

В нее входят статьи, содержащиеся в двух первых разделах одноименного тома («L'Ordine Nuovo») итальянского собрания сочинений Грамши, опубликованные им в 1919—1920 годах в еженедельнике «Ордине нуово» («Новый строй») и пьемонтском издании газеты «Аванти!» («Вперед!»).

В качестве приложения к русскому изданию в книгу включена также статья Грамши «Некоторые аспекты южного вопроса» (написанная им в 1927 году), так как она имеет огромное значение для характеристики теоретической деятельности Грамши в период, предшествовавший его аресту и десятилетней мучительной тюремной жизни.

Во втором томе — «Письма из тюрьмы» — публикуются письма Грамши из неволи своим родным и близким.

В третий том — «Тюремные тетради» — включены некоторые философские, историко-социологические и литературно-критические труды Грамши, написанные им в суровых условиях тюрьмы.

Работам Грамши, публикуемым в настоящем трехтомнике, предпослано краткое предисловие, написанное для советских читателей генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Выход в свет в русском издании трудов Антонио Грамши позволит советскому читателю познакомиться с жизнью и творческим наследием одного из самых великих сынов итальянского народа, одного из самых глубоких и гениальных мыслителей-марксистов.

Грамши прожил недолгую жизнь, которая целиком была отдана борьбе за дело социализма. К рабочему движению он примкнул еще в ранней юности, еще будучи учеником средней школы, то есть до 1911 года. В годы первой мировой войны он был одним из руководителей социалистического движения в Турине — городе, где в 1917 году рабочие подняли восстание, протестуя против войны. Создатель коммунистической партии в 1921 году, вождь партии с 1923 года, Грамши был в центре ожесточенной борьбы, которая велась в период прихода к власти фашизма. В 1926 году он был арестован. В 1928 году — приговорен к 20 годам тюремного заключения. В 1937 году он умер в тюрьме в Риме.

На всем протяжении его жизни не было такого периода, когда бы Грамши мог спокойно заниматься только научным трудом. Да он, впрочем, никогда и не стремился к этому: решение задач, связанных с политической и организационной работой, с руководством рабочим движением и передовой партией рабочего класса, — вот к чему были устремлены все его помыслы. Он глубоко, самым скрупулезным образом изучил марксистскую литературу; но марксизм всегда означал для него неразрывное единство теории и революционной практики, взаимосвязь дел и принципов, непрерывное углубление теории на основе обобщения опыта классовой борьбы. Он добивался того, чтобы классовая борьба развивалась во всех областях,

начиная с организации рабочих на предприятиях, с конфликтов между рабочими и хозяевами до самых высоких форм политической и идеологической борьбы против буржуазии.

После смерти Грамши в его камере было найдено несколько десятков тетрадей, которые, к счастью, удалось спасти от фашистской полиции. На протяжении почти десяти лет, до последнего момента — до тех пор, пока ему не изменили силы, — Грамши в своей темной одиночной камере, оторванный от всего, что он любил, заносил в эти тетради свои мысли, плоды своих глубоких размышлений об истории нашей родины, о структуре и о развитии буржуазного общества в Италии, о роли интеллигенции в обществе, разделенном на классы, о взаимоотношениях между экономическим базисом капиталистического общества и идеологическими и политическими надстройками этого общества. В этих трудах, носящих зачастую характер еще не полностью доработанных заметок, марксистская мысль Грамши нашла глубокое и творческое выражение. Перед теми, кто читает или изучает эти труды, предстают все новые и новые стороны действительности и нашего учения.

Издание «Тюремных тетрадей» произвело в Италии огромное впечатление и вызвало отклик как у друзей, так и у противников нашего учения и нашего движения. Появление этих трудов содействовало обострению того кризиса, который переживают идеалистические философские системы и идеалистическая культура, и послужило толчком к тому, чтобы влияние марксистских идей с новой силой распространилось на все области нашей культуры.

Настоящий трехтомник дает представление — пусть, правда, в несколько ограниченных масштабах — о наиболее существенных сторонах жизни и творчества Антонио Грамши. Его статьи, напечатанные в «Ордине нуово», относятся к периоду с 1919 по 1921 год, то есть к тем годам, когда революционная борьба итальянских рабочих достигла наивысшей точки и завершилась созданием Итальянской коммунистической партии. В «Письмах из тюрьмы» мы слышим голос борца, которого вырвали из рядов сражавшихся; он обращается к своим родным и близким, и волнующе звучат его слова, проникнутые глубокой человечностью. Следует учесть, что все эти

письма прошли тюремную цензуру, которая запрещала и карала всякую попытку хоть одним словом, даже самым косвенным образом коснуться политической обстановки. И, наконец, в третий том русского издания войдут избранные страницы «Тюремных тетрадей», доступные даже тем советским читателям, которые мало знакомы с обстановкой и условиями жизни в нашей стране.

Деятельность и мысль Грамши были той направляющей силой, которая вела и ведет передовой отряд итальянских трудящихся и нашу партию по пути — долгому и трудному, — который должен привести к победе социализма и мира. Пусть же это русское издание трудов Грамши содействует не только более широкому ознакомлению народов Советского Союза с мыслью великого борца за наше дело, но и большему взаимопониманию и дальнейшему сближению между советским народом и коммунистическим авангардом итальянского народа.

Пальмиро Тольятти.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИТАЛЬЯНСКОМУ ИЗДАНИЮ

В предлагаемой вниманию читателя серии томов впервые собраны воедино и систематизированы статьи и заметки, написанные Грамши за период от начала его политической деятельности и до его ареста. При подготовке к переизданию этих статей и заметок решено, в силу различных соображений, начать со статей, опубликованных в 1919 и 1920 годах в пьемонтском издании «Аванти!» и в еженедельнике «Ордине нуово». Это был период, когда проявились вся сила и творческая оригинальность Грамши как политического деятеля и он начал оказывать большое влияние на конкретное историческое положение нашей страны, и в частности Пьемонта, направляя движение широких людских масс и создавая предпосылки для возникновения и развития новой партии рабочего класса — коммунистической партии. Это был период, когда революционер-мыслитель и марксист Грамши овладевал учением Ленина и опытом русской революции, играл видную роль в определении лица еженедельника «Ордине нуово», вдохновлял движение фабрично-заводских Советов, внедрял в сознание группы активных социалистов, образовавшейся вокруг еженедельника «Ордине нуово» и от него получившей свое название, такую концепцию революционной борьбы, которая до этого была неизвестна в Италии. Словом, это был период формирования Грамши как политического вождя рабочего класса и разработки им основных вопросов социалистической революции в Италии.

И позднее, во время вынужденного бездействия в условиях тюремного заключения, Грамши продолжал разрабатывать в основном те же проблемы, которые зани-

мали его в бурные годы после первой мировой войны. Бросаются в глаза теснейшая связь, согласованность и внутреннее единство статей периода «Ордине нуово» и заметок из «Тюремных тетрадей»: они взаимно дополняют друг друга; одни являются верным руководством для изучения и правильного толкования смысла других. Нет нужды излагать здесь историю «Ордине нуово»: ее живое дыхание ощущается на каждой странице настоящего тома; к тому же она систематически изложена самим Грамши в «Программе «Ордине нуово» (стр. 194—203) и в докладе о туринском рабочем движении (стр. 230—243), посланном в Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала в июле 1920 года. Как нам кажется, лучше предоставить самому читателю непосредственно, на основании статей Грамши, судить о движении, которое с самого момента своего возникновения приковывало к себе внимание многих исследователей, вызывая горячую, страстную полемику, и даже в наши дни является предметом новых исследований и споров.

Следует, однако, напомнить, что найденные «Ордине нуово» решения проблем рабочего движения и борьбы рабочего класса произвели подлинный переворот в лагере итальянского социализма, в представлениях о социалистической деятельности, выработанных и утвердившихся за предшествовавшие десятилетия. Это были совершенно новые идеи; им суждено было вызвать и они действительно вызвали бурный энтузиазм одних и резкие протесты других. Если представить себе раскаленную атмосферу, в которой разгоревшаяся борьба, то не вызывает никакого удивления тот факт, что на этих страницах анализ текущего момента — не просто анализ, а постоянный призыв к организации и к борьбе, что подчас полемика приобретала жестокий характер, а критика — форму беспощадного обвинения, что суждения высказывались с беспредельной страстностью, ибо все это вполне естественно, когда ведется борьба не на жизнь, а на смерть. Грамши отдавал себе ясный отчет в серьезности положения. «За настоящим этапом классовой борьбы в Италии, — писал он, — последует либо завоевание революционным пролетариатом политической власти для перехода к новому способу производства и распределения, позволяющему повысить производительность труда, либо бешеный разгул реакции имущих классов и правящей ка-

сты. Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия, чтобы обречь промышленный и сельскохозяйственный пролетариат на рабский труд; будет сделано все, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическая партия) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства»¹.

Грамши считал, что при сложившемся в то время положении были недопустимы какие-либо колебания и уступки. Весьма показательно в этом отношении то, что писал Грамши в 1931 году по поводу яростной атаки, с которой он в 1920 году обрушился на профессора Умберто Космо: «В ноябре 1920 года я выступил против Космо с очень резкой, беспощадной статьей² — такие статьи приходится писать лишь в известные критические моменты политической борьбы... Наши личные сердечные отношения, отношения учителя и бывшего ученика, оборвались»³. Однако в том же письме от 23 февраля 1931 года Грамши говорит: «Я вспоминаю о Космо с чувством глубокой признательности, я сказал бы даже благоговения, если бы это слово не имело смысла, не соответствующего моим чувствам; он был, да, я думаю, и по сей день остался, человеком большой нравственной чистоты и честности, с той врожденной наивностью, которая свойственна обычно большим ученым»⁴. Но это не помешало Грамши решительно отстаивать правильность политической ориентации группы «Ордине нуово», правильность идей, лежащих в основе ее деятельности (особенно идеи о фабрично-заводских Советах и о политической власти рабочего класса), а также правоту своих личных политических взглядов. Это видно не только из многих мест «Тюремных тетрадей», но и из статьи «Товарищ Дж. М. Серрати и два поколения в итальянском социалистическом движении» (1927 год), где Грамши пишет: «...мы были, возможно, слишком жестокими в своих нападках на все, что нам

¹ См. стр. 159. [Примечания редакции русского издания, сделанные в дополнение к примечаниям итальянского издания работ Грамши, помечены словами «Прим. ред.»]

² См. «Откровенное объяснение с одним буржуа», стр. 467 настоящего тома.

³ А. Грамши, Избранные произведения, т. 2, «Письма из тюрьмы», стр. 139.— *Прим. ред.*

⁴ См. там же.— *Прим. ред.*

казалось излишней сентиментальностью и бесплодным влечением к старым канонам и догмам. Но, по правде говоря, наше поколение... могло отчетливее осознать неспособность старшего поколения справиться с задачами, которые необходимо было разрешить в связи с приближением реакционной бури. В нас, представителях молодого поколения, нашла свое реальное выражение новая обстановка, когда и враждебный нам класс, чтобы сохранить в своих руках власть и раздавить пролетариат, также был готов разрушить прежние формы государственной власти, созданные молодой буржуазией в эпоху Рисорджименто; это были годы меча и огня...»

Именно потому, что эти статьи были написаны в то время, в разгар борьбы, их значение неоценимо, хотя Грамши впоследствии утверждал, что некоторые содержащиеся в них формулировки неточны и ошибочны. С поистине исключительной скромностью Грамши писал в письме из тюрьмы от 7 сентября 1931 года, что статьи, напечатанные им за десять лет журналистской деятельности, были статьи-однодневки и «должны были умереть на другой же день». С тех пор прошло тридцать пять лет, а подавляющая часть этих страниц остается живой и теперь больше, чем когда-либо, полна жизненной силы.

И хотя мы высоко ценим скромность Грамши, неизменно возражавшего против предложения, неоднократно выдвигавшегося еще до его ареста, — собрать воедино все его статьи и издать их отдельной книгой¹, — мы убежде-

¹ «Я всегда отказывался от предложений об издании даже небольших сборников моих статей. В 1918 году профессор Космо просил моего разрешения отобрать кое-какие заметки из тех, что я ежедневно писал для одной туринской газеты; он хотел их опубликовать с очень благожелательным и весьма лестным для меня предисловием, но я не дал своего согласия. В ноябре 1920 года я поддался уговорам Джузеппе Преццолини и разрешил ему опубликовать в его издательстве сборник моих статей, которые действительно объединяло единство общего замысла, но в январе 1921 года я предпочел оплатить расходы по подготовке к печати этой частично уже набранной книги и забрал рукопись обратно. В 1924 году депутат Франко Чарлантини предложил мне написать книгу о движении «Ордине нуово»; он хотел, чтобы она вошла в выпускаемую им серию, в которой тогда уже вышли в свет книги Макдональда, Гомперса и других; он обязывался не менять в книге ни одной запятой и не снабжать ее никаким полемическим предисловием или послесловием. Опубликовать свою книгу в фашистском издательстве на таких условиях было очень заманчиво, но я также отказался» (Грамши, Письма из тюрьмы, стр. 164—165).

ны, что все же следовало это сделать и что мы слишком долго это откладывали.

Несколько слов относительно критериев, которыми мы руководствовались при отборе и распределении статей.

Из еженедельника «Ордине нуово» были взяты все статьи, подписанные или помеченные инициалами Грамши, а также и те, о которых с полной или с почти полной уверенностью можно сказать, что они принадлежат ему. Тому же критерию мы, в общем следовали и при отборе статей, опубликованных в пьемонтском издании «Аванти!» в 1919 и 1920 годах; но не всегда легко было установить авторство Грамши, в частности потому, что у сотрудников «Ордине нуово» некоторые стилистические приемы, выражения и обороты сделались общими, а также потому, что теперь, спустя столько лет, память тех, кто тогда работал с Грамши, не всегда могла прийти нам на помощь. Все же мы полагаем, что среди статей, вошедших в настоящий том, нет ни одной, которая не принадлежала бы перу Грамши; однако мы позволили себе некоторую вольность в том отношении, что включили в эту книгу и те статьи, которые действительно носят сугубо газетный характер и со временем в значительной мере утратили свою ценность¹.

В данный том включены также те заметки, составлявшие раздел хроники «Ордине нуово» (за исключением замечаний, написанных Пальмиро Тольятти), тематика которых выходит за пределы внутренней жизни еженедельника и проблем связи с читателями; эти заметки чрезвычайно интересны и тем, что они показывают методы работы Грамши и редакции. Мы отказались от включения в том некоторых статей, написанных для «Ордине нуово» Пальмиро Тольятти, который разделял с Грамши труд по редактированию еженедельника и ответственность за его содержание. Это позволило бы дать более полную картину деятельности «Ордине нуово», но изменило бы характер томов этой серии, чего мы предпочли избежать.

Размещая материал по четырем крупным тематическим разделам, мы придерживались хронологического порядка.

¹ Эти статьи, а также упоминаемые ниже хроникальные заметки содержатся в третьем и четвертом разделах тома «L'Ordine Nuovo» и в русское издание не вошли.— *Прим. ред.*

Слова, заключенные в квадратные скобки, заменяют пропуски или ошибки в тексте, которые мы пытались исправить по смыслу.

О группе и о движении «Ордине нуово» написано очень много работ различных авторов. Нередко встречаются прямые и косвенные указания на «Ордине нуово» в «Тюремных тетрадах» Грамши (см., в частности, тома «Интеллигенция и организация культуры» и «Прошлое и настоящее»). Пальмиро Тольятти касался «Ордине нуово» в нескольких работах, прежде всего в работе «Грамши — вождь итальянского рабочего класса», напечатанной в Париже в 1937 году и переизданной под заголовком «Вождь итальянского рабочего класса» в книге Пальмиро Тольятти «Грамши» (Милан, 1949 год)¹, а также в речи, произнесенной в Туринском университете 23 апреля 1949 года и напечатанной в той же книге под заголовком «Мыслитель и борец».

Интересные сведения об «Ордине нуово» и о борьбе тех лет содержатся в книге Марчеллы и Маурицио Феррара «Беседуя с Тольятти (Биографические заметки)», главы IV—VII [стр. 34—69 русского перевода, выпущенного в свет Издательством иностранной литературы в 1954 году.— *Ред.*].

Следует также прочесть статью Умберто Террачини «Антонио Грамши и туринские рабочие» в журнале «Понте» (1949 год, № 8—9), статью Феличе Платоне «Ордине нуово» в сборнике «Тридцать лет жизни и борьбы ИКП» [стр. 76—89 русского перевода, выпущенного в свет Издательством иностранной литературы в 1953 году.— *Ред.*].

Неоднократно обращался к теме «Ордине нуово» Пьеро Гобетти; см. статьи «Коммунисты» в «Революционе либерале» (Турин, 1950 год), «Грамши» и «История туринского коммунизма, написанная либералом» в «Кошьенца либерале э классе операйя» (Турин, 1951 год).

¹ Palmiro Togliatti, Gramsci, Milano, 1949.

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ СОВЕТЫ
И ГОСУДАРСТВО
РАБОЧЕГО КЛАССА

СУВЕРЕНИТЕТ ЗАКОНА

Сегодня итальянский народ должен был бы праздновать 71-ю годовщину установления суверенитета закона. Вот уже 71 год, как итальянцы не являются больше рабами самодержавной государственной власти; каприз и произвол не царят больше в общественной жизни; современное общество — это общество «граждан», обладающих равными правами и обязанностями, граждан, чьи права одинаково охраняются и гарантируются основным законом королевства.

Этот день должен был бы быть днем народа, днем воздаяния дани свободе и прогрессу.

Какой злой насмешкой звучат эти слова после пяти лет войны и режима чрезвычайных декретов. Все гарантии свободы уничтожены, всякий правопорядок, всякие юридические нормы исчезли. «Государство» снова сделалось верховным арбитром наших судеб, нашей элементарной биологической и высшей умственной жизни — «государство», то есть нынешние носители государственной власти: председатель совета министров со всей зависимой от него административной системой; целая иерархическая лестница префектов, субпрефектов, квесторов, вице-квесторов, уполномоченных, полицейских. Полицейский имеет сегодня больший вес в политическом отношении, чем депутат. Полицейский — это частица власти, а депутат — лишь юридическая фикция.

[Одна строка выброшена цензурой]

Общество превращено в огромную казарму, оно управляется безответственной властью в обстановке беспорядка и разложения: всякая деятельность граждан

контролируется, уродуется, «упорядочивается» (!) и таким образом парализуется силой власти. Антисоциалистический миф о государстве-казарме сделался ужасающей и удушающей буржуазной действительностью, которая толкает общество в пропасть хаоса и беспорядка, безрассудства и губительного маразма. На нас надели смительную рубашку, которая доводит нас до отчаяния, толкает на безумие.

Все это явилось неизбежным следствием развития исторических событий. Конституция — юридическая фикция беспристрастной и высшей власти закона, принятого народными представителями, — в действительности была началом диктатуры имущего класса, выражением «легального» завоевания этим классом высшей власти в государстве. Частная собственность сделалась основным государственным институтом, гарантированным и охраняемым как от произвола государя, так и от поползновений экспроприированного крестьянства. Конституция отнимает у короля всякую власть вмешиваться в разрешение вопросов частной собственности, больше того, связывает династию с судьбой частной собственности. Общество лишается всякой коллективной связи и низводится к своему первоначальному элементу — гражданину-индивидууму. Это — начало разложения общества, разъедаемого едкой кислотой конкуренции: зубы дракона, посеянные среди людей, во сто крат увеличивают обуревающие их неистовые страсти, неугасимую ненависть, непримиримые противоречия. Каждый гражданин — гладиатор, видящий в других людях врагов, которых надо сразить или подчинить своим интересам. Все величайшие узы любви и солидарности — начиная с ремесленных корпораций и сословий и кончая религией и семьей — разрушаются. Конкуренция становится фактическим основанием человеческого общежития. Гражданин-индивидуум становится ячейкой социальной туманности, беспокойным чужеродным элементом, который не сливается ни с каким социальным организмом. На этой его социальной чужеродности и беспокойности и основывается концепция суверенитета закона, концепция чисто абстрактная, потенциально включающая в себя обман доверчивого, наивного народа. Концепция эта — антисоциальная, ибо она предполагает, что «гражданин» находится в вечной вражде с государством, что люди являются извечными непримиримыми врагами госу-

дарства — этого живого пластичного тела общества, — и, следовательно, как бы заставляет людей быть врагами самим себе. Эта конституция есть кодификация противного человеческой природе беспорядка и разложения.

Но как только принципы, лежащие в основе буржуазного общества, получают юридическое признание как вечные категории, начинается эра пролетариата. Рождение пролетариата — это протест исторического становления против всякого окостенения, торможения социального развития. Марксистская критика либеральной экономики есть критика той концепции, согласно которой политические и экономические институты человеческого общества являются непреходящими, вечными; она требует, чтобы всякий факт рассматривался с точки зрения его исторической обусловленности и зависимости от обстоятельств, она представляет собой урок реализма для всякого рода псевдоученых схоластов, стоящих на страже сейфов.

Первоначально из буржуазной конкуренции пролетарии извлекают пользу, приобретая право свободно выбирать место приложения своего труда и продавать на лучших условиях свою рабочую силу. Но эта «свобода» тотчас же обращается против пролетариата. Рабочий становится товаром, подверженным всем превратностям рынка, ему ничего не гарантируется, его существование ничем не обеспечено, у него нет никакой уверенности в завтрашнем дне. Положение наемного рабочего становится хуже положения раба и крепостного. Голод, безработица, постоянная опасность умереть от недоедания — все это лишь козыри, используемые в такой игре, как капиталистическая конкуренция. Кассы капиталистов пополняются за счет крови рабочих, созданный капитализмом блеск цивилизации скрывает трагическую действительность нечеловеческих страданий, варварства и преступлений, переходящих всякие границы.

Рабочее движение является духовным восстанием человечества против новых беспощадных феодалов — рыцарей капитала, ответной реакцией общества, стремящегося снова объединиться в тесно связанное целое, в единый гармоничный организм, движимый любовью и милосердием. На смену «гражданину» приходит «товарищ», на смену социальной разобщенности — организованность. Первичные клетки нового порядка зарождаются самопроизвольно, они объединяются, тесно связываются между

собой в прочные, более широкие слои. Пагубная власть «свободы» ограничивается и контролируется, произвол капиталиста на фабрике уменьшается. Рабочий завоевывает для себя известную самостоятельность, немного подлинной свободы. Он уже не один против всех, он — член коллектива, постоянно включающегося во все более обширные и мощные коллективы, густой сетью покрывающие весь земной шар. Конкуренция разворачивается уже на новой основе и в гигантских масштабах, это уже конкуренция не между индивидуумами, а между классами. Новый класс, выступающий во всемирном масштабе, восстает против эксплуатации его буржуазией всех государств мира; он стремится экспроприировать у нее средства производства и обмена, частную и государственную собственность на землю и недра земли, порты, реки, океаны. Страшный удар сотрясает всю правовую надстройку капитализма, ускоряя процесс разложения, усугубляя беспорядок. Разрушаются всякие юридические фикции: свобода уничтожается, парламенты закрываются, упраздняются гарантии личных свобод, царят хаос, грохот разрушения и беспредельный маразм. За видимостью самой строгой дисциплины, ради которой человеческое общество превращено в зловещую казарму, господствуют произвол и самое бесстыдное вероломство.

Сегодня все нарушители конституции, все «граждане», на словах клявшиеся «свято соблюдать конституцию и другие государственные законы во имя общего блага, короля и отечества», а на деле ежедневно попирающие индивидуальные свободы, празднуют день свободы, день суверенитета закона, день «гражданина». Не долго будет процветать это жестокое глумление, ибо место «гражданина» займет «товарищ», место индивидуалистической свободы — свобода социальная, место беспорядка — организованность, а место государства лжи и вероломства — социальное государство труда и солидарности.

(Подписано: А. Г.; «Аванти!», пьемонтское издание, 1 июня 1919 года, № 151.)

ДАНЬ ИСТОРИИ

Чего еще требует история от русского пролетариата для того, чтобы узаконить и увековечить его завоевания? Какую еще дань крови и жертв потребует эта полновластная повелительница человеческих судеб?

Трудности и преграды, которые должна преодолеть

пролетарская революция, оказались неизмеримо большими, чем трудности и преграды всех революций прошлого. Эти последние стремились лишь изменить форму частной и национальной собственности на средства производства и обмена, затрагивали лишь ограниченную часть общества.

Пролетарская революция — величайшая революция. Стремясь уничтожить частную и национальную собственность и ликвидировать классы, она вовлекает в круговорот событий всех людей, а не только ту или иную часть их. Она заставляет всех людей действовать, участвовать в борьбе, открыто встать на ту или другую сторону. Она коренным образом преобразовывает общество из организма, состоящего из одноклеточных ячеек, то есть из граждан-индивидуумов, в организм, составленный из многоклеточных ячеек, кладет в основу общества ячейки, которые уже сами по себе органически присущи ему. Пролетарская революция вынуждает все общество отождествлять себя с государством, требует от всех и каждого понимания своего морального и исторического долга. Вот почему пролетарская революция является социальной, вот почему ей приходится преодолевать неслыханные трудности и преграды, вот почему для успешного ее завершения история требует чудовищных жертв вроде тех, что приносит русский народ.

До сих пор русская революция сумела преодолеть все преграды, воздвигнутые перед ней историей. Она выдвинула такую блестящую плеяду государственных деятелей, какой нет ни у одной другой нации. Это примерно тысячи две людей, которые всю свою жизнь посвятили изучению (на практике) политических и экономических наук. В течение десятилетий, проведенных в изгнании, они глубоко и всесторонне исследовали всевозможные проблемы революции; они закалились в борьбе, в неравном поединке с силами царизма, выработали у себя железный характер; непосредственно соприкасаясь со всеми формами капиталистической цивилизации Европы, Азии и Америки, тщательно изучив направление течений, вливающих в общий поток мирового экономического и исторического развития, они выработали в себе четкое и ясное понимание своего долга — оружие, столь же могучее и разящее, как мечи покорителей целых империй.

Русские коммунисты являются первоклассным руководящим ядром. Ленин, по свидетельству всех, кто с ним когда-либо сталкивался, показал себя величайшим государственным деятелем современной Европы, человеком, пользующимся безграничным влиянием в массах, зажигающим в народах энтузиазм, пробуждающим в них чувство сознательной дисциплины; человеком, который благодаря своему могучему уму способен повести за собой все мировые социальные силы, могущие быть использованными на благо революции; человеком, легко распознающим и парализующим самые изощренные козни буржуазных государственных деятелей.

Но одно дело — коммунистическое учение, пропагандирующая его политическая партия и рабочий класс, сознательно воплощающий это учение, другое — огромный русский народ, усталый, дезорганизованный в результате долгой губительной войны, ввергнутый ею в пучину нищеты, варварства, анархии и разложения. Величие большевиков в политике, их невиданный в истории шедевр политического руководства заключаются именно в том, что они подняли упавшего гиганта и снова придали (или, вернее, впервые придали) конкретную динамическую форму этой дезорганизации, этому хаосу; в том, что они сумели спаять коммунистическую доктрину с коллективным сознанием русского народа и заложили прочный фундамент, на котором начался исторический процесс строительства коммунистического общества, — словом, в том, что впервые в истории они воплотили в жизнь марксову формулу диктатуры пролетариата. Революция лишь тогда есть подлинная революция, а не напыщенная, пустая, демагогическая риторика, когда она воплощается в государстве определенного типа, когда она становится организованной системой власти. Общество существует только в форме государства, которое является в одно и то же время источником и целью всякого права, всякого долга, служит гарантией постоянства и успеха всякой социальной деятельности. Пролетарская революция является таковой лишь тогда, когда она порождает государство нового типа — пролетарское государство — и воплощается в нем; это государство стоит на страже пролетарского права, и осуществление им своих основных функций есть проявление жизненных сил и потенциальной мощи пролетариата.

Большевики придали государственную форму историческому и социальному опыту русского пролетариата, который является также опытом пролетариата и крестьянства всех стран, облекли в форму сложного разветвленного и гибкого организма все, даже самые сокровенные стороны жизни пролетариата своей страны, его традиции, славную историю его духовного и социального развития в ее наиболее глубоких проявлениях. Они порвали с прошлым, но в то же время продолжали его, порвали с традициями, но одновременно развили и углубили их; они покончили с историческим прошлым, в котором господствовали имущие классы, и продолжили, развили и обогатили жизненные традиции пролетариата, традиции рабочих и крестьян. В этом они были революционерами, поэтому они установили новый строй и дисциплину. Разрыв был неотвратим, так как дело шло о самой сути истории. Возврата к прошлому не было, ибо в противном случае Россия оказалась бы ввергнутой в небывалую катастрофу. И вот начинается гигантский поединок со всеми требованиями и задачами, выдвигаемыми историей, от самых элементарных до наиболее сложных; пролетарское государство должно было считаться с требованиями истории, подчинить их себе, включить их в сложный механизм своих многообразных функций.

Необходимо было привлечь на сторону нового государства лояльное большинство русского народа. Нужно было показать русскому народу, что новое государство является его государством, его жизнью, воплощением его духовных устремлений, его самым драгоценным достоянием, что оно соответствует его традициям. Государство Советов имело свой руководящий отряд — большевистскую коммунистическую партию; оно пользовалось поддержкой промышленных рабочих, которые являлись меньшинством общества, но наиболее сознательной частью класса трудящихся и выражали жизненные и постоянные интересы всего этого класса. Государство Советов стало государством всего русского народа благодаря упорству и настойчивости коммунистической партии, горячей вере и энтузиазму рабочих, энергичной неустанной пропаганде, разъяснительной и воспитательной работе выдающихся деятелей русской коммунистической партии, руководимых ясной и негибкой волей учителя всех трудящихся — Ленина. Советы доказали свое бессмертие как фор-

ма организации общества, наилучшим образом отвечающая постоянным и многообразным (экономическим и политическим) жизненным потребностям русского народа, воплощающая в себе и претворяющая в жизнь надежды и чаяния угнетенных всего мира.

Длительная и злополучная война оставила печальное наследство нищеты, варварства, анархии. Жизнь общества была дезорганизована, человеческое общество превратилось в орду безработных, безвольных, недисциплинированных кочевников, в аморфную массу — продукт безграничного социального разложения. Новое государство собирает обломки общества, соединяет их, укрепляет; возрождает уверенность, дисциплину, идеалы, волю к труду и прогрессу. Это великая задача, и выполнение ее могло бы принести славу целому поколению.

Но это еще не все. История не довольствуется этим доказательством. Грозные враги ополчаются против нового государства. Печатают фальшивые деньги, чтобы подкупить крестьян, пытаются подачками привлечь на свою сторону измученный голодом народ. Россия отрезана от всех выходов к морю, прерваны ее торговые и все прочие связи; захвачены Украина с Донецким бассейном, Сибирь; Советское государство лишено продовольствия и источников сырья. На фронте протяженностью в десять тысяч километров вооруженные банды угрожают вторжением; мятежи, измены, вандализм, террористические акты и саботаж оплачиваются щедрой рукой. Самые блестящие победы превращаются из-за измен в неожиданные поражения.

И все же Советская власть держится: из хаоса поражений она создает могучую армию, превращающуюся в стальной хребет пролетарского государства.

Теснимое со всех сторон неисчислимыми враждебными силами, оно находит в себе интеллектуальную мощь и необходимую гибкость, чтобы приспособиться к потребностям момента, не изменяя своей сущности, не компрометируя счастливо начатого продвижения к коммунизму.

Таким образом, Советское государство доказывает, что оно представляет собой неизбежное явление, неотвратимый этап развития человеческой цивилизации, первую ячейку нового общества.

Ввиду того, что другие государства не могут примириться с существованием пролетарской России и в то же время не в силах ее уничтожить, ввиду того, что огромные средства, которыми располагает капитал,— монополия на информацию, клевета, коррупция, сухопутная и морская блокада, бойкот, саботаж, беспардонное вероломство (Принцезы острова)¹, нарушение международного права (война без объявления ее), военное давление при превосходстве военной техники — бессильны сломить веру народа, исторически необходимо, чтобы другие государства перестали существовать или преобразовались подобно России.

Человечество не может долго пребывать в состоянии раскола. Человеческий род тяготеет к внутреннему и внешнему единству, к такой системе мирного сосуществования, которая позволила бы перестроить весь мир. Социальный строй должен быть таким, чтобы он мог удовлетворять человеческие потребности.

Вот уже два года, как существует Советская Россия — одна, без всякой помощи, она выдержала разрушительную войну и блокаду. А капиталистические государства, которые пользуются поддержкой всего мира и наживаются на беспощадной эксплуатации колоний, по-прежнему катятся вниз, в бездну все новых и новых бедствий и катастроф.

Следовательно, именно Россия является теперь средоточием истории и жизни, лишь при советском строе находят соответствующее разрешение проблемы жизни и смерти, грозно нависшие над всем миром.

Русская революция уплатила свою дань истории миллионами смертей, нищетой, голодом, самопожертвованием, непреклонной волей. Ныне поединок достиг наибольшего ожесточения. Русский народ поднялся во весь свой гигантский рост; несмотря на голод и лишения, он грозно возвышается над толпой яростно набрасывающихся на него пигмеев. Он готов встретить врага во всеору-

¹ По предложению Ллойд Джорджа в январе 1919 года, несмотря на возражения Франции, западные державы решили пригласить на конференцию на Принцезы острова представителей Советского правительства и существовавших на территории России белогвардейских правительств. Требования, предъявленные Советскому правительству в качестве условий его допуска на конференцию, сводились к стремлению получить путем дипломатического маневра то, что оказалось недостижимым с помощью интервенции.

жию, готов повторить славные дни Вальми¹. Его нельзя победить. Русский народ отдал свою дань истории. Теперь его надо защищать от полчищ оголтелых наемников, от авантюристов и бандитов, которые хотели бы вцепиться зубами в его алое живое сердце. Надо, чтобы до него донесся воинственный клич его союзников и товарищей во всем мире,— тогда никто перед ним не устоит, тогда перед ним вновь откроются дороги, возвращающие его в лоно жизни всего мира.

(Без подписи; «Ордине нуово», 7 июня 1919 года, № 5.)

РАБОЧАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Перед каждым социалистом, глубоко понимающим все значение исторической ответственности, лежащей на рабочем классе и на партии, которая представляет собой наиболее сознательную, наиболее критически относящуюся к действительности и наиболее активную часть этого класса, стоит следующая жгучая проблема.

Как подчинить своему влиянию огромные социальные силы, которые всколыхнула война? Как организовать их и придать им такую политическую форму, которая обладала бы способностью нормально развиваться и непрерывно консолидироваться, с тем чтобы в конце концов превратиться в костяк социалистического государства, в котором воплощается диктатура пролетариата? Как связать воедино настоящее и будущее, удовлетворяя неотложные нужды настоящего и успешно создавая это будущее, «ускоряя» его наступление?

Эта статья имеет своей целью стимулировать мысль и действие, призвать лучших и наиболее сознательных рабочих задуматься над поставленной в ней проблемой, призвать их — каждого в пределах его сил и возможностей в сфере его деятельности — участвовать в ее решении, сосредоточить на ней внимание отдельных товарищей и организаций. Только из совместной дружной работы по разъяснению, убеждению и взаимному воспитанию рождаются конкретные созидательные действия.

¹ Вальми — селение во Франции, близ которого французские революционные войска остановили в 1792 году вторжение войск австро-прусской реакционной феодально-монархической коалиции.— *Прим. ред.*

Потенциально социалистическое государство уже существует в институтах, характерных для социальной жизни угнетаемого трудящегося класса. Связать между собой эти институты, координировать и соподчинить их в единой иерархической системе, строго централизовать их при сохранении (в необходимой степени) их автономии и своеобразия — значит создать уже сегодня подлинную рабочую демократию, решительно и эффективно противостоящую буржуазному государству, уже сейчас готовую заменить буржуазное государство, взять на себя осуществление всех основных функций, касающихся владения и управления национальными богатствами.

Руководство рабочим движением в настоящее время осуществляется социалистической партией и Конфедерацией труда, но воздействие социалистической партии и Конфедерации труда на огромную массу трудящихся является результатом косвенных факторов: престижа партии и энтузиазма масс, авторитарного давления, а подчас и просто инерции. Влияние партии растет с каждым днем; распространяясь, оно проникает в самую гущу народных масс, рождает сочувствие и стремление отдавать все силы для победы коммунизма даже у тех слоев народа, которые до сих пор стояли в стороне от политической борьбы. Необходимо придать прочную форму и организованность этим беспорядочным, хаотическим силам, охватить, упорядочить и укрепить их, превратить рабочий класс и полупролетариат в организованное общество, чтобы оно затем развивалось, приобретало знания и опыт и осознало всю ответственность тех задач, которые предстоит решать классам, берущим в свои руки государственную власть.

Социалистическая партия и профессиональные союзы могут охватить весь рабочий класс лишь после долгих лет упорного труда. Они не могут немедленно отождествить себя с пролетарским государством; и действительно, в коммунистических республиках они продолжают существовать самостоятельно, являясь движущей силой (партия), или органами контроля, или, частично, управления (профсоюзы). Партия должна оставаться органом коммунистического воспитания, источником убежденности, хранителем [коммунистического] учения, высшей властью, которая координирует и ведет к цели организованные и дисциплинированные силы рабочих и крестьян.

Именно ввиду необходимости строгого выполнения этого своего долга партия не может распахнуть настежь свои двери, чтобы в нее широким потоком вливались те ее сторонники, у которых еще недостаточно развито чувство ответственности и дисциплины.

Но общественная деятельность рабочего класса осуществляется при посредстве множества институтов, носит самый разнообразный характер. Эти институты и самые различные виды деятельности необходимо развивать, организовывать в единый комплекс, объединять в обширную и разветвленную систему, охватывающую и дисциплинирующую весь рабочий класс.

Промышленное предприятие с его «внутренними комиссиями», социалистические первичные ячейки, крестьянские общины — вот те центры жизни трудящихся, в которых необходимо непосредственно работать.

«Внутренние фабрично-заводские комиссии» — это органы рабочей демократии, которые необходимо освободить от ограничений, навязанных им предпринимателями, и в которые нужно влить новую жизнь, новую энергию. Сегодня «внутренние фабрично-заводские комиссии» ограничивают произвол капиталиста на предприятии и играют роль арбитражного и дисциплинарного органа. Завтра, развившись и приняв на себя новые функции, они станут органами пролетарской власти, которые заменят капиталиста в выполнении всех полезных функций по техническому руководству и административному управлению предприятием.

Уже сейчас рабочим следовало бы приступить к выборам делегатов в широкие представительные органы из числа лучших и наиболее сознательных товарищей под лозунгом «Вся власть на предприятиях фабрично-заводским комитетам», который должен быть увязан с другим лозунгом — «Вся власть в государстве — Советам рабочих и крестьян».

И тогда перед коммунистами, организованными в партию и районные организации, открылось бы широкое поле для конкретной революционной пропаганды. Действуя согласованно с городскими секциями, первичные ячейки должны были бы произвести учет сил рабочих данной зоны, а их помещения должны стать постоянным местом

деятельности районного совета фабрично-заводских делегатов — того центра, вокруг которого будет концентрироваться вся пролетарская энергия района. Система выборов могла бы меняться в зависимости от масштаба предприятия; нужно было бы, однако, добиться того, чтобы один делегат избирался от каждых пятнадцати рабочих данной профессии (как на английских заводах), с тем чтобы путем многостепенных выборов был образован в конечном счете фабрично-заводской комитет делегатов, включающий в себя представителей всех работников предприятия (рабочих, служащих и инженерно-технического персонала). Желательно, чтобы в районный комитет были включены также делегаты, представляющие лиц других профессий, живущих в данном районе: служащих ресторанов и кафе, извозчиков, трамвайщиков, железнодорожников, подметальщиков улиц, частных служащих, приказчиков и т. д.

В районный комитет должны войти представители *всех слоев трудящихся* данного района, он должен быть законным и авторитетным; будучи облечен властью, вверенной ему добровольно, он должен быть способным заставить подчиняться дисциплине и приказать немедленно и полностью прекратить всякую работу во всем районе.

Районные комитеты разрастутся и превратятся в городские комиссариаты, руководимые и контролируемые социалистической партией и профессиональными федерациями.

Такая система рабочей демократии (органически связанная с эквивалентными крестьянскими организациями) явится постоянной формой организации масс, дисциплинирует их, послужит прекрасной школой политического и административного опыта, вовлечет всех без исключения трудящихся в общественную деятельность, приучит их быть упорными и настойчивыми, рассматривать себя как армию на поле боя, которая должна крепко сплотиться, если не хочет быть разбитой и обращенной в рабство.

Каждое предприятие составит один или несколько полков этой армии, со своим низшим командным составом, со своей службой связи, со своими офицерами, со своим генеральным штабом, избранным и наделенным властью на основе свободных выборов, а не навязанным сверху.

Проводя внутривзаводские митинги посредством постоянной пропаганды и убеждения наиболее сознательных элементов, можно достичь коренного изменения психологии рабочих, можно добиться того, чтобы масса рабочих стала лучше подготовленной и способной взять власть в свои руки, развить и укрепить сознание обязанностей и прав товарища и трудящегося, сознание конкретное и действенное, ибо оно самопроизвольно порождается живым историческим опытом.

Мы уже сказали, что эти беглые заметки ставят своей целью лишь стимулировать мысль и действие. Каждая сторона вопроса требует подробного и глубокого изучения, разъяснения, дополнения и согласования. Но конкретное и всестороннее разрешение проблем социалистической жизни может быть дано только коммунистической практикой, совместным обсуждением, которое благотворно действует на сознание людей, сближает их, возбуждает действительный энтузиазм. Говорить правду, сообщая добиваться правды — значит работать на благо коммунизма и революции. Формула «диктатура пролетариата» должна перестать быть только формулой, поводом для того, чтобы блеснуть революционной фразой. Кто приемлет цель, тот должен принять и средства. Диктатура пролетариата — это установление нового государства, государства пролетарского типа; в нем воплощается опыт общественной деятельности угнетенного класса, а социальная жизнь рабочего и крестьянского класса становится широко распространенной и прочно организованной системой. Это государство не может возникнуть по мановению волшебного жезла. Русские коммунисты-большевики в течение восьми месяцев работали над распространением и проведением в жизнь лозунга «Вся власть Советам!», а ведь Советы были известны русским рабочим еще с 1905 года. Итальянские коммунисты должны воспользоваться драгоценным русским опытом и сберечь время и труд. Перестройка государства потребует так много времени и труда, что ей должны быть посвящены каждый день и каждый шаг.

(Без подписи; статья написана совместно Антонио Грамши и Пальмиро Тольятти, «Ордине нуово», 21 июня 1919 года, № 7.)

ЗАВОЕВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Капиталистическая концентрация, обусловленная способом производства, приводит соответственно к концентрации трудящихся масс. В этом следует искать источник всех революционных положений марксизма, причины возникновения нового пролетарского образа жизни, нового коммунистического порядка, призванного заменить буржуазный образ жизни и капиталистический беспорядок, порожденный свободной конкуренцией и классовой борьбой.

Находясь в сфере общей капиталистической деятельности, трудящийся также действует на основе свободной конкуренции, является гражданином-индивидуумом. Но исходные условия борьбы неодинаковы для всех: существование частной собственности ставит меньшинство в привилегированное положение, делает борьбу неравной. Трудящийся непрерывно подвергается смертельному риску: самая его жизнь, как простое физическое существование, его культурная жизнь, жизнь и будущее его семьи постоянно находятся под угрозой, зависят от неожиданных изменений и колебаний на рынке труда. Вот почему рабочий пытается выбраться из сферы конкуренции и индивидуализма. Стремление к объединению и солидарности становится отличительным свойством трудящегося класса, оно меняет психологию и образ жизни рабочих и крестьян. Возникают институты и организации, в которых это стремление воплощается; на их основе начинается процесс исторического развития, который приводит к обобществлению средств производства и обмена.

Стремление к объединению следует считать весьма важным фактором пролетарской революции. Как результат этой исторической тенденции во время предыдущего периода (можно назвать его периодом I и II Интернационалов или периодом собирания сил) возникли и стали шириться и крепнуть социалистические партии и профессиональные союзы.

Развитие этих пролетарских организаций и всего пролетарского движения в целом происходило, однако, не изолированно, не в силу каких-либо особых внутренних закономерностей, присущих жизни и историческому опыту трудящегося класса. Законы истории были продиктованы классом собственников, организованным в государстве.

Государство всегда было главным действующим лицом истории, так как в его органах концентрировалась мощь класса собственников. В государстве собственнический класс, несмотря на раздоры и столкновения, обусловленные конкуренцией, организуется, создает однородные объединения, чтобы сохранить в неприкосновенности свои привилегии в высшей фазе самой конкуренции — в классовой борьбе за власть, за господствующую роль в руководстве обществом, за подчинение его своей воле.

В этот период пролетарское движение было только функцией капиталистической свободной конкуренции. Пролетарские организации должны были принять определенную форму под воздействием не внутренних, а внешних законов, под колоссальным давлением обстоятельств и принуждения, порожденных капиталистической конкуренцией. Отсюда ведут начало внутренние конфликты, уклоны, колебания и компромиссы, характерные для пролетарского движения в течение всего периода, предшествующего настоящему, и приведшие к краху II Интернационала.

Некоторые течения в социалистическом и пролетарском движении безоговорочно считали основными элементами революции профессиональную организацию рабочих и на ней основывали всю свою пропаганду и деятельность. Был момент, когда казалось, что именно синдикалистское движение правильно истолковывало марксизм, правильно объясняло истинное положение вещей.

Ошибка синдикалистов заключается в том, что они рассматривают как нечто постоянное, как неизменную форму объединения трудящихся профессиональные союзы в той их форме и с теми их функциями, которые они имеют сегодня. Но эта форма и эти функции навязаны извне и, следовательно, не могут иметь постоянную и заранее предвиденную линию развития. Синдикализм, изображавший себя основателем либеристской¹ традиции «стихийности», на деле явился одним из многочисленных видов маскировки абстрактного якобинства.

Отсюда ошибки синдикалистского течения, которому не удалось подменить собой социалистическую партию

¹ Либеристы (здесь) — сторонники свободной конкуренции между трудом и капиталом.— *Прим. ред.*

в деле революционного воспитания трудящихся. Рабочие и крестьяне сознавали, что для всего периода, в течение которого собственнический класс и парламентарно-демократическое государство диктуют законы истории, всякая попытка уйти из сферы действия этих законов остается бесплодной и смехотворной; конечно, при той конкретной форме, которую приняло общество в условиях развития промышленного производства, каждый человек может активно участвовать в жизни и оказывать влияние на среду лишь постольку, поскольку он действует как гражданин-индивидуум, член парламентарно-демократического государства. Опыт либерализма не пропадает напрасно и может быть превзойден только после того, как он исчерпает себя. Аполитичность аполитиков явилась только вырождением политики: отрицание государства и борьба против него есть акция, в такой же мере политическая, как и участие в общей исторической деятельности, которая укладывается в определенные рамки в государственных народных институтах, парламентах и муниципалитетах. Меняется лишь характер этой акции: синдикалисты действовали в полном отрыве от реальной действительности, и поэтому их политика была в корне ошибочна. Социалисты-парламентаристы же действовали в самом тесном контакте с ней; они могли совершать ошибки (и совершали много грубейших ошибок), но не ошибались в том, что касается направления их деятельности, и потому одержали верх в этой «конкуренции». Широкие массы, вмешательство которых объективно приводит к изменению социальных отношений, сплотились вокруг социалистической партии. Несмотря на все ошибки и упущения, партия в конце концов выполнила свою миссию — заставила пролетария стать кем-то, тогда как раньше он был ничем, помогла ему приобрести сознательность, придала освободительному движению верное и жизненное направление, которое в основном соответствовало процессу развития человеческого общества. Наиболее серьезная ошибка социалистического движения была того же порядка, что и ошибка движения синдикалистского. Принимая участие в общей деятельности человеческого общества в государстве, социалисты забыли, что они должны были оставаться преимущественно на позициях критики, противопоставления; они позволили действительности поглотить себя, а не подчинили ее себе.

Марксистам-коммунистам должна быть присуща та психология, которую можно назвать «майэвтической»¹. Их действия — не безвольное движение по течению событий, определяемому законами буржуазной конкуренции, а критика с точки зрения ожидаемых перспектив развития. История представляет собой постоянное становление и потому в основном не поддается предвидению. Но это не значит, что «все» не поддается предвидению, то есть что в истории господствуют произвол и бессмысленный каприз. История есть одновременно свобода и необходимость. Институты, в развитии и деятельности которых воплощается история, возникли и сохраняются, так как у них есть задачи, подлежащие осуществлению. Сложились и получили широкое развитие определенные объективные условия производства материальных благ и духовной деятельности людей. Если эти объективные условия — которые в силу своей материальной природы могут быть определены чуть ли не математически — изменяются, изменяется и совокупность отношений, регулирующих и определяющих направление развития человеческого общества, изменяется степень сознательности людей, преобразуется социальное устройство, традиционные институты хиреют, становятся непригодными для выполнения стоящих перед ними задач, оказываются мешающими и вредными. Если бы в ходе истории человеческий ум оказался неспособен уловить ритм, установить сущность процесса, то развитие цивилизации было бы невозможным. Политический гений узнается именно по этой способности охватить возможно большее количество конкретных признаков, необходимых и достаточных для установления сущности процесса, то есть по способности предвидеть ближайшее и отдаленное будущее и с помощью этого предвидения наметить основное направление деятельности государства и взять на себя ответственность за судьбы народа. В этом отношении Карл Маркс намного превзошел самых великих современных политических деятелей.

Социалисты принимали как должное (и часто с раб-

¹ Майэвтика (*греч.*) — дословно: родовспомогательное искусство. Этим термином Сократ характеризовал свой метод исследования и обучения — метод бесед (диалогов), в которых истина рождалась или разяснялась в процессе утверждений и возражений, посредством наводящих вопросов.— *Прим. ред.*

ской покорностью) ту историческую действительность, которая явилась продуктом капиталистической инициативы. Они впадали в психологическую ошибку либеральных экономистов: верили в вечность институтов буржуазно-демократического государства, в то, что в основном эти институты совершенны. По их мнению, форма этих демократических институтов может быть исправлена, кое в чем улучшена, но в основном должна оставаться неизменной. Примером этой ограниченности и тщеславия является безапелляционное изречение Филиппо Турати, согласно которому парламент по сравнению с Советами — то же, что город по сравнению с варварской ордой.

В противовес этой ложной концепции исторического развития, давней практике компромисса и тактике «парламентского кретинизма» родилась современная формула «завоевания государства».

На основе опыта революции в России, Венгрии и Германии мы убедились в том, что социалистическое государство не может воплотиться в институты государства капиталистического, ибо социалистическое государство — явление совершенно новое если не в истории пролетариата, то, во всяком случае, по отношению к вышеуказанным институтам. Институты капиталистического государства созданы в целях свободной конкуренции: недостаточно произвести «смену лиц», чтобы направить в иную сторону деятельность этих институтов. Социалистическое государство — это еще не коммунизм, то есть еще не установление практики и порядка, основанных на экономической солидарности, — это государство переходного типа; задачей его является уничтожение конкуренции путем отмены частной собственности, классов, национальных рамок экономики. Эта задача не может быть осуществлена парламентской демократией. Формула «завоевание государства» должна быть понята следующим образом: создание государства нового типа на основе коллективного опыта пролетариата и замена им парламентарно-демократического государства.

Здесь мы должны возвратиться к исходному пункту. Мы сказали, что институты, созданные социалистическим и пролетарским движением в период, предшествующий настоящему, развивались не изолированно, а в непосредственной зависимости от общего состояния общества, управляемого высшими законами капитализма. Война ко-

ренным образом изменила стратегические условия классовой борьбы. Капиталисты перестали быть всемогущими; их свобода ограничена, их безраздельная власть уничтожена. Концентрация капитала достигла максимальной степени, произошла монополизация средств производства и обмена во всемирном масштабе. Сопутствующая ей концентрация рабочих масс дала революционному пролетариату невиданную мощь.

Старые институты рабочего движения оказываются недостаточно эффективными в условиях столь бурной революционной деятельности. Самая их форма стала непригодной для руководства силами, включившимися в сознательный исторический процесс. Но они не отжили свой век. Возникнув как продукт свободной конкуренции, они должны продолжать свое существование до тех пор, пока не будут уничтожены последние остатки конкуренции, пока не будут полностью упразднены классы и партии, — до слияния национальных пролетарских диктатур в Коммунистическом Интернационале. Но рядом с ними должны возникнуть и развиваться институты нового типа, государственного типа, которые придут на смену частным и общественным институтам парламентарно-демократического государства. Эти институты должны заменить капиталиста в выполнении административных функций и осуществлении власти над производством, обеспечить автономию производителя на предприятии; они должны быть в состоянии выполнять все функции, присущие сложной системе отношений производства и обмена, которые связывают отдельные цехи предприятия в элементарную, первичную экономическую единицу, объединяют различные отрасли сельского хозяйства и образуют как путем сочленения, так и путем соподчинения стройную систему национальной и интернациональной экономики, освобожденную от сковывающей ее паразитической тирании частных собственников.

Никогда еще революционный подъем и энтузиазм западноевропейского пролетариата не были так сильны. Но нам кажется, что ясному и четкому сознанию цели не сопутствует столь же ясное и четкое сознание того, какие средства пригодны в данное время для достижения этой цели. В массах уже укоренилось убеждение в том, что пролетарское государство должно воплощаться в системе

Советов рабочих, крестьян и солдат, однако еще не выработана тактическая концепция, которая объективно обеспечила бы создание этого государства. Необходимо поэтому теперь же создать сеть пролетарских институтов, которые уже прочно вошли в сознание широких масс, институтов, которые всегда могли бы рассчитывать на дисциплину и преданность широких масс, которые дали бы классу рабочих и крестьян, сплотившемуся воедино, форму организации, полную динамизма и богатую возможностями дальнейшего развития. Ясно, что если бы массовое движение приняло революционный характер теперь, при данной степени организации пролетариата, то результатом этого было бы лишь некоторое формальное улучшение деятельности демократического государства, скажем, были бы расширены права палаты депутатов (через учредительное собрание) или допущены к власти антикоммунистически настроенные путаники-социалисты. Германский и австрийский опыт должен кое-чему научить. Силы демократического государства и класса капиталистов еще огромны. Не секрет, что капитализм держится главным образом благодаря деятельности состоящих у него на службе предателей и лакеев, а люди такой породы отнюдь еще не перевелись.

Пролетарское государство не может быть создано по мановению волшебной палочки, это процесс, требующий времени, подготовительной работы — как приведения в систему существующих институтов, так и пропаганды. Нужно сильнее развить уже существующие пролетарские институты на фабриках и заводах, дать им больше прав, создать подобные же институты в деревне, добиться, чтобы люди, в них входящие, были коммунистами, сознающими революционные задачи, стоящие перед этими институтами. В противном случае никакой энтузиазм, никакая преданность рабочих масс делу революции не смогут помешать развитию событий в таком направлении, что революция сведется к созданию нового жалкого парламента обманщиков, пустозвонов и безответственных людей; в этом случае понадобились бы новые, еще более чудовищные жертвы, чтобы обеспечить утверждение государства пролетариев.

(Без подписи; «Ордине нуово», 12 июля 1919 года, № 9.)

ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

В последний момент уклонились от участия в состоявшейся 20—21 июля пролетарской манифестации солидарности с Советскими республиками России и Венгрии руководители французской Всеобщей конфедерации труда и руководители профсоюза итальянских железнодорожников. Мы должны поставить и попытаться разрешить следующую проблему: каким образом оказалось возможным, что руководители организованного пролетариата Франции и итальянских железнодорожников, ответственные перед массами за выполнение добровольно принятого на себя обязательства, совершили такой позорный акт предательства. Вины ли в этом лишь отдельные лица? Можно ли полагать, что с устранением с руководящих постов определенных лиц подобные факты не повторятся? Или есть налицо реальные, объективные условия, благоприятствующие предательству и вероломству, делающие возможными проявления их, условия, которые и в дальнейшем могут благоприятствовать таким фактам и делать их возможными?

Рассматриваемая в таком аспекте, эта проблема становится важнейшей проблемой пролетарской революции.

Советское государство создавалось в России медленно (с марта по ноябрь 1917 года) как ответ промышленных рабочих и беднейших крестьян, как ответ массы простого народа на появление той социальной структуры, которая была порождена всеобщим избирательным правом и бюрократическим карьеризмом. Насущная, жизненно необходимая для пролетариата потребность в этом зародилась во время войны и привела к созданию эмпирическим путем элементарных органов самоуправления. Демократический режим Керенского позволил коммунистам-большевикам повсеместно развернуть систематическую пропаганду, при помощи которой рабочие и крестьяне мало-помалу приобрели отчетливое и ясное понимание важности новых институтов. Последние развивались, приобретали новые и все более важные административные функции и, наконец, сделавшись конституционными органами пролетарского государства, установили суверенитет труда в области производства и распределения материальных благ и во всех внутренних и внешних отношениях государства.

Что касается стран Западной Европы, то во Франции такой процесс развития социалистического и пролетарского движения даже не начинался, в Италии он едва начался, в Англии же в этом направлении сделаны уже некоторые шаги. В этих странах организации пролетариата построены еще в основном по типу парламентарному или бюрократическому, а не по типу советскому. Революционное брожение уже сказывается сильно, но революционные выступления не принимают форм, пригодных для достижения цели. Добрая воля людей может привести (как это было с забастовкой 20—21 июля итальянских рабочих и крестьян, входящих в социалистическую партию и Всеобщую конфедерацию труда) к определенным революционным выступлениям, но злая воля может расколоть энтузиазм и сорвать революцию. Сохранение подобного фактического положения вещей не может не привести к жертвам, не может не породить беспорядка.

Присоединение к Коммунистическому Интернационалу имеет совершенно иное значение, чем то, какое имело присоединение к I и II Интернационалам. Вступить в Коммунистический Интернационал — значит поддержать принцип государства Советов и безоговорочно отказаться от буржуазно-демократической идеологии также и внутри нынешней системы организации социалистического и рабочего движения. Коммунистический Интернационал уже сейчас является осязаемой действительностью, непосредственно связанной с существованием Советских республик в России и Венгрии. Существование двух пролетарских государств дает определенное направление борьбе рабочих и крестьян Западной Европы: нужно помещать буржуазным государствам задушить Советские республики. Поэтому необходимо действовать непосредственно в сфере капиталистического производства, контролировать его, приостанавливать производственную деятельность там, где она направлена против России и Венгрии.

Задача такого рода не может быть выполнена социалистической партией и профессиональными союзами. Она может систематически осуществляться только самими рабочими и крестьянами на фабриках и заводах, на железнодорожных станциях, на рудниках, в портах, на кораблях, на сельскохозяйственных предприятиях. Чтобы выполнить эту работу, необходимо расширить компетенцию пролетарских организаций, возникших во время войны,

привести их в определенную систему как в национальном, так и в международном масштабе, необходимо создать Антигосударство.

Следовательно, примкнуть к Коммунистическому Интернационалу — значит согласовать деятельность своих организаций с деятельностью пролетарских государств России и Венгрии. Коммунистический Интернационал — это не бюрократическая канцелярия лидеров масс, а историческое сознание масс, воплощенное в широчайшем и многообразном движении всего международного пролетариата. Поэтому Интернационал должен представлять собой сеть пролетарских институтов, которые сами должны создать сложную, четко оформленную, разветвленную и стройную систему руководящих органов, полностью отвечающую требованиям той классовой борьбы, которая развивается сейчас в национальном и в международном масштабе. Эти институты должны быть однородны между собой в разных странах Западной Европы и однородны с государственными органами коммунистических республик России и Венгрии.

Во время войны против кайзеровской Германии государства Антанты создали сугубо централизованную реакционную коалицию, центром экономической деятельности которой был Лондон, а центром пропагандистской демагогической деятельности — Париж. Колоссальный аппарат, созданный тогда, существует и поныне. Он укреплен, усовершенствован и является действенным орудием английской гегемонии во всем мире. В результате того, что кайзеровская Германия потерпела поражение, а социал-демократический «рейх» был включен в мировую экономико-политическую систему, контролируемую англосаксонским капитализмом, капитализм достиг единства и обратил все свои силы на уничтожение коммунистических республик.

Этому сложному и компактному капиталистическому объединению необходимо противопоставить столь же компактную организацию международного пролетариата, заинтересованного в том, чтобы не допустить разгрома России и Венгрии. В руках могучей капиталистической коалиции наиболее сильным оружием, направленным против двух пролетарских государств, является экономическая блокада с целью удушения их голодом. Народы России и Венгрии находятся в тех же условиях, что и бастующая

рабочая масса, по отношению к которой капиталисты применяют локаут, когда хотят вынудить ее сдаться на милость победителя. Но в данном случае солидарность с «локаутированными» не может проявляться в тех формах, в каких она обычно проявляется при аналогичных условиях повседневной классовой борьбы. Это должна быть солидарность революционная, она должна найти свое выражение в постоянном контроле над производством и обменом. Она должна быть направлена на ограничение (а затем и ликвидацию) власти капиталиста над средствами производства и обмена, на запрещение производства и экспорта определенных товаров, на запрещение вывоза оружия и боеприпасов, хранящихся на складах после перемирия; она должна быть направлена на то, чтобы заставить возобновить торговлю с Россией и Венгрией. Вся эта деятельность должна вестись повседневно и систематически рабочими и крестьянами стран Антанты через посредство надлежащих органов, которыми не могут быть ни социалистические партии, ни профессиональные союзы.

Эти партии и союзы продолжают свою воспитательную работу и работу по координации разнообразных видов деятельности пролетариата, но сейчас их уже недостаточно для того, чтобы организовать все движение во всех его видах и руководить им. Их вступление в Коммунистический Интернационал не имело бы никакого исторического смысла, если бы не означало присоединения к Интернационалу всей пролетарской массы, осознавшей свою миссию — миссию пролетариата как единого целого — и организованной таким образом, чтобы быть в состоянии ее выполнить. Непосредственная задача коммунистической фракции Итальянской социалистической партии должна быть такова: содействовать развитию существующих на фабриках и заводах пролетарских институтов или их возникновению там, где их еще нет; координировать их деятельность в местном и общегосударственном масштабе; устанавливать связи с подобными организациями в Англии и Франции и добиться того, чтобы снизу, из самой гущи индустриальной жизни, из первоначальных источников капиталистической прибыли, для защиты и увеличения которой созданы все органы парламентарно-демократического государства, забили ключом коммунистические силы, которые вне зависимости от доброй или злой воли лидеров сначала защитят Советские респуб-

лики, а затем, когда возрастет их сознательность и революционная мощь, создадут Интернационал коммунистических республик.

(Без подписи; «Ордине нуово», 26 июля 1919 года, № 11.)

РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ

Во время войны и для нужд войны итальянское государство взяло на себя функции регулирования производства и распределения материальных благ. Сложилась новая форма — промышленный и торговый *трест*, форма концентрации средств производства и обмена, произошло уравнивание условий эксплуатации пролетарских и полупролетарских масс, повлекшее за собой их революционные действия. Нельзя понять сущность настоящего периода, если не принять во внимание этих явлений и порожденных ими психологических последствий.

В странах капиталистически еще отсталых, как Россия, Италия, Франция и Испания, существует резкое различие между городом и деревней, между рабочими и крестьянами. В сельском хозяйстве сохранились чисто феодальные экономические отношения и соответствующая им психология. Идея современного либерально-капиталистического государства здесь еще широко не известна, экономические и политические институты рассматриваются не как исторические категории — которые имели начало, прошли стадию своего развития и могут исчезнуть после того, как они создадут условия для более высоких форм общественного сосуществования людей, — а как категории естественные, вечные, неизменные. И на самом деле, крупная земельная собственность осталась вне свободной конкуренции, и современное государство заботливо хранило ее феодальную сущность, изобретая юридические нормы (вроде фидеикомисса), которые фактически сохраняют права и привилегии, характерные для феодального режима. Поэтому психология крестьянина осталась такой же, какой она была у крепостного, который при определенных обстоятельствах яростно восстает против «господ», но не способен считать себя членом коллектива (то есть нации — в понимании собственников, класса — в понимании пролетариев) и предпринять систематические и постоянные действия, направленные на изменение экономических и политических условий общественного сосуществования.

Психология крестьянина при таких условиях не поддавалась определению, действительные его чувства оставались сложными, смутными, замаскированными выработавшейся для защиты от эксплуатации системой поведения, чисто эгоистического, лишенного логической последовательности; важными элементами такого поведения были скрытность и притворное угодничество. Классовая борьба переплеталась с бандитизмом, вымогательством, с поджогами леса, угоном скота, похищением детей и женщин, нападениями на муниципалитеты — это была форма примитивного террора, не влекшего за собой долговечных и серьезных последствий. Таким образом, объективно психология крестьянина сводилась к нескольким примитивным чувствам, зависящим от социальных условий, которые были порождены парламентарно-демократическим государством: крестьянин был всецело во власти помещиков, их наемников и продажных правительственных чиновников; главная его забота заключалась в том, чтобы оградить свою жизнь от стихийных бедствий, от злоупотреблений и жестоких насилий со стороны земельных собственников и правительственных чиновников. Крестьянин всегда жил вне сферы действия закона, не имел юридического лица, не считался за человека. Он оставался анархическим элементом, представлял собой как бы мельчайшую частицу хаотического беспорядка. Его удерживало только одно: страх перед карабином и дьяволом. Он не знал, что такое организация, что такое государство, дисциплина. Терпеливый и упорный в своем повседневном труде, в своем стремлении отвоевать у природы хотя бы скудную долю ее плодов, способный на неслыханные жертвы ради семьи, он проявлял нетерпение и дикую жестокость в классовой борьбе, не был способен наметить себе конечную цель и упорно добиваться ее достижения путем систематической борьбы.

Четыре года, проведенные в окопах, неисчислимые кровавые жертвы коренным образом изменили психологию крестьянина. Эта перемена с особой силой выявилась в России и послужила одной из основных причин революции. То, чего не смог сделать нормальный процесс промышленного развития, сделала война. Война вынудила страны с менее развитым капитализмом и, значит, менее оснащенные техническими средствами мобилизовать всех годных для службы мужчин, чтобы противопоставить

огромное количество пушечного мяса военной мощи центральных империй. Для России война означала установление контакта между людьми, разбросанными по обширнейшей территории, означала непрерывно продолжавшуюся в течение многих лет концентрацию людей, непосредственно подвергавшихся лишениям и опасности быть убитыми, подчиненных одинаковой для всех и одинаково свирепой дисциплине. Психологический эффект столь долгого периода коллективной жизни в подобных условиях был огромен и богат непредвиденными последствиями.

Индивидуальные эгоистические инстинкты ослабли, возникли общая психология, общие чувства; крестьяне приобрели навыки социальной дисциплины и стали воспринимать государство во всей его многогранной грандиозности, безграничной мощи, во всей сложности его системы. Они стали воспринимать мир не как нечто безгранично огромное, вроде вселенной, и не как нечто узкоограниченное, мелкое, нечто вроде деревенской колокольни, а как совокупность конкретных государств и народов, сильных и слабых сторон социальной жизни, армий и машин, богатства и бедности. Были установлены связи солидарности, которые иначе могли бы завязаться только после многих десятков лет накопления исторического опыта, многих десятков лет борьбы. За четыре года в грязи и крови возник в окопах новый духовный мир, жаждущий найти свое выражение в социальных, постоянно совершенствующихся организациях и институтах.

Так возникли на русском фронте Советы солдатских депутатов, так крестьяне-солдаты смогли принять активное участие в жизни Советов Петрограда, Москвы и других промышленных центров России, приобрели сознание необходимости единства трудящихся; так случилось, что по мере того, как русская армия демобилизовывалась и солдаты возвращались в родные места, вся территория Российской империи, от Вислы до Тихого океана, покрывалась густой сетью местных Советов — этих первичных органов, на основе которых происходит переустройство русского государства. На этой новой психологии основывается коммунистическая пропаганда, распространяющаяся из промышленных городов, и создается новая социальная система, свободно выбранная и проверенная опытом революционной коллективной жизни.

Исторические условия жизни Италии мало отличались и отличаются от русских. Проблема объединения класса рабочих и крестьян стоит одинаково и там и тут. Оно произойдет в условиях социалистического государства на основе новой психологии, выработанной во время общей окопной жизни рабочих и крестьян.

Методы ведения итальянского сельского хозяйства должны быть коренным образом изменены, чтобы оно могло выйти из кризиса, вызванного войной. Сокращение поголовья скота требует применения машин, быстрого перехода к промышленным методам ведения хозяйства, создания крупных сельскохозяйственных предприятий, имеющих возможность применять высокопроизводительные технические средства. Но такое преобразование не может произойти на основе частной собственности, не вызвав катастрофы, — оно может быть произведено лишь в социалистическом государстве, в интересах крестьян и рабочих, объединенных в коммунистические производственные единицы. Внедрение машин в производство всегда вызывало глубокие кризисы безработицы, которые изживались медленно лишь вследствие возрастания спроса на труд. В настоящее время условия на рынке труда подверглись решительному изменению. Безработица в сельском хозяйстве стала неразрешимой проблемой ввиду фактической невозможности эмиграции. Индустриализация же сельского хозяйства может произойти только с согласия беднейших крестьян, в условиях диктатуры пролетариата, воплощенной в Советах промышленных рабочих и беднейших крестьян.

Заводские рабочие и беднейшие крестьяне — таковы движущие силы пролетарской революции. Именно для них коммунизм представляет первостепенную необходимость, ибо его победа означает для них жизнь и свободу, а сохранение частной собственности — постоянную опасность быть раздавленными, потерять все, вплоть до жизни. Они представляют собой крепкую, как скала, несокрушимую силу, они воплощают в себе не ослабевающий революционный энтузиазм, железную решимость не довольствоваться компромиссами, неумолимо добиваться полной победы, не падая духом при временных и частичных неудачах, не слишком обольщаясь легкими успехами. Они — становой хребет революции, железные батальоны наступающей пролетарской армии, которая неудержимым натиском

сметает все преграды на своем пути или разрушает их постепенно, настойчивой осадой, в которой участвуют бесчисленные людские массы, готовые на самоотверженные усилия и на безграничные жертвы. Коммунизм — это их цивилизация, историческая система, при которой они приобретут подлинную индивидуальность и достоинство, подлинную культуру и сами станут творцами прогресса и красоты.

Всякая революционная работа может рассчитывать на успех только в том случае, если она основана на требованиях, определяемых условиями жизни масс, уровнем их культуры. Лидеры пролетарского и социалистического движения должны понять это. Они должны также понять, сколь необходимо эту несокрушимую силу революции облечь в форму, соответствующую психологии масс.

В условиях довоенной отсталой капиталистической экономики было невозможно возникновение и развитие массовых крестьянских организаций, в которых труженики полей воспитывались бы в духе классовой борьбы и постоянной дисциплины, необходимой для переустройства государства после крушения капитализма.

Духовное обогащение масс, происшедшее в военные годы, и полезный для коммунистического движения опыт, накопленный за четыре года кровопролитной войны, проведенных солдатами бок о бок в грязных окопах, окажутся напрасными, если не удастся включить всех индивидуумов в органы новой коллективной жизни, в деятельности которых смогут быть закреплены завоевания, развит и обогащен опыт и сознательно направлен на достижение конкретной исторической цели. Организованные таким образом крестьяне станут элементом порядка и прогресса. Предоставленные же самим себе, не имея возможности развить систематическую и организованную деятельность, они превратятся в беспорядочную разъяренную толпу, доведенную неслыханными, все более и более ужасными страданиями до крайнего ожесточения.

Для коммунистической революции прежде всего нужны организация и дисциплина. При данных объективных условиях итальянской жизни главными центрами революции будут промышленные города с их компактными, однородными массами фабрично-заводских рабочих. Поэтому необходимо обратить главное внимание на ту новую

жизнь, которую новые формы классовой борьбы порождают на фабриках и заводах, непосредственно в сфере промышленного производства. Но сил одних фабрично-заводских рабочих недостаточно, чтобы революция смогла утвердиться прочно и повсеместно. Необходимо сплотить воедино город с деревней, создать в деревне организации беднейших крестьян, на которые социалистическое государство могло бы опереться при своем возникновении и развитии и при посредстве которых оно могло бы наладить внедрение машин и обеспечить грандиозный процесс преобразования сельского хозяйства. В Италии это дело менее трудное, чем думают. За время войны на городские предприятия пришли огромные массы деревенского населения. Коммунистическая пропаганда среди них очень скоро стала приносить свои плоды. Эти массы должны служить связующим звеном между городом и деревней, должны быть использованы для ведения повседневной пропаганды, которая рассеяла бы недоверие и обиды крестьян. Этим пришедшим на заводы людей следует использовать, с тем чтобы, опираясь на их знание крестьянской психологии и на доверие, которое питает к ним деревня, начать работу по созданию и укреплению новых институтов, при помощи которых будут вовлечены в коммунистическое движение широкие массы работников полей.

(Без подписи; «Ордине нуово», 2 августа 1919 года, № 12)

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Основные тезисы Коммунистического Интернационала можно вкратце изложить следующим образом:

1. Мировая война 1914—1918 годов представляет собой тот грозный момент в развитии современной истории, который Маркс охарактеризовал словами: катастрофа капиталистического мира.

2. Только рабочий класс может удержать человечество от падения в пучину варварства и экономического развала, в которую толкает его отчаявшийся и обезумевший класс собственников. Рабочие смогут сделать это, лишь организовавшись в господствующий класс для установления своей диктатуры в политике и промышленности.

3. Пролетарская революция навязана рабочему клас-

су, а не добровольно им избрана. Война привела к крайнему истощению экономических ресурсов, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей всего общества и отдельных его членов, она привела к концентрации в руках небольшой кучки людей международных средств производства и обмена, к колониальному порабощению всех стран мира англосаксонским капитализмом, к концентрации в национальных рамках политических сил класса собственников. Каков же выход из этого положения? Это — либо завоевание социальной власти рабочим классом при помощи свойственных ему методов и средств, необходимое для того, чтобы остановить процесс разложения цивилизованного мира и заложить основы нового порядка, при котором общество могло бы возобновить свою полезную деятельность и совершить энергичный и быстрый спасительный скачок к новым, более совершенным формам производства и коллективной жизни; либо смерть от голода и истощения большей части трудящихся; либо постоянное истребление населения — до тех пор, пока не будет установлено надлежащее соотношение между размерами производства, управляемого капиталистическими методами, и массой потребителей.

Примкнуть к Коммунистическому Интернационалу — значит быть убежденным в необходимости установить пролетарскую диктатуру, то есть в необходимости придать пролетарскому движению форму и направление, наиболее подходящие для того, чтобы пролетарская политическая система явилась нормальным и необходимым этапом классовой борьбы, ведущейся рабочими и крестьянскими массами. Это означает также, что «деятельность и сила пролетариата» в отличие от того, что гласит программа Итальянской социалистической партии, принятая в 1892 году на съезде в Генуе, будет развиваться в следующих двух направлениях:

1. Организация рабочих и крестьян по производственному принципу (фабрика, сельскохозяйственное предприятие, деревня, город, область, государство) с целью обучения масс самоуправлению как в области экономической, так и в области политической.

2. Развертывание коммунистами постоянной и систематической пропаганды с целью быстрого завоевания эти-

ми пролетарскими организациями руководящей роли и превращения их путем объединения и централизации в государство нового типа (государство Советов рабочих и крестьян), в котором после упразднения буржуазной экономико-политической системы воплотится диктатура пролетариата.

Эти важнейшие новые положения, которые следует включить в программу 1892 года, являются итогом конкретного опыта трудящихся России, Австрии, Венгрии и Германии, накопленного ими при попытках осуществить революционные преобразования. Нужно считать, что эти положения надо рассматривать как неизбежное следствие развития мирового промышленного капиталистического производства, ибо английские и американские рабочие стали претворять их в жизнь не в результате воздействия общих политических обстоятельств (таких, как военное поражение и т. п.), а в силу нормального развития классовой борьбы в своих странах, странах высокоразвитого капитализма.

Конкретный революционный опыт международного рабочего движения можно резюмировать в следующих положениях:

1. Диктатура пролетариата, которая должна создать коммунистическое общество, уничтожив классы и непримиримые противоречия капиталистического строя, является моментом наиболее интенсивной деятельности организации класса трудящихся — рабочих и крестьян.

2. Теперешняя система организации рабочего класса — объединение по профессиям (профсоюзы), по отраслям промышленности (федерации профсоюзов), по территориальному признаку (палаты труда и Всеобщая конфедерация труда), система, возникшая с целью упорядочить конкуренцию на рынке труда, — непригодна из-за этой своей по существу «конкурентной» природы для коммунистического управления производством и не может стать воплощением диктатуры пролетариата. Объединение по профессиональному признаку было действенным орудием, используемым для защиты интересов трудящихся, так как позволяло ограничить всевластие и произвол капиталистов, заставить их признать права угнетенных там, где

дело касается продолжительности рабочего дня и заработной платы. Оно будет выполнять эти свои задачи и во время диктатуры пролетариата и в коммунистическом обществе, действуя в качестве организации, занимающейся вопросами технического характера, улаживающей столкновения интересов различных категорий трудящихся и устанавливающей в национальном и международном масштабе единые средние ставки коммунистического вознаграждения за труд.

3. Организацией трудящихся, осуществляющей общественную коммунистическую власть и воплощающей пролетарскую диктатуру, может быть только система Советов, избранных по месту работы, координированных и соподчиненных в полном соответствии с процессом промышленного и сельскохозяйственного производства, координированных и соподчиненных в местном и государственном масштабе таким образом, чтобы обеспечить единство трудящихся, несмотря на обусловленное разделением труда существование различных категорий их.

Подобный принцип объединения применяется и теперь в палатах труда и во Всеобщей конфедерации труда, но в рамках этих организаций не достигается действительное единство масс, ибо дело сводится лишь к нерегулярной и бессистемной связи их с центральными органами и руководящими лицами. На предприятиях же эта связь будет эффективной и постоянной, так как будет непосредственно обусловлена гармонической и всеобъемлющей системой производственного процесса, так как будет основана на творческой активности производителей, сближающей их стремления, интересы и чувства.

4. Только при помощи организации такого типа можно помочь производственным единицам осознать свою способность вести производство и осуществлять суверенную власть (суверенитет должен быть функцией производства), обходясь без капиталиста и никому не передоверяя политической власти; помочь производителям осознать то обстоятельство, что их организованный коллектив в общем процессе производства материальных благ и, значит, в процессе созидания истории может заменить собственника или его наемников.

5. Производственные единицы должны соединиться в высшие организации, связанные между собой по принципу общности местных интересов или по отраслям про-

мышленности в пределах провинции, области, государства, составляя систему Советов. Замена индивидуальных собственников производственными коллективами, связанными между собой густой сетью взаимоотношений, в основе которых будет лежать забота о защите прав и интересов, возникающих в процессе труда, приведет к уничтожению конкуренции и фальшивой свободы, заложит основы организации коммунистической свободы и цивилизации.

6. Тесно объединенные в производственные коллективы трудящиеся автоматически и неизбежно должны будут предъявить свои права на власть, сообразуясь с принципами и законами, внутренне присущими отношениям производства и обмена. Психология среднего пролетария очень скоро станет свободной от всех наслоений мифического, утопического, религиозного и мелкобуржуазного порядка; она быстро и прочно преобразуется в коммунистическую психологию, станет постоянным источником революционного энтузиазма, упорной борьбы за железную дисциплину в труде и сопротивления явным и скрытым пережиткам прошлого.

7. Коммунистическая партия не может иметь соперников в мире труда. На современном этапе классовой борьбы процветают псевдореволюционные партии: христианские социалисты (имеющие легкий успех среди крестьянских масс), «истинные» социалисты (бывшие фронтовики, выходцы из мелкой буржуазии, все беспокойные души, жаждущие нового, каково бы оно ни было), «свободные» индивидуалисты (шумливые группки, которыми движут неудовлетворенное тщеславие, сумасбродные и путанные стремления). Эти партии завладели улицей и набивают себе цену на избирательных торгах своей пустой и бессвязной болтовней, фантастическими и безответственными обещаниями, они играют на самых низменных инстинктах народа, на слепом эгоизме людей. Эти партии не будут иметь никакого успеха у трудящихся, когда последние получат возможность выражать свою волю не среди шума и беспорядка парламентской ярмарки, а в рабочем коллективе, среди машин, рабами которых они являются сейчас и господами которых станут завтра.

8. Революция — это не чудотворный акт, а диалектический процесс исторического развития. Каждый Совет промышленных или сельских рабочих, возникающий в рам-

ках какой-либо производственной единицы, является исходным пунктом этого развития, шагом по пути к коммунизму. Способствовать возникновению рабочих и крестьянских Советов, росту их числа, устанавливать между ними связь и органическое соподчинение вплоть до образования единой национальной системы Советов на всеобщем съезде, развивать интенсивную пропаганду за завоевание в них большинства — таковы задачи, стоящие сейчас перед коммунистами. Бурный расцвет новых органов власти по инициативе широких масс трудящихся приведет к жестокому столкновению двух классов, к установлению пролетарской диктатуры. Если в лоне самой производственной жизни не будут заложены основы революционного процесса, революция останется бесплодным призывом к действию, туманным мифом, обманчивым миражем, и хаос, развал, безработица, голод поглотят и уничтожат лучшие и наиболее мощные пролетарские силы.

(Без подписи; «Ордине нуово», 13 сентября 1919 года, № 18.)

ЦЕХОВЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ЗАВОДОВ «ФИАТ-ЦЕНТР» И «БРЕВЕТТИ»

Товарищи!

Новая форма, которую приняла на вашем предприятии внутренняя фабрично-заводская комиссия с избранием цеховых уполномоченных, и дискуссия, предшествовавшая и сопутствовавшая этому нововведению, не остались незамеченными как среди туринских рабочих, так и среди предпринимателей. С одной стороны, рабочие других предприятий города и провинции собираются последовать вашему примеру, а с другой — предприниматели и их прямые агенты, управляющие крупных промышленных предприятий, наблюдают за этим движением со все возрастающим интересом и спрашивают себя и вас, какова цель, к которой оно направлено, какую программу собираются осуществить туринские рабочие.

Мы знаем, что возникновению этого движения немало содействовала наша газета. В ней этот вопрос рассмотрен не только с общетеоретической точки зрения; в ней собраны и изложены результаты опыта других стран, чтобы дать материал для изучения практических результатов

этого опыта. Однако мы знаем, что наша деятельность имела значение именно потому, что она отвечала определенной потребности, содействовала выявлению стремления, которое жило в сознании трудящихся масс. Поэтому мы так быстро пришли к взаимопониманию, поэтому так уверенно смогли перейти от стадии обсуждения к стадии практической деятельности.

Эта потребность, это стремление, явившиеся побудительными мотивами начатого вами движения за обновление рабочей организации, кроются, по нашему мнению, в самой сущности вещей, являются прямым следствием того развития, которого достиг социальный и экономический организм, основанный на частной собственности на средства производства и обмена. В данное время заводской рабочий и крестьянин, английский горняк и русский «мужик» — все трудящиеся земного шара более или менее отчетливо угадывают, более или менее непосредственно сознают следующую истину, которую ученые предвидели уже давно и в справедливости которой люди все более твердо убеждаются, когда наблюдают события современного периода истории человечества: настало время, когда рабочий класс — если он желает выполнить задачу общественного переустройства, которого требуют и объективные обстоятельства и которое соответствует его стремлениям, — должен энергично приступить к созданию организации, полностью отвечающей стоящим перед ним целям.

И коль скоро новое общество будет основано на труде, на координации деятельности производителей, мест, где они работают, где они живут и сообща действуют, завтра станут центрами общественной жизни, которыми сегодня являются административные центры современного общества. Если в первый период борьбы рабочих организации по профессиональному признаку лучше всего отвечала целям защиты интересов трудящихся, необходимости борьбы за улучшение их экономического положения и повышения их организованности, то теперь, когда все яснее начинают вырисовываться и принимать все более ясные очертания в умах рабочих задачи общественного переустройства, необходимо, чтобы наряду с этой системой организации и для ее поддержки началась организация рабочих по производственному принципу, по фабрикам и заводам, которая явилась бы настоящей школой,

готовящей рабочих к выполнению задач переустройства общества.

Рабочая масса должна практически подготовиться к тому, чтобы стать полным хозяином своей судьбы, и первым шагом на этом пути должно быть создание на предприятии самой дисциплинированной организации, самостоятельной и свободной. Такая новая система организации, несомненно, приведет к улучшению производства, а это и будет не чем иным, как осуществлением одного из положений научного социализма: чем решительнее человеческие производительные силы порывают с тем рабским состоянием, в котором капитализм хотел бы их всегда держать, приобретают самосознание, освобождаются и свободно организуются, тем значительно улучшается способ их использования,— свободный человек работает всегда лучше, чем раб. Тем, кто, возражая нам, говорит, что таким путем мы станем сотрудничать с нашими противниками, с хозяевами предприятий, мы отвечаем, что, наоборот, это является единственным средством заставить их конкретно почувствовать приближение конца их господства, так как рабочий класс при этом хорошо понимает, что он вполне может *обойтись собственными силами*; более того, изо дня в день он приобретает все большую уверенность в том, что только он способен спасти мир от гибели, от опустошения. Поэтому всякое действие, какое вы предпримете, всякая битва, какая будет вестись под вашим руководством, будет освещена светом вдохновляющей вас конечной цели.

Огромнейшее значение приобретут поэтому даже те по видимости незначительные действия, в которых найдет свое выражение полученный вами наказ. Избранные рабочими, среди которых есть еще много неорганизованных, вы, разумеется, с самого начала постараетесь вовлечь их в ряды организации. Дело это будет не столь уж трудным потому, что они найдут в вас тех, кто всегда будет готов защищать их, руководить ими, правильно ориентировать их во всех вопросах жизни их предприятия. Вы наглядно покажете им, что вся сила рабочего состоит в единении, в солидарности с товарищами.

Точно так же на вас ложится обязанность следить за тем, чтобы в цехах не нарушались условия труда, установленные профсоюзными организациями и включенные в коллективные договоры, так как в этой области даже

незначительное отклонение от установленных правил может повести к серьезному ущемлению прав, личных интересов, достоинства рабочих, которые вы должны упорно и непреклонно защищать. И так как вы постоянно находитесь на работе и среди рабочих, вы будете в состоянии определять, какие изменения необходимо внести в правила внутреннего распорядка в зависимости от технического усовершенствования производства и от развития сознательности и роста квалификации самих рабочих. Таким образом, будет создаваться заводской *обычай* — зародыш подлинного трудового законодательства, то есть тех законов, которые производители выработают и установят для самих себя. Мы уверены, что вы полностью отдадите себе отчет в важности этого факта и что он очевиден для всех рабочих, которые сразу и с энтузиазмом оценили важность и значение той работы, которой вы намерены заняться. Так начинается вмешательство самих сил труда в область техники и организации трудового процесса.

В области технической вы сможете, с одной стороны, выполнить полезнейшую информационную работу, собирая данные и сведения, нужные для профессиональных организаций и для руководящих центров новых фабрично-заводских организаций, а с другой — вы сможете принять меры к тому, чтобы рабочие вашего цеха все больше повышали свое мастерство и избавились от недостойного чувства профессиональной зависти, благодаря которому в их среде еще нередки рознь и раздоры. Так вы подготовите их для того момента, когда они, работая для себя, а не для хозяина, должны будут стать едиными и сплоченными, чтобы увеличить мощь великой пролетарской армии, первыми отрядами которой они являются. Почему бы вам не создать на самой фабрике учебные цеха, настоящие профессиональные школы, где рабочие, освободившись от оупляющего, изнурительного труда, смогли бы обогащать свои знания в области процессов производства, заниматься самосовершенствованием.

Конечно, чтобы добиться всего этого, необходимы организованность и дисциплина, но дисциплина, которую вы потребуете от рабочей массы, будет весьма отлична от той, которую навязывал ей хозяин, опираясь на право частной собственности, обеспечивавшей ему привилегированное положение. Вашу силу составит другое право,

право труда, который целые века служил средством обогащения эксплуататоров, а теперь стремится к возрождению, к самоуправлению. Ваша власть, противоположная власти хозяев и их доверенных, будет представлять перед лицом сил прошлого свободные силы будущего, которые ожидают своего часа и готовят его, зная, что он будет часом избавления от всякого рабства.

Центральные органы, которые будут созданы для каждой группы цехов, для каждой группы предприятий, для каждого города, для каждой области, вплоть до верховного национального Совета рабочих, будут продолжать, расширять и углублять дело контроля, подготовки и организации всего рабочего класса с целью завоевания власти и управления государством.

Мы знаем, путь этот долог и труден. Возникнет много препятствий, велико будет противодействие; чтобы преодолеть их, потребуется большое умение, а иной раз, может быть, придется прибегнуть и к силе организованного класса; надо, чтобы вас всегда вдохновляла и вела вперед великая вера, но более всего необходимо, товарищи, чтобы рабочие под вашим руководством и под руководством тех, кто за вами последует, приобрели твердую уверенность, что движутся они к правильной цели, по великой дороге будущего.

(Подписано: *Ордине нуово*; «Ордине нуово», 13 сентября 1919 года, № 18.)

ПРОФСОЮЗЫ И СОВЕТЫ

Пролетарская организация, которая представляет всю массу рабочих и крестьян и как таковая находит свое собирательное выражение в руководящих органах Всеобщей конфедерации труда, переживает кризис, по своему характеру сходный с таким кризисом, с каким не может справиться демократическое государство. Кризис этот является кризисом исполнительной власти и суверенитета. Разрешение одного будет разрешением и другого, так как, разрешая вопрос о власти внутри своей классовой организации, рабочие неизбежно подойдут к созданию основ своего государства и, противопоставив его государству парламентарному, добьются в конечном счете победы.

Рабочие чувствуют, что «их» организация превратилась постепенно в столь огромный и громоздкий аппарат, что в конце концов стала повиноваться своим собственным законам, присущим ее внутренней структуре и ее сложным функциям, но чуждым массе, осознавшей свою историческую миссию революционного класса. Они чувствуют, что их стремление к власти не может быть ясно и четко выражено профсоюзными руководящими органами при их нынешней структуре. Они чувствуют, что даже в собственном доме, который они строили с таким упорством и настойчивостью, ценою крови и слез, машина подавляет человека, бюрократизм вытравливает творческий дух и банальное, бессодержательное дилетантство не может скрыть отсутствия конкретного представления о потребностях промышленного производства и даже самого элементарного понимания психологии пролетарских масс. Такое положение возмущает рабочих, но каждый из них в одиночку бессиле его изменить. Слова и стремления отдельных лиц — слишком незначительная вещь по сравнению с железными законами, на основании которых действует профсоюзный аппарат.

Лидеры организации не замечают этого глубокого и широко распространившегося кризиса. Чем более отчетливо выявляется, что рабочий класс не располагает организациями, соответствующими его подлинной исторической сущности, организациями, которые беспрестанно применялись бы к законам, управляющим внутренним процессом исторического развития самого рабочего класса, тем более эти лидеры упорствуют в своем ослеплении и стараются изо всех сил улаживать расхождения и конфликты «в законном порядке». Проникнутые исключительно бюрократическим духом, они полагают, что объективные условия, определяющие сознание людей, психология которых формируется под влиянием живого фабрично-заводского опыта, могут быть изменены аффектированными речами и резолюциями, единогласно принятыми на собраниях, участники которых доводятся до отупения бесконечной ораторской трескотней. Теперь эти лидеры пытаются «идти в ногу со временем» и, желая доказать, что они даже способны «ставить вопросы со всей резкостью», перелицовывают старые обноски синдикалистских теорий,

упорно настаивая на идентичности Совета с профсоюзом, неизменно утверждая, что нынешняя профсоюзная организация уже теперь представляет собой костяк коммунистического общества, систему, в которой должна воплотиться диктатура пролетариата.

Профсоюз, в той форме, в какой он существует в настоящее время в странах Западной Европы, представляет собой организацию, которая не только существенно отличается от Советов, но в значительной мере отличается и от профсоюзов в той их форме, которая все определеннее складывается в русской коммунистической республике.

Профессиональные союзы, палаты труда, отраслевые федерации, Всеобщая конфедерация труда — это пролетарские организации, характерные для периода господства капитала. В известном смысле можно утверждать, что они являются составной частью капиталистического общества и что выполняемая ими функция неотделима от строя, основанного на частной собственности. В период, когда личность ценится лишь в том случае, если она является собственником товара и торгует своей собственностью, рабочие также вынуждены были подчиняться железным законам всеобщей необходимости и сделались продавцами своей единственной собственности — рабочей силы и профессионального умения. Более подверженные риску конкуренции, рабочие объединили свою собственность в «фирмы», которые с каждым днем растут и приобретают все больший опыт, создали огромный аппарат, концентрирующий рабочую силу, установили цену и продолжительность рабочего дня, дисциплинировали рынок. Они пригласили извне или выдвинули из своей среды доверенных администраторов, опытных в делах такого рода, способных контролировать рынок, умеющих заключать договоры, оценивать коммерческую обстановку, предпринимать экономически выгодные действия. Природа профсоюза в основном конкурентная, а не коммунистическая. Профсоюз не может быть орудием радикальной перестройки общества. Он может дать пролетариату опытных бюрократов, технических экспертов в промышленных вопросах общего порядка, но он не может стать основой пролетарской власти, он не может способствовать отбору пролетарских деятелей, способных и достойных руководить обществом, не может служить основой для создания таких орга-

нов, которые явились бы олицетворением свободного развития, непрерывного прогресса, свойственного коммунистическому обществу.

Диктатура пролетариата может найти свое воплощение в такой организации, которая строилась бы на основе подлинной активности производителей, а не наемных рабочих — рабов капитала. Фабрично-заводской Совет — первичная ячейка этой организации. Так как в Совете представлены все отрасли труда пропорционально роли каждой профессии, каждой отрасли труда в выработке продуктов, производимых данным предприятием для общества, то этот орган носит классовый, общественный характер. Смысл его существования заключается в трудовой деятельности, в промышленном производстве, то есть в некоем постоянном факторе, а не в заработной плате, не в разделении на классы, то есть не в преходящих явлениях, которые как раз должны быть изжиты.

Поэтому фабрично-заводской Совет осуществляет единство трудящихся, дает массам единство и форму того же самого характера, что и единство и форма, принимаемые массой в общей организации общества.

Фабрично-заводской Совет — прообраз пролетарского государства. Все проблемы, стоящие перед пролетарским государством, стоят и перед Советом. И здесь и там понятие «гражданин» отмирает, ему на смену приходит понятие «товарищ». Совместный труд с целью производить хорошо и с пользой развивает солидарность, усиливает чувство товарищества и братства. Каждый является необходимым, каждый находится на своем месте, и у каждого есть свое место и своя функция. Даже самый невежественный и самый отсталый рабочий, даже наиболее тщеславный и наиболее «высокообразованный» инженер придет к усвоению этой истины на опыте фабрично-заводской организации. Все в конце концов приобретут коммунистическое сознание, которое поможет понять, какой огромный шаг вперед представляет коммунистическая экономика по сравнению с экономикой капиталистической. Совет есть орган, наиболее пригодный для взаимного воспитания и развития нового общественного сознания, которое пролетариат сумел извлечь из конкретного и плодотворного опыта коллективного труда. Солидарность рабочих, которая в профсоюзе развивалась в борьбе против капитализма — борьбе, полной страданий и жертв, — в Совете имеет по-

зитивный и постоянный характер. Она находит свое проявление даже в самых малозначительных сторонах промышленного производства и заключается в радостном сознании трудящихся, что они составляют одно целое, однородную систему, что, работая на общую пользу, бескорыстно производя общественное богатство, они утверждают свой суверенитет, осуществляют свою власть, пользуются своей свободой, свободой людей, творящих историю.

Существование организации, в которую класс трудящихся входит как однородная масса — как класс производителей—и которая обеспечивает возможность свободного и независимого формирования руководящих органов и достойных, способных деятелей, найдет глубокое и существенное отражение в организационных «идейных принципах», определяющих деятельность профсоюзов.

Фабрично-заводской Совет основывается также на профессии. В каждом цехе рабочие распределяются по бригадам, и каждая бригада есть производственная единица (профессиональная ячейка); Совет составляется из уполномоченных, которых рабочие избирают именно по профессиям (бригадам) в каждом цехе. Но профсоюз основывается на обособленности профессии, а Совет — на органическом и конкретном единстве профессии, которое выковывается в дисциплинирующем процессе производства. Бригада (профессиональная ячейка) чувствует себя отдельной частью однородного класса, но в то же самое время осознает, что она является элементом системы дисциплины и порядка, которая благодаря исключительно точному своему функционированию делает возможным развитие производства. С точки зрения экономической и политической профессиональная ячейка есть совершенно неотделимая часть класса, но она выделяется из него с точки зрения технической, с точки зрения развития ее специфических орудий труда. Точно таким же образом во всех отраслях промышленности существует однородное и единое стремление к усовершенствованию производства, распределения и социального накопления богатства, но каждая отрасль производства имеет свои особые интересы в том, что касается технической организации ее специфической деятельности.

Существование Совета возлагает на рабочих прямую ответственность за производство, ведет к улучшению ра-

боты, устанавливает сознательную и добровольную дисциплину, вырабатывает психологию производителя, творца истории. Это новое сознание рабочие приносят в профсоюз, и от простых задач классовой борьбы профсоюз переходит к решению основной задачи — придать новую форму экономической деятельности и технике труда, выработать такую форму экономической жизни и профессиональной техники, которая присуща коммунистическому обществу. В этом смысле профсоюзы, в которые входят лучшие и наиболее сознательные рабочие, выполняют высшую задачу классовой борьбы и диктатуры пролетариата: они создают условия, при которых классы не могут больше ни существовать, ни возрождаться.

Это делают производственные профсоюзы в России. Они стали организациями, в которых отдельные предприятия одной и той же отрасли промышленности объединяются в одно целое, тесно связываются между собой, образуя крупные промышленные единицы. Конкуренции с ее напрасной тратой сил кладется предел, громоздкий аппарат управления, снабжения, распределения и накопления централизуется. Различные системы труда, секреты производства, новые методы производства сразу становятся достоянием всей промышленности. Множество административно-управленческих функций, присущих режиму частной собственности и частных предприятий, резко сокращено и сведено лишь к тем функциям, сохранение которых вызывается нуждами производства. Так, например, применение новых принципов профсоюзной деятельности в русской текстильной промышленности привело к сокращению управленческого аппарата с 100 000 служащих до 3500.

Организация рабочих по фабрикам и заводам обеспечивает объединение всего класса в однородное, единое целое; эта организация наиболее полно соответствует процессу промышленного производства и управляет им, стремясь окончательно подчинить его себе. Следовательно, в организации трудящихся по производственному принципу воплощается диктатура пролетариата, коммунистическое государство, которое уничтожает классовое господство в политических надстройках и вообще во всех своих звеньях.

Профессиональные и производственные союзы — прочный костяк великого пролетарского организма. Они соби-

рают индивидуальный и местный опыт и накапливают его, осуществляя то национальное выравнивание условий труда и производства, на котором именно и зиждется коммунистическое равенство.

Но чтобы было возможно придать профсоюзам этот позитивный классовый и коммунистический характер, необходимо, чтобы рабочие направили всю свою волю и весь свой энтузиазм на укрепление и распространение Советов, на органическое объединение рабочего класса. На этой однородной и прочной основе расцветут и разовьются и все остальные стороны коммунистической диктатуры и экономики ¹.

(Без подписи; «Ордине нуово», 11 октября 1919 года, № 21.)

ПРОФСОЮЗЫ И ДИКТАТУРА

Классовая борьба на международной арене увенчалась победой рабочих и крестьян пока в двух странах. В России и в Венгрии рабочие и крестьяне установили диктатуру пролетариата, и как в России, так и в Венгрии диктатуре пришлось выдержать жестокую борьбу не только против класса буржуазии, но и против профсоюзов. Конфликт между диктатурой и профсоюзами в Венгрии был даже одной из причин падения Венгерской Советской республики ², так как хотя профсоюзы никогда не делали открытых попыток свергнуть диктатуру, они постоянно действовали как пораженцы революции, беспрестанно сеяли настроения уныния и пытались породить трусость среди рабочих и красноармейцев. Рассмотрение, хотя бы и беглое, причин и условий этого конфликта не может не быть полезным для революционного воспитания масс,

¹ Эта статья была вновь напечатана в № 120 ежедневного «Ордине нуово» 1 мая 1921 года за подписью Антонио Грамши под заглавием «Тактика фабрично-заводских Советов» с добавлением некоторых отрывков из статьи «Фабрично-заводской Совет», опубликованной в «Ордине нуово» 5 июня 1920 года (см. стр. 165—171 настоящего тома).

² Венгерская Советская республика, образованная в момент поражения Австро-Венгерской империи, в начале ноября 1918 года, пала в начале августа 1919 года, и Будапешт был занят румынскими войсками. См. в этом томе статью «Советская власть в Венгрии», стр. 344—346.

которые должны знать, что профсоюзы являются, быть может, самой важной для коммунистической революции пролетарской организацией, ибо именно на их деятельности должно основываться обобществление промышленности, ибо именно они должны создать условия, при которых исчезнет и не сможет возродиться частное предпринимательство; но массы должны знать и то, что необходимо создать еще до революции психологические и объективные условия, при которых были бы невозможны какой-либо конфликт и какое-либо раздвоение власти между различными организациями, в которых воплощается классовая пролетарская борьба с капитализмом.

Во всех странах Европы и всего мира классовая борьба приняла сугубо революционный характер. Концепция III Интернационала, согласно которой целью классовой борьбы должно быть установление диктатуры пролетариата, одержала верх над буржуазно-демократической идеологией и все более овладевает сознанием масс. Социалистические партии присоединяются к III Интернационалу или по крайней мере занимают позиции, соответствующие основным принципам, выработанным на конгрессе III Интернационала в Москве. Профсоюзы же остались верны «истинной демократии» и не упускают случая побудить или заставить рабочих объявить себя противниками диктатуры и не принимать участия в манифестациях солидарности с Советской Россией. Эта политика профсоюзов была быстро преодолена в России, так как развитие профессиональных и производственных союзов сопровождалось там все ускоряющимся развитием фабрично-заводских Советов. В Венгрии же она подточила основу пролетарской власти, в Германии привела к массовому уничтожению коммунистов и породила такое чудовище, как Носке, во Франции привела к провалу всеобщей забастовки 20—21 июля и упрочению режима Клемансо, в Англии и до сих пор препятствует всякому прямому участию рабочих в политической борьбе и грозит глубоким и опасным расколом сил пролетариата всех стран.

Социалистические партии приобретают все более и более революционный и интернационалистический характер, профсоюзы же все упорнее проявляют склонность к теории (!) и тактике реформистского оппортунизма и превращаются в узконациональные организации. Создается

нетерпимое положение, порождающее постоянный разброд и хроническую слабость рабочего класса, вследствие чего еще более нарушается равновесие в обществе в целом, усиливаются моральное разложение и одичание.

Профсоюзы организовывали рабочих в соответствии с принципами классовой борьбы и сами явились первоначальными естественными формами этой борьбы. Их организаторы всегда говорили, что только классовая борьба может привести пролетариат к освобождению и что целью профсоюзной организации является именно уничтожение частной прибыли и эксплуатации человека человеком, так как профсоюзы ставят своей задачей отстранить капиталиста (частного собственника) от процесса производства и ликвидировать классы. Но профсоюзы не могли осуществить эту задачу немедленно и потому все свои усилия направили на реализацию ближайшей цели — улучшение условий жизни рабочих, добиваясь повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, введения социального законодательства. Выступления сменялись выступлениями, забастовки — забастовками, и условия жизни рабочих сравнительно улучшились. Но все эти результаты, все эти победы профсоюзов были достигнуты при сохранении старых основ: принцип частной собственности остался неизменным и прочным, порядок капиталистического производства, эксплуатация человека человеком остаются неизменными и даже обогащаются новыми формами. Восьмичасовой рабочий день, увеличение заработной платы, блага социального законодательства не затрагивают капиталистической прибыли. Нарушения равновесия, отклонения от установившейся нормы прибыли, обусловленные профсоюзной деятельностью, сглаживаются, и устанавливается новое равновесие: в странах, господствующих на мировом рынке, вроде Англии и Германии, — при помощи свободной конкуренции, а в таких странах, как Франция и Италия, экономика которых ограничена более узкими пределами, — при помощи протекционизма. Это означает, что капитализм перелагает на аморфные массы метрополий и на массы колониального населения бремя возросших общих расходов промышленного производства.

Следовательно, профсоюзы, действуя в своей области, своими средствами, не в состоянии ликвидировать капиталистическое общество, они не могут руководить пролета-

риатом в его борьбе за освобождение, подвести его к достижению той великой всеобщей цели, которую он поставил перед собой с самого начала.

Согласно синдикалистской доктрине, профсоюзы должны были бы готовить рабочих к управлению производством. Согласно этой теории, отраслевые производственные профсоюзы, являющиеся полным отражением какой-либо определенной отрасли производства, создадут кадры, способные руководить этой отраслью; в ходе выполнения руководящей профсоюзной работы выявляются лучшие, наиболее энергично занимающиеся самообразованием, самые развитые рабочие, способные овладеть сложным механизмом производства и обмена. Так, профсоюзные руководители рабочих кожевенной промышленности лучше других подойдут для руководства этой отраслью промышленности. Точно так же обстоит дело с промышленностью металлургической, полиграфической и т. д.

Чистейшая иллюзия! Разве профсоюзных лидеров когда-нибудь назначали, исходя из критерия компетентности в вопросах промышленности? Как правило, решающую роль играли знания и навыки сугубо юридического, бюрократического и демагогического порядка. И чем сильнее разрастались профсоюзы, чем чаще они участвовали в классовой борьбе, чем более обширной и глубокой была их деятельность, тем более необходимым считалось сведение роли их руководящих кадров к функциям чисто административным и бухгалтерским, тем меньшее значение стали придавать техническим, производственным способностям по сравнению со способностями бюрократическими и коммерческими. Таким образом, создалась самая настоящая каста профсоюзных чиновников и журналистов с психологией, совершенно противоположной психологии рабочих. В конце концов эта каста стала занимать по отношению к рабочей массе совершенно такую же позицию, какую занимает правительственная бюрократия по отношению к парламентскому государству, то есть превратилась в бюрократию, которая царствует и управляет.

Пролетарская диктатура стремится к уничтожению капиталистического способа производства, к уничтожению частной собственности, ибо только таким способом может быть уничтожена эксплуатация человека человеком. Диктатура пролетариата добивается ликвидации классовых

различий и классовой борьбы, ибо только таким путем может быть достигнуто полное освобождение трудящихся. Чтобы добиться этой цели, коммунистическая партия учит рабочий класс создавать органы своей классовой власти и использовать эти органы для вооруженного подавления класса буржуазии, для создания условий, при которых эксплуататорский класс будет уничтожен и не сможет возродиться. Поэтому задача коммунистической партии при диктатуре состоит в следующем: организовать прочно и окончательно рабочих и крестьян в господствующий класс, следить, чтобы все органы нового государства действовали в подлинно революционном духе, ликвидировать старые права и взаимоотношения, основанные на принципе частной собственности. Но эта деятельность по разрушению старого и по установлению пролетарского контроля должна одновременно сопровождаться позитивной созидательной и производственной работой. Если эта работа не удастся, то ни к чему и политическая сила — диктатура не сможет удержаться. Никакое общество не может существовать без производства, и тем более та диктатура, которая, утверждаясь в условиях экономической разрухи, вызванной пятилетней отчаянной войной и длившимся многие месяцы вооруженным буржуазным террором, особенно нуждается в интенсивно функционирующем производстве.

Следовательно, перед производственными профсоюзами открывается обширное поле для плодотворной деятельности. Именно они должны проводить обобществление производства, должны внедрять новый порядок производства, при котором стимулом предпринимательства должно быть не стремление собственника к наживе, а совместная заинтересованность всего общества, которое перестает быть отвлеченным понятием и применительно к каждой отрасли промышленности конкретизируется в соответственном рабочем профсоюзе.

В Венгерской Советской республике профсоюзы воздерживались от всякой созидательной работы. В области политической профсоюзные чиновники постоянно вставляли палки в колеса диктатуры, составляя государство в государстве; в области экономической они оставались инертными: не раз приходилось обобществлять фабрики против воли профсоюзов, хотя обобществление должно было бы быть прежде всего делом профсоюзов. Но вен-

герские профсоюзные лидеры были людьми духовно ограниченными, с бюрократическими реформистскими взглядами; они постоянно опасались потерять свое влияние на рабочих. Ввиду того, что характер функций, которые профсоюзы выполняли до установления диктатуры, определялся господством класса буржуазии, и ввиду того, что профсоюзные чиновники не были специалистами в области техники производства, они утверждали, что рабочий класс еще не созрел для непосредственного управления производством. Они поддерживали «подлинную» демократию, то есть сохранение за буржуазией ее основных позиций как собственного класса. Они хотели увековечить эру трудовых соглашений, коллективных договоров, социального законодательства, чтобы иметь возможность проявить в полной мере свою компетентность. Они считали, что следует... дожидаться международной революции, но не были в состоянии понять, что именно проявлением международной революции были в Венгрии — венгерская революция, в России — русская, во всей Европе — всеобщие забастовки, восстания в войсках, что причиной всего этого были невыносимые жизненные условия трудящихся, созданные войной.

Один из наиболее влиятельных венгерских профсоюзных лидеров на последнем заседании Будапештского Совета следующим образом изложил точку зрения пораженцев: «Когда венгерский пролетариат взял в свои руки власть и провозгласил Советскую республику, он основывал свои надежды на трех фактах: 1) на взрыве мировой революции, который должен произойти в ближайшем будущем; 2) на помощи русской Красной Армии; 3) на готовности венгерского пролетариата идти на жертвы. Но мировая революция пока еще не разразилась, Красная Армия не смогла дойти до Венгрии, а готовность венгерского пролетариата идти на жертвы была не большей, чем у пролетариата Западной Европы. В данный исторический момент венгерское советское правительство уходит в отставку, чтобы дать стране возможность вступить в переговоры с Антантой, уходит, чтобы венгерский пролетариат не проливал больше свою кровь, чтобы спасти и сохранить его в интересах мировой революции, ибо *придет время*, когда *все же* пробьет великий час мировой социалистической революции».

В последнем номере коммунистической «Vörös Ujság»

[«Вереш Уйшаг»] (от 2 августа) положение, созданное для венгерского пролетариата его традиционными организациями, было охарактеризовано следующим образом:

«Знает ли венгерский пролетариат, что его ожидает, если он немедленно не истребит убийц, которые находятся в его доме? Знает ли пролетариат Будапешта, какая судьба его ждет, если он не найдет в себе сил выбросить банду грабителей, проникших в пролетарское государство? Белый террор и румынский террор объединят свои силы, чтобы установить господство над венгерским пролетариатом, плетя «смягчит» пытки голода, производительному труду будут «содействовать» разграбление и разрушение наших заводов.

«Аристократия» рабочего класса, *все те*, кто за время пролетарской диктатуры *хотя бы один раз* обратился с речью к рабочим, должны будут отчитаться в своих действиях перед румынскими штыками и пулеметами. В Венгрии будет установлена «истинная» демократия: для всех тех, кто мог бы что-нибудь возразить, будет введено равенство... в могильном покое, а другие будут пользоваться равными правами... под плетью румынских бояр. Спор между партией и профсоюзами прекратится, ибо в течение долгого времени в Венгрии не будет ни партии, ни профсоюзов; прекратится спор о том, должна ли диктатура прибегать к силе или к мягкой политике, ибо буржуазия и бояре к этому времени уже изберут *своей* диктатуры; сотни виселиц возвестят о том, что спор закончился в пользу буржуазии вследствие слабости пролетариата».

(Без подписи; «Ордине нуово», 25 октября 1919 года, № 23.).

СИНДИКАЛИЗМ И СОВЕТЫ

Являемся ли мы синдикалистами? Не является ли начавшееся в Турине движение цеховых уполномоченных еще одним местным проявлением синдикализма? Не является ли это движение лишь порывом ветра, предвещающим приближение синдикалистского циклона «отечественного типа»? Не является ли и оно лишь смесью демагогии, напыщенного псевдореволюционного фразерства, недисциплинированности, безответственности и мании-

кального беснования немногих ограниченных индивидуумов с узким кругозором и широкой глоткой, которым до сей поры подчас удавалось сбивать с толку массы, — той смесью, что останется в анналах итальянского рабочего движения под названием «итальянского синдикализма»?

В конкретной практике пролетарских революций синдикалистская теория потерпела полное крушение. Профсоюзы доказали свою органическую неспособность служить воплощением диктатуры пролетариата. Обычно развитие профсоюза сопровождается ослаблением революционности масс: по мере роста материального благосостояния ослабевает или вовсе исчезает боевой дух, слабеет жизненный порыв, героическую непримиримость сменяет оппортунистическая практика, практика «хлеба с маслом». Количественный рост вызывает качественное объединение и склонность приспособляться к социальным формам, свойственным капитализму, способствует возникновению у рабочих мелочной психологии, крохоборческой психологии мелкого и среднего буржуа. А ведь привлечение в свои ряды «всей» массы, всех трудящихся промышленности и сельского хозяйства является первейшей задачей профсоюза. Поэтому данный фактор оказывается непригодным для достижения цели, а так как средство есть фактор, необходимый для достижения поставленной цели, следует сделать вывод, что синдикализм не является средством осуществления революции, не способствует развитию пролетарской революции, не является воплощением осуществляющейся революции; синдикализм не революционен, революционный синдикализм возможен лишь как грамматическое сочетание двух этих терминов.

Профсоюз оказался только одной из форм общественной жизни, присущих капитализму, а не потенциальной формой изживания капитализма. Он организует рабочих не как производителей, а как наемную рабочую силу, как продукт капиталистического строя, основанного на частной собственности, как продавцов такого товара, как рабочая сила. Профсоюз объединяет рабочих, пользующихся одинаковыми орудиями труда или обрабатывающих одинаковый материал, иными словами, объединяет их в соответствии с теми особенностями, которые придает им капиталистический режим, режим экономического

индивидуализма. Пользование именно данным орудием труда, а не каким-либо другим, обработка именно данного материала, а не какого-либо другого требует проявления тех или иных способностей и навыков, отличающихся друг от друга как с точки зрения затрачиваемых усилий, так и размерами оплаты. Рабочий приобретает определенную квалификацию и определенные навыки, рассматривая их не как какой-то элемент производства, а лишь как средство для получения заработной платы.

Профессиональный союз, — объединяя рабочего с его товарищами по данной профессии или данной отрасли промышленности, то есть с теми, кто в работе применяет такие же орудия труда или обрабатывает такой же материал, что и он, — содействует укреплению этой психологии, все более и более мешает ему понять свою роль производителя материальных ценностей и приучает его рассматривать себя в качестве «товара» на национальном и международном рынке, где в условиях свободной конкуренции устанавливается его цена, его стоимость.

Рабочий может смотреть на себя как на производителя только в том случае, если он рассматривает себя как неразрывную часть всей системы труда, воплощающегося в произведенном продукте, только в том случае, если он осознает единство производственного процесса, требующего тесного сотрудничества чернорабочего, квалифицированного рабочего, служащего, инженера, главного инженера предприятия. Рабочий может смотреть на себя как на производителя лишь тогда, когда, психологически включившись в производственный процесс определенного завода (например, одного из автомобильных заводов в Турине) и осознав свою роль необходимого, обязательного элемента общественного комплекса, производящего автомобили, он поднимется на еще более высокую ступень и охватит взором всю картину деятельности туринской промышленности, производящей автомобили; когда Турин предстанет перед ним как единое производственное целое, где главную роль играет производство автомобилей; когда он поймет, что значительная часть трудовой деятельности туринских рабочих имеет место и усиливается только потому, что существует и развивается автомобильная промышленность; когда вследствие этого он поймет, что и рабочие, занятые этими многочисленными видами деятельности, также должны быть отнесены к числу про-

изводителей автомобильной промышленности, поскольку они создают необходимые и достаточные условия для существования этой отрасли производства.

Отправляясь от этой первичной клетки, от своего предприятия, рассматриваемого в качестве производственной единицы, создающей определенный продукт, рабочий доходит в своем сознании до представления о единстве все более крупных производственных комплексов, вплоть до государства, представляющего собой единый гигантский производственный аппарат, характерным элементом которого является экспорт — обмен определенной суммы материальных ценностей на эквивалентную сумму ценностей, стекающихся со всех концов света, — из множества других гигантских производственных аппаратов, на которые делится мир. И только после этого рабочий становится производителем, ибо он осознал свою роль в производственном процессе на всех его ступенях — от отдельной фабрики до государства в целом, до всего земного шара, только тогда он осознает себя членом класса и становится коммунистом, так как частная собственность отнюдь не является неотъемлемым элементом производственного процесса; только тогда он становится революционером, так как рассматривает капиталиста, частного собственника, как мертвое тело, как помеху, которую надо устранить. Только тогда у него создается понятие о «государстве», о сложной системе организации общества, о конкретной форме общества, ибо она есть не что иное, как форма гигантского производственного аппарата, отражающего со всеми его отношениями, связями и новыми высшими функциями (возникновения которых требуют его гигантские размеры) жизнь завода, — аппарата, представляющего собой внутренне взаимосвязанный, гармоничный комплекс условий, необходимых для существования и развития данной отрасли промышленности, данного завода, а также самого производителя.

Туринское движение цеховых уполномоченных является отрицанием как итальянской практики псевдореволюционного синдикализма, так и практики синдикализма реформистского; оно является двойным отрицанием, ибо реформистский синдикализм представляет собой преодоление псевдореволюционного синдикализма. В самом деле, если профсоюз может дать рабочим только «хлеб с маслом», если профсоюз при буржуазном строе может обеспе-

чить только устойчивый уровень заработной платы и может устранить только некоторые из наиболее опасных в физическом или моральном отношении угроз для рабочего, то очевидно, что этих результатов скорее можно добиться путем реформистской практики, чем путем псевдореволюционным. Тот, кто требует от какого-либо орудия больше, чем оно может дать, кто уверяет, что это орудие может дать больше, чем позволяет его природа, тот делает одни только глупости, занимается чистейшей демагогией. Итальянские псевдореволюционные синдикалисты часто спорят, не следует ли сделать профсоюз (например, союз железнодорожников) замкнутой организацией, включающей только «революционеров», смелое меньшинство, увлекающее за собой равнодушную и безразлично настроенную массу, иными словами, они отвергают элементарный принцип синдикализма — принцип вовлечения в профсоюзы всей массы трудящихся. Дело в том, что в глубине души они чувствуют бесплодность своей пропаганды, неспособность профсоюза помочь рабочему в выработке революционного сознания, они никогда не ставили перед собой ясно и отчетливо проблемы пролетарской революции, ибо, хотя они и считают себя последователями теории «производителей», у них никогда не было сознания производителей; это — демагоги, а не революционеры, они будоражат массы громкими речами, а не воспитывают их, не формируют их сознание.

Но разве движение цеховых уполномоченных возникло только для того, чтобы поставить Борги на место Буоцци или Д'Арагона? ¹ Движение уполномоченных — отрицание всякого рода индивидуализма и преклонения перед личностью. Это движение — начало великого исторического процесса, в ходе которого трудящаяся масса начинает сознавать свое нерушимое единство, основанное на производстве, на конкретном труде. Оно придает органическую форму этому сознанию, формируя свое собственное руководство, выдвигает кадры руководителей из своей собственной среды, в силу чего их деятельность является как бы осознанным стремлением масс к достижению стоящей перед ними вполне определенной цели, выражением великого неотвратимого исторического процесса, который, не-

¹ Борги, Буоцци и Д'Арагона — итальянские профсоюзные лидеры того времени.— *Прим. ред.*

смотря на ошибки отдельных лиц, несмотря на возможные кризисы, вызванные национальными и интернациональными условиями, неизбежно приведет к пролетарской диктатуре, к Коммунистическому Интернационалу.

В синдикалистской теории никогда не содержалась подобная концепция производителя и процесса исторического развития общества производителей. Эта теория никогда не утверждала, что организации трудящихся следовало придать именно такой характер, именно такое направление. Синдикалисты строили свою теорию, признавая лишь одну специфическую форму организации — объединение трудящихся данной профессии или данной отрасли промышленности; верно, они строили ее, исходя из действительности, но из той действительности, которая была обусловлена капиталистическим режимом свободной конкуренции и частной собственности на рабочую силу. Значит, они создали только утопию, огромный воздушный замок абстракций.

Концепция системы Советов, опирающейся на мощь трудящейся массы, которая организуется по месту работы, по производственным единицам, — эта концепция основывается на историческом опыте русского пролетариата, является результатом теоретических усилий наших товарищей — русских коммунистов, которые отнюдь не синдикалисты, а революционные социалисты.

(Без подписи; «Ордине нуово», 8 ноября 1919 года, № 25.)

ПРОМЫШЛЕННИКИ, РАБОЧИЕ, ПРОИЗВОДСТВО

Теперь больше, чем когда-либо, рабочие убеждены, что только в возрождении промышленного и сельскохозяйственного производства заключается спасение рабочего класса. Производя, рабочие создают свои права, повышая эффективность производственного аппарата, они показывают свою общественную мощь, они доказывают, что только на их классовую организацию должна опираться система управления страной.

Теперь это очевиднее, чем когда-либо, поскольку результаты выборов показали, что без согласия рабочих и крестьян нельзя управлять, показали, что в скором времени, когда отсталые пока слои трудящихся активно вмешаются в процесс развития революции, вся политическая власть неизбежно должна будет попасть в руки рабочих

и крестьян и быть использована для коренного переустройства производственного аппарата на коммунистических началах.

Промышленники саботируют производство. Они больше не являются кастой капиталистических руководителей производственного процесса. Это наглядно показывает забастовка туринских рабочих¹. Она возникла вследствие предвыборных махинаций господина Джино Оливетти. Политиканы-демагоги, стоявшие во главе Лиги промышленников, неожиданно отказали рабочим в праве на забастовку по причинам общеполитического характера, то есть отказали рабочим в праве использовать единственное средство, при помощи которого рабочие могут при демократическом режиме оказывать свое влияние в вопросах общей политики. Капиталисты нанимают журналистов, пропагандистов, продажных писак, чтобы они клеветали на русскую революцию и настраивали общественное мнение в пользу блокады России, убийства миллионов и миллионов женщин и детей, виновных только в том, что они являются матерями, женами и детьми русских рабочих-коммунистов. Таким образом, капиталисты используют свою собственность, содержимое своих сейфов в политических целях; они изымают из производства и нормального распределения общественное богатство и разбазаривают его на оплату «деятельности» людей, не приносящих никакой пользы производству, — специалистов клеветы, военных авантюр, истребления народов. Почему же рабочие не должны пользоваться своей «собственностью», своим богатством — рабочей силой, не должны изымать ее из производственного процесса для оказания давления, с тем чтобы положить конец разбазариванию и уничтожению созданных ими богатств? Именно так поступили рабочие 7 ноября, и они имели право так поступить, ибо это соответствовало духу и букве трудовых соглашений. Одна часть промышленников признала за рабочими это их право. Многие предприниматели бросили в корзину циркуляр господина Кодоньи, прислужника господина Оливетти, в котором их призывали взять за горло рабочих костлявой рукой локаута, угрозой уморить

¹ Туринские рабочие-металлисты бастовали с 17 по 23 ноября, чтобы добиться возвращения штрафа, наложенного на них за то, что в день годовщины русской революции (7 ноября) они прекратили работу.

их голодом. Господин Оливетти хотел победить на выборах, хотел предстать перед «благочестивыми», перед достопочтенной категорией акул и шакалов в качестве грозы «смутьянов и бунтовщиков», в роли архангела Михаила, разящего большевистского дьявола. Другая [часть предпринимателей, привыкших не соблюдать]¹ коллективных договоров, привыкших к легкой наживе (не поставляя вовремя или совсем не поставляя заказов, которые правительство часто оплачивало авансом), аннулировала коллективный договор, чтобы толкнуть рабочих на забастовку до воскресенья, спровоцировать столкновения, запугать избирателей, идущих в воскресенье к урнам, и таким образом обеспечить успех списку «хозяйственных людей», во главе которого стояла фамилия господина Джино Оливетти.

Мошеннический и коварный маневр демагогов-политиканов из Лиги промышленников позорно провалился вследствие дисциплинированного и сознательного поведения революционных рабочих. На выборах победил список партии рабочих и крестьян, партии, желающей добиться максимального увеличения промышленного и сельскохозяйственного производства, однако не любыми средствами, а путем закономерного развития производства, путем отстранения от производства демагогов-капиталистов, политиканов, которые систематически держат свои предприятия в состоянии дезорганизации и развала, так как доход от них они получают не благодаря техническому усовершенствованию производства, а благодаря политическим интригам, финансовым мошенничествам, биржевой игре, политике протекционизма, демагогическим выступлениям своих наемников из среды буржуазных журналистов.

Рабочие хотят покончить с этой дезорганизацией и развалом, с расхищением производительных сил. Национальная экономика приходит в расстройство, курс иностранной валюты повышается, производительность труда падает, всему национальному производственному аппарату, промышленному и сельскохозяйственному, угрожает паралич. Рабочие и крестьяне, поддержанные другими, менее многочисленными категориями (техническим персоналом, ра-

¹ В тексте пропущена строка, которую мы восстановили по смыслу,

ботниками умственного труда и т. д.), провели в парламент сто шестьдесят депутатов-социалистов с целью выразить именно эту свою волю — положить конец разбазариванию и бессовестному расхищению богатств кучкой паразитов, демагогов, паладинов священной частной собственности. Если промышленники не в состоянии более управлять производственным аппаратом и пустить его в ход на полную мощность (а они неспособны это сделать, что и доказывают каждодневно), то для спасения цивилизации от развала и банкротства рабочие, сознавая лежащее на них тяжелое бремя ответственности, возьмут на себя выполнение этой задачи и справятся с делом при помощи своих коммунистических методов, используя для этого свои производственные Советы.

Промышленники хотят, даже рискуя вызвать ужасную катастрофу и гибель страны, запугать рабочих костлявым призраком безработицы и голода. Осторожней на поворотах! Пусть они помнят, что в Советской республике кто не работает, тот не ест, а ведь очень многие из них знают только одну работу — есть.

(Без подписи: «Аванти!», пьемонтское издание, 21 ноября 1919 года, № 322.)

РЕВОЛЮЦИОНЕР И ТЕ, ЧТО «ТОЖЕ ПАХАЛИ»

По мнению одного из представителей тех, что «тоже пахали», — писак из газеты «Стампа» (кстати, кого представляет «Стампа»? На какие прочно организованные силы может рассчитывать «Стампа», чтобы создать правительственный аппарат, который был бы в состоянии осуществить программы, формулируемые на ее обширных полосах? Что это за активные силы итальянской действительности, которые обнаружили бы интерес и желание провести в жизнь эти программы?), — никакая революционная социалистическая деятельность в Италии не только невозможна, но и абсурдна, потому что социалистические силы в Италии складываются и крепнут не в силу «марксистских» экономических закономерностей, а в силу причин чисто идейного, преходящего характера. По мнению этих писак, социалистическая партия, развернув революционную политическую деятельность, будто бы увидела, что избиратели ее покидают, так как экономическая программа социалистической революции (экспроприация экспроприаторов) приходит якобы в столк-

новение с уже совершающейся революцией — аграрной революцией, в результате которой в недалеком будущем почти вся земля Италии станет собственностью тех, кто ее обрабатывает.

Представитель тех, что «тоже пахали», в своей статье исходит из того, что итальянское государство сильно подорвано в результате пятилетней войны, расхищения государственных средств и различного рода безумств, что ему постоянно угрожает атака со стороны националистической реакции и ненасытных нуворишей. Поэтому представитель тех, что «тоже пахали» (эти мелкобуржуазные интеллигенты наивно думают, что они являются подлинными хранителями политических и правовых традиций, и потому, попользовавшись в свое время капиталистической каретой, теперь не прочь пересесть в пролетарский автомобиль), считает необходимым сотрудничество между социалистами, джолиттианцами и «народной партией» для восстановления итальянского государства, нуждающегося в поддержке новых и надежных сил, чтобы не быть низвергнутым в пропасть. Однако этот писак из «Стампа» не подозревает, что таким образом он фактически вынужден признать марксистские и экономические аргументы, объясняющие причины возникновения могучего и широкого фронта социалистических сил.

Итальянское государство подорвано, главная машина капиталистического способа производства и обмена остановлена, больше не функционирует, уже не обеспечивает «законным» владельцам права собственности на их «законное» имущество. В Италии совершается революция (в России подобная революция совершилась в сентябре 1917 года, а в октябре восторжествовала пролетарская революция), крестьяне делят землю, труженики сельского хозяйства закупают своим главным средством производства — землей. Главная машина капиталистического производственного аппарата — государство, центральная власть — развалилась. Кто гарантирует крестьянам владение завоеванным средством производства — землей? Кто помешает другим, менее крупным машинам капиталистического аппарата — банковским трестам, промышленным синдикатам, торговым монополиям — раздавить крестьянина? Кто не допустит, чтобы крестьянин пал замертво на ставшем его собственностью клочке земли, пал вследствие того, что своим трудом он не сможет про-

известить все необходимое для поддержания своей жизни и выплачивать государству бесчисленные налоги, взимаемые на покрытие государственного дефицита? Собственность на средство производства — землю — может быть обеспечена крестьянину только рабочим государством, государством коммунистическим, которое экспроприирует экспроприаторов-капиталистов, поставит на место капиталистических промышленных синдикатов производственные союзы рабочих, заменит объединения банковских акул национальными кредитными учреждениями, а вместо торговых монополий организует сотрудничество между индустрией и сельским хозяйством, между городом и деревней. Только коммунистическое государство сможет совершающуюся аграрную революцию подкрепить гораздо более глубокой и более важной революцией, заключающейся во внедрении и распространении сельскохозяйственных машин, и сможет развить эту революцию дальше, слив воедино интересы рабочих и крестьян, интересы города и деревни.

Если крестьяне не поддержат пролетарскую диктатуру (то есть энергичную деятельность городских рабочих по экспроприации экспроприаторов, по обобществлению фабрик, банков, крупной торговли, по созданию аппарата власти рабочего класса), то они очень недолго будут непосредственно пользоваться землей — тем средством производства, владение которым должна обеспечить им «совершающаяся революция»: крестьяне попадут в лапы капиталистов при приобретении машин, при получении кредита, при продаже продуктов земледелия и снова будут согнаны со «своей» земли. Русская революция основывалась именно на таких социальных отношениях, и с подобными же отношениями были связаны все революции, имевшие место в истории, в том числе и итальянское Рисорджименто.

Итальянское Рисорджименто означало завоевание политической власти городской торговой и промышленной буржуазией и буржуазной интеллигенцией. Рисорджименто дало земельным собственникам церковные владения и уничтожило феодальные путы, мешавшие им приобретать землю, беднейшим же крестьянам оно дало карабинерские пули и ставшие притчей во языцех рассказы о «южном бандитизме». Октябрьская революция дала политическую власть городским рабочим; они гарантировали крестьянам

владение захваченной в августе и сентябре землей, при помощи Красной гвардии подавили реакционное движение помещиков и их подручных, оплачивавшихся Антантой, разрушили чудовищную машину, с помощью которой капитализм жестоко угнетал национальные меньшинства, и через Совет народного хозяйства стали налаживать обмен сельскохозяйственных машин на продовольствие; они стали создавать в деревне образцовые коммуны, коллективные хозяйства, чтобы на опыте показать крестьянам, как можно жить без капиталистов и без тех мелкобуржуазных «мы тоже пахали», которые считают, что они получили божье помазание на монополию политических и юридических знаний.

Будут ли итальянские революционеры-коммунисты подражать русским большевикам? Будут, но только в одном: в классовой непримиримости, в четком, трезвом анализе итальянских событий, которые определяются не только итальянскими, но и международными экономическими отношениями, определяются структурой не только национального аппарата производства и обмена (более или менее совершенного, более или менее развитого), но также и влиянием, которое производственные аппараты других европейских стран и всего мира оказывают на аппарат итальянский. Итальянец-революционер убежден, что именно эти вскрытые марксистами причины обусловили расстановку сил социалистически настроенных избирателей; он убежден также, что эти причины будут энергично действовать и в дальнейшем, будут и дальше разлагать традиционные политические силы и наносить все новые удары по государственному аппарату, по машине экономического империализма, по центральной капиталистической организации при помощи протекционизма, свободной торговли или национализации, передающей частную собственность в руки стоящей у власти буржуазии. Именно поэтому революционеры критически изучают создавшееся положение и производят соответствующую расстановку своих сил с целью подготовки их к созданию пролетарского государства, которое ликвидирует класс эксплуататоров и устранил причины бессмысленного расхищения национальных богатств, причины низкой производительности и беспорядка.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 25 ноября 1919 года, № 326.)

ВНЕ ДИЛЕММЫ

Дилемма, которую «Стампа» ставит перед итальянскими революционерами, доказывает, как плохо ее сотрудник понимает или как плохо делает вид, что понимает итальянскую действительность. Сегодняшняя итальянская действительность — движение подспудных, не поддающихся контролю сил, которое не укладывается уже в рамки традиционных политических партий и не может быть ограничено этими рамками. Пытаться решить проблему итальянской действительности, исходя из борьбы политических партий, верить или притворяться верящим в то, что итальянский народ может вырваться из страшных тисков истории посредством какого-либо парламента, означает сегодня стать жертвой или виновником чистейшего шарлатанства, которое завтра может стать трагическим фарсом, последним и бесповоротным шагом итальянского народа на пути к экономической катастрофе, к подчинению иностранцам итальянских рабочих и крестьян, вынужденных подыхать у станка или на своем клочке земли после ежедневной 12—14-часовой работы ради куска хлеба, брошенного им сенегальцем или папуасом.

Итальянское государство политически атрофировалось, ибо атрофировался аппарат промышленного и сельскохозяйственного производства, который составляет сущность политического государства. Вынужденный во время войны и в целях войны вступить в тесную связь с экономическими аппаратами гораздо более мощными, итальянский экономический аппарат был дезорганизован, выведен из равновесия, потерял жизненный импульс. Этот аппарат приобрел чисто финансовый характер, то есть вступил в фазу разложения и распада; законы диалектики позволяли предвидеть наступление этой фазы как логически и хронологически следующей за фазой наивысшего промышленного развития. Марксист-начетчик становится в тупик перед подобной страшной действительностью, находит что она... антиисторична, находит, что, прежде чем подойти к пролетарской революции, историческое развитие должно пройти все другие ступени прогресса. Такова была позиция русских меньшевиков Дана, Церетели, Чхеидзе, таковы же установки сотрудника газеты «Стампа». Но реальная история не принимает умозрительных схем, она принимает гипотезу о раз-

витии событий только как гипотезу, как указание, которое может сослужить службу при выборе возможно более верного направления практической деятельности. И революционеры наблюдают действительные исторические события, а не борьбу партий, изучают диалектику развития реальных экономических сил, а не благие намерения и треволнения тех, что «тоже пахали».

Никакое правительство, опирающееся на парламент, даже такое, с которым сотрудничают социалисты, не в состоянии заставить капиталистов (предпринимателей, банкиров, спекулянтов, крупных землевладельцев, вышших чиновников) отказаться от присваиваемой ими части произведенной продукции.

Никакое парламентское правительство не может помешать отдельным капиталистам объединяться в промышленные союзы, создавать в области кредита крупные банки и не может помешать этим реальным силам, владеющим средствами производства, останавливать работу с целью взять за горло костлявой рукой голода рабочих и крестьян. Никакое парламентское правительство не может помешать денежным мешкам подкупать правительственных чиновников, военные чины, церковные власти, журналистов, «создавать» удобное им общественное мнение и вызывать к жизни движения против «реформаторского» государства, против государства, «не желающего насильствовать историю». Ни у какого парламентского правительства не хватит сил заставить нормально работать разложившийся и прогнивший производственный аппарат. Уговоры и францисканская проповедь тут не помогут. Чтобы добиться такой цели, необходим террор или создание огромного аппарата бюрократического контроля (так называемая национализация), от чего пострадали бы прежде всего рабочие и крестьяне, так как это потребовало бы дополнительного изъятия средств, и производственная деятельность расстроилась бы еще больше. Сотрудничество классов приводит к развалу, к постоянному беспорядку, к чудовищному хаотическому разгулу неистовых, диких страстей. Именно к такому состоянию привела Россию соглашательская политика меньшевиков и эсеров по отношению к капиталистам. Она не могла помешать капиталистам закрывать фабрики и морить голодом рабочих, не могла помешать помещикам нанимать стражников, чтобы сгонять с земли крестьян-бедняков, не могла поме-

шать генералам-корниловцам попытаться совершать перевороты с целью установления диктатуры золотопогонников.

Чтобы спасти итальянское общество от падения в пропасть, куда его толкают отечественные и международные реакционеры, необходимо создать правительство, основывающее свою власть на прямом контроле над производственным аппаратом, контроле, осуществляемом рабочими и крестьянами, наиболее заинтересованными в восстановлении промышленного и сельскохозяйственного производства. Значит, необходимо создание правительства, которое представляло бы рабочих и крестьян, являлось бы выразителем их и только их жизненных интересов. Необходимо также, чтобы это правительство было создано на базе государственного аппарата, состоящего из рабочих и крестьян (двух наиболее многочисленных категорий трудящихся) в сотрудничестве с менее многочисленными, но не менее необходимыми категориями — инженерно-технической интеллигенцией, служащими управленческого аппарата, работниками умственного труда. Этот государственный аппарат ныне создается, историческая необходимость ускорит процесс его развития. Сорокамиллионный народ не умирает, как отравленный человек. Долг революционеров направить наиболее сознательных рабочих и крестьян на путь конкретного исторического действия, сказать им всю правду без прикрас. Разве рабочие и крестьяне опытнее капиталистов? Разве они владеют магическим секретом устанавливать порядок, увеличивать производительность, экономить государственные средства? Нет, конечно, нет. Но на их стороне численный перевес, они заинтересованы в установлении порядка, поднятии производительности, в еще большей бережливости. Для них это вопрос жизни, а не только большей или меньшей прибыли: для рабочих остановка производства означает массовую смерть на улицах, тогда как для капиталистов — путешествие на Счастливые острова¹. И поскольку итальянский народ стоит именно перед такой дилеммой: жить или умереть, — всякая попытка ставить какую-либо иную дилемму есть не что иное, как шарлатанство, двусмысленная игра хитроумными словечками,

¹ Счастливые острова — вымышленные острова, якобы существующие в Атлантическом океане, являвшиеся в народных легендах олицетворением земного рая. — *Прим. ред.*

столь свойственная политикам, стремящимся к власти ради власти, жаждущим возвратиться к власти, чтобы вести низменную политику в своих личных интересах, политику гнусной и злостной мести.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 29 ноября 1919 года, № 330.)

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ¹

В настоящее время положение класса итальянских эксплуатируемых можно охарактеризовать следующим образом.

В области политической жизни. Рабочие, крестьяне и служащие, составляющие вместе примерно 3¹/₂ миллиона человек, а вместе со своими семьями — около 15 миллионов, представлены в парламенте 156 депутатами-социалистами. В области политической жизни класс итальянских производителей, не обладающих орудиями труда и средствами производства и обмена, находящимися в распоряжении национального экономического аппарата, сумел так сконцентрировать свои силы, что парламент перестал действовать в качестве основы государственной власти, в качестве конституционной формы политического правления. Класс эксплуатируемых в Италии сумел, следовательно, нанести страшный удар политическому господству капиталистов, основанному на чередовании консервативных и демократических партий, на смене у кормила власти разных политических фирм, придающих ту или иную окраску капиталистическому бандитизму и господству денежных мешков.

В области экономической жизни. Формы движения трудящихся, имеющего корпоративный характер, различны:

Опирающееся на Всеобщую конфедерацию труда движение передовых промышленных рабочих, занятых на наиболее современных предприятиях, и сельскохозяйственных рабочих, работающих в районах интенсивного земледелия; группирующееся вокруг Итальянского профсоюзного

¹ 15 ноября произошли выборы парламента XXV созыва. Социалистическая партия одержала очень крупную победу (1 840 593 голоса и 156 депутатов из 508). 100 депутатов провела «народная партия». Таким образом, традиционные правительственные партии потеряли большинство.

объединения¹ движение рабочих отсталых отраслей промышленности, вечно беспокойных и недисциплинированных, заменяющих конкретную революционную деятельность революционными фразами.

Союз железнодорожников, объединяющий самую разнородную массу: передовых промышленных рабочих и наряду с ними служащих, примыкающих к мелкой буржуазии, инженерно-технических работников, безразлично относящихся к политике, и неопределенное количество не поддающихся классификации лиц, получающих жалование или заработную плату, привыкших жить на содержании у государства, на что, как никто другой, способны итальянские мелкие буржуа и мелкие крестьяне.

Крестьянские католические профсоюзы. Они находятся в таком же отношении к работникам земледелия, входящим во Всеобщую конфедерацию труда, как рабочие из Итальянского профсоюзного объединения — к рабочим из Всеобщей конфедерации труда. В крестьянские католические союзы входят отсталые массы деревенской бедноты, которые привносят в профсоюзное движение чуждую или противоречащую его духу идеологию (с одной стороны, религия, а с другой — элементы расплывчатого анархизма).

Крестьянские лиги и палаты труда, встречающиеся повсюду в Италии, но особенно в южной ее части и на Островах, являются показателем отсутствия связи между различными частями национального экономического и политического аппарата. Они возникали по инициативе отдельных лиц, влачат жалкое существование, и вся их деятельность сводится к хаотичным выступлениям, в ней не было какой-нибудь конкретной, устойчивой цели.

Пролетарские лиги инвалидов и бывших участников войны, независимые ассоциации инвалидов и бывших фронтовиков. Это первая внушительная попытка организации крестьянских масс.

Массовым движением корпоративного характера, представленным этими различными течениями и организационными формами, охвачено по крайней мере 6 миллионов итальянских трудящихся (которые вместе со своими семьями составляют примерно 25 миллионов человек). Это движение привело к исчезновению с рынка труда «сво-

¹ Профсоюзная организация анархо-синдикалистов; была создана после исключения (в 1908 году) синдикалистов из социалистической партии (см. стр. 420).

бодного» рабочего, то есть вызвало паралич капиталистического рынка труда. Завоевание восьмичасового рабочего дня и минимума заработной платы — следствие этих общих условий рынка труда. Капиталистический способ производства подвергся глубоким потрясениям, «свобода» эксплуатации, свобода присвоения прибавочной стоимости, производимой рабочими (прибыль капиталиста, рента крупного землевладельца, государственные налоги, дань газетам и наемникам денежного мешка), были ограничены и поставлены, хотя и косвенно, под контроль рабочих. Экономические основы капиталистической организации, венцом которой является высшая форма капиталистического объединения — парламентско-бюрократическое государство, были подорваны ограничением свободы присвоения прибавочной стоимости, главного источника мощи капитализма.

Избирательная победа социалистической партии, пославшей в парламент 156 депутатов-социалистов, которые парализуют деятельность парламента как конституционной формы политической власти, есть прямой результат упомянутого основного, важнейшего экономического явления, приведшего к тому, что рынок рабочей силы перестал служить конституционной формой капиталистического управления экономикой, власти капиталистов над процессом производства и обмена.

Передовые рабочие и крестьяне почувствовали, что такого рода ситуация создавалась во время войны и упрочилась в послевоенный период. Они поняли, что эти завоевания могут быть удержаны только при продвижении вперед, только в том случае, если восьмичасовой рабочий день станет законом, установленным рабочими и крестьянами, повсеместным «обычаем» коммунистического общества; если минимум заработной платы станет законом, обеспечивающим рабочим и крестьянам право на удовлетворение при помощи их собственного труда всех потребностей, соответствующих известному уровню материальной и умственной жизни, станет законом рабоче-крестьянской власти, которая в свою очередь явится политическим выражением существования обновленной системы промышленного и сельскохозяйственного производства; если контроль объединенных масс рабочих и крестьян над первоосновой буржуазной власти (образование прибавочной стоимости) выйдет за рамки тепереш-

ней примитивной и не определившейся четко формы прямого давления и сопротивления массы и воплотится в политическом и экономическом аппарате, то есть в системе соподчиненных политических и экономических институтов, венцом которой явится государство рабочих и крестьян, рабоче-крестьянское правительство, центральная рабоче-крестьянская власть; если захват земли крестьянами приведет не только к тому, что они будут обладать элементарным средством производства, но и к тому, что в их владение перейдет производимый при его помощи продукт, то есть установится их контроль над формами производства и обращения товара, контроль над экономическими организациями, представляющими этапы этого обращения: банками, объединениями банков, органами управления торговлей, железнодорожным, речным и морским транспортом. Если не будет создано рабочее государство, которое обеспечит крестьянам защиту от хищного капитализма и финансовой олигархии, то война будет оплачена «грандиозной» аграрной революцией, которую совершат буржуазное государство и менее крупные, чем оно, капиталистические организации путем введения машин в сельское хозяйство, экспроприации крестьян и превращения их в сельскохозяйственных рабочих, которые не имеют опыта профсоюзной борьбы и, следовательно, подвержены в еще большей степени, чем рабочие городской промышленности, жестокой эксплуатации, расхищению их богатства — рабочей силы. Продвигаться вперед по пути революции вплоть до экспроприации экспроприаторов и до основания коммунистического государства — в этом непосредственно заинтересованы два наиболее многочисленных класса итальянских трудящихся. Для городских рабочих это означает сохранить то, что уже завоевано, не допустить, чтобы эти завоевания были потеряны в результате банкротства аппарата промышленного производства и развала общества, грозящего дойти до такой стадии, когда беспорядок и террор примут перманентный характер и не останется никакой надежды на улучшение положения класса трудящихся; для крестьян это означает овладеть национальным производственным аппаратом в интересах улучшения материального и морального положения класса трудящихся; для крестьян это означает удержать в своих руках завоеванную землю, расширить

собственные участки, освободиться от бремени долгов и налогов на землю и осуществить промышленную революцию в деревне коммунистическими методами в тесном сотрудничестве с городскими рабочими.

Передовые рабочие и крестьяне поняли эту необходимость, вытекающую из теперешнего экономического положения с присущим ему катастрофическим состоянием производственного организма. И они сделали все возможное в рамках демократического общества данной политической формы. Они признали социалистическую партию, отстаивавшую те идеи и программу, которые им предстоит осуществить, своим естественным политическим руководителем, они указали этой партии путь захвата власти, образования правительства, конституционной основой которого был бы не парламент, избранный на базе всеобщего избирательного права как эксплуатируемыми, так и эксплуататорами, а система Советов рабочих и крестьянских депутатов, Советов, обладающих как экономической, так и политической властью, служащих орудием для отстранения капиталистов от процесса производства и лишения их роли господствующего класса во всех национальных органах централизованного руководства экономической деятельностью страны.

Значит, непосредственной конкретной задачей социалистической партии является разрешение проблемы власти, проблемы методов и форм объединения всей массы итальянских трудящихся в самостоятельную централизованную систему организаций, возглавляемую партией, проблемы создания государственного аппарата, который внутри своей сферы действовал бы демократически, то есть гарантировал бы всем антикапиталистическим течениям свободу и возможность стать партиями, правящими партиями пролетарского государства, а вне своей сферы действовал бы беспощадно, как машина, разрушающая до основания все органы экономической и политической власти капитала.

Существуют огромные массы итальянского трудящегося народа. В данное время они политически разделяются на два основных течения: масса социалистов-марксистов и масса социалистов-католиков — вместе с множеством второстепенных течений (анархо-синдикалисты, социальные демократы — бывшие фронтовики, различные местные группировки революционного направления). Вся эта

масса представляет более двадцати пяти миллионов итальянского населения, то есть является прочной базой пролетарской власти.

Существует целая серия профессиональных организаций и полупролетарских ассоциаций, различающихся между собой уровнем производственной и политической подготовки отдельных групп трудящихся, входящих в огромную общую массу трудового народа.

Существует социалистическая партия, а в ней революционное коммунистическое течение, представляющее зрелые и сознательные силы пролетарской массы.

Для революционеров важнейшей проблемой настоящего момента является:

1. Вовлечь огромные массы трудящегося народа в социальную организацию, непосредственно связанную с процессом промышленного и сельскохозяйственного производства (создание фабрично-заводских и сельских Советов с правом голоса для всех трудящихся).

2. Добиться, чтобы в Советах большинство принадлежало членам социалистической партии, членам рабочих организаций и сочувствующим. Не исключается, однако, что временно, в первые моменты, пока не изжиты нерешительность и незрелость, большинство может попасть в руки приверженцев «народной партии», анархо-синдикалистов, реформистов, при условии, однако, что они тоже работают по найму, избираются на месте работы и признают рабочее государство.

В вышестоящих организациях — в городах и районах (для деревни) — право представительства в городском или районном Совете должно быть дано не только производственным центрам, то есть не только массе трудящихся как таковой, но и секциям партии, местным клубам, профсоюзам, пролетарским ассоциациям, кооперативам. Социалистическое большинство будет значительным в местных органах власти и подавляющим в крупных промышленных городах, то есть там, где рабочее государство будет действительно диктатурой пролетариев (заводских рабочих) и где ему придется преодолеть самые значительные трудности, так как оно должно будет овладеть капиталистическими центрами, капиталистическими организациями, охватывающими своими щупальцами всю нацию.

(Без подписи; «Ордине нуово», 29 ноября 1919 года, № 28.)

СОБЫТИЯ 2—3 ДЕКАБРЯ [1919 ГОДА]¹

Мелкая буржуазия

События 2—3 декабря — один из кульминационных моментов развертывающейся классовой борьбы. Это была борьба не между пролетариями и капиталистами (органической формой последней является борьба за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня, длительная, упорная, терпеливая работа по созданию аппарата управления производством и людскими массами, который должен заменить существующий аппарат буржуазного государства), а между пролетариатом и мелкой и средней буржуазией. Борьба велась, в конечном счете, в защиту либерально-демократического государства, за освобождение либерально-демократического государства из плена, в котором его держит худшая, наиболее трусливая, наиболее бесполезная, наиболее паразитическая часть буржуазного класса — мелкая и средняя буржуазия, буржуазная «интеллигенция» (носящая это название в силу того, что ей легко доступны дипломы начальных и средних общеобразовательных школ), буржуазия из среды наследственных чиновников, лавочников, мелких промышленников и сельских хозяев, городских торговцев и деревенских ростовщиков. Эта борьба велась в той единственной форме, в какой только могла вестись, — беспорядочно, шумно (как бывает обычно на площадях и улицах, когда борются с наводнившей их прожорливой и тут же разлагающейся саранчой). Но эта борьба была связана, хотя и косвенно, с борьбой более высокой формы, классовой битвой между пролетариями и капиталистами; мелкая и средняя буржуазия представляет собой развращенные, разлагающиеся, продажные слои общества, которые капитализм использует в качестве заслона при защите своей экономической и политической власти. Это презренные, подлые наемники

¹ В статье анализируется опыт всеобщей забастовки рабочих Северной и Центральной Италии, объявленной в знак протеста против нападения националистов-монархистов на социалистических депутатов. В ряде городов, в частности в Мантуе, дело дошло до значительных вооруженных столкновений с полицией. Это движение городского пролетариата Италии совпало по времени с крупным вооруженным выступлением батраков района Андрия (Южная Италия). — *Прим. ред.*

и лакеи, ставшие сегодня чем-то вроде «служанки-госпожи»¹ и стремящиеся урвать для себя из производства прибыль, превышающую не только общую сумму заработной платы трудящихся, но и прибыль, получаемую капиталистами. Изгнать их с поля социальной деятельности, как изгоняют саранчу с полуопустошенных полей, огнем и мечом — значит освободить национальный аппарат производства и обмена от тяжелого бремени, которое его душило, мешает ему действовать, значит очистить социальную атмосферу и оказаться лицом к лицу с настоящим противником — классом капиталистов, владеющих средствами производства и обмена.

Война придала больший вес мелкой и средней буржуазии. Во время войны и для войны экономический и политический аппарат капиталистического правительства милитаризировался: фабрика стала казармой, город стал казармой, государство стало казармой. Всякая деятельность, имеющая общественное значение, была национализирована, бюрократизирована, милитаризирована. Чтобы создать эту чудовищную систему — государство и менее крупные, чем оно, капиталистические объединения произвели массовую мобилизацию мелкой и средней буржуазии. Многие десятки тысяч людей, недостаточно подготовленные духовно и в культурном отношении, были мобилизованы из деревень и поселков Южной Италии, из отчих лавок, с тщетно протираемых ими скамей средних и высших школ, из редакций вымогательских газет, из магазинов подержанного платья в городских предместьях, из всех гетто, где гнили и разлагались леность, подлость и тщеславие отбросов общества, накопившиеся в течение веков прислужничества, веков господства попов и иностранцев над итальянской нацией. Им были установлены оклады, как людям обязательно необходимым и незаменимым, и поручено управление массами людей на заводах и фабриках, в городах, в казармах и фронтовых траншеях.

[14 строк выброшены цензурой]

Парламентские выборы показали, что народные массы хотят, чтобы ими руководили и управляли социалисты, они хотят такого социального строя, при котором кто не работает, тот не ест. Однако эти господа, продолжающие

¹ «Служанка-госпожа» — опера-буфф Дж. Перголези. — *Прим. ред.*

взимать с национального дохода и с заграничных займов ренту в один миллиард ежемесячно, без умолку кричащие на всех перекрестках о своем рьяном национализме и продолжающие оставаться на содержании у отечества...

[2 строки выброшены цензурой]

эти господа, напуганные надвигающейся опасностью, немедленно организовали погром депутатов-социалистов. Но тотчас же с заводов, со строительных площадок, из мастерских, арсеналов всех итальянских городов, словно по призыву, на центральные улицы вышли рабочие и смели буржуазную саранчу, организаторов погромов, профессионалов безделья (именно так, как случилось в России и в Польше, когда черные сотни пытались произвести еврейские погромы, чтобы разнузданностью и бесчинствами задушить малейшее стремление к свободе).

По сути дела, этот эпизод был проявлением «либерализма». Казалось, что существует верный способ наживы без труда, без принятия на себя какой-либо ответственности, без риска, а теперь выявляется, что и этот способ наживы связан с риском, заботами и опасностями.

Гипотеза...

А если бы она [революция.— *Ред.*] увенчалась успехом?... Гипотеза эта не абстрактна. В крупных городах Северной Италии в дни забастовок нередко бывали моменты, когда даже людям спокойным и умеренным казалось, что вот-вот произойдут решающие события, что достаточно незначительного инцидента, чтобы придать совершенно иной ход событиям, в корне изменить соотношение сил между властями и народом и превратить бунт в революцию. Это лучший показатель того, что мы живем в революционное время: люди *чувствуют*, что может произойти нечто необычное и новое, ждут, пытаются проникнуть в неизвестное, в какой-то мере рассчитывают даже на простую случайность.

[3 строки выброшены цензурой]

Правда, всякое восстание в значительной мере зависит от не поддающихся определению факторов, приходится считаться и со случайностью, вроде действий какой-ни-

будь группы юнцов, которые в своих поступках идут дальше намерений других участников выступлений, или даже от действий хулиганов, которых дня через два придется, быть может, расстрелять за грабежи и убийства.

Определенная упорядоченность привносится в восстание группами революционеров в подлинном значении этого слова, то есть группами людей, не боящихся развития событий, не боящихся непредвиденного и неожиданного, людей с твердой волей и ясной перспективой, готовых и способных осуществить свои стремления. Бунт представляет распад данной формы социальной организации, революция же начинается тогда, когда в результате смелой инициативы сознательных и способных элементов начинается складываться новая форма социальной организации. Чисто отрицательный момент восстания будет тем более длительным, чем большими окажутся препятствия, которые предстоит преодолеть группе передовых борцов, чтобы выдвинуться вперед, встать во главе движения и придать соответствующую организационную форму массам, которых бунт превратил в нечто неустойчивое и бесформенное.

В России этот переходный период длился, можно сказать, восемь долгих месяцев — от Февральской революции до Октябрьской, от революции мелкобуржуазной до революции рабочих и крестьян, — восемь месяцев, в течение которых мелкобуржуазная интеллигенция всеми силами старалась удержаться во главе движения масс, все резче выражавших свое недовольство и недоверие по отношению к этим ненадежным руководителям; восемь месяцев, в течение которых капиталисты и помещики пытались всеми средствами — от саботажа производства до военных заговоров — снова зажать в старые тиски угнетения и рабства людские массы, которые революция, приводя в движение самые глубокие общественные низы, вывела на широкую дорожку борьбы и сделала подлинными творцами истории. В течение этих месяцев огромное большинство народа училось делать революцию (скорее почувствовав непосредственно, чем осмыслив теоретически, необходимость создания органов своей власти), отдалялось от руководителей — буржуазных демократов и спланивалось вокруг коммунистов, создавало организацию контроля и самоуправления, которая автоматически

упраздняла и лишала всякой власти органы старого правительства, правительства хозяев, генералов, политиканов и предателей.

В октябре 1917 года, в то время, когда еще держалось у власти правительство Керенского, Исполнительный комитет, избранный съездом Советов, давал приказы, которые выполнялись превосходно организованными массами, выводил на улицу целые полки, состоявшие из вооруженных заводских рабочих, и руководил их действиями — одним словом, стоял во главе целой системы сил, действовавшей с точностью и неумолимой методичностью машины.

Сегодня в Италии было бы абсурдом требовать от масс, чтобы они ожидали сложа руки, пока и у нас создастся такое же положение; надо пытаться создать его, используя опыт, подобный опыту движения 2—3 декабря и иных подобного рода выступлений, которые, без сомнения, не замедлят последовать. Выступления такого рода должны содействовать разрыву тех по внешней видимости законных связей, которые удерживают большинство населения в системе объединяющих его буржуазных институтов, должны активизировать людские массы, которые по привычке или из страха приспосабливаются к старой социальной системе, должны содействовать выдвиганию перед этими массами проблемы подготовки революции.

У нас не было и, может быть, не будет Февральской революции, которая открыла бы нам путь, положив начало периоду переворотов, колебаний, открытых столкновений, не укладывающихся в рамки закона, между силами, стремящимися господствовать в области экономики и политики. Разоблачительная парламентская деятельность может и по существу должна заменить собой этот отсутствовавший начальный взрыв. Поэтому уличная борьба является ее необходимым дополнением...

А пока необходимо поставить затронутый нами выше вопрос о том, «что будет потом», вопрос, который встал бы вчера, если бы мантуанские события произошли в Милане или в Турине, где имеются массы революционных рабочих, готовых идти до конца. Это пока только гипотеза, но если мы революционеры, мы должны подумать о том, что не сегодня-завтра революция может увенчаться успехом.

Классовая борьба, крестьянская война

По воле случая всеобщая забастовка и серьезные волнения во всей Северной и Центральной Италии совпали со стихийным взрывом народного восстания в типичной южноитальянской зоне, в Андрии¹. Все внимание было сконцентрировано на восстании городского пролетариата против той части мелкобуржуазной касты, которая за время войны приобрела милитаристскую физиономию и теперь не желает с ней расстаться, а также против полиции. Это отвлекло внимание от Андрии, мешало надлежащим образом оценить развернувшиеся там события. Мы надеемся, что в дальнейшем будем в состоянии дать нашим читателям сведения из первоисточников о причинах и ходе развития событий, и ограничимся пока замечанием, что двумя совпавшими выступлениями дается, по воле случая, своего рода исторический пример того, как должна происходить грядущая итальянская революция.

С одной стороны пролетариат в узком смысле этого слова, то есть промышленные рабочие и рабочие индустриализованного сельского хозяйства, а с другой — деревенская беднота — вот два крыла революционной армии. Городские рабочие — революционеры по воспитанию; именно таков результат развития сознания и формирования личности на промышленном предприятии — первичной клетке системы эксплуатации труда. Городские рабочие смотрят теперь на предприятие как на место, где должно начаться их освобождение, как на центр, откуда будет распространяться освободительное движение; поэтому их движение крепко и сильно, поэтому оно победит. В городах во время восстания рабочим суждено быть крайним и в то же время организующим элементом восстания; они не допустят, чтобы приведенная в движение машина остановилась, и будут направлять ее на правильный путь. Участие в борьбе городских рабочих знаменует собой включение в революцию широких масс, является живым воплощением стремлений и воли этих масс.

¹ Во время забастовки 2—3 декабря батраки Андрии, подвергшись нападению полиции, захватили город и, защищаясь, прибегли даже к огнестрельному оружию. После ожесточенной схватки они были рассеяны, оставив на месте сражения около двухсот раненых.

В деревне мы должны рассчитывать на действия и на поддержку главным образом деревенской бедноты, безземельных. Их будет побуждать к действиям, как это было вчера с крестьянами Андрии, необходимость разрешить самые насущные жизненные проблемы, необходимость бороться за хлеб, более того — нависшая над ними постоянная угроза смерти от голода или от пули. Они вынуждены будут оказывать давление на другие слои сельского населения, чтобы побудить их создать и в деревне организацию для осуществления коллективного контроля над производством. Эта организация — крестьянский Совет, — хотя и допускает существование промежуточных форм частного владения землей (мелкая собственность), будет заниматься сплочением масс, их психологическим перевоспитанием и техническим обучением. Она станет базой коллективной жизни деревни, центром, через который революционные элементы смогут постоянно и конкретным образом заставлять считаться с их волей.

Сейчас необходимо, чтобы и крестьяне знали, что им следует делать, чтобы их деятельность пустила крепкие и глубокие корни, чтобы, как и у рабочих, их деятельность была неразрывно связана с процессом производства материальных ценностей. Точно так же как одни рассматривают фабрику, так и другие должны начать рассматривать поле как материальную базу будущей трудовой общности.

Бунт в Андрии показывает нам, что проблема назрела. Это, в сущности, проблема всей Южной Италии, проблема действительного завоевания земли теми, кто на ней работает. Долг нашей партии — поставить эту проблему и разрешить ее. Завоевание земли подготавливается сейчас тем же самым оружием, каким рабочие подготавливают завоевание фабрик и заводов, то есть путем создания органов, которые позволят трудящимся осуществлять самоуправление там, где они трудятся. Движение рабочих и движение крестьян в своем естественном развитии идет по одному и тому же пути — по пути создания органов пролетарской власти.

Русская революция нашла свою силу, свое спасение как раз в том, что в России рабочие и крестьяне, исходя из разных побуждений, движимые различными чувствами, оказались объединенными в своем стремлении к об-

шей цели в совместной борьбе, так как и те и другие на деле убедились, что нельзя освободиться от гнета хозяев, не придав своей боевой организации форму, которая позволит исключить эксплуататоров из сферы производства. Такой формой явились Советы. Классовая борьба рабочих и крестьянская война связали свои судьбы неразрывными узами; результатом этого явилось создание органа, руководящего всей жизнью страны.

У нас проблема возникает в таких же условиях. И у нас рабочий и крестьянин должны сотрудничать конкретным образом, входя в состав одной и той же организации. В ходе недавних выступлений они оказались объединенными, может быть случайно, но в грядущей революции их объединение и единодушие должны быть результатом их сознательных действий. Контроль над предприятиями и захват земель должны составлять единую проблему. Северная и Южная Италия должны выполнить эту работу вместе, вместе подготовить превращение нации в единую производственную общность. Постепенно будет становиться все яснее, что сегодня только трудящиеся в состоянии на основе единства решить вопрос о Южной Италии. Проблема объединения страны, которую оставили неразрешенной три поколения буржуазии, будет разрешена рабочими и крестьянами, сотрудничающими в общей политической организации — в политической организации, при помощи которой они сумеют создать и довести до победы свою диктатуру.

(Без подписи; статья написана Антонио Грамши и Пальмиро Тольятти, «Ордине нуово», 6—13 декабря 1919 года, № 29.)

ПАРТИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Социалистическая партия состоит из разветвленной сети секций (которые в крупных промышленных центрах в свою очередь служат опорой монолитной и мощной системы районных организаций); она подразделяется на провинциальные федерации, прочно связанные в единое целое идейным влиянием, исходящим от городских секций, а также проводимой ими разнообразной практической деятельностью. Социалистическая партия ежегодно проводит партийные съезды, осуществляющие высшую власть в партии; эта власть принадлежит всей массе рядовых ее членов, представленных на съезде надлежащим

образом избранными делегатами, имеющими точно определенные и ограниченные полномочия. В задачу съезда входит обсуждение и разрешение конкретных актуальных проблем. Съезд избирает руководство, которое является его постоянным исполнительным и контрольным органом. Таким образом, социалистическая партия представляет аппарат пролетарской демократии, который политические фантазеры легко могут рассматривать как «совершенный».

Социалистическая партия представляет собой образец «свободного» общества, которое зиждется на добровольной, сознательной дисциплине. Представлять себе все человеческое общество как колоссальную социалистическую партию, с ее просьбами о приеме в члены и заявлениями о выходе — значит содействовать упрочению предрассудков, лежащих в основе теории «общественного договора» и свойственных многим революционерам, воспитанным больше на учении Ж.-Ж. Руссо и на анархистских брошюрах, чем на марксистских исторических и экономических доктринах. Принципы, на основе которых осуществляется народный суверенитет в России, поразительно сходны с теми, которые определяют форму организационного устройства социалистической партии. Суверенное народное русское правительство действует приемами, поразительно схожими с теми, которые применяются руководством социалистической партии. Поэтому нет ничего странного в том, что на основе этих аналогий и инстинктивных устремлений зародился такой миф о революции, согласно которому установление пролетарской власти понимается как установление диктатуры системы секций социалистической партии.

Эта концепция по меньшей мере настолько же утопична, как и та, согласно которой именно профсоюзы и палаты труда представляют собой те формы, в которых совершается процесс революционного развития. Коммунистическое общество может быть воспринято только как «естественная» формация, соответствующая определенному уровню развития средств производства и обмена, а революция может быть понята как акт исторического признания «естественности» этой формации. Значит, революционный процесс есть не что иное, как стихийное движение трудящихся масс, порожденное столкновением противоречий, присущих человеческому обществу в усло-

виях господства капиталистической собственности. Зажатые в тиски капиталистических противоречий, находящиеся под угрозой окончательного приговора и лишения их моральных и гражданских прав, массы порывают с формами буржуазной демократии и в своих действиях выходят за рамки буржуазной конституции. Общество дошло бы до разложения, всякое производство полезных благ пришло бы в упадок и люди были бы ввергнуты в пропасть нищеты, варварства, смерти, если бы не воздействие исторического сознания народных масс, отыскивающих новые формы организации, вводящих новые порядки в процесс производства и распределения благ. Организации, созданные пролетариатом для ведения борьбы, являются «агентами» этого колоссального движения масс. Социалистическая партия, несомненно, является главным «агентом» этого процесса разложения старого и образования нового, но не является и не может считаться формой этого процесса, формой, легко поддающейся изменению в зависимости от произвола руководителей. Германская социал-демократия (взятая в целом, как комплекс профсоюзного и политического движения) сотворила парадокс. Насильственно втиснув процесс германской пролетарской революции в формы своей организации, она вообразила, будто подчинила себе историю. Насильственным путем она создала *свои* Советы, обеспечив себе в них прочное большинство, она сковала революцию, приручила ее. Теперь она утратила всякий контакт с исторической действительностью, всякий контакт, который не был бы контактом кулака Носке с затылком рабочего, а революционный процесс идет своим, неконтролируемым, еще не изведанным путем, и пока еще трудно представить себе, в каких насилиях и страданиях он даст о себе знать.

Непримиримость социалистической партии в области политики приведет к тем же результатам, которых профсоюзы добиваются в экономической области: положит конец свободной конкуренции. Социалистическая партия со своей революционной программой отнимает у буржуазного государственного аппарата его демократическую основу — согласие управляемых. Она оказывает все большее и большее влияние на самые широкие народные массы и убеждает их, что тяжелое положение, в котором они находятся, — не мимолетное явление, не безысходный тупик, что оно отвечает объективной необходимости, является

неизбежным моментом диалектического процесса, который должен привести к насильственной ломке, к возрождению общества. Таким путем социалистическая партия постепенно становится воплощением исторического сознания народных масс и руководит их стихийным, неудержимым движением. Это руководство не имеет осязаемой формы, оно осуществляется при посредстве бесчисленного множества духовных связей, находит свое проявление в росте ее престижа в массах; только в кульминационные моменты оно может стать действенным, непосредственным руководством, когда требуется вывести массы на улицу, практически расставить боевые силы, готовые отразить грозящую опасность, дать отпор прибегающей к насилию реакции.

Для социалистической партии, после того как она парализовала функционирование «законной» системы управления народными массами, наступает наиболее трудная и наиболее деликатная фаза деятельности — фаза положительных действий. Распространяемые партией идеи оказывают самостоятельное влияние на сознание людей и вызывают к жизни новые группировки социальных сил, усваивающие эти идеи, вызывают к жизни действующие на основании внутренних законов организации и находящиеся в эмбриональном состоянии новые органы власти, при помощи которых масса осуществляет свое руководство, приобретая сознание своей исторической ответственности и своей миссии по созданию условий для построения возрождающего общества коммунизма. Партия, как сплоченная боевая идейная организация, оказывает глубокое влияние на эту подспудную деятельность новых институтов, на эту деятельность многих миллионов первичных социальных организмов, подобно кораллам создающих постепенно красные коралловые рифы, которые в один недалекий день поднимутся над водой и будут рассекать бурные океанские волны, успокаивать поверхность океана и снова стабилизируют океанские течения и климат. Это влияние носит органический характер, оно проявляется в непрерывном распространении идей, оно обеспечивается сохранением аппарата идейного руководства, оно обусловлено тем фактом, что миллионы и миллионы трудящихся, создавая новую власть, новый порядок, убеждены, что руководящее ими историческое сознание воплощается в социалистической партии, подтверждается

теорией социалистической партии, опирается на мощную крепость — политическую силу социалистической партии.

Партия остается высшим руководящим органом этого непреодолимого движения масс. Партия осуществляет самую действительную диктатуру, диктатуру, основанную на престиже, то есть на сознательном и добровольном признании авторитета, почитаемого необходимым для полного успеха предпринятого дела. Плохо, если из-за сектантского представления о роли партии в революции вздумают материализовать это централизованное руководство, вздумают с помощью механических форм непосредственной власти управлять пришедшими в движение массами, вздумают втиснуть революционный процесс в организационные формы партии. Таким образом можно повести за собой часть людей, можно «подчинить себе» историю, но реальный революционный процесс ускользнет от контроля и от влияния партии, бессознательно сделавшейся консервативной организацией.

Партия в своей пропаганде исходит из следующих неоспоримых тезисов:

традиционные отношения, основанные на присвоении капиталистом продуктов человеческого труда, претерпели коренные изменения. До войны для итальянских трудящихся не было тяжелым внезапным ударом, когда им приходилось соглашаться на присвоение ничтожным капиталистическим меньшинством и государством 60 процентов произведенных трудом богатств, когда десятки миллионов трудящегося населения для удовлетворения элементарных жизненных потребностей и культурных запросов должны были довольствоваться всего лишь 40 процентами. Теперь, после войны, наблюдается следующее явление: итальянское общество производит только половину потребляемых благ; государство берет займы колоссальные суммы в счет будущего производства материальных ценностей, то есть способствует все большему закреплению итальянских рабочих международной плутократией. К двум прежним категориям, присваивавшим часть произведенных благ (капиталистам и государству), прибавилась теперь третья, чисто паразитическая: речь идет о мелкобуржуазных элементах, из которых состоит военно-бюрократическая каста, образовавшаяся во время войны. Она поглощает как раз ту другую половину суммы стоимо-

стей всех потребляемых благ, которая может быть создана трудом лишь в будущем, она ее поглощает отчасти непосредственно в виде жалованья и пенсий и отчасти косвенно, так как паразитические функции предполагают существование целого паразитического аппарата. Если стоимость богатств, потребляемых итальянским обществом, составляет 30 миллиардов, а стоимость произведенных им богатств — 15 миллиардов, причем эти 15 миллиардов произведены в течение восьмичасового ежедневного труда десятками миллионов трудящегося населения, получающего за это 6—7 миллиардов заработной платы, капиталистический бюджет можно сбалансировать только одним способом: принудить десятки миллионов трудящегося населения работать за ту же заработную плату на час, на два, на три, на четыре, на пять часов больше, работать для того, чтобы росли капиталы богачей, чтобы снова началось капиталистическое накопление, чтобы государство могло платить свои долги, чтобы оно укрепило экономическое положение паразитической мелкой буржуазии и премировало ее за военно-полицейскую службу в интересах государства и капитала, за принуждение ею трудящихся работать до полного изнеможения возле машин и на жалких клочках земли.

При таком общем состоянии капиталистических отношений целью классовой борьбы может быть только завоевание политической власти рабочим классом для того, чтобы эту могучую власть обратить против паразитических элементов, заставить их работать и одним ударом положить конец чудовищному ограблению ими трудящихся. С этой целью вся трудящаяся масса должна сплотиться, должна выработать в себе определенную форму сознания, соответствующую месту, занимаемому ею в процессе производства и обмена. Таким образом, каждый рабочий и каждый крестьянин должен участвовать через Советы в деле возрождения страны, в создании аппарата управления производством и аппарата диктатуры. В Советах воплощается теперешняя форма классовой борьбы, направленной на завоевание власти. Так выявляется сеть институтов, деятельность которых служит формой развития революционного процесса: Советы, профсоюзы, социалистическая партия. Советы — историческая форма организации общества, вызванная к жизни необходимостью осуществлять руководство производственным аппа-

ратом, форма, возникшая благодаря самосознанию, обретенному производителями. Профсоюз и партия — добровольные ассоциации, организации, стимулирующие развитие революционного процесса, «агенты» и руководители революции. Профсоюзы координируют производительные силы и придают производственному аппарату коммунистическую форму; социалистическая партия — живой и динамичный прообраз социального сосуществования — сочетает дисциплину со свободой и помогает человеку полностью проявить свою энергию и энтузиазм.

(Без подписи; «Ордине нуово», 27 декабря 1919 года, № 31.)

ИТАЛЬЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Энрико Ферри, университетский профессор уголовного права и депутат парламента в течение многих legislatur, «высказывая свое мнение» в статье, опубликованной газетой «Ресто дель Карлино», пишет: *«Непонятно, почему главное тюремное управление находится в ведении министерства внутренних дел, а не в ведении министерства юстиции»*. Как видно из статьи, профессор Энрико Ферри «высказывает свое мнение», будто такое положение только странная случайность, и поэтому считает возможным покончить с ним просто министерским декретом. Если учесть, что профессор Энрико Ферри в течение многих лет был «лидером» итальянского рабочего движения, то нетрудно понять, каких трудов стоит итальянским рабочим и крестьянам выработать себе представление о государстве как о продукте исторического развития, как о главной организации класса собственников или как об орудии в руках рабочего класса, направленном на подавление буржуазии и в области политической и в области экономической, для того чтобы способствовать созданию определенной системы условий, необходимых для установления коммунизма и гарантировать коммунистическому обществу полную свободу развития. Если же вспомнить, что депутат Филиппо Турати, другой «лидер» (полная противоположность Э. Ферри в том, что касается толкования марксистской теории!), после пяти лет войны и истребления 15 миллионов людей добился огромного успеха у собрания представителей итальянского народа, обратившись к ним с блестящей речью о праве голоса

для проституток (депутат Филиппо Турати нашел все-таки способ показать свои глубокие знания марксизма, установив и определив социальную категорию: «наемные работницы любви»), то станут не слишком удивительными и еще более понятными анархистские тенденции итальянского пролетариата, станет понятным, что для итальянского рабочего класса Карл Маркс является еще лишь иконой, ничего не говорящим ему именем...

Что такое итальянское государство? Почему оно такое, какое оно есть? На какие экономические и политические силы оно опирается? Развивалось ли оно? Остались ли неизменными силы, определившие его возникновение? Под действием каких ферментов совершался процесс его развития? Какое именно положение занимает Италия в капиталистическом мире и как повлияли внешние силы на процесс внутреннего ее развития? Какие новые силы выявила и развила империалистическая война? Какое, предположительно, направление примет теперешнее развитие итальянского общества?

Оппортунистические и реформистские нигилисты, господствовавшие в Итальянской социалистической партии в течение многих десятков лет и сегодня с желчным старческим скепсисом издевающиеся над бескорыстными усилиями молодого поколения и над взрывом страстей, вызванных большевистской революцией, должны были бы поразмыслить о своей ответственности и о своей неспособности что-либо познавать, понимать, о своем неумении проводить воспитательную работу. Мы, молодежь, должны отречься от этих людей прошлого, должны презирать их. В самом деле, что связывает нас с ними? Что они создали, какое наследство нам оставили? Можем ли мы с любовью и благодарностью сказать о них, что они открыли и осветили нам путь к исследованию, к науке, помогли нам в обогащении наших знаний, в нашем движении вперед? Все это мы вынуждены были делать сами, собственными силами добиваться всего этого своим трудом и терпением. Нынешнее поколение итальянских социалистов обязано всем только самому себе; над его ошибками и усилиями не имеет права насмехаться тот, кто сам не работал, кто ничего не создал, кто не может оставить никакого другого наследства, кроме посредственной подборки посредственных газетных статей.

Итальянское парламентское государство, которое, «по

сравнению с Советской республикой то же, что город по сравнению с варварской ордой», никогда и не пыталось замаскировать безжалостную диктатуру имущих классов. Можно сказать, что Альбертинский статут служил только одной определенной цели: крепко связать судьбу короны с судьбой частной собственности. Единственным тормозом, действующим в государственной машине для обуздания произвола королевских министров, являются интересы частной капиталистической собственности. Конституция не создала ни одного учреждения, которое стояло бы, пусть даже формально, на страже великих гражданских свобод: свободы личности, свободы слова и печати, свободы союзов и собраний. В капиталистических странах, называемых либерально-демократическими, высшим органом защиты народных свобод является судебная власть. В итальянском государстве юстиция не является властью, она — корпорация, орудие исполнительной власти, орудие короны и класса собственников. Совершенно понятно поэтому, что главное тюремное управление, так же как и другие управления особого назначения, как полиция «общественной безопасности», как весь государственный аппарат репрессий, находится в ведении министерства внутренних дел; вполне понятно также, почему в Италии председатель совета министров всегда оставляет за собой портфель министра внутренних дел, то есть стремится полностью сосредоточить в своих руках весь государственный аппарат вооруженного насилия: председатель совета министров — доверенный человек класса собственников: в подборе его принимают участие крупные банки, крупные промышленники, крупные земельные собственники, генеральный штаб; он подбирает себе парламентское большинство путем обмана, подкупа; его власть не ограничена не только фактически, что, несомненно, имеет место во всех капиталистических странах, но и юридически, так как председатель совета министров является единственной властью в итальянском государстве.

Итальянский господствующий класс даже не считал нужным притворяться и маскировать свою диктатуру. Он рассматривал трудящийся народ как людей низшей расы, которыми можно управлять, не ограничивая себя какими-либо условностями, без церемоний, как управляют африканской колонией. Страна постоянно находится в условиях режима осадного положения. В любой час дня и ночи при-

казом министра внутренних дел префектам может быть приведена в действие полицейская машина. Полицейские агенты могут быть посланы в частные дома и в помещения, где происходят собрания, в административном порядке, *без мандата судебных властей*, которые остаются пассивными. Неприкосновенность личности и жилища нарушается, граждане заковываются в наручники, помещаются в общих грязных вонючих камерах вместе с уголовными, они не имеют возможности защитить себя от насилия и от нежелательных контактов, лишаются возможности заниматься своими делами, и этим также им наносится ущерб, частные дела приостанавливаются и расстраиваются.

Достаточно приказа местного начальника полиции, чтобы в помещение, где происходит собрание, ворвалась полиция, произвела обыск, разогнала собрание. Достаточно приказа префекта, чтобы цензор не допустил к печати статью, в которой не содержится ничего, что запрещалось бы официальными декретами. Достаточно приказа префекта, чтобы арестовать руководителей профсоюза, что фактически равносильно попытке его роспуска.

Царская Россия служила примером деспотического государства. В действительности же не было никакого различия между царским государством и итальянским, между думой и парламентом. Между русским и итальянским народами существовало различие в политической культуре и в остроте человеческого восприятия явлений: русские либералы и социалисты систематически обличали перед всем миром злоупотребления власти, а итальянцы, менее восприимчивые по натуре, выражали свое недовольство только в наиболее *чудовищных* случаях; не обладая таким же политическим опытом, они не сумели увидеть неразрывную связь между отдельными эпизодами, их зависимость от государственного строя. Ввиду того что в Италии судебные органы не являются независимой властью, поскольку репрессивный аппарат не подчинен судебным органам, *в стране не существует власти парламента, а законодательство является чистейшим обманом*. Фактически и юридически в Италии есть только одна власть — исполнительная, существует корона, существует класс собственников, требующий, чтобы его интересы защищались любой ценой.

Царское государство было государством помещиков. Этим объясняется неотесанность царских министров: кре-

стьяне называют вещи своими именами и своих врагов убивают дубиной. Февральская революция 1917 года была попыткой установить в государстве равновесие между промышленниками и крестьянами. Либеральное государство возникает из равновесия этих двух частнособственнических сил. Разделение властей, то есть возникновение рядом с парламентом судебной власти, гарантирующей политическое равенство правящих буржуазных партий, мешающей отдельным партиям, стоящим у власти, использовать государственный аппарат для увековечения их пребывания у власти, есть характерная черта либерального государства.

Русский трудящийся народ, выступивший в феврале 1917 года, помешал революции остановиться на буржуазно-либеральной стадии: промышленные рабочие продолжили дело, начатое хозяевами промышленности, подавили всех собственников и освободили всех угнетенных.

Создание объединенного итальянского государства произошло по инициативе зарождающейся промышленной буржуазии Северной Италии. По мере развития промышленности, происходившего в ущерб сельскому хозяйству, в условиях грубого подчинения сельского хозяйства интересам промышленности, государство становилось все более крепким и сплоченным. Итальянское государство не было либеральным, так как оно возникло не из системы, находящейся в состоянии покоя; чтобы расправиться с врагами промышленника, министры итальянского короля, воспитанные на английской либеральной фразеологии, предпочли дубине русского крестьянина мешочек с песком лондонского бандита.

Уже перед войной соотношение сил в рядах итальянского класса собственников изменилось: Саландра объявивший войну, был первым из южан, возглавившим совет министров итальянского государства; Нитти — вторым. Исполнительная власть отрывается от старой системы капиталистических сил: экономическая сущность итальянского государства становится неустойчивой, приходит в движение. Деревня овладевает государством; у нее есть своя крупная партия — «народная партия». Либеральное государство, буржуазная республика явилась бы естественным результатом действий пришедших в движение капиталистических сил, если бы не было в Италии революционного рабочего класса, также находящегося в движении и полного решимости осуществить свою историче-

скую миссию — уничтожить класс собственников, установить рабочую демократию.

Реформисты и оппортунисты, вынужденные выбирать между советской республикой и республикой буржуазной, между рабочей демократией и демократией либеральной, отдают предпочтение буржуазной республике и либеральной демократии. Молодые итальянские интеллигенты-социалисты, ничем не связанные с этими людьми прошлого, с этими мелкобуржуазными интеллигентами, свободные от предрассудков и традиций, мужавшие в суровые военные годы, вырабатывающие в себе революционный характер путем изучения опыта большевистской революции, призваны сделать то, что является их историческим долгом: дать идеи, породить в массах смелость революционной мысли и действия с целью создания Итальянской советской республики.

(Без подписи; «Ордине нуово», 7 февраля 1920 года, № 36.)

ВЛАСТЬ В ИТАЛИИ

Курс бумажных денег катастрофически падает, падает и авторитет государства (буржуазного), преступные аппетиты и страсти различных клик не знают границ. Нужно спасти Италию, нужно спасти общество, нужно спасти народ, чьи интересы, как известно, выше группировок, сословий, партий, отдельных классов.

Газета «Стампа» бьет в набат. Автор ее передовиц, которые обычно полны грусти, имеющей оттенок неземной доброты, заговорил в безнадежно зловещем тоне. Он забыл о мудром предупреждении, с которым обратился Бержере¹ со столбцов той же газеты «Стампа» к глуповатым и бесстыдным журналистам антибольшевистского толка: «Ради бога, не пугайте до смерти детей и колбасников». Автор передовиц бьет в набат, чтобы до смерти запугать рабочий класс. Он полагает, что рабочие в умственном отношении стоят не выше колбасников и детей, поэтому он считает возможным убедить их покорно преклонить колени перед спасителем — Джованни Джолитти, дубинкой новых богачей, масонов и фашистов.

Когда мелкобуржуазный интеллигент — наемник капитала от грустного тона переходит к зловещему, это означает, что охраняемый им кошелек не может считаться

¹ Псевдоним Этторе Маррони.

надежно спрятанным, даже если он находится под подушкой. Вот почему мелкий буржуа нахохливается, как филин на архитраве входной двери, безутешно скулит, как бы умолая: «Граждане, напрасно ломитесь в дверь — на кровати под подушкой нет никакого кошелька».

Чей же кошелек защищает «Стампа»?

Итальянское государство до сей поры было в руках тех, чьи капиталы вложены в крупную промышленность; итальянское правительство до сих пор неизменно находилось в руках владельцев *тяжелой* промышленности, которые ради интересов своей сверхпривилегированной касты пожертвовали всеми другими интересами нации. Исторические партии итальянской буржуазии были уничтожены удушающей и губительной гегемонией, которая в политической области связана с именем Джованни Джолитти и осуществлялась при помощи безжалостного насилия и самой бесстыдной коррупции. Война и ее последствия выявили и укрепили новые силы, стремящиеся к перестройке экономических и политических основ итальянского государства. Вся структура итальянского государства с тех пор стала подвергаться воздействию бурного процесса коренного преобразования общества — процесса, «нормальные» результаты которого еще нельзя с точностью предвидеть, за исключением одного: сменятся правящие клики, сменится управленческий аппарат, государственная власть попадет в совершенно иные руки, не в те, в которых она обычно находилась... не в джолиттианские.

В других капиталистических странах промышленный капитал постепенно сумел установить систему равновесия с капиталом земельным и создать конституционно-демократическое государство; в Англии, например, он сумел это сделать с помощью рабочих масс, заинтересованных в отмене хлебных пошлин и во введении свободной торговли. В Италии именно промышленный капитал действительно создал государство и хозяйничал в нем без конкурентов. Государственная власть не заботилась ни о чем другом, как о развитии, часто уродливом, промышленного капитала: о покровительственных пошлинах, премиях, всякого рода и всяких размеров льготах. Деревня была ограблена, почва истощена, крестьяне были вынуждены эмигрировать. Государственная власть со всей свирепостью защищала денежные сундуки: невозможно перечислить совершенные за современный период итальянской

истории расстрелы рабочих, эксплуатируемых на фабриках, и беднейших крестьян, поставленных таможенным законодательством в невыносимые условия, угрожавшие самому их существованию, приводившие к истощению земель, к уничтожению лесов, к разливам рек. В связи с развитием промышленности государство привлекло мелкую сельскую буржуазию, а также интеллигенцию для работы в административных учреждениях, в газетах, в школах, в судебных органах. Таким образом, деревне так никогда и не удалось создать собственную политическую партию, оказывать влияние на ход общественных дел. Государственная власть взяла на себя даже функции промышленного банка. Эмиссия 4½-процентных бон, как известно, послужила на деле привлечению сотен и сотен миллионов лир крестьянских и эмигрантских сбережений. Эти миллионы лир Джолитти раздавал Терни, Ансальдо и прочим, оплачивая поставки военных и других материалов во время войны в Ливии.

Мировая война вызвала к жизни крупную крестьянскую партию — «народную партию». Что деревня никогда не имела своего собственного представительства, выражавшего ее интересы и политические чаяния, видно из самого состава «народной партии», аристократической и демагогической, опирающейся одновременно на крупных и средних землевладельцев, на деревенскую бедноту и на мелких земельных собственников. «Народная партия» стремится завладеть правительством, стремится к государственной власти, стремится построить *свое* государство и располагает для этого нужными средствами. Война поставила промышленный аппарат под контроль банков, а клерикалы в сегодняшней Италии — главные и наиболее активные агенты по выколачиванию сбережений. Они уже теперь занимают командные позиции во многих банках; если бы государственная власть попала им в руки, они в короткий срок сумели бы овладеть всеми банками, все клики и традиционные группировки были бы сметены и заменены новыми. У «народной партии» (700 000 членов!) большой аппетит и много амбиции, которые надо удовлетворить!

«Отечество в опасности, нужно спасти народ и общество!» На самом же деле в опасности только кошелек джолиттианских клиентур, в опасности власть ненасыт-

ных промышленников — политиканов, в опасности политическая карьера мелкобуржуазных агентов капитала.

Конечно, буржуазное государство не переживет кризиса. Однако при том положении, в каком оно сейчас находится, кризис его доконает. Но сам по себе развал буржуазного государства не беспокоит рабочий класс, наоборот, он содействует этому всеми своими силами. Явление это беспокоит рабочий класс по другой причине: он понимает, что для него наступает исторический час, час, когда на его плечи ляжет огромная ответственность. Класс промышленников бессилён помешать крестьянской политической партии завладеть государством и промышленностью и подчинить и то, и другое вожделям крупных и средних земельных собственников. Класс промышленников не в состоянии помешать развалу промышленности, помешать государству крестьян-богачей принести в жертву промышленное производство, с тем чтобы освободиться от иностранных долгов, помешать «народной партии» превратить Италию в сферу влияния иностранного капитала, в крестьянскую страну, непосредственно получающую промышленные товары из-за границы. Рабочих же эта проблема беспокоит не с точки зрения экономических и политических интересов промышленников, а с точки зрения их собственных жизненных классовых интересов, ибо все это означало бы гибель для рабочего класса, ибо вместе с уничтожением промышленности была бы уничтожена его историческая функция движущей силы прогресса общества.

Историческая задача рабочего класса четко вырисовывается в Италии, как это было и в России. Вследствие внутренних противоречий капиталистической системы вся сеть внутренних связей класса собственников и отношений между классом собственников и рабочим классом оказалась порванной. Капиталисты не в состоянии остановить разлагающее действие ядов, проникших в тело общества; разрушения следуют за разрушениями, развалины наслаиваются на развалины, культурные ценности находятся под угрозой неотвратимой гибели. Обновить общество может только рабочий класс; взяв в свои руки государственную власть, неуклонно следуя своим путем, не сотрудничая с буржуазией, он вызовет открытое классовое расслоение в деревне, оторвет беднейших крестьян и мелких земельных собственников от богачей, от эксплуататоров, сделает из них своих помощников по созданию рабочего государ-

ства, по завоеванию власти. Но если бы рабочий класс пошел по пути сотрудничества с буржуазией, он затормозил бы революционный процесс, который происходит в итальянском обществе и который должен завершиться расколом «народной партии» на две части, бурным вторжением классовой борьбы в деревню. В течение некоторого времени беднейшие крестьяне еще будут находиться в одних рядах с собственниками, чтобы не оказаться задавленными городом, разбойничьим натиском промышленников. Рабочий класс, ненавидящий патристическую фразеологию, ненавидящий фразеологию спасителей промышленности, спасителей производства, на деле является единственным классом, который действительно стремится «спасти отечество» и не допустить промышленной катастрофы.

Но для выполнения этой своей миссии он требует себе «всю» власть и совсем не впадает в панику от похоронно-трогательных стонов агентов буржуазии, спасителей народа и итальянского общества, «стоящего над» сословиями и классами.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 11 февраля 1920 года, № 36.)

АППАРАТ ТРУДА

Коммунистическая революция устанавливает автономии производителя и в области экономической и в области политической. Политическая деятельность рабочего класса (направленная на установление диктатуры, на создание рабочего государства) приобретает реальное историческое значение только в том случае, если она является результатом развития новых экономических условий, богатых возможностями, получающих все более широкое распространение, все более упрочивающихся. Чтобы политическая деятельность привела к положительным результатам, она должна сочетаться с деятельностью в области экономики. Коммунистическая революция есть историческое признание определенных, ранее существовавших экономических факторов, которые она выявляет, энергично ограждает от всяких попятных реакций, которые она юридически оформляет, то есть придает им единую организационную форму. Вот почему создание коммунистических политических Советов исторически может только следовать за расцветом и перво-

начальной систематизацией фабрично-заводских Советов. Фабрично-заводской Совет и система фабрично-заводских Советов сперва нащупывают и выясняют новые позиции, которые в области производства занимает рабочий класс, помогают рабочему классу осознать свою роль в современной обстановке, свои подлинные функции, свое будущее. Рабочий класс извлекает уроки из всей суммы положительного опыта, накопленного отдельными индивидуумами; он приобретает психологию и характер господствующего класса, организуясь как таковой, то есть создает политический Совет, устанавливает свою диктатуру.

Реформисты и оппортунисты высказывают по этому поводу очень туманное суждение, утверждая, что революция зависит от степени развития аппарата труда. Но это выражение — «аппарат труда» — есть для реформистов нечто вроде дьявола в реторте. Они любят фразу «максималистский нигилизм». Она у них постоянно в уме и на языке, но они остерегаются дать какие-либо конкретные определения, остерегаются показать свои познания в этой области. Что же они имеют в виду под выражением «аппарат труда»? Материальный предмет, отдельный станок, приспособление? Только это или отношения организационного, иерархического характера, существующие внутри бригады рабочих, работающих в цеху на одном станке или на нескольких станках? Или цех с его более обширным комплексом станков, где выполняются различные операции и применяются разнообразные принципы организации труда? Или целую фабрику? Или систему фабрик одной фирмы? Или систему отношений между различными промышленными фирмами, или между одной отраслью промышленности и другими, или между промышленностью и сельским хозяйством? Или под этим имеется в виду положение, занимаемое в мире отдельным государством, с характерным для него соотношением между экспортом и импортом? Или вся совокупность этих многообразных, строго взаимозависимых отношений, которые определяют условия труда и производства?

Реформисты и оппортунисты упорно избегают конкретной постановки вопроса. Считая себя хранителями политической мудрости, обладателями реторты с заключенным в ней дьяволом, они никогда не изучали реальных проблем, касающихся рабочего класса и будущего социализ-

ма. Они потеряли всякий физический и духовный контакт с пролетарскими массами и исторической действительностью, они — многословные и пустые риторы, неспособные ни к какой-либо деятельности, ни к формулировке конкретных мнений. Нет ничего удивительного в том, что, потеряв контакт с пролетарской действительностью, они добросовестно и искренне пришли к убеждению, что миссия рабочего класса была бы завершена, если бы введение всеобщего избирательного права позволило сформировать кабинет с участием Турати, издающего декрет о допуске к урнам проституток, или с участием Энрико Ферри, проводящего реформу дисциплинарного режима в домах для умишенных и в местах заключения.

Усовершенствовался ли аппарат труда за последние двадцать или десять лет, за время от начала войны до перемирия, от перемирия до сегодняшнего дня? Интеллигенты — реформисты и оппортунисты, претендующие на монопольное право толкования марксизма, — всегда считали более полезным для здоровья игру в карты или парламентские интриги, чем систематическое и глубокое изучение итальянской действительности. В результате оказалось, что «максималистский нигилизм» не располагает ни одной книгой, освещающей развитие итальянской экономики; оказалось, что итальянский рабочий класс не имеет возможности узнать о том, какие условия необходимы для развития итальянской пролетарской революции; получилось так, что итальянский рабочий класс оказался безоружным перед диким и беспорядочным вторжением вышеупомянутого безмозглого и безрассудного «нигилизма».

И все же рабочий класс, даже без помощи мелкобуржуазных интеллигентов, которые изменили своей миссии воспитателей и учителей, сумел понять и оценить процесс развития, проделанный аппаратом труда, аппаратом производства и обмена. Митинги и дискуссии, происходившие в процессе подготовки к созданию фабрично-заводских Советов, содействовали воспитанию рабочего класса больше, чем десять лет чтения брошюр и статей, написанных обладателями реторты с дьяволом. Рабочий класс овладел реальным опытом своих отдельных представителей и сделал его достоянием всего класса. Рабочий класс сам себя воспитывал в коммунистическом духе, своими собственными средствами, собственными методами.

Каждый рабочий, чтобы принять участие в создании Совета, должен был осознать свое положение в экономической области. Он почувствовал себя частью первичной производственной единицы, то есть цеховой бригады, он почувствовал, что технические нововведения в оборудовании изменили его отношения с инженером или техником; теперь рабочий меньше нуждается в инженере или технике, в специалисте — значит, он приобрел больше самостоятельности, может сам себя дисциплинировать.

Да и само положение инженера или техника изменилось. Его отношения с хозяином стали совершенно иными; он уже перестал быть доверенным лицом, агентом капиталиста, блюстителем его интересов. Так как рабочие могут обходиться без инженера (или техника) при выполнении множества трудовых процессов, то инженер (или техник), как агент по поддержанию дисциплины, становится только обузой: его роль сводится к производственной работе — теперь его связывают с капиталистом не более как отношения эксплуатируемого с эксплуататором. Его психология освобождается от мелкобуржуазных наслоений, становится пролетарской, революционной. Технические нововведения, повышение профессиональной квалификации позволяют рабочему приобрести большую самостоятельность, занять более высокое положение в производстве. Но изменение иерархических отношений и степени незаменимости не ограничивается производственной бригадой — первоначальной производственной единицей, источником жизни цеха и фабрики.

Каждая производственная бригада выражает в лице ее уполномоченного свое единое коллективное сознание, обретенное ею в силу ее известной самостоятельности и самодисциплины в труде и принимающее конкретный облик в цехе и на фабрике. Каждый фабрично-заводской Совет (собрание цеховых уполномоченных) в лице членов его исполнительного комитета выражает единое коллективное сознание рабочих всей фабрики, обретенное ими в силу своего положения в сфере производства. Исполнительный комитет может убедиться, что в положении директора фабрики произошло то же самое изменение, какое каждый рабочий замечает в положении инженера или техника.

Фабрика не является независимой. На фабрике нет предпринимателя-собственника, который обладал бы спо-

способностью (стимулируемой частнособственнической заинтересованностью) покупать сырье и продавать готовые изделия по наиболее выгодным ценам. Эти функции от отдельной фабрики перешли к системе фабрик, принадлежащих одной и той же фирме. Мало того, они осуществляются одним банком или целой системой банков, которые взяли на себя обязанности по поставке сырья и захвату рынков сбыта.

Но разве во время войны и для нужд войны государство не сделалось поставщиком сырья для индустрии, не монополизировало его распределение согласно заранее выработанному плану, разве оно не было монопольным покупателем продукции? Куда же делась экономически необходимая для производства фигура предпринимателя-собственника, капитана промышленности, который, подстегиваемый личной заинтересованностью, обеспечивал процветание фабрики своим умением предвидеть, своей инициативой? Она исчезла, растаяла в процессе развития аппарата труда, в процессе развития технических и экономических отношений, составляющих условия производства и труда.

Капитан промышленности превратился в «рыцаря промышленности»¹ — мошенника и авантюриста; он «свой человек» в банках, в светских салонах, министерских приемах, парламентских кулуарах и на бирже. Владелец оказался «засохшей ветвью дерева», стал обузой в процессе производства. Так как он уже перестал быть необходимым, так как его исторические функции атрофировались, он становится простым полицейским агентом, свои «права» он передает непосредственно государству, с тем чтобы оно защищало их любыми средствами.

Государство становится, таким образом, единственным владельцем аппарата труда, берет на себя все традиционные функции предпринимателя, превращается в безликую машину, покупающую и распределяющую сырье, устанавливающую обязательные производственные планы, покупающую продукцию и распределяющую ее. Буржуазное государство превращается в государство несменяемых и некомпетентных бюрократов, политиканов, авантюристов

¹ Игра слов; выражение *cavalier d'industrie* имеет двоякий смысл: «рыцарь промышленности» и «мошенник, аферист». — *Прим. перев.*

и прохвостов. Последствия этого — увеличение полицейских вооруженных сил, хаотический рост невежественного бюрократического аппарата, стремление «пристроить» всех недовольных из числа склонных к бездельничанью элементов мелкой буржуазии и создание с этой целью бесконечного множества паразитических учреждений.

Количество занятых непроизводительным трудом лихорадочно возрастает, выходит за рамки потенциально допустимых условий функционирования производственного аппарата. Люди работают и не производят, работают лихорадочно, а производство непрерывно сокращается, ибо образовалась разверстая пропасть, гигантская пасть, поглощающая и уничтожающая результаты труда, сводящая к нулю производительность. Неоплаченные часы труда рабочего не идут больше на увеличение богатства капиталистов; они идут на удовлетворение appetites бесчисленной массы агентов, чиновников, бездельников, а не на утоление голода тех, кто непосредственно работает на этот рой бесполезных паразитов. И нет ответственных, некого наказывать: всегда и всюду буржуазное государство со своей вооруженной силой, буржуазное государство, управляющее аппаратом производства, разлагающееся, разваливающееся, заложенное и предназначенное к продаже с торгов на международном рынке железного лома и всякого хлама...

Так развивался аппарат труда, система экономических и социальных отношений. В области производства рабочий класс приобрел весьма высокую степень автономии, так как в результате развития промышленной и торговой техники атрофировались все полезные функции, присущие прежде частной собственности, личности капиталиста.

Частный собственник, автоматически изгнанный из сферы производства, закрепился у государственной власти, монополизировавшей «выпаривание» прибыли. Вооруженная сила держит рабочий класс в политическом и экономическом рабстве, ставшем антиисторическим и сделавшемся источником разложения и гибели. Рабочий класс спланивается вокруг машин, создает свои представительные учреждения как функцию труда, как функцию завоеванной автономии, завоеванного им сознания своей самостоятельности. Фабрично-заводской Совет является основой его положительного опыта, овладения аппаратом труда, является прочной основой процесса, который должен

завершиться установлением диктатуры, завоеванием государственной власти, предназначенной ликвидировать хаос, избавить человеческое общество от гангрены, грозящей привести его к загниванию и омертвлению, грозящей ему гибелью.

(Без подписи: «Ордине нуово», 14 февраля 1920 года № 37.)

ПЬЯНЫЙ НАЕМНИК

В образе борзописцев газеты «Стампа» возрождается бессмертная фигура наемного солдата из комедии XVI века, который на ломаном итальянском языке хвастался: «Мы, ландскнехты, счастливые люди: делаем, что хотим, а потом говорим, что были пьяны». То же самое могли бы сказать и сотрудники газеты «Стампа»: «Мы счастливые люди: мы доказывали, что Ливия — рай для голодных южноитальянских крестьян, что Джузеппе Бевионе, кандидат Четвертого избирательного округа, будет зачинателем новой, благотворной политической традиции, доказывали, что президент Вильсон — титан человечества, что он преобразует мир на основе справедливости и расправится со всеми масонами и империалистическими акулами обоих континентов; мы издевались над легковерием наших читателей... Ну и что же?.. Нам нечего бояться, мы ни за что не отвечаем, так как «Стампа» — «газета политическая и потому живет требованиями сегодняшнего дня».

Что такое «политика и требования сегодняшнего дня» для «пьяных ландскнехтов» газеты «Стампа»? Это — пустая игра парламентских партий; это — тайный сговор отдельных капиталистов с отдельными деятелями рабочего движения; это — разрешение волнующих, глубоких исторических проблем вроде следующих: нужно ли поставить у власти Саландра, или Нитти, или «ярого врага всякой несправедливости» — Джованни Джолитти? Должно ли правительство послать в Лондон для ведения официозных дипломатических интриг Амендола и Борджезе из «Коррьере делла сэра» или Марчелло Прати, Бенедетто Чирмени и Чезаре Собреро? Кому будет поручено ведение национальных и международных банковских операций — Сильвио Креспи или Вольпи? Следует ли выбирать префектов, вице-префектов, судей, начальников полиции и комиссаров общественной безопасности среди привер-

женцев Джолитти, среди его верных «оруженосцев» или среди «оруженосцев» Саландры или Нитти?

Естественно, что «пьяные наемники» из газеты «Стампа» отказываются встать на «философскую» почву «Аванти!» Для «Аванти!» «политика» — это классовая борьба, движение широких масс трудящегося народа, вызванное процессом развития организованного на капиталистической основе национального и международного экономического аппарата. Для «Аванти!» «жить требованиями сегодняшнего дня» означает следить за процессом (и содействовать процессу) разложения общества и государства, сложившихся за пятьдесят лет господства буржуазии. «Жить требованиями сегодняшнего дня» означает наблюдать и отмечать, как в этом процессе претворяются в жизнь основные положения марксистского учения, служащего основой деятельности социалистической партии, органом которой является «Аванти!». «Жить требованиями сегодняшнего дня» означает наблюдать, отмечать и объяснять, как в Италии банки объединили две ранее враждовавшие категории промышленников (капиталистов металлургической и машиностроительной промышленности), как государство содействовало созданию картеля крупных банков и само попало в руки этой колоссальной капиталистической коалиции, как промышленному и финансовому капиталу, несмотря на образование этой коалиции, не удастся больше твердо держать в руках государственную власть с тех пор, как деревня, то есть расплывчатая, недифференцированная крестьянская масса, выдвинула крупную парламентскую партию, стремящуюся овладеть государством, чтобы организовать его по христианско-демократическому, аристократическо-демагогическому образцу. Для «Аванти!» «быть политической газетой и жить требованиями сегодняшнего дня» означает показать (извлекая из накопленного опыта полезные уроки и новый стимул для действий), как развивается у рабочего класса сознание своей исторической миссии, предсказанной Марксом, как рабочий класс благодаря внутренней настойчивой творческой работе своих новых институтов, благодаря новой психологии, новому образу жизни постепенно организуется в господствующий класс, в класс, способный создать государство нового типа, Советскую республику, с целью осуществления коммунизма, нормального развития той централизованной экономики, «подчиненной обще-

му плану», которую буржуазное государство создало для войны и сохраняет для... пирровой победы.

«Аванти!» — это газета партии рабочего класса, социалистической партии, этого грандиозного социального организма, который идет вперед, осуществляя программу действий, выработанную на ее съездах, социального организма, связанного бесчисленными нитями с итальянским трудящимся народом, организованным в профсоюзы, кооперативы и фабрики; наиболее активная, передовая часть народа объединена в первичные организации и местные секции партии. Сотрудники «Аванти!» — преданные и верные бойцы партии, работающие под ее контролем, ответственные перед ней, связанные программой действий, выработанной в результате долгих дискуссий и на основе длительнейшего опыта рабочего класса Италии и других стран. Понятно, что «пьяные ландскнехты» из газеты «Стампа», прислужники буржуазии, идеологические агенты капитала, служащие газетного треста, действующего как коммерческое предприятие, предназначенное для получения материальных и особенно политических выгод для темной шайки директоров крупных газет, отказываются встать на «философскую» почву «Аванти!». Тот, кто, защищая денежные сейфы, сражается против рабочих отравленным оружием продажных, безответственных наемников, тот не может встать на почву, на которой сражаются эксплуатируемые, на почву борьбы рабочего класса: «пьяному ландскнехту» чужды чувства, взгляды, стремления, «философия» рабочего класса.

Историческая задача социалистической партии, политической организации сознательного авангарда пролетариата, состоит в том, чтобы организовать класс рабочих и беднейших крестьян в господствующий класс. Так как «Аванти!» осуществляет в рамках своей газетной работы эту задачу партии, то партийные работники, сотрудничающие в «Аванти!», не отказываются встать на почву газеты «Стампа», чтобы разоблачить маневры агентов буржуазии. Кампании, проводимые «Стампа», также являются эпизодами борьбы классов. Как уже указывалось, итальянское буржуазное государство образовалось благодаря усилиям капиталистических элементов Северной Италии, стремившихся унифицировать систему отношений собственности и обмена в рамках единого национального рынка, разделенного до тех пор на множество мел-

ких государств. До прихода к власти «левой»¹ итальянское государство предоставляло избирательное право только классу собственников. Это была свирепая диктатура, предавшая огню и мечу Южную Италию и Острова, распинавшая, четвертовавшая и заживо погребавшая беднейших крестьян, которых продажные писаки пытались заклеить прозвищем «бандиты». Развитие промышленности укрепило объединенное государство: «левая» пришла к власти, расширила избирательное право, ввела чуточку «демократии». Однако диктатура промышленной буржуазии была не менее свирепа, чем диктатура средней буржуазии и земельных собственников, присвоивших себе церковное имущество. Государство поставило себя на службу промышленникам и в 1898 году подавило выступления рабочего класса, впервые поднявшегося на борьбу одновременно с беднейшими крестьянами Сицилии и Сардинии. Промышленная «демократия» показала свое истинное лицо изданием исключительных законов против рабочего класса и предоставлением офицерам права приостанавливать действие конституционных гарантий в Сицилии и Сардинии (книга Джулио Беки «Крупная охота» является «наивным» рассказом одного унтер-офицера, объявившего в Сардинии осадное положение, бравшего заложниками стариков, женщин, грудных детей и наказанного военными властями за то, что он оскорбил сардинских интеллигентов, написав неподобающие вещи о цвете неба, о пейзаже и о целомудрии сардинских женщин). В дальнейшем усилившийся процесс развития промышленности породил джолиттизм, который с точки зрения газеты «Стампа» означает высшее достижение «истинной» демократии. О степени демократичности итальянского государства можно судить исходя из следующего вывода из исторического опыта: либеральные режимы характеризуются равновесием двух крупных парламентских партий — консервативной (представляющей земельных собственников) и демократической (представляющей промышленный капитал). Равновесие обеспечивает судебная власть, независимая от парламента и от правительства, призванная сопротивляться всякой узурпации со стороны той или иной категории

¹ Речь идет о либеральной торгово-промышленной буржуазии, пришедшей к власти в Италии в 1876 году.— *Прим. ред.*

буржуазии и потому исторически воплощающая демократизм класса собственников, демократизм, стоящий выше отдельных слоев и категорий тех же собственников. В Италии после прихода к власти «левой» никогда не было и нет такого равновесия, как нет, по конституции, и судебной власти.

Итальянское государство всегда было не демократическим, а деспотическим и полицейским (существовала лишь одна-единственная власть — правительство с совещательным органом — парламентом), оно всегда было диктатурой промышленников, направленной против рабочего класса и крестьянства. Война политически ослабила промышленный капитал. Она усилила рабочий класс, его историческую партию революционной оппозиции капиталу и создала условия для возникновения крупной партии крестьянства, «народной партии», партии конституционной оппозиции промышленникам. Значит, буржуазное государство вступило в полосу глубочайшего кризиса, который может привести его к гибели. В нормальных условиях оно должно было бы стать государством либеральным, государством, в котором существует равновесие между промышленниками и сельскими хозяевами, но для этого контроль над вооруженной силой должен был бы перейти из рук правительства (исполнительной власти) в руки власти, независимой и от правительства и от парламента, в руки судебных органов, наделенных властью через посредство учредительного собрания. Класс капиталистов стремится избежать такого кризиса, стремится избежать того, чтобы его правительство, пусть даже на миг, потеряло контроль над вооруженной силой, так как в таком случае рабочий класс рванулся бы вперед и, расширив брешь, захватил бы революционным путем государственную власть. Вот тут-то и появляется на сцене снова живое воплощение «демократии», Джолитти со сворой своих мелкобуржуазных приспешников, «пьяных ландскнехтов» из газеты «Стампа»; рабочий класс, говорят они, если бы он шевелил мозгами и не позволял бы отуманивать себя всяким безмозглым «философам», должен был бы сотрудничать с «истинной» демократией, чтобы укрепить буржуазное государство, то есть упрочить политические позиции капитала, должен был бы противопоставить коалиции крестьянских слоев, созданной «народной партией», «индустриальную» коалицию английского типа: социали-

стическая партия должна была бы скатиться с революционных позиций на позиции лейбористской партии, какой она была до войны.

Рабочий класс научился не доверять своим «друзьям» из среды мелкобуржуазной интеллигенции, не доверять агентам капитала. Даже если бы итальянское государство не было государством полицейским, даже если бы итальянское государство было либерально-демократической республикой, у рабочего класса был и есть по отношению к нему только один долг — свергнуть его.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 18 февраля 1920 года, № 42.)

РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ

«Стампа» доказывала, что в настоящий момент одна проблема доминирует над всеми другими: восстановить авторитет государства. Чтобы разрешить именно эту жизненно важную проблему итальянского общества, «Стампа» призывала и продолжает призывать к сотрудничеству рабочий класс и социалистическую партию. А «философ» из «Аванти!» противопоставляет деятельности рабочего класса по укреплению расшатанного буржуазного государства революционные действия рабочего класса, направленные на создание рабочего государства (диктатуры пролетариата), как единственно исторически возможную деятельность. В своей вчерашней статье сотрудник газеты «Стампа» находит, что, исходя из канонов идеалистической философии, нельзя считать жизненно важной проблемой создание рабочего государства, что такой проблемой, согласно этим канонам, является укрепление буржуазного государства. Это одно из таинственных чудес идеалистической философии, которая чурается революционных мифов и находит более выгодным делом обслуживание денежных сейфов и буржуазного государства.

Сотрудник газеты «Стампа» резко протестует против всякого, кто осмелится сказать о нем, что он верит в социальную гармонию и не считает классовую борьбу движущей пружиной истории! Этот резкий протест означает либо то, что, по мнению сотрудника «Стампы», в данный момент история вообще не нуждается в этой «пружине», либо то, что сотрудник, абстрактно признавая, что классовая борьба является движущей пружиной истории,

в каждом конкретном случае хочет устранить эти зловредные пружины. И в этом случае идеалистическая философия со своим ригоризмом и своими восхвалениями нетерпимости подвергается таинственным и сложным превращениям. Коммунистов, мечтающих уничтожить классовую борьбу при помощи классовой борьбы и уподобляющихся (о несчастные!) как раз тем наивным демократам, которые мечтали убить войну войной, сотрудник газеты «Стампа» со скорбью предоставляет их собственным дьявольским иллюзиям. Но у коммунистов III Интернационала есть на этот счет определенные доктрины и тезисы, которые сотрудник газеты «Стампа» должен был бы знать и попытаться опровергнуть как неосновательные. Товарищ Троцкий, например, утверждает, что мировое значение русской революции заключается в следующем: русская революция является первой победоносной попыткой рабочего класса одного государства создать условия для построения экономической системы, организованной в мировом масштабе. Русское рабочее государство есть первая ячейка этой огромной организации. Класс капиталистов пытался создать организацию такого масштаба в своих интересах, по-своему, путем империалистической войны и использования мифа о Лиге наций. Полемику о вечной войне и вечной борьбе классов русские рабочие завершили с оружием в руках. Они много претерпели, им пришлось переносить голод, самые жестокие лишения, но полемика пока завершена с «диалектическим» превосходством русских рабочих над мировым империализмом. Очень вероятно, что в Италии полемика также будет окончена способом, весьма сходным с русским. Сотрудник газеты «Стампа» убежден, что вмешательство государства в процесс производства и обмена было простой случайностью, несчастным событием и что «декрет» восстановленной правительственной власти сможет покончить с ним к величайшему счастью человеческого рода. Коммунисты же III Интернационала, наоборот, убеждены, что «событие» было необходимым следствием процесса развития общества, разделенного на классы. Поэтому они ставят проблему следующим образом: в чьих интересах должна действовать государственная власть, объединившая и централизовавшая производственный процесс? В интересах плутократии или в интересах рабочего класса? И отвечают: рабочий класс должен взять

власть в свои руки, чтобы использовать ее в своих интересах и в интересах беднейшего крестьянства.

Крестьянский вопрос приводит в возбуждение сотрудника газеты «Стампа». С бурной радостью, с победоносным видом он козыряет им, утверждая: крестьяне будут бичом коммунизма. Осторожней, рабочие! Вы хотите освободиться от придавливающего вас изящного сапога современной культурной буржуазии, как бы вам не очутиться под кованым сапожищем крестьянина! Далее он властно требует от нас точного и подробного описания форм, в какие выльется революция городского рабочего класса. Крестьянский вопрос и проблема «форм» тесно связаны. Отсюда берет свое начало и полемика между непримиримыми и оппортунистами. В деревне классовая борьба еще не приняла широкого масштаба и сознательно организованных форм. Конечно, пролетарская революция вступит в свою кульминационную фазу не раньше, чем класс беднейших крестьян и мелких собственников решительно отколетсЯ от политических партий крестьянской коалиции. В Германии и в Венгрии движение пролетариев не сопровождалось движением беднейших слоев крестьянства. Восставшие города остались изолированными, окруженные непониманием и безразличием деревни, а клерикальная и капиталистическая реакция нашли там прочную опору. В России же Октябрьской пролетарской революции предшествовали мощные революционные выступления деревни. Партия русских крестьян (народников или социалистов-революционеров) раскололась надвое в результате этих выступлений, и армия, в большинстве состоявшая из крестьян, развалилась. Городской рабочий класс использовал развал государства, потрясенного до основания этими мощными выступлениями крестьянства, и штурмом завладел государственной властью. «Трагедия» Учредительного собрания заключается именно в том, что большинство его крестьянских депутатов принадлежало к правым народникам, а на съезде Советов большинство крестьянских депутатов состояло из коммунистов и левых народников. Учредительное собрание, избранное по коалиционным народническим спискам, отображало политические настроения крестьянства, уже исчезнувшие в результате развития классовой борьбы и революционных выступлений беднейшего крестьянства.

Классовая борьба бурно, неудержимо разовьется и в

итальянской деревне. И в Италии «народная партия» расколется надвое. Конечно, не религиозным связям задержать развитие классовой борьбы, «движущей пружины истории». И в Италии рабочий класс возглавит революцию, ибо среди угнетенных частной собственностью только у пролетариата есть политическая доктрина — марксизм, есть культура, есть единая психология, есть дисциплина, ибо только рабочий класс, отправляясь от способа производства, от фабрики, сможет организовать новое жизнеспособное общество. Но настолько ли зрел рабочий класс, чтобы устоять перед коварными призывами идеологических агентов буржуазии, чтобы понять, что сотрудничество с буржуазными партиями, представляющими интересы капиталистической плутократии, задержало бы развертывание классовой борьбы в деревне, позволило бы сохранить сплоченность вооруженных сил и что подобные благоприятные условия «восстановленное» государство использовало бы для решающего наступления против рабочих, еще раз обманутых и осмеянных? Насколько ли зрел рабочий класс? Своими атаками при помощи таких отравляющих средств «Стампа» производит разведку. Поэтому мы и сказали, что ее статьи — эпизод классовой борьбы, поэтому и ответили на них.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 20 февраля 1920 года, № 44.)

ПРАВЯЩАЯ ПАРТИЯ И ПРАВЯЩИЙ КЛАСС¹

Социалистическая партия — правящая партия, партия, которая должна будет осуществлять политическую власть. Социалистическая партия выражает интересы пролетарского класса, класса, состоящего из фабрично-заводских рабочих, у которых нет собственности и которые никогда не станут собственниками. Именно на этих интересах социалистическая партия и основывает свою реальную деятельность, на интересах тех, у кого нет собственности и кто уверен с математической точностью, что никогда не сделается собственником. Класс трудящихся состоит не только из промышленных рабочих: все трудящиеся рано или поздно превратятся в пролетариев, в класс, не имею-

¹ Эта статья представляет собой соединение двух заметок («Правящая партия» и «Правящий класс»), напечатанных в одном и том же разделе газеты и тесно связанных между собой по содержанию.

щий собственности и уверенный с математической точностью, что никогда ее не приобретет. Поэтому социалистическая партия обращается ко всему классу трудящихся, к служащим, к беднейшим крестьянам, к мелким собственникам, разъясняет им свою доктрину — доктрину марксизма и доказывает, что все трудящиеся, каким бы трудом они ни занимались — физическим или умственным, — будут доведены до положения рабочего класса, что все демократические иллюзии, будто каждый может стать собственником, являются именно иллюзиями, наивностью и мелкобуржуазными мечтами.

Либеральная партия — партия промышленников, партия свободной экономической конкуренции — есть типичная партия капиталистического общества, есть правящая партия класса капиталистов; используя конкуренцию, она стремится индустриализировать весь организованный общественный труд, стремится свести весь собственнический класс к типу своего экономического клиента — капиталиста-промышленника.

Коммунистическая партия — партия пролетариев, партия социализированной и интернационализированной экономики — является типичной партией пролетарского общества, партией правительства рабочего класса. Через Центральный совет народного хозяйства, который координирует и унифицирует производственную деятельность, она стремится социализировать всю работу, которую капиталисты индустриализировали, и стремится социалистически индустриализировать все другие отрасли труда, еще не индустриализированные капитализмом. Она стремится сделать всех членов общества пролетариями, но пролетариями нового типа: раскрепощенными и возрожденными, пролетариями, не владеющими частной собственностью, но управляющими общественным богатством и пользующимися при этом теми радостями и благами жизни, которых они заслужили своим трудом, затраченным ими в процессе производства.

Это историческое положение налагает на социал-демократическую партию определенные обязанности. Она является правящей партией, поскольку представляет преимущественно пролетариат, класс промышленных рабочих. Частная собственность грозит гибелью пролетариату, грозит уморить его голодом и холодом. Экономическая конкуренция, характерная для капиталистической собственно-

сти, приведя сначала к перепроизводству, привела затем к установлению национальной монополии, к империализму, к жестокому столкновению между империалистическими государствами, к безмерному уничтожению богатств, к дороговизне, к безработице, к смерти от голода и холода. Класс, не имеющий собственности, те, кто никогда не сможет сделаться собственником, жизненно заинтересованы и всегда будут жизненно заинтересованы в проведении социализации, в установлении коммунизма. Но среди других слоев трудящегося населения может зародиться и развиваться новый капитализм: в тех формах производства, которые капитализм еще не индустриализировал, может начаться и принять затем угрожающие размеры развитие частной собственности и эксплуатация человека человеком. После того как будет разрушено буржуазное государство, сломана государственная машина, которой пользовался финансовый капитал, чтобы монополизировать в своих интересах весь труд и все производство, ремесленник может попытаться использовать социалистическое правительство для развития своего предприятия, прибегнуть к наемному труду, сделаться промышленником. Если пролетарское правительство не позволит ему этого, он может сделаться бунтовщиком, объявить себя анархистом, индивидуалистом и т. п. и создать политическую базу для партии, находящейся в оппозиции к пролетарскому правительству. Мелкий собственник (или крестьянин-бедняк из районов, где господствует система латифундий, экстенсивной культуры), пользуясь тем, что временно, пока длятся созданные войной условия продовольственного снабжения, кило картофеля может стоить дороже автомобильной шины, буханка хлеба — дороже кубического метра кирпичной кладки, может требовать, чтобы в процессе обмена его немеханизированный, а поэтому экономически малоценный труд приравнялся к вдесятеро более ценному труду рабочего. Если же пролетарское правительство не позволит крестьянину заменить капиталиста в области эксплуатации рабочего, то крестьянин может взбунтоваться и найти среди агентов буржуазии группу, которая организует крестьянскую политическую партию, направленную против рабочих. Во всех этих областях производства, где в условиях пролетарского государства трудящиеся не могут быть лишены политических прав, где капиталистическая индустриализа-

ция еще не сумела создать условия для труда пролетария, не являющегося собственником и абсолютно уверенного в том, что он никогда не станет собственником, могут возникнуть даже после революции враждебные пролетариату силы, которые будут стремиться возродить капиталистическую собственность и эксплуатацию рабочего класса.

Социалистическая партия — поскольку она выражает экономические интересы рабочего класса, которому частная капиталистическая собственность грозит смертью, — получит от рабочего класса мандат на формирование революционного национального правительства. Но социалистическая партия станет правящей партией лишь тогда, когда она сумеет помочь этому классу изжить все подобного рода трудности, когда сумеет добиться превращения всех членов общества в людей нового типа, характерного для нового общества, — в пролетариев, раскрепощенных, возрожденных и избавленных от рабства наемного труда, когда она сумеет основать коммунистическое общество, то есть единый Интернационал народов, общество без государства. Социалистическая партия станет партией революционного правительства, если поставит перед революцией конкретные цели, если скажет: пролетарская революция разрешит таким-то и таким-то образом такие-то и такие-то проблемы современной жизни, которые волнуют и приводят в отчаяние людские массы. Революция как таковая является в данный момент программой-максимум социалистической партии, а она должна стать программой-минимум, тогда как программой-максимум должна сделаться программа, указывающая формы и методы, при помощи которых рабочий класс своей организованной и систематической работой добьется уничтожения всяких антагонизмов и конфликтов, порождаемых капитализмом, и создаст коммунистическое общество. Подготовить рабочий класс, жизненные интересы которого заключаются в создании коммунизма, к достижению его исторической цели — это и значит организовать пролетариат в господствующий класс. Пролетариат должен выработать в себе психологию, подобную той, какая имеется в настоящее время у буржуазии; речь идет, конечно, не об искусстве эксплуатировать, а об искусстве управлять, искусстве доводить до успешного конца те или иные начинания, те или иные действия крупного масштаба, осуществляемые пролетарским государством. Впрочем, если бы про-

летариат даже и захотел, он не смог бы выработать у себя психологию эксплуататора. Пролетарий не может сделаться собственником, если только не разрушит заводы и машины и не сделается собственником груды железного хлама, чтобы умереть на ней через несколько дней. Именно потому, что в силу самих технических условий индустриального производства он не может сделаться собственником и эксплуататором, пролетарий призван историей создать коммунистическое общество и освободить всех угнетенных и эксплуатируемых.

Социалистическая партия станет на деле партией революционного правительства, если пролетариат сумеет убедиться, что его непосредственные жизненные задачи разрешимы только его классовым правительством, пришедшим к власти революционным путем.

Рабочий класс знает, что, только производя, он господствует над обществом и ведет его к коммунизму, поэтому проблема производства и его увеличения является для рабочего класса основной и постоянной. Но эта проблема заключается в следующем: как добиться того, чтобы рабочий класс смог продолжать производство и был физически в состоянии расширять его; как добиться того, чтобы рабочих не мучил вопрос о хлебе насущном, чтобы они крепили физически и развивались в культурном отношении и могли со всем революционным энтузиазмом посвятить себя промышленному труду, производству, отысканию и осуществлению новых методов труда, новых методов производства, которые были бы прочными звеньями исторической цепи, ведущей к коммунизму. Непосредственные задачи, стоящие перед рабочим классом, сводятся в основном к одной проблеме — проблеме обеспечения трудящихся продовольствием, к установлению такой политической системы, при которой распределение предметов питания не было бы предоставлено самотеку, на усмотрение частных собственников, а зависело бы от потребностей трудящихся и от интересов производства. Пролетарский принцип «кто не работает, тот не ест» приобретает с каждым днем все более конкретное историческое значение, все яснее предстает как принцип, не имеющий в себе ничего якобинского, ничего мистического, не имеющий даже отдаленного сходства с формулой буржуазной революции: «Свобода, равенство и братство».

Пролетарский принцип является открытым признанием

назревшей и органической необходимости сохранения человеческого общества, которому угрожает разложение и разрушение вместе с буржуазным государством. Необходимо производить материальные блага, а чтобы производить их, необходимо существование рабочего класса, физически и интеллектуально способного на героический труд. Вот почему необходимо, чтобы наличные продовольственные ресурсы были в первую очередь предназначены на поддержание рабочего класса, класса производителей, чтобы существовала такая власть, которая была бы в состоянии заставить это сделать, в состоянии обеспечить рабочему классу такие условия жизни, такой уровень благосостояния, чтобы он мог работать, увеличивать производство материальных благ. Если имеющегося в наличии хлеба столько, что в среднем на каждого человека приходится лишь по 200 граммов в день, необходимо такое правительство, которое обеспечило бы получение рабочими по 300 граммов хлеба, а неработающих граждан заставило бы довольствоваться 100 граммами и даже меньшим количеством, а то и совсем не давало бы им ничего. Правительством такого рода может быть только рабочее правительство, правительство рабочего класса, ставшего правящим классом, господствующим классом.

Рабочее правительство не может существовать, если рабочий класс весь целиком не в состоянии сделаться исполнительной властью рабочего государства. За выполнением законов рабочего государства должны следить сами рабочие. Только в таком случае рабочему государству не грозит опасность попасть в руки авантюристов и политиканов, не грозит опасность уподобиться буржуазному государству. Поэтому рабочий класс должен учиться к ведению общественных дел, накапливать опыт в этом отношении, должен приобрести культуру и психологию господствующего класса, приобрести их своими средствами, своими методами на митингах, на съездах, в дискуссиях, путем взаимного воспитания. Фабрично-заводские Советы были первой формой этого исторического опыта итальянского рабочего класса, стремящегося к самоуправлению в рабочем государстве. Вторым шагом, одним из наиболее важных шагов, будет съезд фабрично-заводских Советов, на который будут приглашены представители всех итальянских фабрик и заводов. Он будет съездом всего итальянского рабочего класса, пред-

ставленного специально избранными делегатами, а не профсоюзными чиновниками: Съезд должен будет поставить и попытаться разрешить важнейшие проблемы, интересующие итальянский пролетариат: внутренние проблемы класса, как например вопрос о пролетарском единстве, об отношениях между Советами и профсоюзами, о вхождении в III Интернационал, о принятии отдельных тезисов III Интернационала (диктатура пролетариата, производственные профсоюзы и т. д.), об отношениях между анархо-синдикалистами и коммунистами-социалистами, о классовой борьбе, о рабочем контроле над промышленностью, о восьмичасовом рабочем дне, о системе Тэйлора, о дисциплине труда и т. д. Уже теперь товарищи должны были бы начать обсуждение этих вопросов на собраниях по предприятиям. Вся рабочая масса должна была бы интересоваться этими дискуссиями, должна была бы привносить свой опыт и знания в разрешение этих проблем. На всех фабрично-заводских собраниях нужно было бы обсудить и поставить на голосование обстоятельные и подкрепленные доказательствами предложения по этим вопросам, а на съезде в докладах следовало бы проанализировать прения, развернувшиеся на фабрично-заводских собраниях, координировать проделанную всей рабочей массой работу, работу по отысканию истины и по конкретизации решений. Тогда съезд Советов в Турине действительно стал бы событием величайшего исторического значения. Собравшиеся со всей Италии рабочие получили бы блестящее доказательство того, что может сделать фабрично-заводской Совет, чтобы повести рабочий класс к освобождению, к победе. Туринские рабочие еще нагляднее, чем сейчас, показали бы пример революционного энтузиазма, систематической организаторской работы по самообразованию, по самовоспитанию, по созданию условий победы и укрепления коммунистического общества.

(Без подписи; «Ордине нуово», 28 февраля — 6 марта 1920 года, № 39, рубрика «Политическая неделя».)

ПРОЛЕТАРСКОЕ ЕДИНСТВО

В полемике о нынешней фазе развития революционного процесса и о степени зрелости, достигнутой капиталистической организацией в области развития орудий труда и производства, реформисты и оппортунисты (как, в сущ-

ности, анархо-синдикалисты) систематически избегают черпать сведения из того источника, который для коммунистов является наиболее богатым существенной и достоверной информацией,— от массы рабочих и крестьян. Это доказывает: 1) что реформисты и оппортунисты, несмотря на их претенциозно-научную фразеологию, далеко отошли от марксистского учения и представляют собой идеологических агентов капитала, проникших в область организованной борьбы рабочего класса, 2) что анархо-синдикалисты, несмотря на их претенциозно-революционную фразеологию, представляют собой в области рабочего движения безответственную клику политиканов, которые подменяют открыто действующую и контролируемую массами политическую партию рабочего класса бесконтрольной организацией масонского типа.

Для коммунистов, придерживающихся марксистского учения, масса рабочих и крестьян дает единственно подлинное и свободное от какого-либо искажения выражение исторического процесса развития капитала. Стихийные, неудержимые выступления масс трудящихся, получающие все более широкий размах, их идеологические позиции, по-новому характеризующие их различные слои, указывают точный смысл исторического развития, выявляют его дальнейший ход и формы, предвещают разложение и развал капиталистической организации общества. С точки зрения революционного сентиментализма или жалкой мелкобуржуазной морали эти выступления масс представляются то захватывающими, то смешными, то героическими, то варварскими; с точки же зрения марксистского учения их надо рассматривать как проявление исторической необходимости. Для коммунистов они имеют реальное значение в той мере, в какой они обнаруживают зарождение новой жизни масс, их способность и стремление к созданию новых институтов, исторически возникшую тенденцию к коренному обновлению человеческого общества. Для коммунистов они имеют значение в той мере, в какой они выявляют, что процесс развития крупного промышленного производства создал условия, при которых рабочий класс осознает свою особую роль в истории, осознает возможность создания — путем улучшения организации и дисциплины своего труда — новой системы экономических и правовых отношений, основан-

ных на особой функции, выполняемой в жизни человеческого общества рабочим классом.

Изолироваться от внутренней жизни класса трудящихся для коммунистов означает изолироваться от исторического процесса, неуклонно осуществляющегося помимо и вопреки воле отдельных лиц, помимо традиционных институтов и вопреки им. Реформисты определяют «курс» своей политической деятельности, исходя из официальных заявлений законных властей, из внешних, сугубо поверхностных установок традиционных институтов, из желаний буржуазных или профсоюзных «руководителей». Анархо-синдикалисты делают ставку на шумные уличные демонстрации, искусственно вызванные ими же самими, воспламеняясь от вопля беспорядочных толп, настроение которых подогрето яростными речами уличных трибунов. И те и другие говорят о «подлинной» воле человеческих масс, однако и те и другие в равной мере обладают интуицией и диалектической способностью, присущей глулу с завязанными глазами.

По мнению же коммунистов, подлинная воля масс, исторически обусловленная революционная воля, осуществляется повседневно лишь тогда, когда рабочая масса организована в соответствии с техническими потребностями промышленного производства, когда каждый человек чувствует себя связанным со своими товарищами трудовыми, производственными функциями, когда рабочий класс находится под воздействием импульсов исторической необходимости, ощущаемых им в специфической сфере его деятельности. Воля масс претворяется в жизнь органически и постоянно именно тогда, когда ежедневно создается новая частица новой психологии рабочих, новой социальной организации, которая будет непрерывно развиваться, пока не превратится в Коммунистический Интернационал — верховный регулятор жизни всего мира.

Переживаемый нами исторический период является революционным, так как традиционные органы руководства массами, связанные со старыми способами производства и обмена, потеряли всякий исторический смысл и не выполняют уже каких-либо полезных функций. Центр тяжести системы общественного устройства переместился: общественные учреждения теперь сущая видимость, форма, лишенная какого бы то ни было исторического содержания, какой бы то ни было воодушевляющей идеи.

Буржуазия охраняет свои жизненные интересы уже не с помощью парламента, а непарламентским путем, рабочий класс ищет новых путей для создания органов своей власти вне профсоюза и находит их в фабрично-заводских Советах, в системе Советов. Парламент был органом, в котором концентрировались высшие политические интересы, определявшиеся конкурентной борьбой за прибыль, в которой сталкиваются отдельные индивидуумы, группы, прослойки. Так как такого рода конкурентной борьбы при империалистической фазе капитализма уже не существует, национальный парламент завершил свою историческую задачу; буржуазия самоуправляется при помощи банков и крупных капиталистических объединений, синтезирующих общие интересы всего класса; правительство прямо ориентируется на эти объединения и сводит свою деятельность к полицейским функциям, к поддержанию порядка на улицах и площадях.

Но захирели и разложились не только буржуазные институты, вступили в полосу кризиса и потеряли способность управлять массами также организации рабочего класса, возникшие в период развития капитализма и отражавшие отношение рабочего класса к этому процессу. Руководители рабочих организаций недовольны разворачивающимися событиями, находят их бессмысленными и хаотическими, обвиняя то или иное конкретное лицо в том, что оно искусственно вызвало их. В действительности же оказалось, что руководство рабочим классом осуществляется теперь не в недрах профсоюзов, а на фабриках и заводах, на месте работы, и если рабочие еще не успели создать свой собственный орган власти, если еще в их среде недостает людей, способных трезво разобраться в хаосе мыслей и страстей, обуревающих трудящиеся массы, людей, способных найти выход из этого хаоса, то масса подпадает под руководство импровизированных вождей, какого-нибудь Мазаньелло, мечущегося по улицам и площадям в поисках сильных эмоций и революционных авантур.

Экономические отношения в капиталистическом обществе претерпели ряд изменений, организация аппарата производства и обмена подверглась глубокому преобразованию, вся правовая надстройка, выросшая на старой основе, разваливается и разрушается. И как это всегда бывает, люди, профессией которых является охрана существующего строя, буквально теряют рассудок и стано-

вятся глупо заносчивыми, когда кто-либо «осмеливается» оспаривать необходимость их функций или утверждать, что развитие промышленности убило их ремесло.

С каждым днем становится все более очевидным, в чем в данное время заключается задача политической партии рабочих, в чем состоит задача рабочего авангарда — социалистической партии. Задачей диктатуры пролетариата, рабочего государства является обеспечение условий развития тех институтов, которые трудящиеся массы создадут для руководства производственной деятельностью в собственных интересах, а также для целей самоуправления. Партия уже теперь осуществляет эту задачу внутри рабочего класса. Это является прообразом того, чем завтра будет рабочее государство. Партия сегодня обеспечивает необходимую свободу для того, чтобы рабочая масса обрела сама себя в своей специфической области, в области производства. Партия при помощи своей культурной и разъяснительной работы помогает рабочему классу уяснить себе его историческое положение, помогает рабочему классу найти конкретное и цельное выражение чувствам и стремлениям, рождающимся под влиянием настоящей необходимости, в силу новых материальных условий существования людей. С каждым днем становится все более очевидной ошибка синдикалистов-теоретиков и синдикалистов-практиков, как реформистов, так и революционеров. Политическая партия, которая, по их мнению, должна была бы исчезнуть, поглощенная синдикалистским потоком, все более и более укрепляется, и рабочие со все большей отчетливостью видят в ней важнейшее орудие своего освобождения. Профсоюзы же переживают глубокий кризис, и им удастся выйти из него лишь потому, что в партии образовался рабочий авангард, который привносит в профсоюз влияние партии, который превращает профсоюз в более обширное поле для обсуждения проблем, уже обсужденных, разъясненных и решенных партией.

Синдикализм добился только одного результата: умножил число партий рабочего класса. Это наличие многих политических партий и является главным (если не единственным) препятствием на пути пролетарского единства, создания «единого большого союза», включенного и в программу синдикализма.

Пролетарское единство существует на деле. Это дока-

зывается тем, что каждое выступление, начавшееся в какой-либо местности или среди какой-либо категории рабочих, быстро распространяется во всех направлениях. Пролетарское единство существует потому, что существует единство капиталистическое. Оно является следствием нового этапа, в который вступила система экономических и политических отношений буржуазного общества. Нет лишь формального единства, единства организационного, так как существуют различные политические партии пролетариата.

С этой точки зрения проблема пролетарского единства должна интересовать всех революционеров, сознающих огромные трудности, которые пролетариат должен преодолеть, чтобы выполнить свою историческую миссию. Пролетарской революции необходимо, чтобы ситуация была ясной и четкой, чтобы ответственность была определенной, ибо рабочий класс должен быть поставлен в условия, позволяющие принимать решения без всяких промедлений. Синдикализм, как реформистский, так и революционный, породил замаскированные политические партии, политические партии по недоразумению. Узкие группки людей, став во главе рабочих союзов в качестве специалистов в области организации, специалистов в области того или иного метода борьбы, подчинили массы своим собственным политическим тенденциям, программам небольших групп, которые массы не в состоянии контролировать. Именно интересы этих узких группок, а подчас и отдельных лиц постоянно препятствовали осуществлению единства итальянского пролетариата.

Историческое развитие капитализма создало условия, при которых масса сама, своими методами и своей непосредственной деятельностью, может добиться единства. Созданное самими рабочими пролетарское единство является высшей стадией фактического единства, стадией, на которой рабочие доказывают, что они приобрели сознание своего единства и хотят, чтобы оно было оформлено, получило санкцию.

Рабочий авангард, организованный в социалистическую партию, должен взять в свои руки решение этой проблемы. Отсюда ясно, что действенное решение может быть осуществлено только самой массой и только через фабрично-заводские Советы. Масса не позволит провести себя никакими посулами профсоюзных вождей, обещаю-

щих сотворить чудеса, если на практической работе Советов убедится в том, что нет различных методов классовой борьбы, что есть лишь один метод — метод, который сама масса в состоянии применить при помощи тех людей, кому она доверяет и кого она может отозвать в любой момент, когда она убедится, что специалисты в области организации производства — именно потому, что они техники, потому, что они специалисты, — не могут быть отзываемы и заменяемы и что если их нельзя отзывать и заменять, то их деятельность должна быть ограничена чисто административными функциями, у них не должно быть никакой политической власти. Вся политическая власть массы (право руководить движением, право вести массы к победе над капитализмом) должна принадлежать представительным органам самой массы, Совету и системе Советов, ответственным перед массой, состоящим из депутатов, которые могут быть отозваны в любой момент, состоящим из депутатов, которые — если они состоят не только в профсоюзной организации, но и в социалистической партии — контролируются также партией, подчиняющейся дисциплине, установленной съездами, в которых принимает участие революционный авангард всей нации.

Пролетарскому единству противятся оппортунисты всех мастей, защищающие интересы различных клик, интересы материальные и, особенно интересы политического господства над массами. Объединяясь, масса ничего не теряет и все выигрывает. Поэтому она одна в состоянии развить необходимую деятельность для достижения этой революционной цели.

(Без подписи; «Ордине нуово», 28 февраля — 6 марта 1920 года, № 39.)

ВОПРОС СИЛЫ

В Италии две власти: власть буржуазного государства и власть рабочего класса. Вторая постепенно сводит на нет первую. У буржуазного государства теперь осталась одна функция: защищаться, готовить оружие и людей для защиты, держать оружие всегда наготове, чтобы быть в состоянии поразить врага, едва он примет конкретные очертания, едва создаст орган, который начнет выполнять функции новой власти. Власть рабочего класса гигантски увеличивается со дня на день. Она проявляется в забастовках, в народных волнениях, в страхе, овладевающем

правительственными кругами, в нервной дрожи правительственных чиновников, в тревоге капиталистов, в постоянном яростном лае сторожевых псов, охраняющих денежные сейфы. Власть рабочего класса могла бы завтра и даже сегодня воплотиться в систему Советов, если бы для этого было достаточно пролетарского революционного энтузиазма, если бы для этого было достаточно привлечь на свою сторону большинство населения.

Борьба между двумя властями сейчас зависит главным образом от организованной вооруженной силы. Буржуазное государство существует только потому, что в его власти находится центр координации вооруженных сил, потому, что оно еще обладает свободой инициативы. Оно еще в состоянии маневрировать своими войсками, быстро сосредоточивать их там, где вспыхивают революционные очаги, чтобы немедленно погасить их потоками крови.

Проблема силы уже находит свое разрешение в ходе развития революционного процесса. Каждый день все новые слои трудящегося населения вовлекаются в общий поток национальной и мировой пролетарской революции. У итальянского капитализма имеются глубокие корни, опорные пункты его гегемонии находятся в Северной Италии, в промышленных центрах Северной Италии. Коммунистическая революция, проявляющаяся в Италии как промышленно-техническая революция, как процесс уравнивания условий сельскохозяйственного труда с условиями труда индустриального, развернется главным образом на Севере. Класс фабрично-заводских рабочих окажется лицом к лицу со следующей, вызванной войной, ужасной проблемой: каким образом создать государственную организацию, у которой были бы средства индустриализировать сельское хозяйство, которая сумела бы создать для крестьянина те же условия труда, что и для рабочего, чтобы можно было приравнять в процессе обмена один рабочий час в сельском хозяйстве к одному рабочему часу в промышленности, чтобы пролетариат не был задушен деревней при обмене товаров, произведенных в абсолютно несравнимых условиях. Эта проблема, которую капиталисты неспособны разрешить и неразрешение которой приведет к полному развалу буржуазного государства, может быть решена в Италии только рабочими, рабочим государством, как она разрешалась и разрешается в русском рабочем государстве. Она будет раз-

решена городскими промышленными рабочими, которые сделаются главными действующими лицами коммунистической революции.

Если рабочие, сконцентрированные в промышленных центрах, будут главными действующими лицами коммунистической революции, то главная роль в предреволюционной борьбе будет принадлежать крестьянским массам. Выступления деревенских масс окончательно ликвидируют буржуазную государственную власть, так как ликвидируют ее вооруженную силу. Никаких вооруженных сил не хватит для умирения взбунтовавшейся деревни. Полки, кажущиеся непобедимыми, если они размещены на улицах города, бессильны среди необъятного простора полей; пушки, пулеметы и огнеметы, которыми ничего не стоит косить рабочие массы на улицах и площадях, где от них некуда скрыться, беспомощны в бескрайних деревенских просторах.

Буржуазное государство чувствует грядущую опасность — деревня переходит на сторону революции. От Апулии до Новары, от Новары до Брешии и Бергамо крестьянские массы выходят из состояния оцепенения и приступают к грандиозным действиям. «Народная партия» потрясена этими гигантскими столкновениями: под нажимом беднейших крестьян, борющихся под ее знаменами, левое крыло «народной партии» занимает экстремистские (революционные) позиции. Буржуазное государство, сознавая опасность, хотело бы ускорить развитие событий в промышленных городах, в охваченных коммунистическим влиянием центрах, которые станут опорными пунктами революции, которые наполнят ее идейным содержанием и укажут цель, которые на развалинах построют новое общество. Поэтому достаточно было одной внутренней фабрично-заводской комиссии передвинуть стрелку на фабричных часах, чтобы власти привели в движение сотни «королевских гвардейцев» и карабинеров, грозили светопреставлением. Рабочий класс должен быть начеку, должен поддерживать в окопах революции крепкую дисциплину — дисциплину, подкрепленную выдержкой, пролетарским критическим чутьем, уверенностью в своих силах и в своем будущем. Революционный процесс развивается неумолимо, он разбивает вдребезги буржуазное государство и уничтожает капиталистическую власть. Рабочий класс победит. Как ак-

тивный участник революции, рабочий класс должен стремиться победить надолго, победить *навсегда*. Он — хранитель будущего, живая энергия истории, не должен навлекать на себя репрессии, которые вывели бы его из строя на слишком долгий срок — ведь это позволило бы буржуазному государству вывести свои наемные войска из городов и направить их против крестьян после того, как оно раздавило бы рабочих и обеспечило бы себе тыл.

Рабочий класс — политически наиболее зрелая часть трудящегося народа — должен ставить перед собой задачу накопления сил, он должен понять, что эта задача в значительной мере может быть решена выступлением крестьянской массы. Русский рабочий класс сумел выжить с июля по ноябрь 1917 года; за эти месяцы крестьяне развалили государственную машину Керенского, и рабочие смогли взять штурмом власть и прочно удержать ее в своих руках.

Нормальный ход революции в значительной мере разрешает проблему вооруженной силы и установления превосходства рабочего класса над буржуазной государственной властью. Но часть этой проблемы должна быть решена общим политическим выступлением пролетариата и его политической партии — Итальянской социалистической партии. Буржуазное государство превращает национальную армию в армию наемников; согласно тщательно разработанному плану, солдаты из полков переводятся в легионы карабинеров с сохранением их специфической квалификации. Формируются части карабинеров-артиллеристов, карабинеров-минометчиков, пулеметчиков, огнеметчиков, саперов и т. д. Парламент не тревожит эта деятельность правительства, которое превышает свою власть и нарушает конституцию. Парламент должен потребовать от правительства отчета в этих его делах — хотя бы для того, чтобы заставить его раскрыть свои намерения, чтобы показать с предельной ясностью, как действует буржуазная диктатура, пренебрегающая основными законами государства, обращающая весь административный аппарат и все финансовые средства на достижение единственной цели: защитить себя от большинства населения, высшим и суверенным представителем которого она будто бы является.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 26 марта 1920 года, № 74.)

КОНЕЦ ОДНОЙ ВЛАСТИ¹

В 42 цехах завода «Фиат-Центр» занято около пятнадцати тысяч рабочих. Пятнадцать тысяч рабочих завода «Фиат-Центр» зарабатывают на хлеб насущный для себя и своих семей — для рабочего населения, насчитывающего свыше шестидесяти тысяч человек. Дело идет о гигантском промышленном аппарате, равном по величине небольшому капиталистическому государству. А это действительно капиталистическое и империалистическое государство, так как диктует свою волю туринской машиностроительной промышленности, так как стремится своей повышенной производительностью побить и поглотить всех конкурентов. У этого маленького абсолютистского государства есть свой самодержец — Джованни Аньелли, наиболее смелый и упорный из всех капитанов итальянской промышленности, «герой» современного капитализма.

Капитализм уничтожает своих «героев». Капитализм уничтожает и Джованни Аньелли. Капитализм превратился в плутократию, во всевластие банка. Несколько месяцев назад банки произвели атаку на «Фиат». Несколько месяцев назад достаточно было Аньелли заявить газетам, что он выйдет из правления «Фиат», если банкам удастся осуществить их намерения, чтобы сразить своих врагов и остаться «самодержцем». Несколько месяцев назад Аньелли был еще «героем», был еще великим капитаном промышленности, незаменимым человеком, его работа «стоила», выражаясь капиталистическим языком, десятки и десятки миллионов. Но за несколько месяцев капиталистическая организация (или дезорганизация) продвинулась далеко вперед. Металлургическая плутокра-

¹ Вопрос об установлении «законного часа» начала работы на заводах «Фиат» вызвал спор о правах внутренних фабрично-заводских комиссий (перевод часовой стрелки был произведен без ведома этих комиссий). Туринские металлисты решили провести и провели 28 марта «итальянскую забастовку». Хозяева на следующий день ответили локаутом и призвали на предприятия полицию. Трения по вопросу о рабочем контроле над предприятиями и отказ хозяев признать фабрично-заводские Советы создали чрезвычайно натянутые отношения между промышленниками и рабочими Турина и всего Пьемонта. Всеобщая забастовка, начавшаяся 13 апреля, закончилась 24-го числа того же месяца.

тия Ансальдо возобновила атаки и перешагнула через труп капитана промышленности. Объединение банков, банковский трест «Коммерциале кредито итальяно», приобрело на триста миллионов акций Ансальдо, тяжесть которых будет давить на «Фиат» до тех пор, пока последний не будет уничтожен.

Заводами «Фиат-Центр», представляющими целое государство, трудно управлять из-за многочисленности проблем, возникающих в связи с тем, что здесь сосредоточена многотысячная масса трудящихся, добывающих хлеб насущный для многих десятков тысяч рабочего населения. Процесс капиталистической концентрации ликвидирует великого капитана промышленности, пробуждает у рабочих масс сознание единства. Отживает свой век власть отдельных капиталистов, рождается власть рабочего класса. Рабочая масса организуется на предприятиях, выделяет своих непосредственных представителей — Совет цеховых уполномоченных, устанавливает свое руководство — исполнительный комитет Совета; она дисциплинированно сплачивается вокруг этого руководства и облекает доверием, делает воплощением своей совести шесть скромных, настойчивых, смелых товарищей по работе, которые чувствуют себя сильными именно потому, что представляют собой как бы организованное сознание массы, потому что через посредство цеховых уполномоченных они постоянно поддерживают контакт со всей массой трудящихся и реагируют на каждое, даже самое незначительное, изменение их настроений. Аньелли не удастся больше автократически руководить массой, так как она больше не представляет собой хаотического скопления людей, случайно нанятых и случайно расставленных вокруг машин, а приобрела свой облик, единство, сознание, которое и лежит в основе позиции и действий массы, создает ей престиж, которое является как бы ее перстом, указующим, угрожающим и предупреждающим. Аньелли оскорбил рабочее руководство, и через пятнадцать минут пятнадцать тысяч рабочих прекратили работу, устроили два огромных митинга внутри предприятия и добились, чтобы Аньелли взял свои слова обратно. В этот момент первый фабрично-заводской Совет, созданный в Италии, развил бурную деятельность, он показал свою жизненную силу и направление своего дальнейшего развития.

Процесс разложения капитализма ликвидирует пост «капитана промышленности», процесс развития коммунистической революции создает фабрично-заводской Совет, который должен заменить «капитана промышленности» на посту руководителя производства, который должен путем дисциплинированной и сознательной трудовой деятельности рабочего класса обновить структуру общества и уничтожить государство во всех его формах.

(Без подписи; «Ордине нуово», 27 марта 1920 года, № 42.)

ТУРИН И ИТАЛИЯ

Пролетарский Турин в эти дни переживает свою страстную неделю. Экономическая борьба разворачивается все шире и становится более интенсивной, завязываются новые сражения, которые требуют необычной тактики и ведутся на новой основе; исход этих сражений пока еще не решен. С одной стороны, сознание правоты остается ясным и цельным, а с другой — крепнет воля к сопротивлению. Положение обостряется до крайности. Это чувствует каждый рабочий; каждый рабочий более или менее отчетливо чувствует, что он живет в момент, который для истории его класса может оказаться решающим, когда можно все поставить на карту и, может быть, все потерять. Теперь, как никогда, участие в действиях класса представляется тем, чем оно должно быть: усилием, направленным к тому, чтобы подчинить ход событий своей воле, не дать захватить себя шестерням механизма, действующего вне нас; крайним напряжением воли и сознания каждого человека. Теперь, как никогда, необходимо одно: не закрывать глаза, оценивать действительность трезво, без предвзятости. Когда рискуешь всем, то анализировать обстановку и решаться на какой-либо шаг надо с величайшим хладнокровием.

Отдельные симптомы, характерные для создавшегося положения, видны всем: металлисты, рабочие обувных фабрик, портные, трудящиеся государственных предприятий — девяносто тысяч рабочих не имеют работы. Турин отвечает на призывы к увеличению производства и отвечает, как и подобает социалистическому городу усилением борьбы производителей за свое освобождение. Из девяноста тысяч рабочих пятьдесят тысяч от-

крыто сражаются за эту цель, для пятидесяти тысяч рабочих эта цель не пустая фраза, уже не туманная мечта, которую путем внутренних усилий надо уяснить для самих себя, чтобы придать ей ощутимо конкретную форму, а нечто вполне отчетливое, ясная программа постоянной деятельности, руководство к повседневным действиям. Борьба идет за реализацию этой программы, здесь борются воля против воли, сила против силы. Является ли заслугой фабрично-заводских Советов то, что сложилась новая обстановка? Частично — да, а частично это нужно отнести за счет все той же революционной и повстанческой традиции города, которая проявляется в новой форме, воплощена в конкретной программе действий и в ней обрела свою сущность. Чтобы уничтожить этот боевой дух, и готовят сейчас оружие.

Его готовит правительство, еще раньше его начали готовить промышленники. Весьма показательно, что промышленники, минуя местные власти, обратились прямо к центральному правительству с просьбой о защите. В этом явно сквозило их намерение перейти в наступление. И сейчас Турин — осажденная крепость. Говорят о размещении здесь пятидесяти тысяч солдат; на холме готовы к бою батареи; ожидается отправка новых подкреплений в деревни, броневиков — в города; пулеметы установлены на крышах частных домов, в предместьях, о которых известно, что они наиболее близки к восстанию, на подходах к мостам, у развилок дорог, на заводах.

Скажем за это спасибо господам промышленникам, скажем им спасибо за то, что они сделали очевидным для всех — если до сих пор находились такие, кому это было еще не ясно, — в каком плане ставится сегодня вопрос о соотношении сил. Если среди нас кое-кто еще питал иллюзии, если кое-кто из наших рабочих еще верил в то, что революция или восстание могут быть ограничены рамками предприятия или города, если кое-кому еще трудно было подняться до понимания того, что фабричные власти суть только частица, только подобие государственной власти, если сомневающиеся и заблуждающиеся такого рода ранее существовали, урок был дан именно им. Борьба ведется из-за порядков на предприятии, а в ней принимает прямое активное участие еще крепкая государственная власть.

Следовательно, дело идет о всеобщей проблеме, кото-

рая должна быть поставлена во всем ее объеме. Сегодня мы столкнулись с суровой действительностью — сегодняшний день может служить проверкой нашей сознательности. Чем вызвана концентрация сил в Турине, если не тем, что в Турине в местном масштабе попытались дать бой, или, лучше сказать, решили принять бой по вопросу такого значения, решение которого затрагивает интересы и потребует выступления пролетариата всей Италии? В нашем городе за последнее время накопилась огромная революционная энергия, которая стремится найти выход во что бы то ни стало. И этот выход должен быть найден не в местном взрыве, рискованном, могущем привести к роковым последствиям, а в усилении подготовительной работы по всей стране, в привлечении новых сил, в общем ускорении процесса созревания всех тех факторов, которые в совокупности своей и должны обеспечить успех общего дела.

Сегодня в Турине проводится проба сил. Завтра будет видно, окончится ли она победой или поражением. Но как бы там ни было, во всех случаях эта проба сил явится уроком, она вызовет стремление сделать еще больше. Борьба идет не только в Турине, а во всей Италии, во всем мире, и все то, что укрепляет нашу решимость, нашу волю, служит средством подготовки новых боев, даже если это средство куплено ценою жертв, ценой кажущихся отступлений. Даже потерянная надежда, даже разочарование, даже гнев, который будет кипеть в груди рабочих, когда они возвратятся на предприятия, даже и это послужит оружием для подготовки нашей грядущей победы.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 3 апреля 1920 года, № 82.)

ПРЕДРАССУДКИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ¹

«Уже давно миновали времена того суеверного взгляда, который причиной революций считал злонамеренность кучки агитаторов. В настоящее время всякий знает, что каждый раз, когда наступают революционные потрясения, за ними всегда и повсюду стоит известная общественная потребность, удовлетворение которой тормозится отжившими учреждениями. Эта потребность может ощущаться

¹ См. примечание на стр. 142.

Не так еще сильно, может еще не настолько войти в общее сознание, чтобы обеспечить непосредственную победу; но всякая попытка ее насильственного подавления лишь заставляет ее выступать с возрастающей силой до тех пор, пока, наконец, она не разобьет своих оков. Поэтому, если мы разбиты, нам не остается ничего другого, как только начинать сначала. И та — вероятно, очень короткая — передышка между концом первого и началом второго акта движения, которая выпала нам на долю, к счастью, дает нам время для крайне необходимой работы: для исследования причин, с необходимостью обусловивших как недавний революционный взрыв, так и его поражение; причин, которые следует искать не в случайных стремлениях, талантах, ошибках, заблуждениях или предательствах некоторых вождей, а в общем социальном состоянии и в условиях жизни каждой из наций, затронутых потрясением»¹.

В силу подобного суеверия всеобщая забастовка в Турине и в Пьемонте, то есть движение, развивавшееся на протяжении десяти дней, богатых бурными событиями, движение, которое охватило полмиллиона рабочих и крестьян, вызвало сильное потрясение в буржуазном правительственном аппарате и доказало свою способность развиваться вширь, ибо возбудило горячие симпатии и сочувствие всего итальянского рабочего класса, — такое движение приписывается местническому тщеславию кучки «безответственных лиц», беспочвенным иллюзиям группки бесшабашных экстремистов, мрачным «русским» замыслам некоторых интеллигентов, устраивающих заговоры под прикрытием пресловутого комитета по изучению опыта туринских Советов.

Семьдесят лет спустя, как Карл Маркс высказал предположение, что «времена суеверия... давно прошли», это суеверие находит своих приверженцев не только среди второстепенных сотрудников «Коррьере делла сэра» и «Джорнале д'Италия», не только в лице г-на Эдоардо Джиретти, но и в руководящем центре Всеобщей конфедерации труда, которая объединяет два миллиона итальянских рабочих и считает себя проводником марксистских идей в Италии, а также в редакции печатного органа этой конфедерации.

¹ K. M a r x, *Révolution et contre-révolution en Allemagne*, Paris, 1900, p. 2—3. [К. Маркс и Ф. Энгельс, *Революция и контрреволюция в Германии*, М., 1940, стр. 7—8.] — *Прим. А. Грамши.*

Туринские рабочие потерпели поражение. Среди причин, обусловивших поражение, известную роль сыграли также склонность к суеверию и узость умственного кругозора, присущие руководителям итальянского рабочего движения. А в числе специфических объективных условий, определивших поражение, следует указать на отсутствие революционного единства в рядах итальянского пролетариата, которому не удается выделить из своей среды естественным и организованным путем централизованное профсоюзное руководство, которое выражало бы его интересы и его революционные стремления. Среди общих объективных условий, определивших поражение, следует указать на состояние итальянского общества и условия существования масс, сложившиеся в каждой области и каждой провинции, являющейся профсоюзной ячейкой Всеобщей конфедерации труда. Словом, ясно, что туринские рабочие потерпели поражение, так как в Италии еще не созрели условия, необходимые и достаточные для организованного и дисциплинированного движения, в котором принял бы участие весь класс рабочих и крестьян. Несомненным доказательством этой незрелости и этих недостатков итальянских трудящихся являются суеверия и узость умственного кругозора руководителей организованного движения итальянского трудящегося народа.

7 марта в Милане происходило национальное совещание промышленников. Президент Всеобщей конфедерации промышленников Сильвестри произнес на нем яростную речь против восьмичасового рабочего дня, против увеличения заработной платы, против трусливого правительства, не сумевшего защитить интересы капитала в Понт Канавезе, в Торре Пелличе, в Асти (где имело место занятие текстильных предприятий Маццонис и астинской лесопилки), против трусливого правительства, неспособного защитить индивидуалистический буржуазный режим от нападений коммунистов. Депутат Джино Оливетти, секретарь Конфедерации промышленников, выступавший на совещании с докладом о фабрично-заводских Советах, закончил свой доклад призывом к беспощадному разгрому Советов туринских рабочих. Капиталистическая точка зрения, изложенная Оливетти, нашла свое выражение в действиях туринских промышленников во время их наступления против рабочих Советов; она резюмируется в двух афоризмах, победоносно кричащих с плакатов, вывешен-

ных капиталистами на всех городских перекрестках после поражения рабочих: «В рабочие часы занимаются работой, а не дискуссиями», «На предприятиях может быть только одна-единственная власть».

После миланского совещания промышленники сумели добиться от правительства точных обещаний. В Турине зловещая обстановка, назревают новые события. Главный редактор «Джорнале д'Италия», учуяв запах крови в кабинетах римских министерств, экстренно шлет в Турин специального корреспондента, который мечется по редакциям газет и дирекциям фабрик, расспрашивая всюду: «Что же все-таки происходит в Турине? Почему в Риме так боятся туринских рабочих? Почему мой главный редактор направил меня в Турин и поручил собрать сведения о рабочем движении и фабрично-заводских Советах?» И тотчас же в комитет по изучению опыта туринских Советов стали поступать известия: вчера прибыла еще тысяча королевских гвардейцев; сегодня — еще тысяча; огромные военные силы сосредоточены в таком-то и таком-то пригороде Турина; устанавливается батарея в таких-то и таких-то пунктах на холме; в таких-то церквах, на крышах таких-то зданий установлены пулеметы; ассоциациям, получающим субсидии от промышленников, не препятствуют устраивать склады оружия; эти ассоциации устанавливают непосредственную связь с офицерами, командующими военными частями в провинции. Между тем корреспондент «Джорнале д'Италия» в своих письмах из Турина сообщает, что промышленники решили укротить рабочий класс, что они поклялись поддерживать друг друга в этой борьбе — вплоть до объявления всеобщего локаута, — что туринские предприниматели будут дружно поддержаны всеми итальянскими капиталистами, что столкновение между рабочими и хозяевами произойдет в скором времени.

Все эти происки капиталистов и государственной власти, направленные на окружение Турина, на то, чтобы завлечь туринских рабочих в волчью яму, даже не были замечены руководителями итальянского организованного рабочего класса. Широкое наступление капитала было подготовлено до мельчайших деталей, а «главный штаб» организованного рабочего класса этого не заметил, не принял никаких мер. И это отсутствие подлинных руководящих центров рабочего движения стало одним из усло-

вий борьбы, страшным оружием в руках промышленников и правительства, источником слабости руководителей местной организации металлистов.

Промышленники действовали с исключительной ловкостью. Они враждуют друг с другом из-за прибыли, вследствие экономической конкуренции и политического соперничества, но перед лицом рабочего класса они представляют собой стальной блок. В их среде нет пораженцев, нет саботирующих общее дело, сеющих упадочные настроения, панику. Промышленники, охватив город системой военных мероприятий, нашли тот небольшой рычажок, с помощью которого можно изменить ход событий: на заводе «Индустрии металлурджике» из-за совершенно незначительного факта перевода часовой стрелки промышленники потребовали, чтобы члены внутренней фабрично-заводской комиссии на год были лишены права быть избранными в комиссию, то есть потребовали, чтобы шесть входивших в комиссию товарищей были лишены на год пролетарских гражданских прав. С этого и началось движение, и положение ухудшалось по мере того, как предприниматели методично и осторожно осуществляли свой маневр. Во время переговоров делегаты рабочих были игрушкой в руках предпринимателей; рабочие знали это; знали и промышленники, что рабочим это было известно. Рабочие были убеждены, что переговоры ни к чему не приведут, но должны были их продолжать, потому что любая заминка, упадок духа, необдуманное выступление могли бы привести к кровавому столкновению, а хозяева, полиция, военная каста, реакционные круги только того и желали. Делегаты рабочих прекрасно были осведомлены об условиях, в которых развертывались события, то есть о том, что противник усиленно вооружался, и должны были постоянно напрягать все силы ума и сердца, ежедневно ожидая конца еще одного дня и внимательно следя за тем, как далеко зашел в своем наступлении противник, ибо противник не мог не дойти до той грани, когда были бы неминуемо затронуты такие принципы, которые вынудили бы центральные органы занять определенную позицию и вступить в бой. Так настал день всеобщей забастовки, грандиозного выступления пьемонтских пролетарских сил, наступил момент, когда бурные демонстрации солидарности железнодорожников, моряков, портовых грузчиков выявили внутрен-

ную слабость буржуазного государственного аппарата, позволили даже уверовать в возможность всеобщего восстания итальянского пролетариата против государственной власти, восстания, которое, однако, было обречено, не могло достичь своей конечной цели — образования революционного правительства, так как весь ход событий доказывал, что в Италии нет организованных революционных сил, способных возглавить это широкое и глубокое движение, придать политический характер непреодолимому и мощному выступлению угнетенного класса, способных создать государство, проникнутое духом революционного динамизма.

Туринские рабочие потерпели поражение и не могли не потерпеть его. Туринские рабочие были насильно втянуты в борьбу; у них не было выбора; они не могли отложить столкновение ни на один день, так как инициатива классовой войны еще принадлежит капиталистам и буржуазной государственной власти. Кто говорит о «беспочвенных иллюзиях», тот обязательно полагает, что рабочий класс должен всегда гнуть шею перед капиталистами, что рабочий класс должен проникнуться убеждением, что он является только стадом животных, сборищем несознательных и безвольных тупых существ, что он неспособен иметь мировоззрение, которое можно было бы противопоставить мировоззрению буржуазии, неспособен иметь понятия, чувства, стремления и интересы, которые можно было бы противопоставить чувствам, стремлениям и интересам буржуазии.

Туринские рабочие потерпели поражение. В Турине продолжают существовать крупные машиностроительные заводы, на которых детальное разделение труда и беспреостанное совершенствование машин-автоматов толкают капиталистов на введение наиболее гнусных и возмутительных методов угнетения человека человеком. Эти условия труда вынуждают рабочих постоянно отыскивать новые формы организации и новые методы борьбы, в которых они смогли бы вновь проявить свою силу и присущий им характер революционного класса — что им уже удавалось сделать в рамках профессиональных союзов. Эти условия будут по-прежнему порождать революционные импульсы и после политического поражения. Когда раз-

вление автоматизации уничтожит конкуренцию среди рабочих, промышленники будут продолжать свои попытки искусственно вызывать эту конкуренцию, произвольно разделяя рабочих на категории и каждую категорию на подкатегории. Они будут и впредь пытаться натравливать инженерно-технический персонал на рабочих, рабочих — на инженеров и техников, хотя условия труда, как и прежде, будут содействовать сближению этих двух элементов производства и толкать их к политическому объединению. Рабочие по-прежнему будут чувствовать, что профессиональный союз не может оградить их от многочисленных и непредвиденных козней, которые им беспрерывно строят капиталисты, вводя новые методы работы. Рабочие никогда не обретут покоя, никогда не смогут спокойно работать, все сильнее будут чувствовать себя угнетенными, им все труднее и труднее будет сдерживать взрывы гнева.

Эти новые условия труда, сложившиеся в период войны, явились причиной образования в Турине фабрично-заводских Советов. Эти условия сохраняются и поныне, сохраняется в умах рабочих и сознание необходимости политического объединения; и благодаря политическому воспитанию эта необходимость приобретает особенно острый и сознательный характер, и только фабрично-заводские Советы и система Советов смогут ее удовлетворить.

Развитие промышленной техники, усовершенствование средств угнетения и эксплуатации вынуждают рабочий класс предпринимать такие действия, ставить себе и пытаться осуществить такие задачи, применять такие методы, которые недоступны пониманию холодных, бесчувственных людей, выдвинутых бюрократическим аппаратом на руководящие посты в боевых организациях трудящихся. Пятьсот тысяч рабочих и крестьян вовлечены в борьбу; против них выступили весь капиталистический класс и силы государственной власти. Энергичное вмешательство руководящих центров организованного рабочего движения могло бы уравновесить силы и если не обеспечить победу, то сохранить и упрочить завоевания, достигнутые путем терпеливой и настойчивой организаторской работы, путем сотен и тысяч мелких выступлений в цехах и на заводах. От кого зависит это вмешательство? От органа, избранного рабочими, постоянно контролируемого рабочими, члены которого могут быть отозваны в любой мо-

мент? Нет, от чиновников, пробравшихся на высокие посты бюрократическим путем, в силу приятельских отношений, от ограниченных чиновников, не видящих даже того, что готовят хозяева и государство, не знающих жизни предприятия и нужд рабочих, «суеверных», как протестантский пастор, и тщеславных, как министерский швейцар.

Туринские рабочие уже доказали, что поражение в этом бою не сломило их воли к борьбе, не подавило их сознание. Они продолжают борьбу — борьбу на два фронта: за завоевание власти над производством и за завоевание профсоюзных организаций и пролетарского единства.

Всеобщая забастовка показала, какое широкое распространение получило возникшее на фабриках и заводах Турина движение, которое пытаются изобразить как «литературный вымысел». Глухое недовольство, распространявшееся среди организованных рабочих масс, было охарактеризовано в «Ордине нуово» от 11 октября 1919 года следующим образом:

«Рабочие чувствуют, что «их» организация превратилась постепенно в столь огромный и громоздкий аппарат, что в конце концов стала повиноваться своим собственным законам, присущим ее внутренней структуре и ее сложным функциям, но чуждым массе, осознавшей свою историческую миссию революционного класса. Они чувствуют, что их стремление к власти не может быть ясно и четко выражено профсоюзными руководящими органами при их нынешней структуре. Они чувствуют, что даже в их собственном доме, который они строили с таким упорством и настойчивостью, ценою крови и слез, машина подавляет человека, бюрократизм вытравляет творческий дух, и банальное, бессодержательное дилетантство не может скрыть отсутствия конкретного представления о потребностях промышленного производства и даже самого элементарного понимания психологии пролетарских масс. Такое положение возмущает рабочих, но каждый из них в одиночку бессилён его изменить».

Благодаря движению за фабрично-заводские Советы это недовольство вылилось в организованную, сознательную деятельность. Теперь необходимо координировать действия туринских рабочих с действиями революционных профсоюзных сил всей Италии, необходимо выработать

стройный план обновления профсоюзного аппарата; это даст возможность массам выражать свою волю и вовлечет профсоюзы в русло борьбы, возглавляемой III Коммунистическим Интернационалом.

(Без подписи; «Ордине нуово», 8 мая 1920 года, № 1.)

СИЛА РЕВОЛЮЦИИ

Празднование 1 Мая в Турине произошло тотчас же после того, как туринский промышленный пролетариат прекратил гигантскую всеобщую забастовку, длившуюся десять дней и закончившуюся поражением. Весь трудовой народ Турина доказал, что он не потерял веры в революцию; весь трудовой народ Турина доказал, что сила революции не уменьшилась, что, напротив, она увеличила число своих батальонов и полков.

Во время всеобщей забастовки капитал и государственная власть развернули все свои вооруженные силы. Буржуазное государство предоставило в распоряжение туринских промышленников пятьдесят тысяч человек в полном боевом снаряжении, с броневиками, огнеметами, легкой артиллерией. В течение десяти дней город находился в руках королевских гвардейцев; рабочий класс, казалось, был уничтожен, поглощен мраком. Промышленники, собрав десять миллионов лир, наводнили город воззваниями и листовками, наняли журналистов и хулиганов, провокаторов и штрейкбрехеров, издавали газету, которая своим типографским оформлением походила на бюллетени забастовщиков, сеяли панику, распространяли ложные слухи, изо всех клоак города они извлекли на свет божий какие-то ассоциации, лиги, профсоюзы, политические партии, «фаши»; они распространяли гнусные измышления против руководителей забастовки. Этой мобилизации сил буржуазии, всей этой клеветнической кампании рабочий класс мог противопоставить только ежедневный бюллетень о ходе забастовки размером в пол-листа, только свою волю к сопротивлению и готовность идти на жертвы.

Рабочие-металлисты держались целый месяц, не получая заработной платы. Многие из них голодали, складывали в ломбард мебель и даже матрацы и простыни. Остальные трудящиеся также терпели нужду, нищету и лишения; город был как бы на осадном положении, трудящиеся должны были переносить все невзгоды и тяготы

жестокой и неумолимой осады. Забастовка окончилась поражением: идея, воодушевлявшая забастовщиков, подвергалась осмеянию даже со стороны части представителей рабочего класса; энергичная деятельность руководителей всеобщей стачки, их вера в победу в борьбе расценивалась даже частью представителей рабочих как иллюзия, наивность, ошибка. Возвратившись на фабрики, пролетариат тотчас же понял все значение того отступления, к которому его вынудил страшный нажим со стороны подавляющих сил имущих классов и государственной власти. Можно было ожидать, что эти условия сломят их волю и боевой дух, посеют в них уныние и растерянность, вызовут упадок сил; горькие чувства вполне могли бы взять верх; можно было, казалось, предвидеть отступление армии революции.

Но этого не случилось. Голодные, обнищавшие, истощенные до крови капиталистическим кнутом, высмеиваемые несознательной или худшей частью своих же товарищей (товарищей ли?) по борьбе, они не потеряли веры в будущее рабочего класса, не потеряли веры в коммунистическую революцию. Весь туринский пролетариат вышел на улицы и площади, чтобы продемонстрировать свою преданность революции, чтобы противопоставить миллионным, миллиардным богатствам капиталистов силы рабочего класса, сотни тысяч сердец, рук и умов рабочих, чтобы противопоставить нескораемым шкафам железные батальоны борцов рабочей революции.

Десятидневная стачка, голод, нищета, отчаяние, поражение не дали капиталистам и государственной власти того, что они считали уже достигнутым: разгрома пролетариата, исчезновения призрака, тяготеющего, подобно кошмару, над дворцами и нескораемыми шкафами. Капиталисты и государственная власть превращают день 1 Мая в день разгула террора и кровавых оргий. По демонстрантам открыли стрельбу из винтовок; двое рабочих убито и около полсотни ранено. Это сделано для того, чтобы развязать в городе разнузданный и дикий террор. Распространяются гнусные слухи о бомбах, кинжалах, заговорах... Растет число арестов: королевские гвардейцы охотятся за красными гвоздиками и красными кокардами, арестованных избивают прикладами так, что они харкают кровью, уродуют их до неузнаваемости; на улицах и площадях гремят выстрелы — это королевские гвардейцы, во-

оруженные винтовками, носятся в грузовиках по городу, стреляя по окнам, дверям, в прохожих; группы расшвырявших королевских гвардейцев выползают из всех закоулков, направляя штыки против всякого, без различия класса, пола, возраста,— будь то рабочий, офицер, солдат, священник, женщина, ребенок. Таковы злоба и бешенство, вызванные приказами сверху, у грязных, темных наемников, подкупленных для ведения гражданской войны.

Но даже и эта генеральная репетиция «решающего дня», даже этот дикий разгул неслыханных насилий не может заставить рабочий класс отступить хотя бы на один дюйм с занимаемых им позиций. Похороны двух убитых превращаются в демонстрацию, невиданную по своей мощи и организованности. В движение приходят новые народные силы, новые массы присоединяются к революционной армии, провожающей своих убитых на кладбище.

Никакое поражение, никакая скорбь и никакие преграды, как бы велики они ни были, не в состоянии сломить силу революции. Рабочий народ оставил позади критическую стадию собирания и упорядочения сил, стадию разброда и крушения иллюзий; он стал однородным и сплоченным, он стал организованной и дисциплинированной армией, сознающей стоящую перед ней реальную цель, сознающей, что она представляет собой историческую силу, на которую возложена миссия, превышающая человеческие возможности; наконец-то трудовой народ из сырого материала для истории привилегированных классов превратился в народ, способный творить свою собственную историю, строить «собственный город».

(Без подписи; «Ордине нуово», 8 мая 1920 года, № 1.

ЗА ОБНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

(Настоящий доклад был представлен состоявшейся в Милане сессии Национального совета социалистической партии представителями туринской городской секции и провинциальной федерации партии и послужил основой для критики деятельности и направления руководства социалистической партии.)

1. Классовая борьба в Италии характеризуется в настоящее время тем, что промышленные и сельскохозяйственные рабочие страны преисполнены непреклонной реше-

мости четко и определенно, не останавливаясь перед насилием, поставить вопрос о собственности на средства производства. Кризисы, возникающие как в национальном, так и в мировом масштабе и ведущие ко все большему обесценению денег, показывают, что капиталистическая система изжила себя: существующий способ производства и распределения уже не в силах удовлетворить даже самые элементарные потребности людей и сохраняется только потому, что его яростно защищает вооруженная сила буржуазного государства; вся борьба итальянских трудящихся неудержимо ведет к гигантскому перевороту в области экономики, в результате которого установится новый способ производства и распределения, а класс промышленных и сельскохозяйственных рабочих займет руководящее положение в области производства, вырвав руководство у капиталистов и землевладельцев.

2. Промышленники и землевладельцы добились максимальной концентрации своих классовых сил и связаны жесткой дисциплиной: любое требование Всеобщей конфедерации итальянских промышленников немедленно претворяется в жизнь на каждом отдельном предприятии. Буржуазное государство создало наемный вооруженный корпус¹, призванный служить орудием, послушно выполняющим волю этой новой и мощной организации класса собственников, которая стремится путем широкого применения локаутов и террора восстановить свою власть на средства производства, все более усиливая эксплуатацию рабочих и крестьян путем значительного увеличения доли неоплачиваемого труда. Ярким примером, иллюстрирующим стремление промышленников поставить рабочий класс на колени, является недавний локаут на металлургических заводах Турина: промышленники воспользовались отсутствием координации сил и революционной сплоченности в рядах итальянских рабочих, чтобы попытаться нанести сокрушительный удар туринскому пролетариату и подорвать среди рабочих престиж и влияние производственных организаций (фабрично-заводских Советов и цеховых уполномоченных), которые развернули борьбу за рабочий контроль.

Непрерывные забастовки сельскохозяйственных рабочих в провинции Новаре и в районе Ломеллина свиде-

¹ Речь идет о «королевской гвардии».

тельствуют о том, что землевладельцы намерены свернуть сельскохозяйственное производство, с тем чтобы довести сельскохозяйственный пролетариат до отчаяния и обречь его на голод, на самые тяжелые и унижительные условия труда и существования.

3. За настоящим этапом классовой борьбы в Италии последует либо завоевание революционным пролетариатом политической власти для перехода к новому способу производства и распределения, позволяющему повысить производительность труда, либо бешеный разгул реакции имущих классов и правящей касты. Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия, чтобы обречь промышленный и сельскохозяйственный пролетариат на рабский труд; будет сделано все, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическая партия) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства.

4. Рабочим и крестьянам недостает согласованности действий и революционной сплоченности, так как руководящие органы социалистической партии показали абсолютное непонимание характера современного этапа развития итальянской и мировой истории, абсолютное непонимание роли, которую призваны сыграть боевые организации революционного пролетариата. Социалистическая партия выступает в роли простого наблюдателя происходящих событий, она никогда не выдвигает собственной точки зрения, которая основывалась бы на революционных установках марксизма и Коминтерна, она не выдвигает лозунгов, которые могли бы быть восприняты массами, дали бы общее направление революционным усилиям, сделали бы их конкретными и слили воедино. Как политическая организация авангарда рабочего класса, социалистическая партия должна была бы развернуть всестороннюю и глубоко продуманную как в целом, так и в деталях деятельность, которая обеспечила бы рабочему классу возможность одержать победу в революции — и притом победу прочную. Социалистическая партия, охватывающая ту часть рабочего класса, которую физический и духовный гнет капиталистической системы не смог деморализовать и вынудить к полной пассивности, которая сумела сохранить свою самостоятельность и способность проявлять инициативу, основанную на со-

знательности и дисциплине,— эта партия должна была бы являться выразителем глубоко осознанных революционных устремлений всего эксплуатируемого класса. Задача партии состоит в том, чтобы стать центром притяжения для всех трудящихся масс, в том, чтобы ее директивы достигли всех трудящихся масс и чтобы прочно завоевать их доверие и таким образом стать вождем и мозгом этих масс. Поэтому партия всегда должна быть теснейшим образом связана с конкретной классовой борьбой, которую ведет промышленный и сельскохозяйственный пролетариат; должна понимать особенности различных этапов, различных моментов и проявлений этой борьбы, чтобы уметь находить во всем этом многообразии единый стержень, чтобы быть в состоянии давать общую, отвечающую конкретным условиям директиву всему движению в целом, а также внушить массам убеждение, что в существующем хаосе содержатся зародыши порядка, победа которого приведет к возрождению человеческого общества и к тому, что труд снова сможет обеспечивать элементарные потребности людей и служить источником прогресса. На деле же и после съезда в Болонье¹ социалистическая партия продолжала оставаться чисто парламентской партией, застывшей в тесных рамках буржуазной демократии, реагирующей лишь на внешние проявления политики правящей касты; она не имела своего лица, она не приобрела качеств, присущих партии революционного пролетариата, и только такой партии.

5. После съезда в Болонье центральные органы партии должны были бы немедленно развернуть и довести до конца энергичную работу, направленную на то, чтобы сделать партию однородным и монолитным революционным отрядом, чтобы выработать в ней черты, которые отличают коммунистические партии, входящие в III Интернационал. Однако полемика с реформистами и оппортунистами даже не была начата: ни руководство партии, ни газета «Аванти!» не противопоставили той непрекращающейся пропаганде, которую реформисты и оппортунисты проводили в парламенте и в профсоюзах, собственной революционной

¹ Съезд социалистической партии в Болонье, происходивший с 5 по 8 октября 1919 года, закончился поражением реформистов и принятием огромным большинством голосов резолюции Серрати, в которой говорилось, между прочим, о вхождении Итальянской социалистической партии в III Интернационал.

точки зрения. Центральные органы партии ничего не сделали для политического воспитания масс в коммунистическом духе, для того, чтобы побудить массы отстранить реформистов и оппортунистов от руководства профсоюзами и кооперативами, чтобы дать отдельным секциям и наиболее активным группам членов партии единое направление и тактику. Поэтому в то время, как революционное большинство партии не имело в руководстве партии и в газете представителей, которые выражали бы его мнение и выполняли бы его волю, оппортунисты, наоборот, укрепились организационно и использовали престиж и влияние партии для упрочения своих позиций в парламенте и профсоюзах. Руководство партии позволило им сплотиться и голосовать за резолюции, которые противоречили принципам и тактике III Интернационала и расходились с линией партии; руководство партии предоставило нижестоящим органам полную свободу проводить деятельность и распространять взгляды, противоречащие принципам и тактике III Интернационала; руководство партии неизменно стояло в стороне от жизни и деятельности секций и организаций, а также отдельных членов партии. Неразбериха, существовавшая в партии до съезда в Болонье и оправдываемая тогда условиями военного времени, не только не кончилась, но резко усилилась; естественно, что все это не могло не подорвать доверия к партии широких масс, и во многих местах создавалась угроза того, что возобладают анархистские тенденции. Политическая партия рабочего класса имеет право на существование только в том случае, если она, объединяя и тщательно координируя усилия пролетариата, противопоставляет фактическую революционную власть легальной власти буржуазного государства и ограничивает его свободу инициативы и маневрирования; если же партия не объединяет и не координирует усилий, если партия является чисто бюрократической организацией, безжизненной и безвольной, в рабочем классе инстинктивно возникает стремление создать новую партию, он подпадает в известной мере под влияние анархизма, который беспрестанно критикует централизм и бюрократизацию аппарата политических партий.

6. Партия стояла и стоит в стороне от международного движения. Классовая борьба принимает во всех странах мира грандиозный размах; пролетариат вынужден по-

всюду вырабатывать новые методы борьбы и нередко — как например в Германии после милитаристского путча — подыматься на вооруженную борьбу. Партия не заботится о том, чтобы разъяснять итальянским трудящимся смысл этих событий на основе анализа и оценки, даваемых Коммунистическим Интернационалом, не проводит воспитательной работы, направленной на то, чтобы итальянские трудящиеся осознали ту истину, что пролетарская революция носит всемирный характер и что каждое отдельное событие должно рассматриваться и оцениваться с точки зрения его международного значения. Уже дважды в Западной Европе собирались конференции II Интернационала — в декабре 1919 года в одном из городов Германии и в феврале 1920 года в Амстердаме; итальянская партия не только не была представлена ни на одной из них, но члены партии не были даже информированы центральными органами о том, какие вопросы обсуждались и какие решения были приняты на этих конференциях. Что касается III Интернационала, то в нем ведется горячая полемика по вопросам программных установок и тактики Коммунистического Интернационала; дело дошло даже до раскола в отдельных партиях (например, в Германии). Итальянская партия стоит в стороне от этой плодотворной идеологической дискуссии, в которой закаляется революционное сознание и выковываются духовное единство и единство действий пролетариата всех стран. Центральный орган партии не имеет собственных корреспондентов ни во Франции, ни в Англии, ни в Германии, ни даже в Швейцарии. В поистине странном положении находится газета социалистической партии, которая представляет в Италии интересы международного пролетариата, и в не менее странное положение поставлен рабочий класс Италии, вынужденный черпать информацию из отрывочных и тенденциозных сообщений буржуазных агентств и газет! «Аванти!» как орган партии должна бы быть органом III Интернационала; на страницах «Аванти!» должны были бы найти отражение все события, все дискуссии, все проблемы пролетариата, за которыми с интересом следит III Интернационал; на страницах «Аванти!» следовало бы вести, в духе принципов единства, непрестанную борьбу против всех уклонов и оппортунистических компромиссов. На деле же «Аванти!» предоставляет на своих страницах место для оппортунистических проповедей, таких,

например, как недавнее выступление в парламенте Тревеса¹, с мелкобуржуазных позиций толковавшего международные отношения и развивавшего контрреволюционные и пораженческие взгляды по вопросу о силах пролетариата.

Полное игнорирование центральными органами партии необходимости информировать пролетариат о событиях и теоретических дискуссиях, происходящих в III Интернационале, проявляется также в деятельности книжного издательства партии: издательство продолжает выпускать не представляющие никакой ценности брошюры и статьи, пропагандирующие установки и взгляды II Интернационала, и пренебрегает изданиями III Интернационала. Работы русских товарищей, без которых невозможно понять особенностей большевистской революции, переведены в Швейцарии, Англии и Германии; но в Италии не известны. Достаточно назвать такую работу Ленина, как «Государство и революция». И, наконец, то, что переведено, переведено настолько скверно, что зачастую мысль становится совершенно непонятной вследствие искажения смысла и грамматических ошибок.

7. Из предшествующего анализа вытекает, в чем должна заключаться работа по обновлению и организационному укреплению партии, которую мы считаем необходимым осуществить. Партия должна приобрести свой определенный облик, отличающий ее от других партий,— она должна превратиться из мелкобуржуазной парламентской партии в партию революционного пролетариата, борющуюся за построение коммунистического общества посредством рабочего государства, в партию однородную, монолитную, имеющую свою теорию, свою тактику, в партию, поддерживающую жесткую и суровую дисциплину. Всякий, кто не является революционером-коммунистом, должен быть изгнан из партии и из ее руководства, которому тогда уже не нужно будет заботиться о сохранении единства и поддержании равновесия между различными течениями и лидерами и которое должно будет обратить всю

¹ Произнесенная в палате депутатов 31 марта 1920 года «искупительная» речь Клаудιο Тревеса. Основная ее мысль заключалась в том, что буржуазия больше не в состоянии осуществлять власть, а рабочий класс еще не в силах ее завоевать; в этом и состоит, утверждал Тревес, трагедия господствующих классов, призванных «искупить свою вину».

свою энергию на то, чтобы создать боевую рабочую организацию. Каждое событие в жизни итальянского и международного пролетариата должно немедленно комментироваться в обращениях и директивах руководства партии, чтобы они могли быть использованы для пропаганды коммунистических идей и для воспитания революционного сознания масс. Руководство должно поддерживать постоянную связь с секциями партии, должно направлять всю деятельность пролетариата во всех ее формах. Секции должны способствовать созданию коммунистических групп на всех предприятиях, в профсоюзах, кооперативах; воинских частях. Задача этих групп состоит в том, чтобы неустанно пропагандировать среди масс программные установки и тактику партии, обеспечить создание фабрично-заводских Советов для осуществления контроля над промышленным и сельскохозяйственным производством; эти коммунистические группы должны вести пропаганду, необходимую для того, чтобы прочно завоевать профсоюзы, палаты труда и Всеобщую конфедерацию труда и добиться доверия масс, которые облекут их полномочиями для создания органов политической власти — Советов — и для осуществления диктатуры пролетариата. Наличие монолитной и подчиняющейся строгой дисциплине коммунистической партии, центральный исполнительный комитет которой, действуя через группы членов партии на промышленных предприятиях, в профсоюзах и кооперативах, направляет и координирует всю революционную деятельность пролетариата, является основным и необходимым условием для того, чтобы предпринять какую-либо попытку создать Советскую власть; при отсутствии этого условия все попытки создать Советскую власть необходимо отвергнуть как абсурдные и выгодные лишь тем, кто стремится опорочить идею Советов. Следует также отвергнуть и предложение создать нечто вроде маленького социалистического парламента¹, который быстро превратился бы в орудие реформистского и оппортунистического большинства парламентской фрак-

¹ Речь идет о предложении созвать ассамблею (а не Руководство или Национальный совет партии) из депутатов и сенаторов — социалистов, а также из представителей крупнейших политических, профсоюзных и кооперативных организаций для выработки законопроектов и для оказания давления на правительство. В такого рода ассамблее реформисты оказались бы в большинстве.

ции, в орудие распространения демократических утопий и контрреволюционных прожектов.

8. Руководство партии должно немедленно разработать и пропагандировать программу социалистической партии, определяющую задачи революционного правительства, в которой будет указано, каким образом пролетариат намерен, когда он станет господствующим классом, разрешить все важнейшие экономические, политические, религиозные проблемы, проблемы образования и другие проблемы, волнующие различные слои трудящихся Италии. Исходя из установки, что источником силы и опорой партии в ее деятельности является класс промышленных и сельскохозяйственных рабочих, не имеющих никакой частной собственности, и что другие слои трудящихся являются союзниками этого истинно пролетарского класса, партия должна выступить с обращением, в котором ясно ставился бы вопрос о революционном завоевании политической власти, содержался бы призыв к промышленному и сельскохозяйственному пролетариату быть в состоянии боевой готовности и вооружаться, намечались бы мероприятия, которые, по мнению коммунистов, должны положить начало решению насущных проблем: рабочий контроль над производством и распределением, разоружение наемных вооруженных отрядов, контроль рабочих организаций над местными органами власти.

9. Исходя из вышеизложенных положений, туринская секция социалистической партии поставила перед собой цель достигнуть соглашения со всеми группами, которые будут созданы во всех секциях для обсуждения и одобрения этих положений. Это соглашение должно сопровождаться организационными мероприятиями, которые позволили бы подготовить в кратчайший срок созыв партийного съезда для обсуждения вопросов тактики и организации пролетариата, а до созыва съезда — контролировать деятельность исполнительных органов партии.

(Без подписи; «Ордине нуово», 8 мая 1920 года, № 1.)

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ СОВЕТ

Пролетарская революция не может совершиться по произволу какой-либо организации, считающей себя революционной, или ряда организаций, считающих себя рево-

люционными. Пролетарская революция — длительный исторический процесс, который связан с возникновением и развитием определенных производительных сил (которые мы собирательно обозначаем термином «пролетариат») и происходит в определенной исторической обстановке (которую мы характеризуем выражениями «система частной собственности», «капиталистический способ производства», «фабрично-заводская система организации труда», «организация общества в парламентарно-демократическое государство»). На определенной ступени этого процесса новые производительные силы не могут больше свободно развиваться и самостоятельно складываться в определенную систему внутри тех официальных форм, в рамках которых складывается совместная жизнь людей. На этой определенной ступени происходит революционный взрыв, насильственное разрушение этих форм, разрушение всего аппарата экономической и политической власти, стесняющего развитие революционных производительных сил; происходит революция, имеющая своей целью слом буржуазной государственной машины и создание государства нового типа, в рамках которого освобожденные производительные силы найдут форму, отвечающую требованиям их дальнейшего развития и роста, найдут людские кадры и оружие, необходимые и достаточные для уничтожения своих противников.

Действительный процесс пролетарской революции нельзя отождествлять с развитием и деятельностью революционных организаций, основанных на добровольных и договорных началах, как например политической партии и профсоюзов, организаций, возникших на почве буржуазной демократии и политической свободы как утверждение и развитие этой свободы. Поскольку эти организации являются воплощением доктрины, объясняющей революционный процесс и предугадывающей (в известных пределах исторической вероятности) его развитие, поскольку они признаны широкими массами, которые видят в них выразителей их интересов и зародыш их будущего государственного аппарата, эти организации уже теперь играют роль (и эта их роль будет неуклонно повышаться в дальнейшем) непосредственных руководителей освободительной борьбы, которую весь рабочий класс будет вести в ходе развития революции. Но они все-таки не являются воплощением этого процесса, не выходят за рамки

буржуазного государства, не охватывают и не могут охватить всего бесконечного многообразия революционных сил, которые порождает в своем неумолимом поступательном движении машина капиталистической эксплуатации и угнетения.

Во время экономического и политического господства буржуазии реальное развитие революционного процесса происходит подспудно, непосредственно на фабриках и заводах, в сознании бесчисленных масс, которые капитал подчиняет своим законам. Такой процесс не поддается контролю и документальному подтверждению, все это станет возможным лишь в будущем, когда составные элементы этого процесса (чувства, стремления, привычки, зародыши инициативы и новых нравов) разовьются и очистятся с развитием общества, с изменением положения, занимаемого рабочим классом в области производства. Революционные организации (политическая партия и профессиональные союзы) возникли в условиях политической свободы, в рамках буржуазной демократии, как утверждение и развитие свободы и демократии вообще, возникли там, где существуют отношения гражданина к гражданину. Революционный процесс совершается в области производства, на предприятии, где налицо отношения угнетателя к угнетенному, эксплуататора к эксплуатируемому, где не существует свободы для рабочего, где нет демократии. Революционный процесс совершается там, где рабочий — ничто и стремится стать всем, где хозяин пользуется неограниченной властью над рабочим, над его жизнью и смертью, над его женой и детьми.

Когда же исторический процесс пролетарской революции, процесс, неизбежно возникающий в недрах человеческого общества при капитализме, протекающий по собственным, заложенным в нем самым законам и закономерно складывающийся из множества отдельных действий, которые не поддаются контролю, ибо порождаются нежелательными для рабочего и непредвиденными ситуациями, — когда же этот исторический процесс пролетарской революции выходит на поверхность, становится доступным контролю и документальному подтверждению?

Это происходит тогда, когда весь рабочий класс становится революционным уже не в том смысле, что он вообще отказывается сотрудничать с правительственными учреждениями буржуазии, уже не в том смысле, что он

представляет оппозицию в системе демократии, а в том смысле, что вся масса рабочих переходит у себя на предприятиях к таким действиям, которые неизбежно должны привести к основанию рабочего государства, придать человеческому обществу совершенно новую форму, универсальную форму, охватывающую весь рабочий Интернационал и, следовательно, все человечество. Мы говорим, что теперешний период является революционным именно потому, что во всех странах рабочий класс стремится к созидательной деятельности, напрягает всю свою энергию, чтобы — пусть даже ошибаясь, испытывая колебания и затруднения, свойственные угнетенному классу, не имеющему исторического опыта, вынужденному все делать по-новому, — впервые создавать своими собственными силами институты нового типа, представительные институты, построенные на производственной основе; мы говорим, что теперешний период — революционный период, так как рабочий класс направляет все свои силы, всю свою волю на создание своего государства. Вот почему мы говорим, что возникновение фабрично-заводских Советов представляет собой грандиозное историческое событие, начало новой эры в истории человеческого рода. Благодаря этому событию революционный процесс вышел на поверхность, вступил в такую стадию, когда его можно контролировать и документально подтвердить.

В либеральный период исторического развития буржуазии и находившегося под ее властью общества первичной клеткой государства был владелец предприятия, который ради извлечения прибыли угнетал своих рабочих. В либеральный период владелец предприятия был одновременно и руководителем предприятия, промышленником. Власть промышленника, источник власти промышленника находились на самом предприятии, и рабочему не удавалось освободиться от мысли, что без владельца нельзя обойтись; личность владельца отождествлялась с личностью промышленника, с личностью руководителя, ответственного за производство, а следовательно, и за заработную плату, хлеб, одежду и кров рабочего.

В империалистический период исторического развития буржуазии на каждом предприятии власть над производством отделяется от предприятия и концентрируется в тресте, монополии, банке, в руках государственной бюрократии. Власть промышленника становится безответственной

и, следовательно, более автократической, более безжалостной, более произвольной; зато рабочий, освободившись от чувства слепой покорности «хозяину», от рабского почтения к начальству, а также под давлением новых общих условий, сложившихся в обществе в новую историческую стадию, добивается весьма важных успехов в деле развития своей самостоятельности и инициативы.

На предприятии рабочий становится своего рода «орудием производства», включенным в определенную органически стройную производственную систему. Каждый рабочий становится частью этого комплекса «случайно» с точки зрения его доброй воли, но не случайно с точки зрения его назначения как рабочей силы, так как он представляет собой необходимое звено в процессе труда и производства и только для этого он был нанят, только поэтому он может зарабатывать на хлеб: он — лишь небольшой винтик в сложной машине разделения труда, крупица рабочего класса, определившегося в качестве «орудия производства». Если рабочий приобретает ясное сознание этого своего значения как «необходимого звена» в системе производства и на этой основе создает представительный орган государственного типа (то есть не добровольного, договорного типа, основанного на индивидуальном членстве, а абсолютного, органического типа — орган, теснейшим образом связанный с конкретной действительностью, действительностью, которую приходится признавать, если хочешь, чтобы были обеспечены хлеб, одежда, кров, промышленное производство); если рабочий, если рабочий класс это делает, то он выполняет грандиозную задачу, начинает новую эру в истории — эру рабочих государств, которые станут составной частью коммунистического общества, составной частью мира, организованного на основе и по типу крупного машиностроительного завода, составной частью Коммунистического Интернационала, в котором каждый народ, каждая часть человечества имеет свое лицо не потому, что они организованы в форме государства и имеют определенные границы, а потому, что они играют определенную и важную роль в процессе производства.

Создавая этот представительный аппарат, рабочий класс действительно совершает экспроприацию главной машины, наиважнейшего орудия производства: самого рабочего класса, нашедшего самого себя, приобретшего со-

знание своего органического единства и как это единое целое противопоставляющего себя капитализму. Таким образом, рабочий класс утверждает, что власть над производством и ее источник вновь должны находиться на предприятии, он видит в предприятии именно ту форму, в рамках которой рабочий класс организуется как определенное органическое целое, он видит в нем первичную клетку нового государства, рабочего государства, основу новой представительной системы, системы Советов. Так как рабочее государство возникает в качестве производственного организма, то оно создает уже условия для своего развития, для своего отмирания как государства, для органического включения его в мировую систему — Коммунистический Интернационал.

Как в настоящее время в Совете крупного машиностроительного завода каждая бригада, объединяющая рабочих данного вида труда (профессии), находится, с пролетарской точки зрения, в неразрывной связи с другими бригадами того же цеха, как каждый элемент промышленного производства находится, с пролетарской точки зрения, в неразрывной связи с другими элементами производства и образует производственный процесс, так и в мировом масштабе английская *угольная* промышленность вступит в неразрывную связь с русской *нефтяной* промышленностью, сибирское *зерновое* производство с сицилийскими *серными* рудниками, *рисовые* плантации Верчелли с *лесоразработками* Штирии..., образуя единый организм, который будет действовать под руководством международной организации, призванной распоряжаться богатствами земного шара на благо всего человечества. В этом смысле создание рабочего фабрично-заводского Совета является первым звеном исторического процесса, который должен найти свое завершение в создании Коммунистического Интернационала уже не в качестве политической организации революционного пролетариата, а в качестве новой организационной структуры мировой экономики, новой организационной структуры всего человеческого общества, как в пределах одной нации, так и в международном масштабе. Всякая теперешняя революционная деятельность имеет значение, является исторически реальной лишь постольку, поскольку она вносит свою лепту в этот процесс, поскольку она задумана как акт освобождения и представляет собой акт освобождения

этого прогрессивного движения от буржуазных наслоений, связывающих и тормозящих его.

Характер отношений, которые должны установиться между политической партией и фабрично-заводским Советом, между профсоюзом и фабрично-заводским Советом, по существу, уже виден из сказанного выше: партия и профсоюз не должны быть опекунами или надстройками над этим новым институтом, в котором в исторически осязаемой форме воплощается процесс революции; партия и профсоюз должны стать сознательными орудиями освобождения революционного процесса от давления гнетущих его сил, представляемых буржуазным государством, они должны взяться за создание общих внешних (политических) условий, в которых революция развивалась бы с максимальной быстротой, в которых был бы возможен максимальный рост освобожденных производительных сил.

(Без подписи; «Ордине нуово», 5 июня 1920 года, №4

ДОКЛАД ТАСКА¹ И КОНФЕРЕНЦИЯ ТУРИНСКОЙ ПАЛАТЫ ТРУДА

В предыдущем номере мы полностью опубликовали доклад о фабрично-заводских Советах, который товарищ Анджело Таска составил по поручению Исполнительной комиссии Туринской палаты труда и с которым он выступил на конференции палаты. Но доклад ни в какой мере не санкционирован «Ордине нуово» и, следовательно, не представляет какой-либо практической, согласованной или одобренной разработки тезисов, изложенных в «Ордине нуово» с целью создания и распространения идеи и теории движения фабрично-заводских Советов. Доклад был опубликован и должен был быть опубликован так же, как был опубликован в «Ордине нуово» программный манифест, с которым товарищ Эрколе Букко обратился к рабочим, организационно примыкающим к Палате труда в Болонье,— как документ, относящийся к важной стадии развития фабрично-заводских Советов, свидетельствующий о теоретической и практической позиции, которую в

¹ О возникновении и развитии полемики с Таска см. статью «Программа «Ордине нуово», стр. 194—203.

определенный момент могут занять и занимают по отношению к этому новому рабочему институту отдельные видные деятели и профсоюзные делегации.

Товарищ Таска счел, что он поступил правильно, когда согласился сделать доклад на конференции, не имея на то никакого мандата от какой-либо профсоюзной организации. Он счел, что поступил правильно, согласившись быть официальным докладчиком исполнительной комиссии Палаты труда, хотя он в действительности им не являлся. Позиция, которую он занял, роль, которую он сыграл, могли быть весьма интересными и эффектными — так, впрочем, оно и было на самом деле, если смотреть на это с интеллигентской и абстрактной точки зрения (он изображал человека, в котором своеобразно переплетались черты миссионера и черты наставника, стоящего выше низменных обстоятельств борьбы политических партий), но практически поведение Таски лишь породило недоумение и иллюзии и содействовало возникновению интриг и оппортунистических маневров. Своим поведением он мог достичь, и действительно достиг, лишь одного результата: было сведено к нулю то историческое значение конференции Туринской палаты труда, которое эта конференция могла бы и должна была бы иметь.

В докладе товарища Таска, составленном наспех, не было стержневой мысли, вокруг которой концентрировался бы излагаемый материал и которая придала бы жизненность докладу. Товарищ Таска не располагает точными сведениями о развитии фабрично-заводских Советов в России, хотя получить такого рода информацию не так уж трудно. Товарищ Таска, например, утверждает, что «данные новейшего опыта русских, кажется, привели их к выводу о необходимости поручить управление каждым отдельным предприятием не только рабочим данного предприятия, но и непосредственным представителям Советов народного хозяйства».

«Ордине нуово» в номере от 16 августа 1919 года напечатала статью «Как в Советской России проводится национализация», в которой установление такой системы руководства на русской фабрике описано, объяснено с исторической точки зрения и представлено как высшая фаза процесса развития, инициаторами которого явились коммунисты и которому они оказали содействие. В главе «От контроля к управлению промышленностью» книги Буха-

рина «Азбука коммунизма» (опубликованной в мае 1918 года) об этой системе говорится как об основном программном требовании большевиков, стремящихся побороть мелкобуржуазную психологию и анархо-синдикалистские тенденции отсталой части русского рабочего класса. «Новейшим» опытом русских является милитаризация промышленности, которая в отдельных случаях повлекла за собой роспуск фабрично-заводских Советов. Дело в том, что из-за нехватки энергетических мощностей и промышленного оборудования рабочее государство вынуждено было допустить на некоторые предприятия огромные массы крестьян, чуждых пролетарской психологии и, следовательно, неспособных к самоуправлению в области производства. Для этих отсталых крестьянских масс Совет не имел никакого значения (не имел значения в области производства); единственно подходящей формой коллективной дисциплины являлась для них дисциплина революционной армии, с ее языком и ее боевым энтузиазмом.

Недостатки и неточности, имеющие место в докладе Таска и касающиеся «библиографии» вопроса о фабрично-заводских Советах, обнаруживаются также по отношению к документам, более близким по времени и месту действия. В проекте резолюции по дискуссии, развернувшейся на конференции Палаты труда (опубликованном в «Аванти!»), он приписывает Скъявелло формулировку задач цеховых уполномоченных, которая в действительности была дана самими цеховыми уполномоченными туринских фабрик и взята Скъявелло из Устава¹, опубликованного в «Ордине нуово» 8 ноября 1919 года. В Уставе собрано и систематизировано огромное количество материалов, отражающих конкретный опыт туринских цеховых уполномоченных, и множество предложений; все это стоило немалого труда исследовательскому комитету фабрично-заводских Советов, и было бы несправедливо приписывать указанную формулировку Скъявелло, ибо он лишь списал последний вариант ее, публиковавшийся в печати.

Таким же образом Таска полемизирует и с товарищем Гарино по поводу утверждения, что основной задачей профсоюза является не формирование у рабочего созна-

¹ См. стр. 255—260.

ния производителя, а защита интересов наемного рабочего; утверждение это содержалось в передовой статье «Синдикализм и Советы», напечатанной в «Ордине нуово» в тот же день — 8 ноября 1919 года. Когда анархо-синдикалист Гарино на чрезвычайной конференции Палаты труда в декабре 1919 года изложил этот тезис и отстаивал его с необыкновенным пылом и большим диалектическим искусством, мы в отличие от товарища Таска были приятно удивлены и глубоко взволнованы: мы представляем себе создание фабрично-заводских Советов как начало исторического процесса, который необходимо должен привести к основанию рабочего государства, и позиция товарища Гарино, анархо-синдикалиста, была новым доказательством постоянно существовавшего глубокого убеждения, что в действительном революционном процессе весь рабочий класс стихийно приходит к единству в области теории и практики, что всякий рабочий, раз он искренний революционер, не может не прийти к сотрудничеству со всем классом при выполнении задачи, которая неизбежно встает перед ним в капиталистическом обществе и вовсе не является каким-то надуманным стремлением, самопроизвольно возникшим в индивидуальном сознании.

Но мы составили себе и придерживаемся сейчас такой концепции фабрично-заводских Советов, на которую в докладе товарища Таска нет и намек и которая не заменена там ничем эквивалентным. Мы представляем себе фабрично-заводской Совет как совершенно новый своеобразный институт, возникновение которого обусловлено положением рабочего класса, созданным капиталистическим строем в его нынешний исторический период, как институт, который нельзя смешивать с профсоюзом, который не может быть координирован с профсоюзом или подчинен ему и который, наоборот, своим зарождением и развитием вызывает коренные изменения в структуре и форме профсоюза.

В настоящий момент капиталистический строй характеризуется господством финансового капитала над капиталом индустриальным, господством банка над промышленным предприятием, биржи над производством товаров, монополии над капитаном промышленности. Это органическая, нормальная структура капитализма, а не «порок, порожденный привычками военного времени», как утвер-

ждает, в согласии с Каутским и вопреки основному тезису Коммунистического Интернационала, товарищ Таска. Теоретики III Интернационала (Ленин, Зиновьев, Бухарин, Роза Люксембург, А. Паннекук и др.) защищали этот основной тезис еще до мировой войны, основываясь главным образом на материалах и выводах, содержащихся в произведении Гильфердинга «Финансовый капитал», защищали его в полемике против Каутского и других идеологов германской социал-демократии, которые во время и после мировой войны стали «центристами» в международном рабочем движении. На основе этого экономического тезиса теории Интернационала уже тогда сформулировали и другие тезисы — о колониализме, об империализме и о гражданской войне, которая неизбежно должна была возникнуть в результате надвигавшейся черной тучей огромной бойни из-за нового передела мира и борьбы за мировое господство между Англией и Германией. Гражданская война, создание рабочими разных национальностей своих государств, признание в Совете и в системе Советов своей собственной, общей для всего Интернационала, формы рабочего государства, государства, закономерно порожденного экономическим и политическим положением, в которое поставлен пролетариат развитием капитализма в нашу эпоху, — таков логический ряд идей, которые лежат в основе Коммунистического Интернационала и в свете которых следует рассматривать зарождение новых рабочих институтов. Товарищ Таска, обильно подкрашивая свой доклад коммунистической и революционной фразеологией, пришел на помощь оппортунистам и реформистам, которые, ссылаясь на бюрократическую «дисциплину», то есть выступая в качестве стражей узаконенных в сфере производства норм, которые означают правовое закрепление существующих на фабрике отношений эксплуататора и эксплуатируемого, всегда пытались извратить природу фабрично-заводских Советов, стремящихся вывести классовую борьбу за пределы этих узаконенных норм.

Таким образом, из-за этого выступления товарища Таска, не имеющего необходимой подготовки (ни с общей теоретической точки зрения, ни с точки зрения теории Советов), для того чтобы правильно осветить данную проблему, из-за этого «официального» и в то же время «неофициального» выступления, которое произвело благо-

приятное впечатление на участников конференции своей беспристрастностью, якобы свидетельствующей об умении докладчика подняться над борьбой течений внутри профсоюзного движения, конференция Туринской палаты труда породила только недоразумения и путаницу, способствовала упрочению обстановки, вреднейшей для профессионального движения вообще и для профсоюзов и Палаты труда в частности.

Когда вместе с товарищем Таска мы приступили к изданию «Ордине нуово», мы обязались установить прежде всего право и обязанность взаимного контроля и взаимной критики, право и обязанность откровенно высказывать самые горькие истины также и потому, что в нашей группе мы намеревались установить высшую форму взаимоотношений. Позвольте нам, товарищ Таска, сказать, что ваше выступление в несколько часов уничтожило работу по воспитанию и поднятию уровня рабочей культуры, которая еженедельнику «Ордине нуово» и группе «Ордине нуово» стоила года труда и усилий.

(Без подписи; «Ордине нуово», 5 июня 1920 года, № 4.)

ПРОФСОЮЗЫ И СОВЕТЫ

Профессиональный союз — это не просто определенное название: профессиональный союз *становится* таковым, то есть принимает определенную историческую форму, поскольку сила и воля рабочих, его составляющих, придают ему направление и ставят перед ним цели, указанные в названии этой организации.

Объективно профессиональный союз является формой, которую рабочая сила, как товар, принимает и которую она только и может принять при капиталистическом строе, когда она организуется, чтобы господствовать на рынке. Эта форма есть учреждение, персонал которого состоит из должностных лиц, специалистов (когда они действительно являются специалистами), в организационных делах, в искусстве объединять рабочие силы и руководить ими так, чтобы установить выгодное для рабочего класса равновесие между его силами и мощностью капитала.

Развитие профессионального союза характеризуется следующими двумя фактами: 1) профессиональный союз

охватывает все большее и большее количество рабочих, то есть дисциплинирует все большее и большее количество рабочих; 2) профессиональный союз объединяет и централизует свои организации, пока не сосредоточит в одном руководящем центре дисциплинарную власть и руководство движением, иными словами, профессиональный союз обособляет себя от организованных им масс и тем самым ставит себя вне зависимости от минутных желаний и изменчивых настроений, столь свойственных охваченным волнением массам. Тогда профсоюз получает возможность заключать договоры, брать обязательство, вынудить предпринимателя узаконить свои отношения с рабочим, что обусловлено уверенностью предпринимателя, что профессиональный союз сможет добиться от рабочей массы соблюдения заключенных соглашений.

Установление в промышленности узаконенных отношений явилось крупным завоеванием рабочего класса, но оно не было последним и окончательным завоеванием. Установление в промышленности отношений законности улучшило условия материальной жизни рабочего класса, но это было только компромиссом, на который надо было пойти и который надо терпеть, пока соотношение сил остается неблагоприятным для рабочего класса. Если руководители профсоюзной организации рассматривают законность, установленную в промышленности, как необходимый компромисс (но не на вечные времена), если они обращают все средства, какими может располагать профсоюз, на изменение соотношения сил в благоприятном для рабочего класса направлении, если они развертывают всю подготовительную идеологическую и материальную работу, необходимую для того, чтобы в определенный момент рабочий класс смог перейти в победоносное наступление против капитала и подчинить его своей воле, тогда профессиональный союз — орудие революции, тогда профсоюзная дисциплина, даже когда она направлена на то, чтобы рабочие соблюдали законность в промышленности, является дисциплиной революционной.

При установлении характера отношений, которые должны существовать между профсоюзом и фабрично-заводским Советом, нужно исходить из оценки, даваемой природе и значению законности, установленной в промышленности.

Совет есть отрицание законности, установленной в про-

мышленности, он постоянно стремится к ее уничтожению, всегда стремится привести рабочий класс к завоеванию власти над промышленностью, сделать рабочий класс источником власти над промышленностью. Профсоюз есть элемент законности и должен ставить своей задачей добиться ее соблюдения членами профсоюза. Профсоюз ответственен перед промышленниками, но ответственен по отношению к ним постольку, поскольку он ответственен перед своими членами: он гарантирует непрерывность работы и получение заработной платы, то есть хлеба и крова для рабочего и его семьи. Совет по своей революционной природе стремится каждый момент развернуть классовую войну; профсоюз в силу своей бюрократической природы стремится не допустить, чтобы когда-либо классовая война возникла. Отношения между этими двумя организациями должны быть таковы, чтобы необдуманная инициатива Совета не вызвала отступления рабочего класса, не вызвала бы поражения рабочего класса, иными словами, чтобы не создалось такого положения, при котором Совет был бы вынужден подчиняться дисциплине профсоюза. Эти отношения должны строиться таким образом, чтобы революционный характер Совета оказывал влияние на профсоюз, был бы таким реактивом, который уничтожал бы профсоюзный бюрократизм и канцелярщину.

Совет ежеминутно стремится выйти за рамки законности, установленной в промышленности. Совет — это масса, эксплуатируемая, угнетаемая, принуждаемая к рабскому труду, и поэтому он стремится всякое революционное выступление превратить во всеобщее восстание, придать решающий характер и значение всякому своему шагу на пути к власти. Профсоюз, как учреждение, полностью ответственное за соблюдение законности, стремится придать этой законности всеобъемлющий характер и увековечить ее. Отношения между профсоюзом и Советом должны создать условия, при которых выход за рамки законности, наступление рабочего класса предпринимались бы в наиболее подходящий для этого класса момент, в момент, когда рабочий класс будет подготовлен к этому хотя бы в той минимальной степени, которая необходима для прочной победы.

Отношения между профсоюзом и Советом должны строиться только на следующей основе: большинство или

значительная часть избирателей Совета состоит в профсоюзе. Всякая попытка подчинить один институт другому не может не привести к уничтожению обоих.

Если концепция, согласно которой Совет есть простое орудие профсоюзной борьбы, получает свое конкретное выражение в бюрократической дисциплине и в предоставлении профсоюзу права прямого контроля над Советом, Совет перестает быть органом расширения революционной борьбы, формой реального развития пролетарской революции, стихийно идущей к созданию нового способа производства и труда, новой дисциплины, идущей к созданию коммунистического общества. Так как возникновение Совета связано с той позицией, которую в области промышленного производства все прочнее занимает рабочий класс, так как Совет является исторической необходимостью для рабочего класса, попытка подчинить его профсоюзу вызовет раньше или позже столкновение между двумя этими институтами. Сила Совета заключается в том, что он прочно вошел в сознание рабочей массы, что он есть самосознание рабочей массы, стремящейся освободить себя своими собственными силами, завоевать право творить историю. Вся масса участвует в жизни Совета и чувствует, что благодаря этому своему участию она представляет собой определенную силу. В жизни же профсоюза участвует лишь очень небольшое число его членов. В этом источник реальной силы профсоюза, но в этом же источник и его слабости, чреватой серьезнейшими последствиями.

Если же профсоюз будет непосредственно опираться на Советы — не для того, чтобы господствовать над ними, а для того, чтобы стать их высшей формой, — в действиях профсоюза проявится свойственная Советам тенденция выйти в любой момент за рамки законности, установленной на производстве, в любой момент развязать решительную классовую войну. В таком случае профсоюз потеряет свою способность заключать соглашения, потеряет свой характер силы, дисциплинирующей и регулирующей импульсивные движения рабочего класса.

Если члены профсоюза устанавливают в профсоюзе революционную дисциплину, дисциплину, которая воспринимается массой как необходимая для торжества рабочей революции, а не как закабаление капиталом, то такая дисциплина, несомненно, будет одобрена и при-

нята Советом, делается естественной формой деятельности Совета.

Если руководящий орган профсоюза становится органом подготовки революции — и таковым представляется массам, судящим об этом по действиям, им развернутым, по людям, его составляющим, по пропаганде, им проводимой, — тогда его централизм и авторитарность будут поняты массами как большая революционная сила, как дополнительное (и одно из наиболее важных) условие успеха в решающей борьбе.

В условиях итальянской действительности профсоюзный чиновник воспринимает законность, установленную в промышленности, как установленную на веки вечные. Он слишком часто защищает ее с той же точки зрения, что и собственник. Он видит только хаос и произвол во всем, что происходит в рабочей массе. Он не в состоянии понять акт возмущения рабочего против капиталистической дисциплины во всем его широком значении: он воспринимает его лишь как конкретный факт, который сам по себе может иметь неприятную форму. Вот и случилось, что анекдот о «непромокаемом плаще грузчика» получил такое же распространение и такое же толкование со стороны безмозглых журналистов, как и история с «обобществлением женщин в России». При таких условиях профсоюзная дисциплина может быть только на пользу капиталу; при таких условиях всякая попытка подчинить Совет профсоюзу может рассматриваться только как реакционная.

Поскольку коммунисты хотят, чтобы революционные действия были по мере возможности сознательными и ответственными, они тем самым хотят, чтобы выбор (поскольку можно говорить о выборе) момента для перехода рабочих в решительное наступление принадлежал наиболее сознательной и ответственной части рабочего класса, организованной в Социалистическую партию и наиболее активно участвующей в жизни организации. Поэтому коммунисты не могут желать, чтобы профсоюз потерял свою дисциплинирующую силу и свою централизованность.

Организуясь в постоянно действующие группы в профсоюзах и на предприятиях, коммунисты должны привносить в профсоюзы и на фабрики концепции, тезисы, тактику III Интернационала, должны влиять на характер

профсоюзной дисциплины и определять цели, с которыми она устанавливается, должны влиять на решения фабрично-заводских Советов и превращать в сознательные и творческие революционные действия стихийные порывы к возмущению, возникающие в силу положения рабочего класса при капитализме. Поскольку на входящих в социалистическую партию коммунистах лежит наибольшая историческая ответственность, они больше всех заинтересованы, чтобы их непрестанная деятельность приводила различные организации рабочего класса к установлению таких отношений взаимопроникновения и взаимозависимости, которые пропитали бы их дисциплину и организационную работу революционным духом.

(Без подписи; «Ордине нуово», 12 июня 1920 года, № 5.)

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ

Всякая форма политической власти может быть исторически понята и объяснена только как правовой аппарат реальной экономической власти, может быть понята и объяснена только как организация защиты и условие развития определенного порядка в области производства и распределения богатства. Из этого основного (и элементарного) положения исторического материализма вытекает весь комплекс тезисов, которые мы пытались органически развить при обсуждении проблемы фабрично-заводских Советов; это положение является основанием, исходя из которого при обсуждении реальных вопросов, касающихся рабочего класса, главное, центральное место мы отвели положительному опыту, полученному широчайшим движением рабочих масс в процессе создания Советов, развития и координации их деятельности. Исходя из этого положения, мы утверждали: 1) революция не является (обязательно) пролетарской и коммунистической только потому, что она ставит своей задачей и осуществляет свержение политической власти буржуазного государства; 2) не является пролетарской и коммунистической, даже если она ставит своей целью и осуществляет ликвидацию представительных институтов и административной машины, при помощи которых центральное правительство осуществляет политическую власть буржуазии; 3) не является пролетарской и коммунистической, даже если волной народного восстания у

власти поставлены люди, называющие себя (и притом искренне) коммунистами. Революция бывает пролетарской и коммунистической только тогда, когда она освобождает пролетарские и коммунистические производительные силы, создавшиеся в недрах общества, в котором господствует класс капиталистов; она бывает пролетарской и коммунистической в той мере, в какой ей удастся помогать и содействовать развитию и организации пролетарских и коммунистических сил, способных вести терпеливую и методическую работу, необходимую для построения нового порядка в области производства и обмена, такого порядка, при котором стало бы невозможным существование общества, разделенного на классы, и для того, чтобы систематическое развитие этого порядка совпадало с процессом отмирания государственной власти, с постепенным отмиранием политической организации защиты пролетарского класса, который сам исчезает как класс, становясь тождественным всему человечеству.

Революция, осуществляющая разрушение буржуазного государственного аппарата и построение нового государственного аппарата, интересует и втягивает в борьбу все классы, угнетенные капитализмом. Она непосредственно вызывается тем непреложным фактом, что в условиях дороговизны жизни, порожденной империалистической войной, огромному большинству населения (ремесленникам, мелким землевладельцам, мелкобуржуазным интеллигентам, массам беднейшего крестьянства, а также отсталым массам пролетариата) совершенно не обеспечено удовлетворение элементарных потребностей, возникающих в повседневной жизни. Эта революция имеет тенденцию принять преимущественно анархический и разрушительный характер и проявляться во взрывах слепого гнева, в диких разрушениях без определенной цели, которые приводят к созданию новой государственной власти лишь постольку, поскольку усталость, разочарование и голод приводят в конце концов к признанию необходимости установления твердого порядка и власти, которая действительно заставила бы его уважать.

Эта революция может закончиться всего-навсего созывом учредительного собрания, пытающегося залечить раны, нанесенные буржуазному государственному аппарату народным гневом; может дойти до создания Советов,

до независимой политической организации пролетариата и других угнетенных классов, которые, однако, не осмелятся пойти дальше организационного строительства, не осмелятся затронуть экономические отношения и потому будут отброшены назад в результате контр наступления собственнических классов. Эта революция может дойти до полного разрушения буржуазной государственной машины и до создания обстановки постоянного хаоса, из-за чего материальные богатства и население будут распыляться и погибать вследствие невозможности создать какую-либо самостоятельную организацию; может дойти и до установления пролетарской и коммунистической власти, которая истощит себя в повторных и безнадежных попытках создать средствами принуждения экономические условия своего сохранения и укрепления и в конце концов будет свергнута капиталистической реакцией.

Исторический процесс подобного рода наблюдался в Германии, в Австрии, в Баварии, на Украине и в Венгрии. За революцией — разрушительным актом не последовала революция — созидательный процесс в коммунистическом смысле. Наличия внешних условий (коммунистическая партия, разрушение буржуазного государства, сильные профсоюзные организации, вооружение пролетариата) было недостаточно, чтобы компенсировать отсутствие следующих условий: наличия производительных сил, обладающих тенденцией к росту и все более широкому развитию, сознательного движения пролетарских масс, стремящихся подкрепить политическую власть экономической властью, воли пролетарских масс к установлению на предприятии пролетарского порядка, к превращению предприятия в ячейку нового государства, стремления построить новое государство как отражение отношений, сложившихся в процессе производства при фабрично-заводской системе.

Вот почему мы всегда считали долгом коммунистических ячеек, существующих в социалистической партии, не увлекаться сектантскими фантазиями (как отказ от участия в парламентских выборах, создание партии «истинно» коммунистической), но работать в массах, чтобы создать такие условия, при которых возможно было бы разрешить все частные проблемы как проблемы органического развития коммунистической революции. В самом деле, может ли существовать коммунистическая партия (кото-

рая была бы партией действия, а не академией доктринеров и политиканов, которые «правильно» мыслят и «правильно» рассуждают на тему о коммунизме), если у масс нет исторической инициативы и стремления к производственной самостоятельности, которые должны найти свое отражение и обобщение в коммунистической партии? И так как партии и реальные исторические силы, отражением которых они являются, образуются не внезапно, не из ничего, а в соответствии с определенным диалектическим процессом, то разве не является важнейшей задачей коммунистов сделать сознательными и организованными те коммунистические по своему существу силы, которые возникли в сфере производства, — ведь они должны развиваться и, приумножившись, создать прочную и постоянную экономическую базу политической власти пролетариата?

Точно таким же образом: может ли партия воздерживаться от участия в выборах в буржуазно-демократические представительные учреждения, если ее задача заключается в политической организации всех угнетенных классов вокруг коммунистического пролетариата, если для достижения этого необходимо, чтобы партия стала «правлящей партией» этих классов в демократическом смысле, так как только партия коммунистического пролетариата может быть революционной партией?

Поскольку коммунистическая партия становится партией, к которой пытаются «демократическое» доверие все угнетенные классы, поскольку она постоянно держит контакт со всеми слоями трудящихся, она ведет все слои народа к признанию коммунистического пролетариата в качестве руководящего класса, который должен сменить капиталистический класс у кормила государственной власти, она создает условия, при которых революция, разрушающая буржуазное государство, отождествится с пролетарской революцией, с революцией, которая должна экспроприировать экспроприаторов, положить начало новому порядку в области производства и распределения.

Таким образом, коммунистическая партия — поскольку она выступает как специфическая партия промышленного пролетариата, поскольку она работает над тем, чтобы вооружить сознанием и направить по определенному руслу те силы, которые капитализм в период своего развития

создал в сфере производства, — создает экономические условия для перехода государственной власти в руки коммунистического пролетариата, создает условия, при которых возможно отождествление пролетарской революции с народным восстанием против буржуазного государства и при которых это восстание становится актом освобождения реальных производительных сил, накопившихся в недрах капиталистического общества.

Эти различные исторические события не являются разрозненными и не зависящими друг от друга; они представляют собой отдельные моменты одного и того же диалектического процесса развития, в течение которого причины и следствия переплетаются, меняются местами, находятся в сложном взаимодействии. Однако опыт революций показал, что все другие революции, происходившие после революции в России и совершавшиеся в два приема, потерпели поражение и что поражение второго этапа революции повергало рабочие массы в состояние страдания и депрессии, а это позволяло буржуазии основательно реорганизоваться и начать систематическую работу по подавлению коммунистического авангарда, пытавшегося восстановить свои силы.

Для коммунистов, не довольствующихся однообразным пережевыванием азов коммунизма и исторического материализма, но живущих реальной борьбой и понимающих действительность такой, как она есть, с точки зрения исторического материализма и коммунизма революция, как завоевание социальной власти пролетариатом может быть воспринята только как диалектический процесс, при котором политическая власть делает возможной экономическую, а экономическая делает возможной власть политическую. Совет является орудием революционной борьбы, создающим возможности для самостоятельного развития коммунистической экономической организации, которая от фабрично-заводского Совета доходит до Высшего совета народного хозяйства, вырабатывающего планы производства и распределения и, таким образом, добывающегося упразднения капиталистической конкуренции. Фабрично-заводской Совет, как самостоятельная организация производителей в области промышленности и как основа коммунистической экономической организации, является орудием борьбы, смертельной для капиталистического режима, поскольку создает условия,

при которых общество, разделенное на классы, уничтожается и становится «материально» невозможным всякое новое деление на классы.

Для коммунистов, живущих борьбой, эта концепция не есть нечто абстрактное; она становится отправным моментом для борьбы, становится стимулом к усилению организации и пропаганды.

Промышленное развитие породило у масс в известной степени духовную самостоятельность, инициативность и стремление к позитивной исторической деятельности; необходимо дать организации и форму этим элементам пролетарской революции, создать психологические условия для их развития и распространения среди всех трудящихся масс в процессе борьбы за контроль над производством.

Необходимо взяться за органическое строительство коммунистической партии, которая была бы не сборищем доктринеров или маленьких Макиавелли, а партией революционного коммунистического действия, ясно сознающей историческую миссию пролетариата и умеющей подвести пролетариат к выполнению им его миссии, которая была бы партией масс, желающих своими силами, самостоятельно освободиться от политического и экономического рабства путем организации общественного хозяйства, а не партией, которая использует массы, чтобы попытаться героически подражать французским якобинцам. В той мере, в какой этого можно достичь в результате действий партии, необходимо создать условия, при которых не было бы двух революций, и народное восстание против буржуазного государства нашло бы организованные силы, способные начать преобразование национального производственного аппарата из орудия плутократического угнетения в орудие коммунистического освобождения.

(Без подписи; «Ордине нуово», 3 июля 1920 года, № 8.)

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Мы часто выставляли следующее общее положение: в течение исторического периода господства буржуазии все формы ассоциации (включая и те, которые рабочий класс создал, чтобы опереться на них в своей борьбе), по-

скольку они возникают и развиваются на почве либеральной демократии, не могут не быть связаны с буржуазной системой и капиталистическим строем. Так как они возникли и развились вместе с возникновением и развитием капитализма, то и деградируют и разлагаются они также по мере того, как деградирует и разлагается та система, в пределах которой они существуют. Многие события из истории рабочего движения нашего времени (неподчинение масс организациям, выступления отдельных предприятий в защиту анархистских и синдикалистских теорий, проявления уныния и глубокого безразличия, шумные и эфемерные успехи различных Мазаньелло, которыми кишат улицы и площади) были бы непонятны, если рассматривать их вне общей картины разложения традиционных правительственных учреждений, но они легко объяснимы, если принять во внимание трудности любого исторического периода, когда угнетенный класс пытается сбросить оковы рабства и заложить основы нового порядка, который приведет его к освобождению. От этого общего положения мы отпавлялись, подвергая критике профсоюзную организацию, которая всегда воспринималась как первоначальная форма организации рабочего класса и как самостоятельная форма развития коммунистической революции. Мы же, наоборот, всегда настаивали на «оригинальности» фабрично-заводских Советов, единственного пролетарского института, который, возникая как раз там, где не существует политических отношений гражданина к гражданину, как раз там, где нет свободы и демократии для рабочего класса, а существуют в самом неприкрытом виде лишь экономические отношения эксплуататора и эксплуатируемого, угнетателя и угнетенного, олицетворяет собой извечные стремления рабочего класса освободиться самостоятельно, своими собственными силами, во имя своих особых целей, без посредников, без передачи власти чиновникам и профессиональным политикам. Социалистическая партия также не избежала процесса всеобщего разложения и крушения традиционных руководящих институтов, существующих в обществе, разделенном на классы, но она из-за большей гибкости (так как она не отягощена грузом традиционных интересов) сумела быстро реагировать на происходящее, особенно там, где революционное напряжение было сильнее (как в Турине). Партия переживает критический период внутреннего органи-

ческого преобразования, и элементами ее нового устройства являются коммунистические группы на фабриках.

Традиционные организационные формы социалистической партии не отличаются от форм других партий, возникших на почве либеральной демократии. Такой формой является общее собрание членов, которое избирает пользующийся доверием большинства исполнительный орган и контрольную комиссию. В организации социалистической партии осуществляются все принципы, свойственные демократической политической ассоциации: разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную и внутрипартийная конкуренция (революционное и реформистское течения, оспаривающие друг у друга власть и использующие при этом оппортунистическую «лошадку»); в ней можно найти все существенные черты, свойственные любой ассамблее, являющейся формой выражения суверенной демократии: безответственность, некомпетентность, неустойчивость, беспорядок. Эти существенные черты «корректируются», естественно, канцелярщиной и бюрократическим произволом исполнительных органов.

Эта форма, свойственная всем ассоциациям, выросшим в обстановке буржуазной политической демократии, отражает историческую сущность указанных ассоциаций: стремление завоевать большинство в народных ассоциациях (муниципальные и провинциальные советы, палата депутатов) и завоевать это большинство методами, свойственными этой демократии, то есть развертывая перед избирателями столь же общие, сколь и путанные программы и клянясь провести их во что бы то ни стало.

Общее собрание является формой политической ассоциации, соответствующей государству, основанному на принципе территориального подразделения. Оно является продолжением порядков организации варварских народов, когда суверенность выражалась втыканием копий в землю и диким завыванием. Психология политических собраний, воплощающих суверенность при демократическом режиме, есть «психология толпы», то есть преобладание животных инстинктов и безответственности безличной массы над разумностью и одухотворенностью: в случае преобладания менее благородных чувств она приводит к линчеваниям, а в моменты лирической экзальтации — к соревнованию между собой за то, чтобы

получить возможность впрячься вместо лошадей в триумфальную карету пользующейся успехом балерины. Вот почему самый умный и самый «усердный» депутат итальянского Национального собрания изрек сентенцию, что парламент относится к Совету, как город к варварской орде.

Так как рабочее государство есть лишь этап в процессе развития человеческого общества, стремящегося привести отношения политического сосуществования в соответствие с техническими отношениями промышленного производства, то оно базируется не на территориальных округах, а на органических производственных подразделениях (предприятия, строительные площадки, арсеналы, рудники, фермы). Создавая свою организационную основу непосредственно на месте производства, социалистическая партия выполняет роль ведущей партии рабочего класса в тех новых учреждениях, которые он создает, чтобы добиться своей самостоятельности, чтобы стать господствующим классом. Исторической сущностью пролетарской политической ассоциации является отныне стремление не только завоевать большинство в народных ассамблеях буржуазного государства, но и оказать рабочему классу конкретную помощь в его трудной созидательной работе. Появляется возможность предвидеть коренное преобразование организационных форм партии. Общее собрание членов, отдельных людей, ответственных только перед своей совестью, выведенной из равновесия и парализованной крикливой демагогической импровизацией и страхом не оказаться на уровне задач политических представителей пролетариата, будет заменено собраниями делегатов с императивным мандатом. Общие и безалаберные дискуссии будут заменены дискуссиями по конкретным вопросам, интересующим фабричных рабочих, которые, учитывая требования пропаганды и борьбы на предприятиях, хотят, чтобы партийные собрания стали наконец школой подготовки к реальному завоеванию экономической и политической власти пролетарскими массами. Появляется возможность предвидеть преобразование социалистической партии из ассоциации, зародившейся и развившейся на почве либеральной демократии, в организацию нового типа, свойственную пролетарской цивилизации.

Достаточно было призвать к созданию в Турине ком-

мунистических групп, и они были вскоре организованы и развернули активную деятельность. Во время частичной забастовки металлистов, предшествовавшей грандиозному апрельскому выступлению, на некоторых фабриках едва образовавшиеся коммунистические группы из-за бездействия Совета цеховых уполномоченных вынуждены были принять на себя руководство рабочими, предупредив развал революционной дисциплины и сразу уничтожив всякую расхлябанность. Опыт, накопленный до сих пор на главных предприятиях, уже является ценным достоянием, которое на предстоящем совещании групповых делегатов должно быть оценено по достоинству и доведено до сведения всех членов секции. Только совещание сможет выработать в основных ее чертах единую программу работы, уже ставшую необходимой. Она будет синтезом конкретного опыта, приобретенного каждой отдельной группой, вносящей тем самым свой вклад в разработку этой общей программы. Уже в данный момент можно установить, что исторически сложившийся облик социалистической партии меняется с организацией коммунистических групп; появилась возможность понять исторический характер русской коммунистической партии. Партия, поскольку ее составляют революционные рабочие, борется вместе с массой, находится в самой гуще жизни общества, охваченного пламенем революционной борьбы. Но партия есть в то же время воплощение марксистского учения, поэтому для партийных рабочих борьба есть сознательная борьба за достижение четко определенной цели, ясно выраженная воля, дисциплина, прошедшая через горнило сознания и воли. Таким образом, в рабочем государстве партийные рабочие становятся промышленным авангардом, подобно тому, как они являются революционным авангардом в период борьбы за установление пролетарской власти; революционный энтузиазм переносится в область производства.

Коммунизм как система новых социальных отношений осуществим только в случае наличия материальных условий для этого. Эта система не может быть введена законодательным или административным путем. Коммунистическая партия выполняет в рабочем государстве функцию психологического реактива, побуждающего широкие массы сознательно и добровольно работать над созданием новых отношений, сделавшихся возможными в силу новых

условий. Коммунистические субботники, вошедшие в обиход русских пролетарских масс, есть результат дисциплинированности рабочих, членов коммунистической партии, которые первыми осуществили через фабрично-заводские ячейки новый способ работы и производства; и только этот способ может окончательно победить капитализм и представляет, следовательно, высшую стадию революционной классовой борьбы, начатой завоеванием политической власти и установлением контроля над производством.

(Без подписи; «Ордине нуово», 17 июля 1920 года, № 10.)

РОССИЯ — МИРОВАЯ ДЕРЖАВА

Рабочее государство, по меткому определению Ленина, есть буржуазное государство без буржуазии. Рабочее государство должно разрешить как во внутренней, так и во внешней политике те же проблемы, что и буржуазное государство, и может их разрешить методами и техническими средствами, не очень отличающимися от методов и средств, применяемых буржуазным государством. Русское рабочее государство разрешило основные внутренние проблемы своего существования и развития; а что оно их разрешило, ясно видно из мощи и боеспособности его армии. Ведь армия есть «физиологически» наиболее типичное выражение реальной силы социального организма; нельзя представить себе государство без армии; нельзя представить себе, чтобы дисциплинированная, доблестная, инициативная армия не являлась бы орудием крепко спаянного государства, поддерживаемого постоянной волей, постоянной дисциплинированностью населения и его готовностью идти на жертвы. Рабочий класс в России составляет незначительное меньшинство населения, но он был и остается единственным социальным классом, исторически подготовленным к взятию и удержанию власти, единственным классом, способным при посредстве своей партии, коммунистической партии, построить государство. Русский рабочий класс был и остается исторически крепким и зрелым не потому, что он численно составлял большинство населения, а потому, что через посредство своей партии он доказал свою способность построить государство, то есть потому, что рабо-

чему классу удалось убедить большинство населения, состоящее из неорганизованных слоев средних классов, интеллигенции, крестьян, что его интересы в настоящем и будущем совпадают с интересами этого самого большинства населения. На этом именно убеждении, широко распространившемся в обществе, покоится государство, покоится согласие нации с инициативой и деятельностью рабочей власти, покоятся дисциплина и подчинение. Подчинение? Да, подчинение. Рабочая власть есть создание новой системы подчинения социальных классов: интеллигенция, крестьянство, все средние классы признают в лице рабочего класса основу государственной власти, признают рабочий класс как руководящий класс. Когда спрашивают их мнение на выборах в представительные учреждения, они выбирают депутатов из членов партии рабочего класса, коммунистической партии. Эти же классы дают массы пехотинцев и кавалеристов для Красной Армии, защищающей государство от внешнего нападения, дают массы чернорабочих для армии труда, сражающейся против холода и голода, дают специалистов для промышленности и сельского хозяйства, дают специалистов военного дела; эти классы содействуют выполнению всех многообразных функций сложного русского государственного аппарата, находящегося в руках рабочего класса, а не в руках капиталистов. Вот главная историческая проблема, разрешенная русским рабочим классом, вот почему русский рабочий класс доказал, что он исторически созрел, что он держит в своих руках судьбы русского народа. Русский рабочий класс организовал все слои русского общества и организовал так, что общие усилия, общие жертвы, общая воля направлены к одной цели, на осуществление рабочей программы, ставшей идеалом и задачей государства.

Советская Россия, единственное во всем мире рабочее государство, окруженное дикой сворой неумолимых врагов, должна была разрешить еще одну жизненную задачу: утвердить свое положение в мировой системе держав. Русское рабочее государство уже решило эту задачу, и решило ее методами и приемами, при помощи которых ее разрешило бы буржуазное государство: при помощи вооруженной силы, одержав победу в войне. Оно не могло поступить иначе, ни одно рабочее государство не смогло бы и не сможет поступить иначе. Красная Армия разбила

Польшу; капиталистические страны не смогли оказать помощь Польше, вынуждены были примириться с поражением Польши, должны были перенести это унижение, должны были признаться, что они неспособны заставить маршировать свои войска, должны были признать, что у них нет войск, нет сочувствия управляемых ими масс, что они являются лишь пустыми и бездушными бюрократическими организациями, не имеющими ни авторитета, ни престижа. Так Советская Россия сделалась мировой державой, сделалась величайшей из мировых держав, таковой державой, которая благодаря своему весу, своему историческому значению способна противостоять всей мировой капиталистической системе. Своей военной победой, одержанной благодаря доблести ее армии, Россия возглавила в мировом масштабе силы, ведущие борьбу против монополистического капитализма: она воплощает восстание рабочего класса всех стран против эксплуататоров и встречает с его стороны открытую поддержку, она воплощает страдание и голод наций, побежденных в мировой войне, воплощает месть наций, одержавших военную победу, но разгромленных экономически, воплощает восстание обескровленных метрополиями колоний, воплощает все неорганизованные восстания против монополистической капиталистической эксплуатации; она применяет в мировом масштабе те социальные достижения, которых она добилась у себя, демонстрирует перед всем миром установленную над всеми средними классами общества пролетарскую диктатуру, направленную на разгром класса капиталистов — антагонистов пролетариата.

Выигранная Антантой мировая война должна была бы после заключения Версальского мира и создания Лиги наций привести к установлению на земном шаре монополистического режима; на смену системе равновесия и конкуренции должна была бы прийти безраздельная гегемония. Завоевав положение великой державы, Советская Россия разрушила систему гегемонии, возродила принцип борьбы между государствами, развернула в мировом масштабе, в форме, которую совершенно не предугадали социалистические мыслители, борьбу рабочего Интернационала против капитализма.

(Без подписи; «Ордине нуово», 14 августа 1920 года, № 12.)

ПРОГРАММА «ОРДИНЕ НУОВО»

I

Когда в апреле 1919 года мы — трое, четверо или пятеро (точно не помню) молодых социалистов — решили (и записи об этих наших дискуссиях и решениях должны еще существовать, поскольку они были переписаны начисто в форме протоколов, да, именно протоколов... для истории!) начать издание этого еженедельника, «Ордине нуово», никто из нас (пожалуй, что никто...) не думал при этом изменить облик мира, обновить умы и сердца рода человеческого, открыть новый период в истории. Никто из нас не питал радужных иллюзий в отношении успеха нашего начинания (хотя кое-кто все же мечтал, что через шесть месяцев еженедельник будет иметь 6000 подписчиков). Кем мы были? Кого представляли? Какое новое слово мы несли? Увы! Единственное, что нас объединяло на этих собраниях, — это чувство, порожденное смутным влечением к смутно представляемой пролетарской культуре; нам хотелось что-то делать, делать, делать; мы были охвачены глубоким недовольством и тревогой, мы страдали от того, что не видели еще верного пути, чувствовали, что нас с головой захлестывает напряженная жизнь тех месяцев после перемирия, когда казалось столь близким и неминуемым крушение всего итальянского общества. Увы! Единственное новое слово, если оно и было произнесено на этих собраниях, было задушено. Один из нас, занимавшийся техническими проблемами, сказал тогда: «Нужно изучать организацию предприятия как орудия производства; мы должны посвятить все наше внимание капиталистической системе производства и организации и работать над привлечением внимания рабочего класса и партии к этой проблеме». Другой, интересовавшийся организацией людей, их историей, психологией рабочего класса, утверждал: «Необходимо изучать все, происходящее в рабочей среде. Существует ли в Италии в качестве органа рабочих масс нечто подобное Советам, родственное им по своей природе? Имеется что-либо подобное, что позволило бы утверждать: Совет является всеобщей формой, а не исключительно русским институтом; Совет есть форма, при помощи которой повсюду, где существуют пролетарии, борющиеся за производственную самостоятельность, рабочий класс прояв-

ляет свою волю к освобождению; Совет есть форма самоуправления рабочей массы. Существует ли в Италии, в Турине, хотя бы в зародыше, хотя бы в виде робких попыток, что-либо напоминающее, хотя бы отдаленно, власть Советов?» Под впечатлением вопроса, заданного ему в упор одним польским товарищем: «Почему в Италии ни разу не был созван съезд внутренних фабрично-заводских комиссий?» — этот другой отвечал на этих собраниях: «Да, в Италии, в Турине, существует зародыш рабочего правительства, зародыш Советов — внутренняя фабрично-заводская комиссия. Изучим этот рабочий институт, исследуем его, изучим также капиталистическое предприятие, но не как организацию материального производства, для чего надо обладать специальными знаниями, которых у нас нет, изучим его как необходимую форму существования рабочего класса, как политический организм, как «национальную территорию» рабочего самоуправления». Это было новое слово, но оно было отвергнуто именно товарищем Таска.

Чего хотел товарищ Таска? Он не хотел, чтобы непосредственно среди рабочих масс велась какая-либо пропаганда, он хотел соглашения с секретарями партийных федераций и профсоюзов, он хотел, чтобы было созвано совещание с этими секретарями и был бы выработан план официальных действий. Группа «Ордине нуово» в таком случае опустилась бы до уровня безответственной кучки зазнавшихся интеллигентов, полагающих, что они «тоже пахали». Какова же была программа первых номеров «Ордине нуово»? Программой было отсутствие конкретной программы, замененной туманным, расплывчатым стремлением к обсуждению конкретных проблем. Какова была *идея* первых номеров «Ордине нуово»? Никакой центральной *идеи*, никакой систематизации опубликованного литературного материала. Что понимал товарищ Таска под «культурой», я хочу сказать, что он в конкретном, а не в абстрактном смысле понимал под «культурой»? Вот что: «напоминать», а не «думать» и «напоминать» об устаревших и обветшалых вещах, о заурядных продуктах рабочей мысли; он считал нужным доводить до сведения итальянского рабочего класса, «напоминать» доброму итальянскому рабочему классу, такому, видите ли, отсталому, некультурному и грубому, о том, что Луи Блан носился с какими-то «откровениями» по вопросу

организации труда и что эти «откровения» привели к таким-то конкретным результатам; «напоминать», что Эжен Фурньер составил аккуратную школьную компиляцию о том, как изготовить в горячем (или в холодном) виде схему социалистического государства; «напоминать» о суждениях Мишле (или присной памяти Луиджи Молинали) по вопросу о Парижской Коммуне, не упоминая в то же время ни словом о том, что русские коммунисты, следуя учению Маркса, устанавливают преемственность между Парижской Коммуной и Советами, советской системой, не подозревая даже того, что указания Маркса на «производственный» характер Коммуны помогли русским коммунистам понять Советы, разработать идею Советов, наметить линию поведения партии, сделавшейся правящей партией. Что представляли собой первые номера «Ордине нуово»? Это была антология, не что иное, как антология. Это был журнал, который мог бы с таким же успехом появиться в Неаполе, в Кальтаниссетте, в Бриндизи. Это был журнал абстрактной культуры, нейтральной информации с уклоном к публикации страшных историй и благонамеренных иллюстраций. Вот что представляли собой первые номера «Ордине нуово». Это было неорганизованное целое, продукт посредственной интеллигентщины, ощупью искавшей идейного пристанища и путей практической деятельности. Таков был «Ордине нуово», увидевший свет после совещаний, состоявшихся в апреле 1919 года, совещаний, должным образом протоколированных, во время которых товарищ Таска отверг как не соответствующее добрым традициям благовоспитанной и мирной итальянской социалистической семейки предложение посвятить наши усилия «открытию» советской тенденции в итальянском рабочем классе, выявлению реального итальянского революционного духа, реального потому, что он совпадает со всеобщим духом рабочего Интернационала, потому, что он является продуктом реальной исторической ситуации, результатом творческой работы самого рабочего класса.

Тогда мы с Тольятти замыслили «редакционный переворот». В седьмом номере журнала был четко поставлен вопрос о внутренних фабрично-заводских комиссиях. За несколько дней до написания статьи я развил перед товарищем Террачини ее идею, и Террачини выразил полное согласие с теоретической и практической ее установкой.

Статья, написанная в сотрудничестве с Тольятти и одобренная Террачини, была опубликована ¹, и случилось то, что мы предполагали: нас — меня, Тольятти и Террачини — стали приглашать проводить беседы в рабочих кружках самообразования, на заводские собрания, внутренние фабрично-заводские комиссии, приглашали нас на дискуссии, проводившиеся на закрытых собраниях цеховых уполномоченных и сборщиков. Мы продолжали нашу работу; проблема развития внутренних фабрично-заводских комиссий стала центральной проблемой, стала *идеей* «Ордине нуово». Она была выдвинута в качестве основной проблемы рабочей революции, проблемы освобождения пролетариата. «Ордине нуово» сделался для нас и для тех, кто шел за нами, «еженедельником фабрично-заводских Советов». Рабочие полюбили «Ордине нуово» (это мы можем с глубоким удовлетворением утверждать). Почему же рабочие его полюбили? Потому, что в статьях еженедельника они отчасти находили самих себя, свои лучшие помыслы и стремления, потому, что они чувствовали, что статьи в «Ордине нуово» были проникнуты присущим им самим стремлением найти ответ на сокровенные вопросы, мучившие их: «Как нам стать свободными? Каким образом стать тем, чем мы должны быть?» Потому, что статьи «Ордине нуово» не были холодными, умозрительными построениями, они рождались в результате наших дискуссий с передовыми рабочими, они были отражением чувств, воли, подлинных стремлений туринского рабочего класса, которые мы выявляли и старались поддержать; потому, что статьи в «Ордине нуово», с большой точностью «регистрируя» реальные события, рассматривали их как звенья процесса внутреннего освобождения рабочего класса, выявления его сил и возможностей. Вот почему рабочие любили «Ордине нуово», и вот как «оформилась» *идея* «Ордине нуово». Товарищ Таска не принял никакого участия в этом процессе оформления и разработки идейной основы журнала. «Ордине нуово» развил свою *идею* помимо его воли и без его «вклада» в дело революции. В этом я нахожу объяснение его теперешней позиции и «тона» его полемики. Он не слишком усердно трудился над выработкой «своей концепции», и

¹ Статья «Рабочая демократия», см. стр. 28—32 настоящего тома.

меня не удивляет, что она вышла такой уродливой, так как создавалась без любви, меня не удивляет, что он так грубо подошел к теме и столь легкомысленно, без внутренней собранности взялся за дело, стремясь придать ему тот *официальный* характер, который он отстаивал еще год тому назад, возводя его в канон.

II

В предыдущем разделе я пытался выяснить причины отношения товарища Таска к программе «Ордине нуово», программе, которая была выработана в результате выяснения нами реальных духовных и практических нужд рабочего класса в связи с центральной проблемой — проблемой фабрично-заводских Советов. Так как товарищ Таска не принял участия в этом деле и, более того, категорически против него возражал, от него ускользнули реальное историческое содержание и органическое развитие вопроса о фабрично-заводских Советах, то есть те аспекты, которые, несмотря на известную неуверенность и некоторые вполне понятные ошибки, были выяснены при трактовке вопроса мною, товарищем Тольятти и другими товарищами, пришедшими нам на помощь. Для Таска вопрос о фабрично-заводских Советах был вопросом чисто арифметического характера, был вопросом о том, каким образом немедленно организовать *весь* класс итальянских рабочих и крестьян. В одной из своих полемических заметок Таска пишет, что, по его мнению, коммунистическая партия, профсоюз и фабрично-заводской Совет следует рассматривать в одной и той же плоскости; в другом месте он показывает, что не понял значения эпитета «добровольный», которым «Ордине нуово» наделяет партийную организацию и профсоюз в отличие от фабрично-заводского Совета, воспринимаемого как «историческая» форма ассоциации, которая по своему типу может сравниться в настоящее время только с буржуазным государством. Согласно концепции, сформулированной «Ордине нуово», концепции, которая стала таковой потому, что она была основана на идее, на идее свободы (и, выражаясь конкретно, с точки зрения современного исторического творчества, на гипотезе самостоятельного революционного выступления рабочего класса), фабрично-заводской Совет является

институтом «государственным», в то время как партии и профсоюз являются ассоциациями «частного» порядка. В фабрично-заводской Совет рабочий входит как производитель, то есть в силу своего универсального характера, в силу своего положения и своей функции в обществе, точно так же, как гражданин «входит» в демократическое парламентное государство. В партию или профсоюз рабочий вступает «добровольно», подписывая обязательство, подписывая «договор», который он может расторгнуть в любой момент. Партию и профсоюзы из-за их характера добровольности и их «договорного» характера нельзя ни в каком случае смешивать с Советом — представительным учреждением, — который развивается не арифметически, а структурно и стремится в своих высших формах наложить *пролетарский* отпечаток на аппарат производства и распределения, созданный *капитализмом* с целью извлечения прибыли. Поэтому развитие высших форм организации Советов было описано в «Ордине нуово» не политическими терминами, свойственными обществу, разделенному на классы, а ссылками на производственную организацию. Система Советов не может быть, по мнению «Ордине нуово», обозначена словом «федерация» или ему подобным термином, но может быть охарактеризована только путем перенесения на весь промышленный центр комплекса производственных отношений, которые связывают на предприятии одну бригаду с другой, один цех с другим. Пример Турина был для нас особенно показательным, и потому в одной из статей Турин был назван исторической кузницей итальянской коммунистической революции. На фабрике рабочие являются производителями, поскольку они сотрудничают в процессе производства, будучи организованы строго определенным образом, согласно требованиям промышленной техники, независимой (в известном смысле) от способа присвоения произведенных ценностей. Все рабочие автомобильного завода, будь они металлисты, каменщики, электротехники, столяры и т. д., становятся производителями, поскольку труд каждого из них в равной степени необходим для производства автомобилей, поскольку они организованы по производственному признаку, составляют один организм, исторически необходимый и абсолютно неделимый. Турин исторически сложился как город сле-

дующим образом: вследствие переноса столицы во Флоренцию и в Рим, а также вследствие того, что итальянское государство образовалось путем расширения пьемонтского государства, Турин лишился основной массы своей мелкой буржуазии, из представителей которой был образован новый итальянский государственный аппарат. Но перенос столицы и оскудение Турина характерным элементом современных городов — мелкобуржуазным чиновничеством — не вызвали упадка города, наоборот, он продолжал развиваться, и новое его развитие приобретало все более определенный характер по мере того, как росла машиностроительная промышленность, появлялся комплекс заводов «Фиат». Турин дал новому государству мелкобуржуазную интеллигенцию; развитие капиталистического хозяйства, разоряя повсюду в стране мелкую промышленность и ремесло, привлекло в город компактную пролетарскую массу, которая придала городу теперешнюю его физиономию, быть может, одну из наиболее оригинальных во всей Европе. Город принял и сохраняет централизованный характер. Он организован, естественно, вокруг одной отрасли промышленности, которая «управляет» всем движением в городе и регулирует выходы из него: Турин — город *автомобиля* так же, как провинция Верчелли — экономический организм, характеризующийся производством *риса*, Кавказ — производством *нефти*, Южный Уэльс — *угля* и т. п. Подобно тому как на какой-либо *фабрике* рабочие принимают облик, соответствующий характеру производства определенного продукта, объединяющего и организующего металлистов, деревообделочников, каменщиков, электротехников и т. д., так и в *городе* рабочие принимают облик, соответствующий характеру преобладающей промышленности, которая подчиняет себе, заставляет себе служить весь город. Точно так же и в национальном масштабе: народ принимает облик, соответствующий характеру его экспорта, его реальному вкладу в мировую экономическую жизнь.

Товарищ Таска, весьма невнимательный читатель «Ордине нуово», совершенно не понял этого теоретического рассуждения, которое, в сущности, было лишь применением к итальянской действительности концепций, развернутых товарищем Лениным в некоторых статьях, опубликованных в том же «Ордине нуово», и концепций теоретика американского революционного синдикалистского об-

щества IWW¹ марксиста Даниэля Де Леона. В самом деле, товарищ Таска в одном месте своего доклада толкует в чисто «коммерческом» и бухгалтерском духе определение производственных экономических комплексов словами «рис», «древесина», «сера» и т. д.; в другом месте он задает вопрос, какие же отношения должны существовать между Советами; в третьем он находит в прудоновской концепции предприятия, которая уничтожает правительство, источник идеи, развиваемой «Ордине нуово», хотя в том же номере от 5 июня, в каком были напечатаны статья «Фабрично-заводской Совет» и комментарий по поводу конференции Палаты труда, была воспроизведена выдержка из работы о Парижской Коммуне, где Маркс недвусмысленно указывает на *индустриальный* характер коммунистического общества производителей. В этом произведении Маркса Де Леон и Ленин нашли основные доводы в пользу своих концепций; на этой основе были подготовлены и разработаны статьи «Ордине нуово», которые (в том числе и статью, напечатанную в номере, давшем повод к открытию полемики) товарищ Таска — как он еще раз показал — пробежал весьма поверхностно, совершенно не поняв их теоретической и исторической сущности.

Не хочу повторять для тех, кто будет знакомиться с этой полемикой, все аргументы, приведенные в доказательство того, что идея рабочей свободы на практике находит свое первоначальное воплощение в фабрично-заводских Советах. Я хотел только бегло отметить некоторые основные доводы, чтобы показать, как от товарища Таска ускользнул внутренний процесс выработки программы «Ордине нуово». В приложении², которое последует за этими двумя короткими статьями, я анализирую некоторые аргументы Таска, поскольку мне кажется нужным разъяснить их и доказать их несостоятельность. Одно место следует выяснить немедленно, именно то, где Таска, говоря о финансовом капитале, пишет, что капитал «вылетает», отрывается от производства и парит в воздухе... Вся эта белиберда насчет вылета и парения в воздухе...

¹ Industrial Workers of the World — Индустриальные рабочие мира.

² Нет никаких данных о том, что это приложение было опубликовано или написано.

бумажных денег не имеет никакой связи с развитием теории фабрично-заводских Советов. Мы отмечали, что личность капиталиста отрывается от производства, а не капитал, хотя бы и финансовый. Мы отмечали, что управление предприятием переходит от капиталиста к банку, который управляет через посредство промышленной бюрократии, все больше теряющей интерес к производству, точно так же как государственные чиновники теряют интерес к государственному управлению. Это замечание было нужно нам для исторического анализа новых иерархических отношений, возникших на предприятии, и для подчеркивания появления одного из наиболее важных исторических условий производственной самостоятельности рабочего класса, чья фабричная организация стремится взять в свои руки руководство производством.

Рассуждения относительно «полета» и «парения» — довольно неудачная фантазия товарища Таска. Ссылаясь на написанную им и опубликованную в «Коррьере университетарио» рецензию на книгу Артуро Лабриола «Капитализм» для доказательства того, что он «занимался» вопросом о финансовом капитале (кстати сказать, Лабриола защищает тезис, как раз противоположный тезису Гильфердинга, ставшему затем тезисом большевиков). Таска на деле доказывает, что он совершенно ничего не понял, и построил свои доводы на таком шатком основании, как расплывчатые воспоминания и ничего не значащие слова.

Полемика помогла выяснению того, что выдвинутые мною возражения против доклада Таска были полностью обоснованы: у Таска было поверхностное и путаное представление о проблеме Советов, у него было только непреодолимое стремление выступить со «своей» концепцией, начать «самостоятельно» действовать, начать новую эру профсоюзного движения.

Комментарии по поводу конференции Палаты труда и выступления товарища Таска с целью добиться обязательного решения были вызваны стремлением полностью отстоять программу еженедельника. Фабрично-заводские Советы сами создают для себя законы; они не могут и не должны принимать нормы, существующие в профсоюзных органах, которые именно они призваны коренным образом перестроить. Движение фабрично-заводских Советов добивается также, чтобы рабочие представители делегировались непосредственно массами и были связаны с мас-

сой императивным мандатом. Выступление на рабочей конференции товарища Таска в качестве докладчика, без мандата от кого бы то ни было по вопросу, интересующему всю рабочую массу, по вопросу, по которому вынесение обязательного решения должно было бы связать всю массу, находилось в таком противоречии с идейным направлением «Ордине нуово», что резкая норма комментариев была вполне оправдана и абсолютно обязательна.

(Подписано: Антонио Грамши; «Ордине нуово», 14 августа 1920 года, № 12, и 28 августа 1920 года, № 14.)

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

I

После Сореля стало модным ссылаться на примитивные христианские общины всякий раз, когда хотят дать представление о современном пролетарском движении. Однако следует тотчас же сказать, что Сорель ни в какой мере не повинен в узости кругозора и умственном убожестве его итальянских почитателей, как Карл Маркс не ответственен за абсурдную идеологическую претенциозность «марксистов». Сорель — «изобретатель» в области исторических исследований, ему нельзя подражать, он не предлагает тем, кто хотел бы быть его учеником, какого-то универсального метода, который всегда и ко всему может применяться механически и давать блестящие результаты. Для Сореля, как и для марксистского учения, утверждение христианства представляет собой революцию в области идеологии, достигшую полного развития, то есть революцию, дошедшую до крайних пределов, до создания новой и оригинальной системы моральных, правовых, философских, эстетических отношений. Принять эти выводы как идеологическую схему *всякой* революции — это и есть грубое и неумное отступление от интуитивной исторической концепции Сореля, которая позволяет лишь положить начало серии исторических изысканий о «зародышах» пролетарской цивилизации, которые *должны* существовать, если верно (как полагал Сорель), что пролетарская революция внутренне присуща современному промышленному обществу, и если верно, что из нее возникнут нормы новой жизни и система совер-

шенно новых отношений, характерных для революционного класса. Следовательно, какое же значение может иметь утверждение, что в отличие от первых христиан рабочие не являются целомудренными, воздержанными, самобытными в их образе жизни? Даже если отбросить в сторону дилетантское обобщение, в силу которого «туринские рабочие-металлисты» — сборище тупых существ, ежедневно поедающих по жареной курице, еженощно напивающихся в публичных домах, не любящих семью, ищущих удовлетворения своих идеалов красоты и нравственности в кинематографах и в обезьяньем перенимании буржуазных привычек, повторяю, даже если отбросить это дилетантское и детское обобщение, то и тогда приведенное выше утверждение отнюдь не может служить основанием для суждений об исторических процессах. По степени понимания исторического процесса оно равнялось бы следующему суждению: современные христиане едят кур, развратничают, пьянствуют, лжесвидетельствуют, не соблюдают супружеской верности и т. д. и т. д.; поэтому всякие уверения в том, что существовали аскеты, мученики, святые, являются выдумкой. Иными словами, всякое историческое событие нужно изучать в его особых проявлениях, в рамках реальной действительности, как развитие *свободы*, проявляющееся в целях, в учреждениях и формах, которые совершенно невозможно смешивать и сравнивать (кроме как метафорически) с целями, учреждениями и формами исторических явлений прошлого. Любая революция, будь то христианская или коммунистическая, которая совершается и может совершаться лишь путем приведения народных масс в движение, распространяющееся вглубь и вширь, может только сломать и разрушить всякую существующую систему общественной организации. Кто может представить себе непосредственные последствия, которые вызовет участие в разрушительной деятельности и историческом творчестве бесчисленных масс; сейчас не имеющих ни воли, ни власти? Эти массы, никогда не имевшие «воли и власти», захотят увидеть в каждом общественном и частном действии воплощение своей воли и завоеванной ими власти. Они будут считать, что все существующее втайне враждебно им, и захотят разрушить его до основания. Но именно ввиду необъятности революции, ввиду невозможности предвидеть ее развитие и характерной для нее безграничной свободы,

кто может высказать категорическое суждение относительно чувств, страстей, инициативы и добродетелей, которые выкуются в такой раскаленной кузнице? Какие изменения претерпит независимо от нашей воли и силы нашего характера все, что сейчас существует и что сегодня мы наблюдаем? Разве не будет революцией каждый день такой интенсивной жизни? Разве не будет иметь творческих результатов, которые невозможно даже себе представить, всякое изменение, которое произойдет в сознании отдельного индивидуума, поскольку оно одновременно распространится на всю народную массу?

В области моральной жизни и чувств ничего нельзя предвидеть исходя из того, что имеется сегодня, в данный момент. Только одно чувство, ставшее сейчас постоянным, характерным для рабочего класса, мы можем отметить уже теперь; это чувство — солидарность. Но интенсивность и сила этого чувства, поддерживающего волю к сопротивлению и готовность идти на жертвы, могут быть рассчитаны только на такой период времени, на какой и народные массы, при их слабой способности к историческому предвидению, могут угадывать хотя бы приблизительно ход событий. Следовательно, нельзя рассчитывать на то, что интенсивность и сила солидарности будут служить поддержкой воли к историческому творчеству на протяжении всего периода революции и создания основ нового общества, когда нельзя будет с точностью определить, сколько времени нужно будет бороться и идти на жертвы, потому что враг, с которым придется сражаться и которого надо победить, не будет больше вне пролетариата, не будет больше внешней физической силой, ограниченной и контролируемой, но будет находиться в самом пролетариате, в его невежестве, в его лени, в его неповоротливости и неспособности к быстрой интуиции, когда диалектика классовой борьбы будет загнана внутрь индивидуума и в каждом проявлении своего сознания, при каждом своем действии новому человеку придется бороться против «буржуа», засевшего в засаде. Поэтому рабочий профсоюз — организация, осуществляющая пролетарскую солидарность и придающая ей организованный характер, — не может быть отправным моментом и источником при определении черт будущей цивилизации. В нем нет элементов, необходимых для развития свободы; ему самому суждено

претерпеть изменения в результате общего развития: он является определяемым, а не определяющим.

В своей настоящей фазе пролетарское движение направлено на осуществление революции в области организации материальных вещей и сил. Его характерными чертами не могут быть чувства и настроения масс, поддерживающие их волю. Характерные черты пролетарской революции можно искать лишь в партии рабочего класса, в коммунистической партии, которая существует и развивается, будучи дисциплинированной организацией, стремящейся к созданию государства, стремящейся по-пролетарски организовать имеющиеся материальные силы и заложить основы народных свобод.

Коммунистическая партия в настоящий момент — единственный институт, который можно всерьез сравнивать с религиозными общинами времен первоначального христианства. В тех пределах, в которых коммунистическая партия уже существует в международном масштабе, можно попытаться провести сравнение и сделать ряд выводов в плане этого сравнения между борцами за град божий и борцами за счастье человека. Коммунист, конечно, не ниже христианина времен катакомб. Наоборот! Возвышенно-абстрактная цель, которую христианство ставило перед своими приверженцами, являлась благодаря своей таинственной привлекательности как бы вознаграждением за героизм, мученичество, подвижничество. Чтобы вызвать настроение жертвенности у того, кто верит в небесную награду и вечное блаженство, нет необходимости, чтобы он обладал большой силой воли и характера. Рабочий-коммунист, который неделями, месяцами, годами, проработав восемь часов в день на фабрике, безвозмездно работает вторые восемь часов для партии, профсоюзов, кооператива, заслуживает с точки зрения истории более высокой оценки, чем раб или ремесленник, пренебрегавший всяческими опасностями, чтобы пойти на тайное собрание для молитвы. Точно так же Роза Люксембург и Карл Либкнехт являются более великими, чем величайшие из христианских святых. Именно потому, что цель их подвига конкретна, человеческа, ограничена, борцы рабочего класса более велики, чем борцы за веру господню: моральные силы, их поддерживающие, тем более безграничны, чем определеннее цель, поставленная перед их волей. Какую громадную

силу приобретут чувства рабочего (который, согнувшись над машиной, в течение восьми часов ежедневно повторяет один и тот же жест, монотонный, как перебирание четок), когда он станет «властелином», когда он станет мерилom социальных ценностей? Разве не является чудом один только факт, что рабочему удастся еще и мыслить, хотя он вынужден работать, не зная как и почему он работает? Это чудо, заключающееся в том, что рабочий ежедневно вновь завоевывает свое право на самостоятельную духовную жизнь и свободу теоретического творчества, борясь против усталости, скуки, монотонности движений, приводящих к механистичности и, следовательно, убивающих внутреннюю жизнь, — это чудо воплощается в коммунистической партии, в воле к борьбе и революционному творчеству, находящей свое выражение в коммунистической партии.

На предприятии рабочий осуществляет исключительно исполнительские функции. Он не следит за общим ходом работы и производства; он не является точкой, которая движется и образует линию; он — булавка, которую втыкают в определенное место, и линия получается из ряда точек, размещенных чужой волей в своих целях. Эту свою форму бытия рабочий стремится перенести во все сферы своей жизни; повсюду он легко приспосабливается к роли материального исполнителя, к роли «массы», подчиняющейся чужой воле; он ленив в умственном отношении, не умеет и не хочет видеть дальше своего носа, поэтому он лишен всякого критерия в выборе своих руководителей и легко дает себя обмануть обещаниями; он расположен верить, что может добиться цели без больших усилий со своей стороны и без особого умственного напряжения. Коммунистическая партия является орудием и формой исторического процесса внутреннего освобождения, в результате которого рабочий превращается из *исполнителя* в *инициатора*, из *массы* в *вождя* и *руководителя*, из руки становится мозгом и волей; в образовании коммунистической партии можно видеть зародыш той свободы, которая получит самое широкое развитие и распространение, когда рабочее государство создаст необходимые для этого материальные условия. Раб или ремесленник классического мира «познавал самого себя», осуществлял свое освобождение, вступая в христианскую общину, где конкретно чувствовал себя равным, братом, так как являлся

сыном одного и того же отца; так же чувствует себя и рабочий, вступая в коммунистическую партию, где он работает вместе с другими над «открытием» и «изобретением» нового образа жизни, где «добровольно» участвует в деятельности всего мира, где мыслит, предвидит, несет ответственность, где он не только организуемый, но и организатор, где он сознает, что составляет авангард, увлекающий за собой всю народную массу.

Коммунистическая партия даже просто как организация явилась особой формой пролетарской революции. Ни одна революция прошлого не знала партий; они возникли после буржуазной революции и разложились на почве парламентской демократии. И в этой области также оправдывается марксистская идея, что капитализм создает силы, с которыми ему потом не удастся справиться. Демократические партии служили для того, чтобы выявлять ценных политических деятелей и приносить им победу в обстановке политической конкуренции; теперь правители навязываются банками, крупными газетами, ассоциациями промышленников; партии разложились на множество клик, группирующихся вокруг отдельных лиц. Коммунистическая партия, возникая из пепла социалистических партий, отвергает все, что связано с ее буржуазно-демократическим и парламентским происхождением, и выявляет свои существенные черты, небывалые в истории: русская революция — революция, совершенная людьми, организованными в коммунистическую партию, людьми, которые преобразились в рядах партии, приобрели новые чувства, создали новую мораль; эта мораль приобретает всеобщий характер и становится идеалом для всех людей.

II

Политические партии страны являются отражением существующих в ней классов.

Партии возникают, развиваются, распадаются и обновляются в соответствии с теми сдвигами реально-исторического значения, которые происходят в различных слоях борющихся социальных классов в соответствии с коренными изменениями условий их существования и развития и с ростом их самосознания, понимания ими своих жизненных интересов. Для текущего исторического периода стали характерны (в результате империалистической войны,

глубоко изменившей структуру национального и международного аппарата производства и обмена) быстрые темпы распада традиционных политических партий, родившихся на почве парламентской демократии, и возникновение новых политических организаций; этот общий процесс имеет свою внутреннюю неумолимую логику, обусловленную расслоением старых классов и сословий, а также головокружительными переменами в положении целых слоев населения на всей территории отдельного государства, а часто и на всей территории, находящейся под властью капитала.

Даже наиболее пассивные в историческом отношении социальные классы, у которых поздно начался процесс дифференциации, как например крестьянство, не остаются незатронутыми мощным воздействием сил, разлагающих общественный организм; можно даже сказать, что чем более пассивными и отсталыми были эти классы в прошлом, тем сильнее они стремятся сегодня к крайним — с точки зрения диалектики классовой борьбы — результатам: к гражданской войне и ломке экономических отношений. За какие-нибудь два года мы видели, как, казалось бы, из ничего в Италии возникла сильная партия крестьянства — «народная партия», которая в момент своего рождения претендовала на то, чтобы представлять экономические интересы и политические чаяния всех социальных слоев деревни — от барона-латифундиста до среднего землевладельца, от мелкого собственника до арендатора, от исполщика до крестьянина-бедняка. Мы видели, что в избирательных списках «народной партии», завоевавшей в парламенте почти сто мест, абсолютное большинство составляли представители баронов-латифундистов, крупных лесовладельцев, крупных и средних землевладельцев, то есть представители незначительного меньшинства сельского населения. Мы видели, как в «народной партии» быстро возникла и очень скоро приняла крайне напряженный характер внутренняя борьба между различными течениями, отражавшая дифференциацию массы ее избирателей; широкие массы мелких землевладельцев и бедняков больше не хотели быть пассивной толпой, которую используют в интересах средних и крупных собственников; под их энергичным нажимом «народная партия» раскололась на правое крыло, центр и левых; и мы видели, как под давлением бедняков крайнее левое крыло «народной

партии» начало рядиться в революционные одежды и конкурировать с социалистической партией, которая также превратилась в представительницу широчайших крестьянских масс. Теперь мы видим распад «народной партии», парламентская фракция и Центральный комитет которой уже не отражают интересов и самосознания масс избирателей, а также трудящихся, организованных в белые [католические] профсоюзы; теперь представителями этих сил стали экстремисты, которые не хотят утратить контроль над этими массами и, будучи не в состоянии обманывать их посредством легальной деятельности в парламенте, склонны прибегать к насилию и требовать создания новых государственных политических учреждений. Тот же процесс быстрой организации и очень быстрого распада имел место в другом политическом течении, претендовавшем на то, чтобы представлять интересы крестьян, — в Союзе бывших фронтовиков; этот процесс является отражением грозного внутреннего кризиса, потрясающего итальянскую деревню и проявляющегося в гигантских забастовках в Северной и Центральной Италии, в захвате и разделе латифундий Апулии, в нападениях на феодальные замки и в появлении в городах Сицилии сотен и тысяч вооруженных крестьян.

Это глубокое брожение в крестьянских массах потрясает до основания здание парламентарно-демократического государства. Капитализм как политическую силу представляют сегодня лишь ассоциации промышленников; у него уже нет политической партии, идеология которой была бы приемлема и для мелкобуржуазных слоев города и деревни, что позволяло бы сохранять законное государство на широкой основе. Капитализм оказывается низведенным до того, что он имеет политическое представительство только в крупных газетах (тираж 400 тысяч, но всего тысяча избирателей) и в сенате, на который вследствие самой его природы не оказывают влияния действия широких народных масс, но который лишен авторитета и престижа в стране; поэтому политическая сила капитализма постепенно все более сливается с высшей военной иерархией, с королевской гвардией, с разного рода авантюристами, которые кишмя кишат всюду после перемирия и стремятся — каждый в борьбе против всех остальных — сделаться итальянскими корниловыми или бонапартами. Поэтому политическая сила капитализма может

проявить себя сегодня лишь в военном государственном перевороте и попытке установить железную националистическую диктатуру, которая заставит одуроченные массы итальянцев восстанавливать экономику путем вооруженного грабежа соседних стран.

Поскольку буржуазия исчерпала себя и одряхлела как руководящий класс в силу того, что капитализм исчерпал себя как способ производства и обмена, поскольку крестьянство не представляет собой однородной политической силы, способной создать государство, рабочему классу по воле неотвратимой исторической необходимости предстоит взять на себя роль руководящего класса.

Только пролетариат способен создать сильное и грозное государство, ибо он имеет программу экономической перестройки — коммунизм, необходимые предпосылки и условия осуществления которого уже созрели при том уровне развития, которого достиг капитализм в период империалистической войны 1914—1918 годов; только пролетариат может, создав новый орган государственного права, систему Советов, дать определенное направление бурлящим силам народных масс и вновь наладить нормальную деятельность производственного аппарата страны, претерпевшего катастрофическое потрясение. Естественно и исторически оправдано, что именно в такой период, как переживаемый нами сейчас, ставится проблема образования коммунистической партии, олицетворяющей пролетарский авангард, обладающей ясным сознанием своей исторической миссии, партии, которая создаст новый порядок и явится инициатором и главной движущей силой нового, совершенно своеобразного исторического периода.

Даже традиционная политическая партия итальянского рабочего класса — социалистическая партия — не избежала процесса распада всех организационных форм, характерного для переживаемого нами периода. Колоссальной исторической ошибкой людей, которые с начала мировой войны до сегодняшнего дня стояли во главе руководства нашей организации, была их уверенность в том, что они могут спасти старую структуру партии от внутреннего разложения. В действительности традиции партии, исторические корни различных образующих ее течений, ее открытый или молчаливый союз с Всеобщей конфедерацией труда (союз, который на всех партийных

съездах, совещаниях и собраниях дает профсоюзным деятелям незаслуженную ими власть и влияние), неограниченная автономия, предоставленная парламентской группе (и дающая депутатам на важнейших партийных съездах, совещаниях и собраниях власть и влияние, подобные власти и влиянию профсоюзных деятелей и столь же незаслуженные), — все это ставит Итальянскую социалистическую партию в один ряд с английской лейбористской партией, в силу всего этого она является революционной лишь в своих общих программных декларациях.

Она представляет собой конгломерат партий, действует вяло и медлительно — и не может действовать иначе, — то и дело становится легкой добычей авантюристов, карьеристов, честолюбцев, несерьезно относящихся к политике и неспособных к политической деятельности; вследствие разнородности своего состава, вследствие непрерывных трений между отдельными частями ее механизма, изнашивающимися и приводимыми в негодность в результате действий лидеров партии — ее слуг, превратившихся в ее господ, она не в состоянии взять на себя тяжелое бремя ответственности за революционный почин и революционные действия, которых непрерывно и настоятельно требуют от нее развивающиеся события. Этим объясняется тот исторический парадокс, что в Италии не партия рабочего класса ведет за собой и воспитывает массы, а массы подталкивают и «воспитывают» партию.

Социалистическая партия утверждает, что она является носительницей марксистского учения; в таком случае это учение должно было бы служить для нее компасом, помогающим ей ориентироваться в сложных событиях; в таком случае она должна была бы обладать той способностью исторического предвидения, которая отличает мыслящих приверженцев марксистской диалектики; должна была бы иметь общий план действий, основанный на этом историческом предвидении, и быть в состоянии давать борющемуся рабочему классу ясные и четкие лозунги. Между тем социалистическая партия, партия, объявлявшая себя носительницей марксизма в Италии, подвергается, подобно партии наиболее отсталых классов итальянского населения — «народной партии», — самым разнообразным влияниям со стороны масс и действует и дифференцируется только тогда, когда уже приходят в движение и дифференцируются массы. Эта социалистическая

партия, провозглашающая себя вождем и учителем масс, в действительности представляет собой лишь жалкого нотариуса, регистрирующего стихийные действия масс; эта жалкая социалистическая партия, провозглашающая себя вождем рабочего класса, представляет собой не что иное, как *обоз* пролетарской армии.

Если это странное поведение социалистической партии и это противоестественное положение политической партии рабочего класса до сих пор еще не вызвали катастрофы, то причина этого кроется в том, что среди рабочего класса, в городских секциях партии, в профсоюзах, на предприятиях, в деревнях существуют уже энергичные группы коммунистов, сознающих свою историческую роль, энергичных и предусмотрительных в своих действиях, способных вести и воспитывать местные пролетарские массы; дело в том, что в недрах социалистической партии потенциально уже существует коммунистическая партия, которой не хватает только четкой организации, централизации и своей собственной дисциплины, для того чтобы она могла быстро развиваться, возродить и обновить первоначальную структуру партии рабочего класса, дать новое направление деятельности Всеобщей конфедерации труда и кооперативному движению.

Неотложной проблемой текущего периода, сменившего период борьбы рабочих металлургических предприятий и предшествующего съезду, на котором партия должна будет занять серьезно продуманную и совершенно определенную позицию по отношению к Коммунистическому Интернационалу, является именно проблема организации и централизации этих уже существующих и действующих коммунистических сил. Социалистическая партия с каждым днем разлагается с неимоверной быстротой и приходит в упадок; за весьма короткий промежуток времени ее течения приобрели уже новые черты; перед лицом исторической ответственности и обязательств, принятых при вступлении в Коммунистический Интернационал, люди и группы в партии пришли в замешательство и стали менять свои позиции; двусмысленная центристская и оппортунистическая позиция нашла себе сторонников среди части руководства партии, посеяла тревогу и замешательство в партийных секциях. Среди этой всеобщей беспринципности, безверия, безволия, среди этого бушующего моря низости, подлости, пораженчества долг ком-

мунистов — сплотиться в сильные группы, объединиться, быть готовыми к осуществлению лозунгов, которые будут даны. На основе тезисов, одобренных II конгрессом III Интернационала, на основе лояльной дисциплины, обязывающей коммунистов подчиняться высшему авторитету мирового рабочего движения, искренние и бескорыстные коммунисты должны развернуть необходимую работу, чтобы в возможно кратчайший срок была создана коммунистическая фракция Итальянской социалистической партии, которая должна для спасения чести итальянского пролетариата стать на съезде во Флоренции¹ номинально и фактически Коммунистической партией Италии — секцией Коммунистического Интернационала. Коммунисты должны проделать эту работу для того, чтобы коммунистическая фракция оформилась как партия, со стройным и строго централизованным руководящим аппаратом, с собственными дисциплинированными группами всюду, где работает, объединяется и борется рабочий класс, с целым комплексом средств для осуществления контроля, действий и пропаганды, которые дадут ей возможность отныне функционировать и развиваться как партии в полном смысле слова.

Коммунисты, которые в период борьбы рабочих металлургических предприятий благодаря своей энергии и инициативе спасли рабочий класс от катастрофы, должны быть последовательными до конца в своих действиях и в своей позиции. Они должны спасти (путем перестройки) первоначальную структуру партии рабочего класса и дать итальянскому пролетариату коммунистическую партию, способную организовать рабочее государство и создать условия для построения коммунистического общества.

(Без подписи; «Ордине нуово», 4 сентября 1920 года, № 15, и 9 октября 1920 года, № 17.)

КРАСНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ²

Буржуазные писатели, вынуждены со скрежетом зубным признать, что рабочие проявляют активность на за-

¹ Место созыва съезда было впоследствии перенесено в Ливорно по соображениям безопасности: во Флоренции уже свирепствовали фашисты, тогда как в Ливорно трудящиеся были еще хозяевами положения.

² Во время борьбы за повышение заработной платы рабочие-металлисты решили прибегнуть к обструкции, которая началась во

нятых ими предприятиях. Рабочий класс проявляет активность и инициативу в области производства, обеспечивает порядок внутри предприятий и организует их военную оборону! Социальная иерархия разрушена, исторические ценности подверглись коренной переоценке: классы, игравшие роль «исполнителя», служившие в качестве «орудия», сделались классами «руководящими», стали хозяевами своей судьбы, нашли в своей среде людей, пригодных быть их представителями, людей, которым можно доверить власть, людей, способных выполнять все необходимые функции, способных превратить простой механический агрегат в органическое целое, делать из него живой организм. Все это приводит в бешенство буржуазных борзописцев, верящих, что буржуазии богом дано право принимать решения и проявлять историческую инициативу!

То, что совершено рабочими, имеет громадное историческое значение, которое должно быть целиком и полностью понято рабочим классом. Сегодняшний день следует посвятить изучению, обсуждению и критическому анализу совершившихся событий. Один подобный день равен для рабочих десяти годам обычной деятельности, обычной пропаганды, обычного их развития, усвоения ими революционных понятий и идей.

Что же произошло в эти дни? Федерация металлистов начала борьбу — в профсоюзных рамках — за повышение заработной платы рабочих. Хозяева отказались придавать какое бы то ни было значение требованиям рабочих. Руководители организации, хотя они и не являются коммунистами, хотя они и подписывают воззвания, направленные против большевистских методов освобождения народов, все же под давлением обстоятельств вынуждены были перевести борьбу в новую плоскость, в которой если и не было непосредственной необходимости в применении насилия, то изучение метода насилия и организационная подготовка к применению его сделались непосредственной необходимостью. Но новый метод борьбы сразу же поро-

всей Италии 19 августа 1920 года. 1 сентября промышленники ответили на это локаутom, но рабочие отказались покинуть место работы и заняли около 500 фабрик. Движение, длившееся почти месяц, прекратилось после того, как было достигнуто соглашение, заключенное по инициативе председателя Совета министров Джолитти, который обязался представить законопроект об установлении рабочего контроля над промышленностью.

дил новое явление и в самом ходе борьбы. Когда рабочие боролись за улучшение своего экономического положения при помощи забастовки, задача участвовавших в борьбе рабочих состояла лишь в том, чтобы доверять своим руководителям, находящимся где-то далеко от них, крепить солидарность и развивать способность к сопротивлению, основанные именно на этом доверии общего характера. Но если в процессе борьбы рабочие занимают заводы и фабрики и намерены продолжить процесс производства, моральное положение массы тотчас же изменяется и приобретает совершенно иное значение. Вожди профсоюзов не могут больше руководить, они исчезают в лавине событий; проблемы, возникающие на предприятии, должна разрешить сама масса своими средствами, при помощи своих людей.

При капиталистах фабрика была маленьким государством, которым деспотически управлял хозяин; он обладал исключительными личными правами и пользовался ими, отбирая по своему усмотрению рабочих, служащих, начальников, специалистов и распределяя их по цехам, конторам, лабораториям. Предприятие представляло собой деспотически организованное государство, в котором вся власть сосредоточивалась в руках хозяина или его доверенного лица. Совокупность таких «государств» — капиталистических фабрик — составляла буржуазное государство, которое добивалось дисциплины и повиновения неимущего населения, предоставляя ему видимость власти и суверенитета, призывая его каждые пять или семь лет выбирать депутатов в парламент или в муниципальные советы. Теперь, после занятия фабрик и заводов рабочими, деспотическая власть на этих предприятиях уничтожена; право назначения заводских служащих перешло к рабочему классу. Каждое предприятие стало нелегальным государством, пролетарской республикой, живущей со дня на день в ожидании развития событий. Хотя все еще царит огромная неуверенность насчет будущего этих пролетарских республик, так как силы врага еще не выявлены и пока еще невозможно понять его истинные намерения, уже сам факт, что эти республики «живут», имеет безмерное историческое значение. У жизни есть своя логика и своя внутренняя сила, которая берет верх над произволом и прихотями отдельных индивидуумов. И поскольку эти пролетарские республики существуют, перед

ними встают теперь все те проблемы, которые обычно возникают перед самостоятельной, независимой властью, осуществляющей свой суверенитет на определенной территории. Вот здесь-то и подвергаются испытанию политическая зрелость рабочего класса, его способность к проявлению инициативы и революционному творчеству. Первоочередная и важнейшая проблема, неизбежно встающая перед гражданами фабрики-государства,— это проблема военной обороны. Возникает она необычным путем. Буржуазное государство вербует в армию представителей трех социальных слоев: буржуазии, мелкой буржуазии и трудящихся. Народ поставляет солдатскую массу, крупная собственническая буржуазия и аристократия — высшее офицерство, мелкая буржуазия — средний и низший командный состав. В капиталистической армии существует та же самая система организации, что и на капиталистической фабрике, где собственнический класс или класс, уподобляющийся ему по своим финансовым интересам, деспотически выполняет командную роль, пролетариат представляет пассивную массу исполнителей чужой воли, а мелкая буржуазия занимает второстепенные командные позиции. На фабрике-республике имеется лишь один класс — класс пролетариев, тот самый, который поставлял армии и промышленности пассивную массу исполнителей чужой воли. Теперь этот класс должен создать армию для себя, армию хорошо организованную, дисциплинированную, способную оказать сопротивление вражеским силам и победить их. Рабочие пришли к пониманию обороны как всеобщей обязанности, и эта концепция правильна. Но они делают вывод, что эта обязанность должна немедленно выполняться всеми без исключения, а это уже ошибка. Военная оборона должна обеспечиваться специальным корпусом, имеющим свое командование и свои особые функции. Иерархический критерий уже не имеет никакого значения для этих формирований, ибо *«существует всего лишь один класс»*. Не следует ограничивать численность этих формирований, так как оборонительная тактика может в тот или иной момент смениться наступательной тактикой и военной инициативой. Вопрос о военной инициативе связан со следующим вопросом: разве внутренняя диалектика исторического развития не приведет неизбежно к тому, что занятые рабочими заводы и фабрики будут стремиться к объединению, к созданию

единой организации, к тому, чтобы противопоставить центральной власти буржуазного государства свою центральную власть? Проблема создания городского Совета¹ встает сегодня перед рабочим классом в конкретной форме. Если он возникнет, то он должен иметь в своем распоряжении вооруженную силу, которую ему могут и должны доставить фабрично-заводские регулярные формирования; координируя командные функции последних, можно было бы объединить их воедино и создать таким образом общегородские вооруженные части. Но в свою очередь образование фабрично-заводских военных отрядов выдвигает проблему создания Совета, так как у обороны нет границ и она должна развиваться согласно своей внутренней логике.

Эти проблемы должны быть сегодня обсуждены рабочими на предприятиях, на общих собраниях, являющихся органами власти и суверенитета пролетарских фабрично-заводских республик. Пропагандистская и подготовительная работа по выдвижению рабочих депутатов должна быть проведена таким образом, чтобы в соответствующий момент, когда развитие событий приведет к возникновению нового, беспрецедентного положения, каждое предприятие или группа предприятий явились бы местом зарождения первичных органов власти борющегося за свое освобождение пролетариата. Для этих органов, являющихся плодом революционного творчества масс, имеют силу те же соображения, что и для вооруженной силы. В буржуазном государстве функции верховного командования (правительства) сосредоточены в руках капиталистов или высших социальных групп, связанных финансовыми интересами с классом собственников. Второстепенные посты, парламентские мандаты сосредоточены в руках мелкой буржуазии, находящейся под экономическим и идеологическим влиянием капиталистов. Масса трудящегося народа находится под таким политическим управлением, целью которого является удовлетворение материальных интересов имущих классов и идеологического тщеславия мелкой буржуазии. Чтобы сохранить в неприкосновенности всю эту иерархию классов, итальянская конституция считает незаконными императивные

¹ В итальянском оригинале это слово дано в его русском звучании (Soviet).— *Прим. ред.*

мандаты депутатов: буржуазия полагается на силу воздействия среды и на соблазн, порождаемый одной лишь возможностью удовлетворять свои сокровенные личные желания, она пользуется этим для того, чтобы подкупать депутатов, даже рабочих, однако лишь при условии, что они не связаны императивным мандатом. При создании центральной пролетарской власти все эти условия меняются. Существует только один класс, который избирает депутатов из своей среды; при этом избирательным округом является предприятие, существует императивный мандат. Это значит, что иерархическая структура уничтожена и что построение рабочей власти происходит на чисто производственной и административной основе. Анархисты должны были бы больше всех поддерживать такую организацию власти, так как в ней в конкретной форме осуществляются их идеалы.

Сегодня, в красное воскресенье рабочих-металлистов, самими рабочими должны быть заложены первые основы пролетарской революции, порождаемой общей обстановкой и развивающейся с неукротимой силой явлений природы.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 5 сентября 1920 года, № 224.)

ТОЛЬКО ЛИ ГЛУПОСТЬ?

Сообщения и комментарии по поводу действий рабочих-металлистов, публикуемые газетой «Гадзетта дель popolo», в известном смысле заслуживают внимания. Писаки из этой газеты играют в общественной жизни Италии столь же неприглядную роль, что и менструальная тряпка в жизни семьи; и все же за ними надо смотреть в оба, как за представителями того социального слоя, чье значение определяется только его многочисленностью, которая в известный момент станет проблемой для пролетарской полиции.

Сотрудники «Гадзетты» сами по себе являются доказательством того скверного исторического положения, в котором находится теперь буржуазия: эти несчастные и жалкие сочинители, выпускающие ежедневно по четыре страницы своей прозаической стряпни, недвусмысленно

свидетельствуют о том, что способность буржуазии к руководству — нелепый миф. Каждый из них пишет все, что ему взбредет в голову, — не делая ни малейшей попытки согласовать, упорядочить, организовать коллективный труд, — они ведут себя поистине, как группа мастеровых, лишившихся «бригадира» и производящих случайные вещи без какого-либо согласования своих действий. Эти пономари политической жизни ничего не понимают в том, что происходит; они ничего не понимают ни в соотношении национальных сил, определяющих характер борьбы, — такими силами являются *правительство, рабочий класс, промышленники и военная каста*, — ни в новых условиях, возникших в рабочем лагере, касающихся возможности самоуправления в производственной и политической областях, ни в вырисовывающихся международных отношениях, служащих тем грандиозным фоном, на котором разворачиваются итальянские события. Эти пономари руководствуются только одним инстинктом: ненавистью к рабочему классу, глухой, слепой, скрытой, дикой ненавистью, которая толкает их на самые невероятные глупости и гнусности. Эти пономари судят о теперешнем итальянском рабочем движении на основании абстрактных схем, выработанных в полемике о русском большевизме. Но так как эти схемы не имеют ничего общего с итальянской действительностью, пономари из «Гадзетты» противоречат друг другу на каждой полосе, в каждом абзаце. Еще не завоевавшие политической власти, дисциплилируемые только энергией местных фабрично-заводских Советов, итальянские рабочие *трудятся и производят*. Чтобы добиться этого, в России потребовались многие месяцы терпеливых усилий, пропаганды и организации. Писаки из «Гадзетты» на одной полосе признают дисциплинированность рабочих (и даже удивляются с глупой наивностью, что эта дисциплина так строга и действенна), на другой — признают, что явное возрастание интенсивности трудовой деятельности и производства ведет к быстрому истощению запасов сырья, а на третьей — торжественно и победоносно «констатируют», что ввиду отсутствия хозяев рабочие не работают и не производят, так как а priori нельзя допустить, чтобы моторы гудели и машины резали металл без постоянного бдительного надзора хозяина, божьей милостью облеченного властью управлять и координировать действия подчиненных.

Глупость этих господ из «Гадзетты» является доказательством того, какой опасности может подвергнуться сегодня итальянский народ. «Исторический парадокс», происшедший в России, где рабочий класс спасает нацию от иностранного господства, ныне начинает становиться реальностью и в Италии. «Гадзетта дель пополо», которая в свое время ради участия в войне не остановилась даже перед тем, чтобы, связав Италию по рукам и ногам, выдать ее Франции, может быть, и теперь была бы не прочь, чтобы нечто подобное повторилось. Именно это и произошло бы, если бы в Италии после разгрома рабочего класса появилось правительство силы; Италия была бы сведена до уровня белогвардейской Венгрии, которая держится только в силу подчинения французским милитаристам и финансистам. Находящиеся у власти представители буржуазии, по-видимому, это прекрасно понимают, а пономари из «Гадзетты», вполне естественно, не понимают этого (если их глупость есть просто наивность, а не результат зависимости от масонских организаций и от французского посольства); вполне естественно также, что «Гадзетта» слывет среди своих тупых читателей поборницей самого безупречного патриотизма. (Разве постоянные призывы «Гадзетты» к реакции не перекликаются с дружеским советом Клемансо, данным им Нитти, и с римскими интригами посла Баррера?) Из реальных сил (рабочий класс, промышленники и военная каста), участвующих в происходящей ныне борьбе, только одна сила — рабочий класс — выступает в защиту национальных интересов. Промышленники, вывозящие капиталы за границу, уклоняющиеся от уплаты налогов, необходимых для жизни государства, являются разлагающим элементом нации: как в России и в Венгрии, они помышляют уже об открытии границ иностранному милитаризму, который обеспечил бы им сохранность их собственности и порабощение рабочих. Военная каста — опухоль на теле нации — заботится лишь о сохранении синекур и давно превратилась в полицейский штаб; она видит врага в национальном рабочем классе, а не в тех, кто может лишить нацию независимости.

Рабочий класс — единственная сила, защищающая интересы итальянской нации в рамках свободы и международного сотрудничества. Рабочий класс доказал свое умение управлять производством, доказал, что хочет убе-

речь производство от стремления промышленников его разрушить. У рабочего класса есть друзья во всем мире, а у буржуазии их нет. В Англии рабочий Совет действия воспротивится всякой попытке блокировать победоносно борющийся итальянский пролетариат; в Германии Партия независимых¹, — не решающаяся взять власть из страха перед Францией, из опасения, что перед лицом французской агрессии Германия окажется изолированной, — вновь обретет уверенность в себе; в Югославии коммунистическая партия, завоевав муниципалитеты во всех городах, доказала, что она может держать в узде своих милитаристов и свергнуть их. Итальянский рабочий класс, который «Гадзетта дель пополо» (неужели и впрямь нет ни грана мильеранизма и барреризма в глупых писаниях сотрудников «Гадзетты»?) хотела бы увидеть полностью истребленным, превращенным в пыль пулеметами и огнеметами, в настоящее время является единственной национальной силой, могущей спасти Италию от падения в пропасть, в которую ее толкают люди «радужных дней»² и капиталисты, добывающиеся только личного обогащения и неограниченной политической власти.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 10 сентября 1920 года, № 229.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ

Сегодня рабочие-металлисты должны путем всеобщего голосования одобрить или отвергнуть резолюцию, принятую съездом их федерации³. Нетрудно предвидеть результат этого опроса фабричных рабочих: референдум проводился в сугубо «демократической», антиреволюционной форме; он был рассчитан на то, чтобы выдвинуть на

¹ Дело идет о независимой социалистической партии, созданной в противовес социал-демократической партии. Обе эти партии слились в 1922 году, а часть независимых вступила в коммунистическую партию.

² Так назывались дни националистических манифестаций, предшествовавших вступлению Италии в первую мировую войну.— *Прим. ред.*

³ См. примечание 2-е на стр. 214. Соглашение, положившее конец занятию фабрик, было поставлено на всеобщее голосование рабочих. Большинство соглашение было одобрено.

первый план неорганизованные массы населения и отодвинуть на задворки авангард, руководящий этими массами и несущий им политическое сознание.

Но подобные результаты революционного движения не должны деморализовать пролетарский авангард и расстроить его ряды. Его авангардная роль будет подтверждена силой духа и политической зрелостью, которые он сумеет проявить.

Сумели ли группы рабочих, находившиеся в эти дни во главе движения, точно определить силу своего влияния и силу пассивного сопротивления масс? Осознали ли они свою историческую миссию? Осознали ли они внутреннюю слабость, которая все же обнаружилась в рядах рабочего класса, слабость не индивидуальную, не ставящую под сомнение революционный дух пролетариата в настоящий исторический период, но со всей очевидностью проявляющуюся в общем состоянии профсоюзной организации? Освоили ли они сознательно и творчески накопленный в последнее время опыт? Научились ли они выявлять затаенные в душе народа чувства, пробуждающие его высокие стремления, и в то же время улавливать отрицательные настроения, тормозящие и парализующие наиболее благородные и смелые порывы?

О степени политической зрелости пролетарского авангарда (а следовательно, и реальной революционной зрелости итальянского рабочего класса) можно будет судить по тому, какую позицию займет он после теперешнего референдума. Рабочему классу грозит много опасностей — опасностей не внешних, а главным образом внутренних. Наибольшей опасностью является отсутствие «приспособляемости» к важнейшим обстоятельствам, приспособляемости критической, приспособляемости сознательной и добровольной, которую нельзя и не должно смешивать с оппортунизмом. Наоборот, отсутствие этой приспособляемости приводит к оппортунизму или, что то же самое, к победе оппортунистических взглядов в массах, к сохранению той системы руководства, которая привела революционное движение к его теперешнему положению. Необходимо, чтобы пролетарский авангард проанализировал и оценил происшедшие события, не выдавая за действительность свои желания, надежды и стремления, а объективно рассматривая их внешние данные, которым следует дать политическую оценку, как историческое движение,

которое не только может иметь место и в будущем, но и получит сознательное развитие. С чисто объективной точки зрения рабочий класс сделал гигантский шаг вперед. Рабочий класс как масса, руководимая и дисциплинируемая своими непосредственными представителями на фабрике, доказал, что он способен к самоуправлению в производственной и политической области. Из этого факта, являющегося элементарным для революционеров-коммунистов, вытекают выводы, имеющие громадное общественное значение. Средние классы имели возможность сопоставить силу пролетариата и неспособность класса промышленников. Полвека назад рабочий класс, по выражению Карла Маркса, представлял собой «мешок картофеля», некую неопределенную общность, аморфный конгломерат людей без мысли, без воли, без единого устремления. Теперь «мешком картофеля» сделался класс промышленников, сборище бездарностей и глупцов, не имеющих ни политических способностей, ни духовных сил. Недавние революционные события выявили позиции, занимаемые каждым из этих двух классов, оспаривающих право на руководство производством и обществом. Утратили свою силу предубеждения и глупости, при помощи которых продавшаяся капитализму печать пыталась воздействовать на общественное мнение; средние классы сближаются с пролетариатом, убежденные в том, что от этого полного энергии молодого класса зависит будущее цивилизации и человеческого прогресса. Испытания, которым подвергались оба класса, подняли престиж пролетариата в глазах общества и в то же время с еще большей наглядностью выявили пороки и несостоятельность капиталистов. Создавшаяся в результате последних событий политическая ситуация решительно выдвинула пролетариат на роль господствующего класса и толкает его на завоевание политической власти.

Почему же не пришли к этому выводу сразу? Или по крайней мере почему не пытались к этому прийти? Тактика, применявшаяся до сего дня, тактика, кульминационным пунктом которой был референдум, может дать ответ на эти вопросы. Нынешние вожди рабочего движения¹ опираются на «массы», то есть требуют предварительного согласия масс на выступление, причем формы и время для

¹ Грамши имеет в виду руководителей профсоюзов. — *Прим. ред.*

этих консультаций с массами определяются самими вождями; в основе же революционного движения могут лежать действия только пролетарского авангарда, оно должно развиваться без этих предварительных консультаций, без предварительного созыва собраний представителей. Революция — та же война. Она должна быть так же тщательно подготовлена рабочим генеральным штабом, как готовят войны военные генеральные штабы. Собрания представителей могут лишь ратифицировать совершившееся, восхвалять успехи, беспощадно осуждать поражения. Задача пролетарского авангарда — беспрестанно поддерживать революционный дух масс, создавать условия, при которых массы были бы заранее подготовлены к выступлению, при которых массы немедленно откликались бы на революционные призывы. Таким точно образом националисты и империалисты пытаются, при помощи безудержной проповеди патриотического тщеславия и ненависти к иностранцам, создать условия, при которых толпа одобрила бы войну, уже подготовленную генеральным штабом и дипломатией. Ни одна война не была бы начата, если бы для ее объявления был произведен предварительный опрос населения. Парламенты санкционируют войны, так как они в каждом случае знают, что вопрос о войне уже решен бесповоротно, так как знают, что сами они были бы сметены с лица земли, если бы воспротивились войне. Таким же образом ни одно революционное движение не может быть декретировано рабочим национальным собранием; созвать такое собрание — значит признать тем самым свое неверие в собственные силы, значит, следовательно, прибегнуть к предварительному давлению масс.

Пролетарский авангард, испытывающий в данный момент чувство разочарования и стоящий на грани разложения, должен спросить самого себя, не повинен ли он сам в создавшемся положении. Ведь внутри Всеобщей конфедерации труда нет революционной оппозиции, так хорошо организованной и централизованной, чтобы иметь возможность контролировать руководящие органы и быть в состоянии не только заменить одного человека другим, но и один метод другим методом, одну цель другой целью, одну волю другой волей. Так как подобное положение действительно существует, так как изменить его можно не жалобами, бранью и проклятиями, а лишь упорной и терпели-

вой организационной и подготовительной работой, необходимо, чтобы рабочие группы, возглавлявшие массы, приняли действительность такой, как она есть, приняли для того, чтобы успешно работать над ее изменением. Необходимо, чтобы они держали массы тесно сплоченными вокруг своих программ и лозунгов; необходимо, чтобы они были в состоянии выделить из своей среды энергичный «генеральный штаб», который сумел бы со знанием дела и смело руководить огромными по своим масштабам действиями масс. Сейчас проводится референдум; результат его должен вызвать не растерянность и разлад, а послужить предостережением, призывом к более сосредоточенной, лучше организованной и более дисциплинированной деятельности. Освобождение пролетариата — дело не легкое и не по плечу людям мелким, слабым. Только тот, кто в обстановке всеобщего разочарования сумеет сохранить горячее сердце и закаленную как сталь волю, может считаться борцом за дело рабочего класса, может быть назван революционером.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 24 сентября 1920 года, № 243.)

СТАНЕТ ЛИ «ФИАТ» КООПЕРАТИВОМ?

Поскольку об этом уже ходят слухи среди рабочих и буржуа, поскольку об этом открыто говорилось на рабочем собрании и, по имеющимся сведениям, сами заинтересованные промышленники откровенно беседовали с представителями их рабочих, мы также не можем воздерживаться и впредь от высказываний по этому вопросу и не разъяснить, как обстоит дело. «Фиат» — это крупнейшее туринское индустриальное предприятие, которое становится крупнейшим предприятием машиностроительной и металлургической промышленности во всей Италии, которое пользуется мировой известностью и хорошей репутацией, — предлагается передать рабочим организациям, чтобы последние, если они того пожелают, превратили это предприятие в кооператив.

Мы не знаем, идет ли речь об инициативе одного лица, группы руководителей или части акционеров. В субботу, 18 сентября, Аньелли, председатель правления компании

«Фиат», потребовал встречи с депутатом парламента товарищем Ромита для переговоров по срочному и важному вопросу. На следующий день утром Ромита должен был выехать в Савону. На вокзале произошла первая встреча, в результате которой Ромита отложил свою поездку, чтобы иметь возможность заняться поставленным перед ним вопросом. Аньелли предложил ему начать переговоры о преобразовании «Фиат» — предприятия, создателем и душой которого он был тогда, — в большой производственный кооператив. На вокзале было принято решение о дальнейших встречах.

Встреч было много, и начиная с воскресенья они состоялись в течение всей следующей недели. Сначала в них принимали участие только Аньелли, два других руководителя «Фиат» и депутат Ромита, а затем к совещаниям были привлечены также другие наши товарищи — представители организаций, которых могло бы интересовать начатое дело, если бы оно из области воздушных проектов спустилось на твердую землю: представители консорциума кооперативов, палаты труда, федерации металлистов.

Заметим сразу, что по специально выраженному желанию инициатора, а также по соображениям, которые легко понять, дело до сих пор находится в стадии изучения, предложений, гипотез и разъяснений.

Аньелли заявил, что он руководствуется вполне объяснимыми и понятными соображениями. Вследствие распространения среди масс революционных идей и особенно вследствие того, что массы воспринимают эти идеи в весьма конкретной форме — в виде завоевания свободы и самоуправления на производстве, — нельзя дальше управлять его предприятием авторитарными методами и в соответствии с нормами капиталистического режима. Вот уже на протяжении ряда месяцев руководители «Фиат», несмотря на все свои старания, не могут избавиться от охватившего их кошмарного ощущения, что у них на предприятии находится не несколько тысяч сотрудников, а несколько тысяч врагов.

Так дальше продолжаться не может, говорил он, ведь со временем эти условия будут ухудшаться, ибо ухудшению будет содействовать также исход последних боев, унижающий хозяев перед рабочими. После этого вступления Аньелли заявил, что он руководствуется преж-

де всего глубокой привязанностью к своему заводу, ибо он чувствует, что, создав его, он дал жизнь предприятию, перед которым открываются огромнейшие перспективы. «Фиат» может сделаться фирмой мирового значения, может завоевать внешний рынок для своей продукции и, что важнее всего, может впервые дать Италии пример современной и образцовой промышленной организации. Но ничего подобного не произойдет, если не будет преодолен теперешний внутренний кризис. Аньелли выразил уверенность в том, что попытка коллективного управления в кооперативной форме приведет к изжитию кризиса, что рабочие вновь станут сотрудниками и «Фиат» может возобновить свое движение по восходящей линии.

Таково в общих чертах содержание заявления Аньелли, потребовавшего затем разъяснений у наших товарищей — специалистов в области кооперирования, хорошо ознакомившихся на практике с формами и возможностями рабочего движения. С нашей стороны напоминаем, что Аньелли свойственно занимать позицию, отличающуюся от позиции других промышленников. Но в его поведении трудно усмотреть последовательность. До апреля текущего года он пользовался славой либерала, и многие помнят, что другие промышленники ставили ему в вину его уступчивость, в результате которой, как они полагали, внутренние фабрично-заводские комиссии и институт цеховых уполномоченных получили широкое развитие и смогли завоевать свободу деятельности на предприятиях. А во время нынешних событий Аньелли подверг резкой критике правительство за занятую им нейтральную позицию, но потом оказался самым уступчивым из промышленников в отношении последних требований рабочих. Обычно он легко идет на уступки в денежных вопросах, но с трудом уступает в вопросах авторитета и власти. Рабочие предприятий Аньелли ценят его как организатора производства. Как финансист он пользуется славой человека без совести. Сейчас, когда он предлагает отдать рабочим, так сказать, всю свою власть, нелишне было бы вспомнить о его поведении в прошлом.

Наши товарищи, услышав заявление Аньелли, сначала ограничились тем, что разъяснили ему формы и способы создания кооперативов, а затем обрисовали ему трудности, которые сразу же стали очевидными для них. Нача-

лась дискуссия по поводу этих трудностей, а также обмен мнениями о возможности и способах передачи.

Нельзя не учитывать того, что «Фиат» является не только предприятием, на котором работает более двадцати тысяч рабочих, но и сложным капиталистическим предприятием. Как и все прочие капиталистические предприятия такого рода, оно находится в руках акционеров.

Оно является не только производственным, но и коммерческим организмом, распространяющим свою деятельность на все итальянские, европейские и мировые рынки. Отсюда сложность и переплетение отношений самого разнообразного характера. Здесь и банковские отношения, связанные с финансированием предприятия (в размере 8—10 миллионов лир в неделю?), кредитно-торговые отношения и т. д. Передача подобного предприятия может произойти только совершенно особым путем, с предосторожностями и гарантиями с обеих сторон. Вот о чем спорили (вернее, не столько спорили, сколько беседовали) стороны во время переговоров с Аньелли.

Вполне естественно, что та сторона, которая собирается совершить передачу, пытается гарантировать себя от всяких потерь и от всякого обесценения подлежащего передаче имущества. С другой стороны, также естественно, что получающие передаваемое имущество заботятся о том, чтобы эти гарантии и самый способ передачи не отягчили положения нового предприятия и не привели к потере им характера, который ему хотят придать. Обо всем этом можно было договориться и будут еще договариваться в процессе конкретизации сделки между старыми руководителями «Фиат» и теми, которые могут стать его новыми руководителями.

Однако наши товарищи, приглашенные принять предложение туринского предпринимателя, с самого начала почувствовали и даже открыто заявили, что важнее всех технических вопросов вопрос политический, который и должен быть обсужден и разрешен в первую очередь. Какое значение может иметь превращение «Фиат» в кооперативное предприятие? Действительно ли это будет ценным приобретением для рабочих? Не может ли это повести к уменьшению их политической силы и, таким образом, нанести серьезный ущерб их интересам? И являются ли возникающие при этом трудности только техническими

или такими, где за технической проблемой скрывается важнейшая политическая проблема, которую нам нужно изучить и разрешить как политикам, а не только как ко-операторам и организаторам? Разве уже не начинают поговаривать, что для финансирования такого крупного предприятия понадобилось бы обратиться к государству? Не создались бы в таком случае опасные отношения, в результате которых будет гаснуть революционный порыв рабочих?

Все эти вопросы тотчас же возникли перед товарищами, ознакомившимися с предложениями Аньелли. В то же время они поняли, что нельзя решить вопрос без тщательного его обсуждения заинтересованными пролетарскими организациями, не только экономическими, но и политическими.

Мы указали только на основные элементы для выработки обстоятельного решения. Дискуссия открыта, и мы хотим, чтобы она была исчерпывающей.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 1 октября 1920 года, № 250.)

ТУРИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ СОВЕТОВ

(Доклад, посланный в июле 1920 года в Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала)

Один из членов итальянской делегации, недавно вернувшийся из Советской России, сообщил туринским рабочим, что в Кронштадте над трибуной, приготовленной для встречи делегации, он видел транспарант с лозунгом: «Да здравствует всеобщая забастовка в Турине в апреле 1920 года!».

Это сообщение было встречено рабочими с большой радостью и глубоким удовлетворением. Большинство членов поехавшей в Россию делегации были противниками апрельской всеобщей забастовки. В направленных против нее статьях они утверждали, что туринские рабочие в данном случае стали жертвами «иллюзии» и переоценили значение забастовки.

Поэтому туринские рабочие с радостью узнали о выражении симпатии со стороны кронштадских товарищей и говорили себе: «Наши русские товарищи-коммунисты по-

няли и оценили значение апрельской забастовки лучше итальянских оппортунистов и дали последним хороший урок».

Апрельская забастовка

Апрельское движение в Турине было действительно грандиозным событием в истории не только итальянского, но и всего европейского пролетариата и, пожалуй, даже в истории пролетариата всего мира.

Впервые в истории пролетариат начал борьбу за контроль над производством, не будучи к этому вынужден голодом и безработицей; кроме того, в борьбу вступило не только меньшинство, не только авангард рабочего класса: на борьбу вышли все туринские рабочие. Они вели эту борьбу до конца, стойко перенося все лишения и невзгоды.

Металлисты бастовали месяц, а остальные категории рабочих — десять дней.

За последние десять дней всеобщая забастовка охватила весь Пьемонт, то есть около полумиллиона промышленных и сельскохозяйственных рабочих, и вовлекла, таким образом, в сферу своего непосредственного действия около четырех миллионов населения.

Все силы итальянских капиталистов были направлены на подавление туринского рабочего движения; в их распоряжение были предоставлены все средства буржуазного государства. Рабочие же были совершенно одиноки в борьбе, им не оказывали поддержки ни руководство социалистической партии, ни Всеобщая конфедерация труда. Мало того, руководители партии и Конфедерации высмеивали туринских рабочих и делали все возможное, чтобы удержать итальянские рабочие и крестьянские массы от всяких революционных выступлений, которыми те намеревались проявить солидарность со своими туринскими братьями и оказать им действенную помощь.

И все же туринские рабочие не пали духом. Они вынесли на своих плечах всю тяжесть капиталистической реакции, сохранив до последнего момента дисциплину и оставшись даже после поражения верными знамени коммунизма и мировой революции.

Анархисты и синдикалисты

Пропаганда анархистов и синдикалистов среди рабочих против партийной дисциплины, против диктатуры

пролетариата не имела успеха даже после того, как вследствие измены вождей забастовка окончилась поражением. Более того, туринские рабочие поклялись усилить революционную борьбу и вести ее теперь на два фронта: и против буржуазии-победительницы, и против вождей-изменников.

Проявленные туринскими пролетарскими массами революционное сознание и революционная дисциплина объясняются экономическими и политическими условиями, в которых развивалась классовая борьба в Турине.

Турин — типично промышленный центр. Его полумиллионное население почти на три четверти состоит из рабочих; численность мелкой буржуазии ничтожна. Кроме того, в Турине имеется компактная масса служащих и специалистов, организованных в союзы, входящие в Палату труда. Они вместе с рабочими участвовали во всех крупных забастовках и вследствие этого обрели (если не все из них, то по крайней мере большинство) моральные качества настоящего пролетария, борющегося против капитала, за революцию и коммунизм.

Промышленное производство

Туринская промышленность сильно централизована и однородна. Среди различных ее отраслей на первом месте стоит металлообрабатывающая промышленность, в которой занято до 50 000 рабочих, до 10 000 служащих и инженерно-технического персонала. Только на заводах «Фиат» занято 35 000 рабочих, служащих и инженерно-технических работников, а главные предприятия этого общества насчитывают 16 000 рабочих, производящих автомобили различных типов посредством новейших и наиболее совершенных методов производства.

Производство автомобилей является основной отраслью туринской металлообрабатывающей промышленности. Большую часть занятых в ней составляют квалифицированные рабочие и специалисты, которым, однако, не свойственна мелкобуржуазная психология квалифицированных рабочих других стран, как например Англии.

Автомобильное производство, занимающее первое место в металлообрабатывающей промышленности, подчи-

нило себе другие отрасли производства, вроде деревообделочной и резиновой промышленности.

Металлисты — авангард туринского пролетариата. Благодаря особенностям этой отрасли производства всякое движение, возникающее среди металлистов, распространяется на всю массу и приобретает политический и революционный характер, даже если вначале оно выдвигало только профсоюзные, экономические требования.

В Турине существует только одна крупная профессиональная организация, насчитывающая 90 000 членов, — Палата труда. Группы анархистов и синдикалистов не имеют почти никакого влияния на массы, которые твердо и решительно поддерживают секцию социалистической партии, состоящую в подавляющем своем большинстве из рабочих-коммунистов.

Коммунистическое движение располагает следующими боевыми организациями: партийная секция, насчитывающая 1500 членов, 28 кружков с 10 000 членов и 23 организации молодежи с 2000 членов.

На каждом предприятии существует постоянная коммунистическая группа с собственным руководящим ядром. Эти группы, смотря по местонахождению предприятий, объединяются в районные группы, руководимые комитетом городской секции социалистической партии, который держит в руках все организованное коммунистическое движение города и руководит рабочей массой.

Турин — столица Италии

До буржуазной революции, создавшей нынешний буржуазный строй Италии, Турин был столицей маленького государства, в которое входили Пьемонт, Лигурия и Сардиния. Тогда в нем господствовали мелкая промышленность и торговля.

После воссоединения Италии и перенесения столицы в Рим Турину, казалось, грозила опасность потерять свое бывшее значение, но он быстро преодолел экономический кризис и стал одним из важнейших промышленных центров Италии. Можно сказать, что в Италии три столицы: Рим — административный центр буржуазного государства, Милан — центр и торговой и финансовой жизни страны, в котором сосредоточены все банки, торговые конторы и

финансовые учреждения, и, наконец, Турин — промышленный центр, где фабрично-заводская промышленность достигла высшей степени развития. После перенесения столицы в Рим из Турина ушла вся мелкая и средняя буржуазная интеллигенция, которая дала новому буржуазному государству необходимые для его функционирования административные кадры; развитие же крупной промышленности привлекло в Турин цвет всего итальянского рабочего класса. Процесс развития этого города — интереснейшее явление в истории Италии и итальянской пролетарской революции.

Туринский пролетариат стал, таким образом, духовным руководителем итальянских рабочих масс, связанных с Туринем тысячами всевозможных связей: семейных, традиционных, исторических и духовных (каждый итальянский рабочий мечтает работать в Турине).

Все вышесказанное объясняет, почему рабочие массы во всей Италии, даже вопреки желанию своих вождей, стремились выразить свою солидарность со всеобщей туринской забастовкой: они видят в этом городе центр, столицу коммунистической революции, Петроград итальянской пролетарской революции.

Два вооруженных восстания

За период империалистической войны 1914—1918 годов Турин пережил два вооруженных восстания: первое произошло в мае 1915 года и имело целью помешать Италии вступить в войну против Германии (тогда был разгромлен полицией Народный дом); второе восстание вспыхнуло в августе 1917 года и приняло характер вооруженной революционной борьбы большого масштаба.

Весть о русской Февральской революции была встречена в Турине с неописуемым восторгом. Рабочие плакали от радости, узнав, что царская власть низвергнута петербургскими трудящимися. Но туринские рабочие не дали обмануть себя демагогической фразеологией Керенского и меньшевиков. Когда в июле 1917 года в Турин приехала миссия, посланная в Западную Европу Петроградским Советом, делегаты ее, меньшевики Смирнов и Гольденберг, представшие перед пятидесятитысячной толпой рабочих, были встречены громовым кличем: «Да здравствует Ленин! Да здравствуют большевики!».

Гольденберга не очень обрадовали такого рода приветствия: он никак не мог понять, каким образом товарищ Ленин сумел снискать себе такую популярность среди туринских рабочих. При этом не надо забывать, что это произошло после подавления июльского выступления большевиков в Петрограде, когда итальянская буржуазная пресса была полна злобных выпадов против Ленина и большевиков, которых называли бандитами, интриганами, агентами и шпионами германского империализма.

С момента вступления Италии в войну (24 мая 1915 года) туринский пролетариат не провел ни одной массовой демонстрации.

Баррикады, траншеи, проволочные заграждения

Грандиозный митинг в честь делегатов Петроградского Совета рабочих депутатов положил начало новому периоду в развитии массового движения. Не прошло и месяца, как туринские рабочие восстали с оружием в руках против итальянского империализма и милитаризма. Восстание вспыхнуло 23 августа 1917 года. В течение пяти дней рабочие сражались на городских улицах и площадях. Восставшие, которые сумели раздобыть винтовки, гранаты и даже пулеметы, овладели несколькими кварталами и три или четыре раза пытались захватить центр города, где находились здания городской администрации и военного командования.

Но два года войны и реакции ослабили когда-то крепкую организацию пролетариата, и рабочие, вооруженные хуже, чем их противники, были побеждены. Надежды на поддержку солдат не оправдались, ибо те поверили инсинуациям, будто восстание было подготовлено немцами.

Народ соорудил баррикады, вырыл траншеи, оцепил некоторые кварталы проволочными заграждениями с электрическим током и в течение пяти дней отражал все атаки войск и полиции. Более 500 рабочих пало в схватках, свыше 2000 было тяжело ранено. После поражения лучшие представители рабочего класса были арестованы и высланы из Турина, и революционное пролетарское движение ослабло, но настроение масс осталось по-прежнему коммунистическим.

Доказывает это приводимый ниже случай. Вскоре после августовского восстания были назначены новые выборы в административный совет Туринского кооперативного альянса — огромной организации, снабжающей продовольствием четверть всего туринского населения.

Кооперативный альянс

В состав Туринского кооперативного альянса (ТКА) входят кооператив железнодорожников и Всеобщая ассоциация рабочих. В течение многих лет в его административном совете преобладали представители социалистической секции, но в данный момент последняя оказалась не в состоянии развить активную агитацию среди рабочих масс.

Капитал альянса состоял главным образом из акций кооператива железнодорожников, которые принадлежали железнодорожникам и их семьям. Успешное развитие этой организации привело к тому, что цена акций поднялась с 50 до 700 лир. Однако партия сумела убедить акционеров, что рабочий кооператив имеет целью не обогащение отдельных лиц, а помощь делу революционной борьбы, и поэтому держатели акций довольствовались прибылью в 3½ процента с номинальной стоимости акции в 50 лир, а не с ее реальной цены, равнявшейся 700 лирам. После августовского восстания был основан с помощью полиции, а также буржуазной и реформистской печати Комитет железнодорожников, поставивший своей целью лишить социалистическую партию руководящей роли в административном совете. Акционерам было обещано, что им немедленно будет выплачена разница в 650 лир между номинальной и действительной стоимостью каждой акции, а железнодорожникам будут предоставлены различные льготы при распределении пищевых продуктов. Все средства пропаганды и агитации были пущены в ход предателями-реформистами и буржуазной печатью, чтобы превратить кооператив из рабочей организации в коммерческое предприятие мелкобуржуазного типа. Рабочий класс стали подвергать всяческим преследованиям. Цензура заглушала голос социалистической секции. Но несмотря на все преследования и притеснения, социалисты, которые ни на минуту не отказались от своей точки зрения, заключавшейся в том, что рабочий кооператив яв-

ляется средством ведения классовой борьбы, снова получили большинство в Туринском кооперативном альянсе.

Из общего числа 800 голосовавших социалистическая партия получила 700 голосов, хотя большинство избирателей составляли железнодорожные служащие, в отношении которых имелись опасения, что после поражения августовского восстания в их среде обнаружатся некоторые колебания и даже реакционные тенденции.

Послевоенный период

Когда окончилась империалистическая война, пролетарское движение быстро пошло вперед. Туринская рабочая масса поняла, что открытый войной исторический период глубоко отличается от предвоенной эпохи. Туринская рабочая масса быстро поняла, что III Интернационал есть организация мирового пролетариата, созданная для руководства гражданской войной, для завоевания политической власти, для установления диктатуры пролетариата, для утверждения новых экономических и социальных отношений.

На всех рабочих собраниях обсуждались экономические и политические проблемы революции. Лучшие силы рабочего авангарда объединились для издания и распространения еженедельника коммунистического направления под названием «Ордине нуово». На страницах этого еженедельника обсуждались различные проблемы революции: проблема революционной организации масс, которые должны были завоевать на сторону коммунизма профсоюзы; проблема перенесения профсоюзной борьбы из области узкоцеховой и реформистской деятельности в область революционной борьбы; проблемы контроля над производством и диктатуры пролетариата. Стал в порядок дня и вопрос о фабрично-заводских Советах.

На предприятиях Турина уже раньше существовали мелкие рабочие комитеты, признававшиеся капиталистами, и некоторые из них уже начали борьбу против профсоюзного бюрократизма, против реформистского духа и легалистских тенденций, господствовавших в профсоюзах.

Однако большая часть этих комитетов была лишь детищем тех же профессиональных союзов: списки кандида-

тов в члены этих комитетов (внутренних фабрично-заводских комиссий) составлялись профессиональными союзами, предпочтительно намечавшими оппортунистически настроенных рабочих, которые не стали бы причинять беспокойства хозяевам и душили бы в зародыше всякое массовое движение. В своей пропаганде рабочие, приверженцы «Ордине нуово», требовали прежде всего преобразования внутренних фабрично-заводских комиссий и установления такого принципа выборов в них, чтобы списки кандидатов составлялись самой рабочей массой, а не верхушкой профсоюзной бюрократии. Задачи, которые сторонники «Ордине нуово» ставили перед фабрично-заводскими Советами, были следующие: контроль над производством, вооружение и военное обучение масс, их политическое воспитание и профессиональная подготовка. Советы не должны были ни играть роль сторожевых псов, охраняющих интересы господствующих классов, ни сдерживать борьбу масс против капиталистического режима.

Восторженное отношение к фабрично-заводским Советам

Пропаганда за создание фабрично-заводских Советов была встречена массами с энтузиазмом; в течение полугода на всех металлообрабатывающих заводах и фабриках были избраны эти Советы, коммунисты получили большинство в профсоюзе металлистов, а самая идея фабрично-заводских Советов и контроля над производством завоевала себе всеобщее признание и была принята большинством участников конференции, которую провела Палата труда, и большинством примыкавших профсоюзов.

Организация фабрично-заводских Советов основана на следующих принципах: на каждой фабрике, на каждом заводе избирается на началах представительства (а не на старой, бюрократической основе) орган, становящийся воплощением силы пролетариата, борющийся против капиталистических порядков или осуществляющий контроль над производством, воспитывающий всю рабочую массу в духе подготовки к революционной борьбе и к созданию рабочего государства. Фабрично-заводской Совет строится по производственному принципу и должен являться в

глазах рабочего класса прообразом коммунистического общества, которое будет построено при помощи диктатуры пролетариата; в этом обществе не будет деления на классы, а все человеческие отношения будут регулироваться на основе технических нужд производства и соответствующей им организации и не будут подчинены власти, организованной в государственном масштабе. Рабочая масса должна понять всю красоту и величие идеала, за который она борется и жертвует собой, должна осознать, что для достижения этого идеала необходимо пройти несколько этапов; она должна признать необходимость революционной дисциплины и диктатуры.

Каждое предприятие подразделяется на цехи, и каждый цех — на бригады; каждая бригада выполняет определенную часть работы; рабочие каждой бригады избирают делегата с императивным, обусловленным мандатом. Собрание делегатов всего предприятия образует фабрично-заводской Совет, выделяющий из своего состава исполнительный комитет. Собрание политических секретарей исполнительных комитетов составляет центральный комитет фабрично-заводских Советов, назначающий из своего состава общегородской комитет для организации дела пропаганды, составления планов работы, утверждения проектов и предложений отдельных фабрик и даже отдельных рабочих и, наконец, для повседневного руководства движением в целом.

Фабрично-заводские Советы и внутренние комиссии во время забастовок

Некоторые из обязанностей фабрично-заводских Советов, как например контроль над инженерно-техническим персоналом, увольнение рабочих и служащих, показавших себя врагами рабочего класса, борьба с администрацией за права и свободы рабочих, контроль над производством и над финансовыми операциями предприятия, носят чисто технический и даже производственный характер.

Фабрично-заводские Советы очень быстро привились. Эта форма организации коммунистического типа была сразу принята массами, сплотившимися вокруг исполнительных комитетов и решительно поддерживавшими их в борьбе с капиталистической автократией. Не признан-

ные ни промышленниками, ни профсоюзной бюрократией, фабрично-заводские Советы и исполнительные комитеты тем не менее добились значительных успехов: они изгнали с фабрик агентов и шпионов капиталистов; установили тесные отношения со служащими и инженерно-техническим персоналом для получения сведений финансового и производственного характера; сосредоточили в своих руках административную власть на фабрике и дали почувствовать разобщенным и раздробленным рабочим массам, что значит рабочее самоуправление на производстве.

Деятельность фабрично-заводских Советов и исполнительных комитетов проявилась ярче всего во время забастовок, которые утратили благодаря этой деятельности свой прежний случайный и стихийный характер и стали выражением сознательной активности революционных масс. Дело организации фабрично-заводских Советов и внутренних комиссий настолько продвинулось вперед и их дееспособность настолько повысилась, что пяти минут оказалось достаточно для того, чтобы остановить работу 16-тысячной массы, разбросанной по 42 цехам предприятия «Фиат». 3 декабря 1919 года фабрично-заводские Советы дали наглядное доказательство своей способности управлять огромным по своим масштабам движением масс; по приказу социалистической секции, державшей в руках весь механизм управления движением рабочих масс, они без какой-либо предварительной подготовки мобилизовали в течение часа 120 тысяч рабочих, организованных по фабрикам, и через час пролетарская армия разлилась лавиной по всему городу, до самого центра его, сметая с улиц и площадей националистических и милитаристских негодяев.

Борьба против фабрично-заводских Советов

Во главе борьбы рабочих масс за создание фабрично-заводских Советов стояли коммунисты, входящие в социалистическую секцию и профсоюзные организации. В этом движении принимали участие и анархисты, пытавшиеся в то же время противопоставить свои напыщенные разглагольствования ясному и точному языку коммунистов-марксистов.

Но это движение подверглось бешеным нападкам со стороны профсоюзных бюрократов, руководства социалистической партии и газеты «Аванти!». Полемика, которую вели все эти люди, основывалась на различии между понятием «фабрично-заводской Совет» и понятием «Советская власть». Все их рассуждения на эту тему носили чисто «теоретический», абстрактный, бюрократический характер. За их громкими фразами скрывалось явное желание удержать массы от всякого прямого участия в революционной борьбе, желание сохранить опеку профессиональных организаций над ними. Члены руководства партии всегда отказывались брать на себя инициативу выступления раньше, чем будет проведен в жизнь единый для всей страны план действий, но они никогда ничего не делали для подготовки и разработки такого плана.

Туринскому движению так и не удалось выйти из рамок местного движения, ибо весь бюрократический механизм профессиональных союзов был пущен в ход, чтобы воспрепятствовать рабочим массам остальной Италии последовать примеру Турина. На туринское движение клеветали, его всячески осмеивали и поносили.

Ожесточенные нападки профсоюзных органов и руководства социалистической партии приободрили капиталистов, которых теперь уже ничто не сдерживало в их нападках на туринский пролетариат и фабрично-заводские Советы. Состоявшаяся в марте 1920 года в Милане конференция промышленников выработала план нападения, а непосредственные «опекуны рабочего класса», политические и профессиональные организации, не обратили на этот факт никакого внимания. Туринский пролетариат, всеми покинутый на произвол судьбы, вынужден был один, собственными силами, бороться против национального капитализма и государственной власти. Турин был наводнен целой армией полицейских; в стратегических пунктах вокруг города были установлены орудия и пулеметы. И когда вся эта машина подавления была подготовлена, капиталисты стали всячески провоцировать рабочую массу на выступление. Правда, пролетариат ввиду создавшихся исключительно тяжелых условий борьбы не решался первое время принимать вызов, но когда выяснилось, что столкновение неизбежно, он смело вступил в ожесточенную борьбу, готовый бороться до победного конца.

Национальный совет социалистической партии в Милане

Металлисты бастовали целый месяц, рабочие других категорий — десять дней; промышленная жизнь во всей провинции замерла; транспорт остановился. Но туринский пролетариат был изолирован от остальной Италии; центральные органы социалистической партии не сделали ничего, чтобы ему помочь, не выпустили даже воззвания к итальянскому народу, разъясняющего значение борьбы туринских рабочих; «Аванти!» отказалась опубликовать манифест туринской партийной секции. Туринских товарищей повсюду называли анархистами и авантюристами. Как раз в это время в Турине должно было состояться заседание Национального совета партии, но его перенесли в Милан, так как город, «охваченный всеобщей забастовкой», показался малоподходящим местом для «социалистических» словопрений.

В ходе этих событий выявилось полное бессилие людей, призванных руководить партией; в то время как в Турине рабочая масса мужественно боролась в защиту фабрично-заводских Советов, в защиту первой организации, основанной на рабочей демократии, воплощающей пролетарскую власть, в Милане разглагольствовали по поводу теоретических планов и способов создания Советов как формы политической власти, которую пролетариат должен завоевать. Спорили о том, как укреплять еще не достигнутые завоевания, и в то же время бросали на произвол судьбы туринский пролетариат, предоставляя буржуазии возможность уничтожить уже завоеванную рабочую власть.

Зато итальянские пролетарские массы самыми различными путями выражали свою солидарность с туринскими товарищами: железнодорожники Пизы, Ливорно и Флоренции отказались перевозить войска, направлявшиеся в Турин; портовые рабочие и матросы Ливорно и Генуи прекратили свою работу; во многих городах пролетариат вопреки приказам профсоюзов проводил забастовки.

Всеобщая забастовка в Турине и Пьемонте натолкнулась на саботаж и сопротивление бюрократии профессиональных союзов и самой партии. Но тем не менее она имела огромное воспитательное значение для всего итальянского пролетариата, доказав возможность практиче-

ского объединения рабочих и крестьян и выявив настоятельную необходимость бороться против всей бюрократической машины профессиональных организаций, представляющих собою самую мощную опору оппортунистов — парламентариев и реформистских лидеров в деле удушения всякого революционного движения масс.

(Доклад первоначально был опубликован на русском, немецком и французском языках в № 14 «Коммунистического Интернационала» за 1920 год. На итальянском языке был напечатан без подписи в ежедневной газете «Ордине нуово» 14 марта 1921 года, № 73.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГОСУДАРСТВО И СУВЕРЕНИТЕТ

В статье «Почему я человек порядка» профессор Бальбино Джулиано поставил вопрос об искренности и благородстве в политике, поставил его перед теми, кто еще «верит» в социализм, в классовую борьбу, в экономический детерминизм и прочую материалистическую метафизику. Профессор Бальбино Джулиано когда-то сам «верил» во «все эти вещи», а теперь он в них больше «не верит». Теперь он верит и сохраняет верность идеям и концепциям, более высоким и более жизнеспособным: он возвратился к Мадзини и убедился, что социальный вопрос является, по существу, вопросом моральным, вопросом культуры, духовного воспитания вообще. Он низверг с пьедестала «Коммунистический Манифест» и снова водрузил «Обязанности человека».

Но Бальбино Джулиано по натуре своей прежде всего преподаватель и потому не желает, чтобы его личный опыт пропал даром. И вот индивидуальный опыт Бальбино Джулиано умозрительным путем превращается в «конкретное всеобщее» и порождает некую норму практической деятельности: о юноши, по умственной лености и благодаря увлечению адвокатской софистикой еще «верящие» в социализм, опомнитесь и посвятите силу вашей мысли внутреннему очищению и изучению конкретных проблем!

Думаю, что Бальбино Джулиано «верил» в социализм, но не думаю, что он «был» социалистом. Духовная история (или хроника духовного формирования) Бальбино Джулиано, как, впрочем, и Гаспано Сальвемини, а также и всех интеллигентов, которые «верили» в социализм, является одним из элементов истории современного капиталистического общества. Это — печальная история мелкой буржуазии, того среднего класса, который в Англии и во Франции приобщился к государственной власти, но в Италии и в России не смог выполнить какую-либо определенную историческую задачу. Мелкая буржуазия была революционна, пока пролетариат, еще слабый и разобщенный, пытался теоретически осмыслить диалектику своей специфической социальной миссии и служил для интеллигентов внешним материалом для создания идеологических мифов. Но она стала поборницей «порядка», едва рабочий класс, превратившись в единое целое в социальном отношении и став внуши-

тельной силой, начал своими собственными средствами и методами строить свое будущее, отбрасывая всякие абстрактные схемы, умозрительные построения представителей мелкой буржуазии, уверяющих, что они «тоже пахали».

Для Б. Джулиано социализм был символом веры в естественный закон, непостижимый для человеческого разума. Его социализм был, следовательно, не проявлением жизненной деятельности, а только лишь отражением человеческих чувств, мистикой, а не практикой. Он и до сих пор не сумел критически преодолеть эти свои умонастроения. В его сознании произошло простое перемещение понятий, изменилось их эмпирическое содержание, но незрелость не превратилась в зрелость, несмотря на все злоупотребления идеалистической фразеологией.

Экономический детерминизм — это не только научная основа политической и экономической деятельности рабочего класса, это прежде всего историческое самосознание рабочего класса, норма поведения, моральный долг. Учение о классовой борьбе будто бы менее жизненно, менее возвышенно, чем учение Мадзини, но это абстрактное, чисто умозрительное заключение; с исторически конкретной точки зрения учение о классовой борьбе выше мадзинизма в такой же мере, в какой критика выше чувства, сознательная воля выше ребяческого своеволия, осознанная необходимость выше пустой болтовни о человеколюбии, легкомысленного представления о том, что достаточно объявить возвышенную поставленную цель, чтобы она стала моральной и возвышенной.

Бальбино Джулиано — не реалист, а человек абстрактного мышления, он — не идеалист, а католик.

Он советует молодежи изучать «конкретные проблемы», а сам доказывает, что социальный вопрос есть вопрос моральный, вопрос духовного воспитания.

Его «конкретные проблемы» — просто проблемы эмпирической политики; конкретность есть не что иное, как эмпирическое ограничение во времени и в пространстве, простой материалистический техницизм, который в искусстве свелся бы к литературщине и эстетизму.

Конкретность есть органичность, и органичность социальных проблем находит свое выражение в политике, которая представляет собой творческий акт практического духа. У отдельных индивидуумов, если они преследуют конкретную цель, если ими руководят «благородство», «лояльность», «знать» и «хотеть» должны превратиться в «мочь».

Конкретные проблемы разрешаются только в государстве, и потому нельзя быть «конкретным», не имея общего представления о сущности и границах государства. И так как государство есть суверенитет, организованный в форме власти, нельзя быть конкретным без общего представления о сущности суверенитета, без того, чтобы не приспособить свою индивидуальную энергию к универсальной деятельности, осуществляемой посредством суверенитета и находящей свое выражение во всем сложном механизме государственного управления.

Джулиано — не идеалист, он — позитивист на английский манер, с легким налетом идеалистической фразеологии. Социальный вопрос он рассматривает как добрый пуританин, как вопрос морали, внутреннего очищения, достигаемого в результате роста культуры

и индивидуального воспитания. Оказывается, социальный вопрос уже не является исторической проблемой, то есть неизбежным моментом прогрессивного развития человеческого общества, проблемой, исторически разрешимой путем укрепления материальных и духовных сил рабочего класса, который положит в основу суверенитета и государственного устройства производственную деятельность, и именно в процессе ее все люди обретут духовное благородство, заменив этой деятельностью эмпирию демократического «большинства», создаваемого путем насилия и демагогического обмана. У Джулиано социальный вопрос снова становится проблемой борьбы со злом, как его понимают католики, как его понимают эпигоны просветителей-энциклопедистов, заседавшие в народных университетах. При такой постановке вопроса эта проблема для идеалиста сводится к пустой фразеологии — становится проблемой, неразрешимой «политически», шутовским переодеванием христианского учения, зловредной затеей, проявлением социального вырождения и индивидуального скептицизма, преградой на пути исторического развития, которая воздвигается во имя аскетизма, культивируемого в монастырской тишн библиотек и защищаемого в ораторских поединках и журнальной полемике.

Если бы Джулиано не только «верил» в социализм, а был социалистом на деле, если бы незрелость его умозрительного восприятия стала зрелостью в творческом процессе выработки теоретических положений и норм практической деятельности, он выдвинул бы для осмысления и практического решения другие конкретные проблемы.

Исторический материализм также имеет свои конкретные проблемы воспитательного и идеологического характера. Претворение в жизнь философских теорий — прямая обязанность интеллигентов-социалистов. Джулиано не выполнил этих обязанностей и невыполнение своего долга оправдывает банкротством теории.

Учение исторического материализма есть критическое упорядочение процесса познания исторической необходимости, лежащей в основе развития человеческого общества, а вовсе не утверждение о существовании естественного закона, действие которого развертывается «абсолютно» вне сферы деятельности человеческого разума. Это учение является самосознанием, стимулирующим деятельность людей, а не естественной наукой, цели которой исчерпываются познанием истины. Если историческая «необходимость» лежит вне воли отдельного индивидуума, рассматриваемого в качестве «чистого разума», то она имманентно присуща каждому индивидууму как эмпирической клеточке общества и является конкретным элементарным проявлением всеобщего духа, приводящего в действие основной закон своего развития; поэтому она есть «практика», постоянное преодоление, постоянное приспособление эмпирического индивидуума к духовной всеобщности.

Джулиано не был «верен» всеобщему духу, хотя на нем, как на социалисте, лежал долг воспитывать рабочих и крестьян, чтобы поднять их до уровня понимания универсальной исторической необходимости, которая конкретизируется и проявляется в исторической миссии трудящегося класса. В таком случае конкретной проблемой для него являлось бы воспитание еще незрелого идеологически трудящегося класса с целью практического осуществления последним суверенитета труда и учреждения нового государства. Это го-

сударство положило бы в основу своих действий производственную деятельность, динамизм труда и заменило бы капиталистическое государство, базирующееся на частной собственности на средства производства и обмена, поклоняющееся золотому тельцу, чудовищному Молоху, которому приносят в жертву человеческие жизни во имя перераспределения частной собственности между отдельными индивидуумами и государствами.

Сегодня, после того как война, разрушив и истощив источники богатства, ввергла людей в ужас, когда над половиной человечества нависла угроза смерти от истощения, ибо своекорыстный, индивидуалистический режим свободной конкуренции не в состоянии восстановить разрушенное и создать условия для возрождения жизни, сегодня, в условиях глубокой социальной катастрофы, когда все развалилось и бесповоротно подорван всякий авторитет власти, эта конкретная проблема заключается в том, чтобы помочь трудящемуся классу взять в свои руки политическую власть, найти и изучить надлежащие пути и средства, наиболее пригодные для того, чтобы переход государственной власти к этому классу произошел с наименьшим пролитием крови, чтобы новое, коммунистическое государство было установлено повсюду после непродолжительного революционного террора.

Но этой конкретности не улавливают «просветители», исходящие из концепции «чистого разума». Они, эти глубокие знатоки конкретных проблем, считают большевизм явлением «чисто русским». (В последнем номере «Энерджие нуове» была опубликована статья П. Балларно о большевизме. Возвратившийся несколько месяцев назад из Москвы некий итальянский чиновник рассказывает, что на каждом заседании Московского Совета зачитываются переводы опубликованных в европейской печати суждений и впечатлений представителей латинских и англосаксонских стран о большевизме и Советах. Итальянский чиновник испытывал крайнее смущение и неловкость, наблюдая, каким веселым смехом рабочие-делегаты вознаграждали глупые высказывания европейской печати об их политической и экономической деятельности. Он чувствовал себя глубоко смущенным и униженным, так как война, после которой в России установился общественный строй, отвечающий сознанию и чаяниям всего русского общества и благодаря единству воли и стремлению масс каждый год продвигающий его вперед на столетие,— в наших странах только приумножила и без того значительное число глупцов, которые жизнь и мысль смешивают с искусством паясничать.) Эти люди принесли человека в жертву «концепции», государство — в жертву «проблеме», а их «порядок» в процессе оскудения исторического сознания может в конце концов найти свое воплощение в фигуре полицейского.

(Опубликовано в «Энерджие нуове», 1—28 февраля 1919 года, серия I, № 7—8 — двухнедельном журнале, выходившем под редакцией Пьеро Гобетти.

Подпись Антонио Грамши сопровождается следующим примечанием главного редактора журнала:

«Исполняя обещание, данное нашим читателям, публикуем эти заметки нашего друга Грамши и считаем необходимым сообщить, что состояние здоровья не позволило ему завершить работу над

этим наброском, сделанным им наспех после чтения статьи Джулиано. В ближайшее время мы вернемся к этому вопросу и посвятим ему целый номер; тогда мы и определим наше отношение к социализму».)

ПРОГРАММА ЦЕХОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ

Введение

Настоящая программа принята первым общегородским собранием фабрично-заводских уполномоченных, на котором присутствовали представители почти всех предприятий Турина. Это скорее не программа, а изложение тех идей, которыми следует руководствоваться при создании новой формы пролетарской власти; изложение это преследует пропагандистскую цель, оно определяет платформу для дискуссии с ранее возникшими пролетарскими организациями.

Поэтому первое общегородское собрание не считает себя вправе сформулировать окончательную программу, ибо речь идет о программе революционной деятельности трудящихся, а она не может не подвергаться постоянно новым и даже коренным изменениям, она должна способствовать практическому осуществлению в Италии эксперимента по созданию коммунистического общества.

Присваивать себе все права свойственно выскочкам; так поступают некоторые деятели, которые считают, что они олицетворяют собой профсоюзы, и требуют, чтобы все признали, что профсоюз может своей деятельностью наполнить всю социальную жизнь.

Само существование нашей власти на предприятиях, сама наша деятельность служат опровержением, отрицанием этой теории. Это — не абстрактное отрицание, не искусственное, умозрительное построение: наша власть возникла по прямой воле заводского пролетариата, уставшего подчиняться (в обстановке неустанной проповеди демократизма) установленной дисциплине и готовым директивам сверху, лишенного возможности сказать свое слово и постоянно опасавшегося, что преднамеренно или по ошибке его уведут в сторону с революционного пути.

Именно в силу этой духовной реакции институт уполномоченных возникает всюду, у всех народов. Возникновение института уполномоченных доказывает, что договариваться о ценах на труд в рамках буржуазной конкуренции и управлять производством и людскими массами — две различные функции. Цель первой, можно сказать, коммерческая — поднять на данном буржуазном рынке цену труда определенной категории рабочих, чтобы более выгодно его продать (функция, выполняемая профсоюзами), в то время как потенциальная цель второй заключается в том, чтобы посредством непрерывной предреволюционной контрольной деятельности подготавливать людей, провести необходимую организационную и идейную подготовку к замене власти хозяина на предприятии и установлению нового социального порядка, новой дисциплины. Такова функция уполномоченных, которые в силу самого способа их избрания представляют собой самую демократическую из всех властей. Именно с целью точно установить сферу деятельности и полномочий каждого из этих двух институтов, выполняющих данные функции, уставу предпосылается декларация основных принципов.

Прискорбный пример Венгрии, где обнаружилось расхождение между руководителями профсоюзов и Советской властью, побудил нас попытаться предупредить повторение подобного явления в итальянской революции. Мы стремились достигнуть этого путем четкого определения взаимоотношений обеих сторон и путем такого разграничения функций между ними, чтобы каждая сторона занималась теми задачами, которые наиболее соответствуют ее структуре, лежащим в ее основе принципам и повседневной практике.

Принцип демократического мандата должен преобладать в любом органе власти — избранники должны быть не кем иным, как исполнителями воли масс; именно этот принцип и осуществляется на деле уполномоченными.

При этой системе право быть избранным еще не является всеобщим. Причины этого вполне понятны: пока еще существует буржуазия с множеством слуг — еще существуют несознательные, неорганизованные рабочие; и хотя последние могут и должны обладать правом голоса, дающим им возможность выразить свою волю, они не должны иметь права быть избранными в качестве кандидатов, то есть быть облеченными властью контролировать профсоюзы, функций и значение которых они еще не осознали, контролировать общественную жизнь, которой они еще не понимают.

Но уполномоченные, именно потому, что они избраны всеми рабочими, являются общественной властью, а будучи членами организаций, избранных всеми рабочими (и своей более высокой политической сознательностью подчиняющих своему влиянию массу), они могут представлять волю и самих членов этих организаций.

Программа, повторяем, не может и никогда не будет считаться сформулированной раз и навсегда. Областные, а затем и национальные собрания должны будут в дальнейшем постоянно пересматривать ее и развивать ее основные положения.

В данное же время для ее распространения и обсуждения общегородское собрание уполномоченных принимает следующие решения:

1. На своем собрании, состоявшемся 31 октября 1919 года, фабрично-заводские уполномоченные Турина, приняв единую программу о правах и функциях уполномоченных и фабрично-заводских Советов, постановляют:

а) потребовать ее опубликования во всех рабочих газетах и журналах,

б) распространять ее на всех фабриках и заводах Италии,

в) создать по отраслям промышленности специальные комиссии на базе старых внутренних фабрично-заводских комиссий для изучения вопроса о применении данной программы в различных отраслях промышленности,

г) передать эту программу на обсуждение всех организаций и кооперативов, стоящих на точке зрения классовой борьбы, и добиваться, если это будет возможно, ее принятия.

2. Собрание фабрично-заводских уполномоченных Турина постановляет созвать, как только по всей области будут избраны уполномоченные, областное собрание для пересмотра программы и подготовки первого областного или национального съезда фабрично-заводских уполномоченных.

Декларация принципов

1. Фабрично-заводские уполномоченные являются единственными подлинными общественными (экономическими и политическими) представителями рабочего класса, ибо они избраны на основе всеобщего избирательного права всеми рабочими на месте их работы. На различных ступенях этого института уполномоченных последние представляют единство всех трудящихся, осуществляемое в соответствующих производственных единицах и объектах (бригада, цех, предприятие, объединение предприятий одной и той же отрасли промышленности, объединение производственных объектов города, объединение промышленных и сельскохозяйственных производственных объектов одного района, провинции, области, нации, мира), власть над которыми и общественное руководство осуществляются через Советы и систему Советов.

2. Рабочие, объединяемые системой Советов, признают полезность профессиональных и производственных союзов в истории классовой борьбы и необходимость продолжения их деятельности по организации отдельных категорий трудящихся с целью добиться повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, пока продолжает существовать конкуренция на рынке труда, как это имеет место при капиталистическом режиме. Они признают, что профсоюзы представляют собой необходимую форму организации, так как они являются наиболее высокой ступенью объединения тех трудящихся, индивидуальные интересы которых одинаковы, поскольку они выполняют одинаковые функции в процессе капиталистического производства. Они считают, что профсоюзы должны охватить всех рабочих.

3. Руководство рабочим движением должно исходить непосредственно от рабочих, организованных по месту их производственной деятельности, и осуществляться через фабрично-заводских уполномоченных.

Профессиональные и производственные союзы должны продолжать свою теперешнюю деятельность, заключающуюся в том, чтобы, действуя от имени коллектива трудящихся, добиваться в ходе переговоров с организациями хозяев наилучших условий, касающихся заработной платы, продолжительности рабочего дня и регламентирования труда для всех рабочих данной категории. Они должны использовать весь свой опыт и знания, приобретенные в прежней борьбе, для заключения четко и ясно сформулированных соглашений, действительно отвечающих теперешним условиям труда и психологии фабрично-заводских рабочих.

Советы же воплощают в себе власть организованного по предприятиям рабочего класса, противостоящую власти хозяев, осуществляемой на этих же предприятиях. В социальном отношении они воплощают деятельность всего пролетариата, сплоченного для борьбы за завоевание государственной власти, за уничтожение частной собственности.

4. Организованные в Советы рабочие безусловно согласны с тем, чтобы дисциплина и порядок ведения экономической борьбы, как за частичные, так и за общие требования, устанавливались профсоюзами, но при условии, что профсоюзы будут получать директивы от фабрично-заводских уполномоченных как представи-

телей трудящихся масс. Они отвергают, как искусственную, парламентаристскую и ложную, всякую иную систему, которой хотели бы следовать профсоюзы, чтобы выявить волю организованных масс. Рабочая демократия основывается не на количественном критерии и не на буржуазной концепции гражданина, а на тех функциях и на той роли, которые рабочий класс, естественно, выполняет на предприятиях в процессе промышленного производства.

5. Фабрично-заводские уполномоченные заявляют о своей готовности противодействовать любым попыткам помешать их особым органам контролировать внутреннюю жизнь пролетарских профессиональных организаций на предприятиях.

6. Уполномоченные обязуются всемерно развивать свою пропагандистскую деятельность, чтобы добиться объединения в национальный профсоюз всех организаций одной и той же профессии, не входящих во Всеобщую конфедерацию труда, но действующих в духе классовой борьбы, в интересах коммунистической революции.

Все профессиональные и производственные союзы итальянского пролетариата должны примыкать к Всеобщей конфедерации труда. Уполномоченные призывают всех своих товарищей по работе, которые голосовали за них как сознательные коммунисты, самым энергичным образом развернуть разъяснительную работу индивидуального характера с целью укрепления тех организаций, в которые они входят. Если рабочие на самом деле, как они заявляют, достигли полной зрелости классового сознания, они должны понять необходимость создания единого великого союза всех итальянских пролетарских сил. Они должны активнее участвовать в жизни профсоюзов, проводить внутри их принципы, вдохновляющие систему фабрично-заводских Советов, работать над устранением трудностей, препятствующих в настоящее время осуществлению пролетарского единства. Когда рабочие привнесут в различные организации, которые в настоящее время придерживаются иных взглядов, такой же боевой дух, такое же стремление к самоуправлению и завоеванию пролетарской власти, какие воодушевляли систему фабрично-заводских Советов, слияние этих организаций станет лишь простым и чисто административным делом. Но в то же время уполномоченные призывают товарищей по работе выйти из организаций, основывающихся на религиозных или националистических принципах, абсолютно чуждых функциям и задачам рабочих организаций.

7. Собрание уполномоченных всех туринских заводов и фабрик с уверенностью и гордостью утверждает, что их избрание и создание системы фабрично-заводских Советов представляет первый конкретный шаг на пути развития коммунистической революции в Италии. Собрание обязуется применить все средства, находящиеся в распоряжении отдельных уполномоченных и всей системы фабрично-заводских Советов, с тем чтобы эта система рабочих Советов, опирающихся на уполномоченных, избранных по цехам и производственным бригадам, неудержимо распространялась по всей Италии и чтобы в возможно кратчайший срок можно было бы созвать национальный съезд делегатов рабочих и крестьян всей Италии.

Устав

Выборы и права уполномоченных

1. Уполномоченные избираются в цехах предприятия по производственным бригадам. Их число, пока временно намеченное внутренними фабрично-заводскими комиссиями, будет окончательно установлено фабрично-заводским Советом, который составит точный перечень производственных подразделений. Собрания представителей фабрично-заводских Советов установят соотношение между числом рабочих и числом делегатов.

В состав административного и руководящего персонала входят: инженеры, техники, чертежники, секретари цехов, служащие внутренней администрации, служащие коммерческого отдела, служащие бухгалтерии и кассиры, персонал вспомогательных служб. Точный перечень специальностей, относящихся к этим видам производственной деятельности, будет установлен общим собранием рабочих и служащих данного предприятия.

2. Избирателями являются все трудящиеся предприятия, занимающиеся физическим и умственным трудом.

3. Избранными могут быть члены любого профсоюза, стоящего на позициях классовой борьбы. Отозванный уполномоченный не может быть вновь избран в течение трех общих собраний подряд. Таким образом, он лишается права выдвижения своей кандидатуры в течение одного избирательного срока.

4. Первые выборы назначаются внутренними фабрично-заводскими комиссиями старого типа. Комиссии обычно избираются на срок в шесть месяцев. В течение этого срока они могут обновляться частично (в некоторых цехах) или целиком на всем предприятии из-за отставки уполномоченных. Собранию уполномоченных по истечении срока их полномочий принадлежит право устанавливать нормы для новых выборов при сохранении в силе общих принципов.

5. Уполномоченный должен всегда пользоваться доверием избирателей. Это означает, что он может быть отозван в любой момент. Если большинство — даже при перевесе в один голос — избирателей или участников общего собрания данного предприятия выразит недоверие уполномоченному, он обязан испросить повторного подтверждения его полномочий. Собрание лишает права на представительство уполномоченного, оказавшегося в таком положении, если его полномочия не будут возобновлены.

6. Голосование должно быть тайным и производиться в рабочие часы. Подсчет голосов производится немедленно и публично с немедленным оглашением результатов. Фамилия кандидата на избирательном бюллетене должна быть написана от руки. Ни один рабочий из другого цеха не должен допускаться в цех, где происходит голосование. Если результаты голосования и их правильность вызывают сомнения, оно должно быть произведено снова в присутствии секретаря фабрично-заводского Совета.

7. Фабрично-заводской Совет должен собраться не позднее чем через два дня после выборов. Временно Совет будет созываться в помещении ближайшей секции социалистической партии. Когда Советы укрепятся на предприятиях, его заседания будут происходить на самом предприятии. Порядок созыва Совета должен быть выработан самим Советом.

8. На уполномоченного возлагается двоякая задача: а) быть уполномоченным организованных рабочих своего цеха для контроля над деятельностью организации трудящихся той определенной категории, в которую они входят; б) быть уполномоченным всех рабочих своего цеха для защиты их экономических интересов и руководства их общественной деятельностью.

9. В фабрично-заводском Совете уполномоченные представляют, таким образом, всех рабочих предприятия. Они избирают из своей среды исполнительный комитет предприятия, которому дают полномочия исполнительного органа на самом предприятии и представительного органа на собраниях представителей фабрично-заводских Советов.

10. На общем собрании всех уполномоченных данной местности уполномоченные представляют интересы той категории трудящихся и той отрасли производства в данной местности, от которых они избраны.

11. На собрании же всех исполнительных комитетов данной местности делегаты представляют интересы трудящихся всех предприятий и отраслей производства данной местности.

12. Уполномоченные всего района, входящие в один и тот же профессиональный или производственный союз, созываются на общие собрания по профессиям или по отраслям производства. Эти общие собрания избирают из своей среды исполнительный комитет местной секции профессионального или производственного союза.

Уполномоченные и союзы

1. Собрания уполномоченных трудящихся данной категории собираются по инициативе уполномоченных, представляющих одну десятую часть членов данной организации союза, или по решению Совета его местной секции. Они должны автоматически собираться в случае любого выступления трудящихся данной категории.

2. Секретари секций профессиональных или производственных союзов, занимающиеся административными вопросами или вопросами пропаганды, должны быть полностью правоспособны для ведения переговоров с организациями хозяев и должны рассматриваться как исполнители воли рабочих, организованных в профессиональные или производственные союзы и в фабрично-заводские Советы. Они ответственны перед исполнительными комитетами.

3. Выработка соглашений и переговоры с организациями хозяев поручаются секретарям совместно с представителями исполнительных комитетов.

Утверждение экономических соглашений, касающихся трудящихся данной категории, производится общим собранием уполномоченных трудящихся данной категории.

Без этого утверждения ни одно соглашение не может быть действительным.

4. Прежде чем поставить соглашение на обсуждение этого собрания, надо раздать текст этого соглашения по предприятиям — по одному экземпляру на каждое предприятие.

5. При обсуждении соглашения на общих собраниях уполномоченных правом голоса пользуются — наряду с уполномоченными, входящими в ту организацию, которая руководила выступлением

рабочих,— также и уполномоченные из других организаций. Однако на собраниях уполномоченных трудящихся данной категории эти другие уполномоченные не имеют права подвергать критике действия организаций или отдельных членов того профессионального или производственного союза, в котором они сами не состоят.

6. В то же время все уполномоченные, принимающие участие в работе собрания уполномоченных трудящихся данной категории, имеют право обсуждать и критиковать деятельность тех профессиональных или производственных союзов, которые не стоят на позициях классовой борьбы.

Обязанности уполномоченных на предприятии

1. Самыми важными и самыми сложными из задач, стоящих перед уполномоченным, являются задачи, относящиеся к внутренней жизни предприятия. Он всегда должен совершенно точно выражать и отстаивать мнения своих товарищей перед представителями хозяев и внутри Совета.

Сила влияния уполномоченного дается ему цехом; она состоит в той солидарности, с которой его товарищи по цеху поддерживают его действия, и в той дисциплине, которую они проявляют при выполнении его советов; а эти солидарность и дисциплина могут проявиться полностью только в том случае, когда избиратели признают своего уполномоченного подлинным выразителем их чувств.

2. Уполномоченные не освобождаются от своей производственной работы. В данном отношении их права на предприятии ограничиваются тем, что они могут оставить работу лишь в определенных случаях, а именно, когда необходимо их присутствие где-либо вне предприятия.

3. В своем цехе функции уполномоченного заключаются в контроле. Он должен осуществлять контроль с целью:

а) точного применения существующих трудовых соглашений и разрешения споров, возникающих между рабочими цеха и представителями администрации,

б) защиты интересов и личного достоинства рабочего как в случае злоупотребления своей властью, допускаемого начальниками, не желающими или оказавшимися неспособными правильно оценить работу, так и в случае изменения трудовых процессов или в случае кризиса сбыта,

в) поддержания порядка на производстве в случае провокации со стороны хозяев и саботажа со стороны лиц, не подчиняющихся воле большинства,

г) точного установления: 1) размера капитала, вложенного в данный цех; 2) доходности данного цеха по сравнению со всеми установленными расходами; 3) реальных путей увеличения этой доходности,

д) недопущения изъятия капиталистами капитала, вложенного в недвижимое имущество предприятия.

4. Уполномоченный должен изучать сам и побуждать своих товарищей по цеху изучать капиталистическую систему производства и производственные процессы, критиковать недостатки и предлагать нововведения с целью облегчения труда и ускорения производства. У всех должно укрепиться убеждение, что коммунистическое равен-

ство может быть достигнуто только при помощи интенсификаций методов производства и что благосостояния можно добиться не дезорганизацией производства или ослаблением дисциплины труда, а лучшим и более справедливым распределением обязанностей и доходов между членами общества благодаря обязательности труда для каждого из них и равным возможностям пользоваться благами, создаваемыми общественным трудом.

5. В силу вышеизложенного уполномоченные должны изучать все технические нововведения, предлагаемые администрацией, и высказывать свое мнение о них только после обсуждения их с товарищами. Они должны добиваться их принятия, даже если это нанесет временный ущерб интересам рабочих, при условии, что проведение их потребует жертв и со стороны хозяина и обеспечит улучшение производственного процесса. Они должны также не допускать каких-либо нарушений администрацией закона о предотвращении несчастных случаев и о соблюдении санитарно-гигиенических условий на предприятиях путем улучшения состояния помещений, принимая все необходимые меры для обеспечения нормальных условий труда.

О рабочих школах

1. Совет должен организовать на предприятии школу, в которой могли бы учиться все рабочие, желающие усовершенствовать свое профессиональное мастерство; он должен найти на самой фабрике опытных преподавателей и добиться от администрации выделения для этой цели помещения и необходимых средств.

2. Точно так же Совет должен добиваться от администрации выработки единой системы подготовки учащихся и стойко отстаивать их интересы.

3. Совет должен также следить за практикой назначения рабочих на вышестоящие должности, не допускать назначения по протекции, осуждая его как применяемое хозяевами средство классовой борьбы.

4. Пассивных или зараженных отсталыми настроениями цеховых уполномоченных необходимо подталкивать путем проведения частых выборов и референдумов. Все цеховые уполномоченные обязаны часто проводить в своих цехах референдумы по социальным и техническим вопросам и часто созывать собрания для разъяснения основных принципов и решений пролетарских организаций.

5. Ни один Совет не может расторгать трудовые соглашения, не получив предварительно согласия на это от общего собрания уполномоченных соответствующей категории трудящихся или исполнительного комитета секции.

6. Когда споры рабочих цеха с администрацией улаживаются уполномоченным, или же когда они носят принципиальный характер, или вызваны расхождением интересов цехов, цеховой уполномоченный обязан немедленно довести об этом до сведения бюро фабрично-заводского исполнительного комитета. В течение всего времени, пока продолжается спор, уполномоченный освобождается от работы.

Фабрично-заводской исполнительный комитет

Выборы, обязанности, полномочия

1. Для выполнения принятых решений и для переговоров с администрацией фабрично-заводской Совет избирает из своей среды необходимое число уполномоченных, которые составляют исполнительный комитет предприятия. По своему значению он заменяет прежнюю внутреннюю фабрично-заводскую комиссию и как таковой должен быть признан администрацией предприятия.

2. Количество членов исполнительного комитета и порядок назначения устанавливаются фабрично-заводскими Советами и общим собранием уполномоченных.

3. Из определенного числа членов исполнительного комитета, освобождаемых от работы на срок, на который они избраны, образуется постоянное специальное бюро исполнительного комитета с целью принимать заявления цеховых уполномоченных, изучать их, отклонять или всемерно отстаивать их, опираясь на поддержку всех рабочих предприятия.

4. Члены исполнительного комитета должны наблюдать за переговорами секретарей профессиональных или производственных союзов с организациями хозяев на предприятии.

5. Членам исполнительного комитета рекомендуется каждый вечер обмениваться мнениями о положении на предприятии и о работе, выполненной их товарищами.

6. Члены исполнительного комитета должны всячески содействовать работе по контролю, просвещению и пропаганде, ведущейся уполномоченными, воздействуя на отстающих как убеждением, так и принуждением, привлекая нерадивых и неспособных к суду Совета.

7. Члены исполнительного комитета могут избираться на весь срок полномочий Совета; они исполняют свои функции во время выборов, а также некоторое время после выборов, какое понадобится для передачи полномочий и дел новому исполнительному комитету.

Члены исполнительного комитета, которых Совет путем голосования объявил потерявшими доверие уполномоченных, автоматически лишаются своих полномочий.

8. Исполнительный комитет и администрация пользуются одинаковым правом вывешивать объявления на предприятии.

9. Исполнительный комитет должен обеспечивать свободное распространение газет на предприятии во время перерывов в работе.

10. Исполнительный комитет должен обеспечить издание заводского двухнедельного бюллетеня, в котором будет публиковаться систематический материал, позволяющий рабочим глубже вникать в жизнь предприятия, будет разъясняться работа, проводимая исполнительным комитетом и фабрично-заводским Советом, будут перепечатываться из соответствующих газет и журналов сведения, касающиеся данного предприятия, и т. д.

Если предприятие невелико, то издается общий бюллетень для ряда предприятий данной отрасли.

11. Исполнительный комитет должен также добиваться создания на предприятии кассы взаимопомощи и сберегательной кассы

для организации кооперативной столовой, входящей в местный кооперативный альянс.

12. Исполнительный комитет должен регулярно вести дневник своих работ и ежемесячно представлять его на утверждение Совета.

13. Исполнительный комитет распределяет между своими членами и уполномоченными работу по пропаганде и просвещению.

14. Фабрично-заводской Совет должен созываться исполнительным комитетом по возможности еженедельно (по субботам), для того чтобы заслушивать отчет исполнительного комитета, информацию о положении предприятия и о настроениях трудящихся на нем, давать директивы исполнительному комитету и принимать решения, касающиеся внешних интересов предприятия или трудящихся данной категории. В порядке исключения Совет может собираться ежедневно.

Печатание объявлений, отчетов, уведомлений о созыве совещаний

1. Общегородское собрание уполномоченных Турина постановляет признать газету «Аванти!» единственным ежедневным политическим органом рабочих области и добиться от нее предоставления места для печатания объявлений, отчетов и уведомлений о созыве уполномоченных. Собрание предостерегает от издания других ежедневных газет в интересах экономии средств.

2. Кроме того, собрание постановляет добиваться от всех пролетарских периодических органов публикации статей, пропагандирующих новые концепции. Ответы периодических изданий на поставленные уполномоченными вопросы должны быть зачитаны на ближайшем собрании.

(Без подписи; «Ордине нуово», 8 ноября 1919 года, № 25.)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ
В ИТАЛИИ И ЗА РУБЕЖОМ

ОТЕЧЕСТВО И ВЛАСТЬ

«Гадзетта дель пополо» публикует «приветы семьям, друзьям и невестам» от солдат 389-й пулеметной роты, вооруженной пулеметами «Фиат», которая входит в состав итальянского корпуса, действующего в Мурманской области против Советской республики. Тот, кто отрицал, что итальянские солдаты участвуют в антибольшевистском крестовом походе, может в этом убедиться: публикуются имена солдат с указанием их постоянного местожительства — Турин, Алессандрия, Тортонa, Карманьола, Казелле...

Почему же многие это отрицали, многие смеялись: «Итальянцы в России? Италия против России? Вот шуты, эти социалисты!.. Чтобы поднять шум, вызвать беспорядки, выдумывают какой-то итальянский экспедиционный корпус в России!»? Да, это именно так: солдаты из Алессандрии, из Турина, из Карманьола, из Казелле... Джузеппе Озелла, Анджело Феррарио, Винченцо Гай... Вот имена, принадлежащие живым людям, из плоти и крови, у которых есть родители, друзья, невесты в Пьемонте, в Лигурии, в Ломбардии... и которые защищают отечество за тысячи километров от его естественных границ, защищают свободу, независимость, безопасность отечества, подвергающегося угрозе со стороны красногвардейцев Советской республики...

Защищают отечество? Конечно, именно отечество. Тот, кто отрицал интервенцию итальянских войск в России, делал это по непониманию. «Франция, Англия — это понятно: они дали России кредиты, которые не могут полу-

чить обратно. Их интервенция — это нечто вроде наложения ареста на имущество с помощью привратника. Но при чем здесь Италия? Зачем ей это нужно?»

Да, это именно так; Италия действует таким же образом, как Франция и Англия: все трое защищают отечество; их солдаты — это не привратники, это воины, которые бесстрашно подставляют свою грудь под пули, ради спасения страны и родных и близких, там живущих.

Вмешательство Италии, бескорыстное, как и в 1915 году, является доказательством того, что Антанта по-прежнему воюет во имя самых высоких принципов.

Отечество... Сколько людей, столько и определений понятия «отечество», «родина». Итальянцы — народ идеологически отсталый — мыслят себе отечество в духе идиллических, патриархальных представлений: огородик, могила предков, пейзаж, знакомый с детства, невеста и сестра, которые могут подвергнуться насилиям варвара-врага...

Очевидно, что не это отечество защищают в Мурманской области и в Сибири. Конечно, не его защищали и в Крыму. И все же Кавур, непонятый Кавур, добивался временной экспедиции в Крым; а ведь Кавур — отец отечества, и битва на Черной речке имела такое же значение для Рисорджименто, как Сольферино и Сан-Мартино.

Соннино продолжает дело Кавура. Экспедиция в Мурманскую область — такой же дальновидный политический ход, как и Крымская военная экспедиция. Ибо отечество — это нечто большее, чем огородик и знакомый с детства пейзаж, чем невеста и набожная мать, которая прядет у очага: отечество — это правительство, это государство; отечество — это власть.

Таково капиталистическое отечество: это — власть в руках класса капиталистов, это — государство, управляющее общими делами класса капиталистов. Это отечество в опасности — нужно его защищать! Оно в опасности, потому что русские рабочие и крестьяне провозгласили свое отечество — отечество рабочих и крестьян, отечество, которое представляет собой государство класса пролетариев, диктатуру пролетариата, пришедшую на смену диктатуре буржуазии.

(Без подписи; «Аванти!» пьемонтское издание, 5 января 1919 года, №5.)

ТРИУМФ ВИЛЬСОНОВСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

В один прекрасный день в Италии было создано общество «Итальянское братство лиги свободных наций». В него вошли профессора университетов, преподаватели средних школ, депутаты, не принадлежащие к какой-либо политической партии, цвет мелкой буржуазии, которая не может организовать свою партию и каждые два года создает какое-нибудь «братство» — для борьбы за свободу торговли, с целью разрешения южного вопроса или создания Лиги наций. Лекции, полулегальные журналы, брошюры, ученийские труды и... кулачные схватки, вопли, свистки. Биссолати в Милане, Канепа в Турине, Сальвемини в Пизе... Шумный успех.

Г-н депутат Канепа, отпрыск почтенного и добропорядочного «Итальянского братства и т. д.», вчера утром в салоне «Амброзио» обратился с речью к туринской вильсоновской демократии. «Вильсон или Ленин?» Выбирай, о демократия, не будь больше буридановым ослом, вопрос стоит ребром! Демократия выбрала: предаваться буйному веселью, кричать, шуметь, не проявляя ни малейшего почтения к депутату и бывшему заместителю министра, который с трудом мог развивать свою мысль.

Или Вильсон, то есть Лига наций, или немедленное начало новой войны, а следовательно, революция, следовательно, большевизм во главе с Синей бородой — Лениным. Однако сейчас итальянская демократия не хочет подойти к делу серьезно; справедливость, право, мир — слова, которые министр иностранных дел вычеркнул из итальянского лексикона. Вильсон, которого все народы приветствуют как спасителя, является предметом насмешек в некоторых парламентах. Но что же происходит? Империалисты распоясываются: Франция хочет получить Саарский бассейн, Англия — весь мир, Италия — Далмацию. По «замечательному выражению» Вильсона, правительства не отваживаются дать народам возможность самим устанавливать мир. И так далее — сетования, жалобы, бесконечные упреки. И пугало: социалистическая партия, большевизм, Синяя борода — Ленин.

И демократия вопит, свистит и аплодирует — аплодирует, когда Канепа жалуется на империалистов других стран, вопит и свистит, когда он жалуется на наших империалистов; демократия аплодирует Канепа за то, что

он требует разоружения английского флота, освистывает Канепа за поддержку требования о разоружении постоянной армии в Италии. Какая милая семейка — эта итальянская демократия, как она прониклась духом пацифизма и вильсонианства! И у нее, у итальянской демократии, есть на это причины: она, итальянская демократия, хочет иметь свое «место под солнцем», хочет иметь богатства, иметь частную или государственную собственность, иметь порты, дороги, острова, чтобы монопольно эксплуатировать их и не страшиться большевизма. Гг. депутаты Канепа и Биссолати учили итальянскую демократию, что легко — легче легкого — управлять государством с помощью карабинов и пулеметов, что легко — легче легкого — добиться национального согласия и побеждать в войнах при помощи террора; а победоносная война не страшна: ведь войну ведут крестьяне и рабочие, которые не принадлежат к демократии! Демократия — это военные поставщики, торговцы, владельцы железоделательных и хлопчатобумажных предприятий, которые ведут войну в интересах национальной промышленности и торговли, поддерживая на высоком уровне моральный дух внутри страны.

Последнее оскорбление нанесла Канепа туринская демократия, когда она выдвинула из своей среды профессора Арнальдо Монти, чтобы он вступил в полемику и опроверг доводы Канепа, того самого Арнальдо Монти, профессора, который не дает уроков, а подбивает школяров на грубые выходки, Арнальдо Монти, которого, несмотря на его сходство с пономарем, зовут генералом Маннаджаларокка¹, Арнальдо Монти, туринского последователя Тита Ливия Чанкеттини из Рима. Арнальдо Монти поднимается на трибуну и напоминает о древних греках, о финикийцах, о Базилиоле, о Марке Гратике; на этом основании он считает, что Далмация должна быть итальянской. Канепа в отчаянии затыкает уши. Публика рада веселиться, но затем возникает суматоха. Профессор Монти отрицает, что фраза, которую процитировал Канепа, действительно принадлежит Мадзини. Канепа, взбешенный, вскакивает и снова цитирует на память: «Тот рукав озера Комо...»² Ах, нет: «Но от Фиуме, вдоль восточного берега

¹ Игра слов: *Mannagialarossa* — распроклятая крепость.— *Прим. перев.*

² Первая фраза романа Алессандро Мандзони «Обрученные». — *Прим. ред.*

Адриатического моря и т. д., преобладает славянский элемент и т. д.» Арнальдо Монти бледнеет: он читал учебники истории для гимназии, и у него не было времени прочесть Мадзини. Вопли, свистки, ругательства, крики «дой», «ура». Вмешиваются карабинеры и арестовывают одного гражданина, который истукпенно кричал, что нужно вспомнить о погибших солдатах, а не только об офицерах.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 13 января 1919 года, № 13.)

РОССИЯ И МИР

Постановление, принятое на мирной конференции относительно Российской советской республики¹, все еще комментируется на разные лады газетами Антанты. Если говорить об общем впечатлении, можно отметить распространенное в английской печати удовлетворение тем фактом, что при составлении этого специального постановления победили программа Вильсона и нестройные жалобы французской печати.

Однако эти комментарии буржуазной печати имеют относительную ценность. Их можно рассматривать лишь как замечания общего характера, дающие возможность судить, какой уровень политической культуры достигнут в кругах журналистов и в «компетентных кругах», которые руководят важнейшими течениями международного общественного мнения.

Проблема, поставленная в решении Парижской конференции,— это не книжная проблема истории культуры; это важнейшая проблема послевоенного устройства мира, это основной вопрос — вопрос о новой экономической и юридической форме человеческого общества, которое ищет нового равновесия для возобновления производства и обмена, и не только товаров, но и идей.

Возможно ли само по себе мирное сосуществование Советской республики и остального мира при сохранении в остальном мире политического господства имущего класса, который мыслит себе это господство как вечное? Можно ли каким бы то ни было образом сочетать международную деятельность Советской республики, социалистическо-

¹ Речь идет о предложении созвать конференцию на Принцевых островах. См. примечание на стр. 27 настоящего тома.

го государства, с деятельностью буржуазных государств, хотя бы в них и господствовал самый радикальный либерализм?

Мы не верим в это, даже признавая за парижским решением все сакраментальные вильсоновские качества — честность, искренность или чудодейственную силу. Невозможность заложена в самих вещах, в живой ткани экономики и общественных нравов: добрая воля политических деятелей может сгладить незначительные противоречия формального характера, может установить временные порядки в международных делах, заставив непокорных признать свое подчиненное положение в иерархии государств, но все это при том условии, что государства, которые входят в эту иерархическую систему и подчиняются одно другому, однородны по существу и по форме.

Советская республика, с одной стороны, и остальные государства — с другой, не однородны, поэтому между ними не может существовать согласия и единства. Как во всех странах пролетариат не может сотрудничать с буржуазией, не теряя своего значения исторической и духовной силы и не омрачая и не приводя к оскудению всю жизнь мира, так и Советская республика не может сотрудничать с буржуазными государствами, не может стать составной частью международной системы, в которой господствует капитализм, не отказавшись от своей исторической миссии, присущей ей с самого ее возникновения в силу ее прогрессивного развития.

Поэтому Парижское решение рассматривается как случайный эпизод международной жизни, который не может иметь долговечных юридических и исторических последствий.

Оно сможет привести к заключению соглашения, не отличающегося существенно от арбитража при споре между предпринимателем и коллективом рабочих, но не сможет привести к заключению союзного договора для постоянного сотрудничества. С уничтожением классов на подвластной ему территории русское государство превратилось в пролетарское государство, которое находится по отношению к капиталистическим государствам в диалектическом состоянии классовой борьбы.

На мировой арене Россия сотрудничает с международным пролетариатом, разделяет с ним надежды и горести, отзывается на все перипетии борьбы, которую ведет меж-

дународный пролетариат, для того чтобы овладеть политической властью и уничтожить классы в пределах отдельных капиталистических государств.

Парижское решение может привести к передышке в борьбе, но передышке только в военной области; однако опасность не исчезнет с прекращением военного натиска. Классовая борьба, происходящая между государствами, может иметь такие же последствия, как и обычная война. Проигранная стачка часто влечет за собой развал профессионального союза; побеждая в классовой борьбе между государствами, капиталистический мир может добиться гибели пролетарского русского государства в результате истощения сил.

Мир, означающий прекращение военных действий, не означает, следовательно, для Российской республики свободного развития коммунистической революции. Это свободное развитие обуславливается существованием в мире мощной пролетарской организации и ее развитием в противовес организации капиталистов. Российская Коммуна осуществляется с осуществлением социализма во всем мире, в развитии социализма она не намного опережает остальные государства мира и вступит на путь окончательной победы социализма тогда, когда в остальном мире пролетариат осуществит свою политическую диктатуру.

Парижская резолюция, поскольку она является реальным продуктом равновесия сил между классами, борющимися между собой в государствах Антанты, представляет собой эпизод, не имеющий самостоятельного значения; ее эффективность зависит от энергии пролетариата всех стран и от времени, которое потребуется, чтобы пролетариат пришел к власти в главных буржуазных государствах мира, чтобы «арбитражное соглашение» превратилось в постоянный «договор» и Советская республика вступила в тесное сотрудничество с остальным миром.

(Подписано: А. Г.; «Аванти!», пьемонтское издание, 27 января 1919 года, № 27.)

СТРАНА ПУЛЬЧИНЕЛЛЫ¹

Ежедневно официозные газеты того или иного безответственного и бесконтрольного паши из тех, которые со-

¹ Пульчинелла — одна из основных масок неаполитанской комедии, полишинель, итальянский «петрушка». — *Прим. ред.*

ставляют правительство Орландо, публикуют бюллетени о состоянии здоровья цензуры. Всего лишь позавчера газета «Пополо романо» («Римский народ») объявила:

«С живейшим удовлетворением мы узнали из самого надежного источника, что министром внутренних дел отдано распоряжение о том, чтобы цензура строго придерживалась последних декретов военного времени, избегая расширительных толкований, которые вызывают жалобы».

Новые распоряжения не приведут ни к малейшему изменению в положении дел: сохранится режим произвола, который в последние четыре года низвел «детей Рима» до уровня племени людоедов из страны Папуа.

Доктринеры конституционного права спорят, как сформулировать определение Итальянского государства. Является ли Итальянское государство парламентским, конституционным или абсолютистским? Или оно блестяще примиряет в едином синтезе (что является отражением крайнего практицизма, свойственного нашему народу) все лучшее, что есть в демократическом опыте других народов? Итальянское государство, пройдя через испытание войны, обнаружило, наконец, свою внутреннюю сущность: оно представляет собой государство Пульчинеллы, господство произвола, прихоти, безответственности, органически присущего ему беспорядка, порождающего в свою очередь еще более пагубный беспорядок.

В абсолютистских государствах существует только один самодержец, носитель суверенитета и власти. В стране Пульчинеллы самодержцы размножаются путем самозарождения. Племя статс-секретарей и помощников статс-секретарей — это питательная среда для самодержцев, каждый из которых действует, как ему вздумается: решает, отменяет свои решения, собирает, растрачивает, разрушает национальное богатство. Самодержцами являются префекты, супрефекты, квесторы, которые по собственному вкусу проводят унификацию мешанины распоряжений, циркуляров, декретов; цензоры, которые, будучи отобраны по принципу благотворительности, в видах обеспечения благопристойной старости банкротам журнализма и бюрократии, смекают, где зарыта собака (соннинианско-консервативная), и режут и уродуют «Аванти!» Каждый из них заботится лишь о том, чтобы на все время сохранить за собой свою хорошо оплачиваемую синекуру: посты генералов, комиссаров, полицейских. Каждый из

этих «слуг» исполнительной власти превратил сферу своей деятельности в сатрапию, независимую от общих законов, в государство в государстве, в котором злоупотребление и насилие составляют повседневную практику, которая ломает и разрушает традиции, безопасность, так называемые законные интересы, иерархические системы, основанные на чувствах и на власти, социальные отношения.

Мы переживаем критическую фазу процесса разложения капиталистического государства, которое вынуждено событиями развивать сверхнапряженную деятельность, в то время как оно неспособно к самой обычной деятельности; которое вторгается в сферу действий частной инициативы и вызывает только путаницу, беспорядок, задержку развития; которое провозглашает во всеуслышание свободу и порядок, а в то же время трепещет от любого слова, идущего вразрез с канонами, от любого принципиально-теоретического высказывания. Итальянское государство есть государство Пульчинеллы, где никто не управляет, потому что управляет бесчисленное множество безответственных лиц, где никто не занимается созидательной деятельностью, потому что невежды роятся вокруг жалований и синекур, где завтрашний день мрачен, потому что не существует общей организованной деятельности, которая развертывалась бы прямолинейно по известному пути. Это страна постоянного беспорядка, постоянной цензуры, постоянного осадного положения, несмотря на то, что отдельные декреты и распоряжения объявляют, подтверждают, повторяют, уведомляют, заверяют. Существует ли еще государство? Существуют ли еще общие законы? Существует ли еще власть, которой действительно удастся добиться повиновения подчиненных? Пульчинелла трепещет: он услышал шум, и смертельный ужас остановил его сердце, разорвал сухожилия, иссушил его мозг.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 30 января 1919 года, № 30.)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ, ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА СУДЬБУ СТРАНЫ...

«Г-н Антонио Саландра представляет сейчас на Парижской конференции Италию, итальянскую нацию как единое государство, имеющее тенденцию сохраниться и

в будущем, сохраниться на вечные времена; г-н Антонио Саландра представляет итальянскую нацию, которая живет в нынешнем поколении, получает право на существование от предшествовавших поколений и наложит отпечаток на жизнь последующих. Сейчас, на Парижской конференции, г-н Антонио Саландра — это не гражданин Саландра, депутат от Лучеры (Апулия), член той партии или буржуазного социального течения, которое называется либерально-консервативным и в парламенте соперничает с другими партиями или буржуазными социальными течениями, носящими самые разнообразные названия. Сейчас, в Париже, г-н Саландра — это Италия, воплощение идеи Италии, Италии прошлого, настоящего и будущего, бессмертной Италии,— идеи, соперничающей в Париже с другими национальными идеями ради того, чтобы обеспечить Италии место под солнцем, обеспечить ей условия для жизни, успешного развития и процветания. Сейчас, в Париже, решаются судьбы мира по крайней мере на полвека...»

Все это предрассудки, доктринерство, идеализм в духе простаков, считающих ворон. Г-н Антонио Саландра — депутат итальянского парламента, человек пристрастный, участник конкурентной борьбы, которому нужно добиться политического успеха, доверенный представитель определенных слоев итальянской буржуазии, стремящихся получить монопольное право представлять итальянское государство всегда, везде — в Риме, в Монтечиторио, в Аугустео, в Капитолии, в Париже, во время мирной конференции.

Вот почему г-н Антонио Саландра дал 5 февраля интервью газете «Матэн», чтобы ознакомить мир со следующими, до сих пор «неосвященными» моментами политической хроники, касающейся вступления Италии в войну:

1) 24 июля 1914 года г-н Саландра, председатель итальянского совета министров, был информирован секретарем австрийского посольства о ноте, отправленной из Вены в Белград. 25 июля г-н Саландра отправился во Фьюджи к г-ну Ди Сан-Джулиано. Как раз в тот момент, когда Государственный совет сообщал им текст австрийской ноты, вошел германский посол фон Флотов. Секретарь, находившийся у телефона, громко повторял сообщение из Рима. Саландра, Ди Сан-Джулиано, фон Флотов слушали. Фон Флотов был бледен. «Это, несомненно, вой-

на», — сказал он, а Антонио Саландра прибавил: «И, кроме того, это крушение Тройственного союза; эта нота означает конец нашего союза с Австро-Венгрией». Крушение Тройственного союза, но конец одного только союза с Австро-Венгрией.

2) Решение «Саландры» (он сказал: «наше») в этот момент было уже принято: «мы» не пойдем с Австрией.

3) 31 июля посол Франции Барер отправился к Саландре, чтобы «получить информацию». «Нас вам нечего бояться», — в истинно римском стиле сообщил ему Саландра.

4) Саландра выясняет мнение парламента, само собой разумеется, в частном порядке. Среди конституционных партий наблюдались глубокие разногласия и крайняя неуверенность. После полудня 10 мая Саландра решает подать в отставку, после того как он уже подписал 26 апреля Лондонский пакт, по которому Итальянское государство обязывалось объявить войну Австрии и Германии.

В этом месте интервью прерывается следующим сообщением «из авторитетного источника», помещенным «Матэн» в скобках:

5) «Как только король узнал о решении кабинета уйти в отставку, он имел беседу с Джолитти, который заявил королю, что нужно порвать обязательства, принятые перед Антантой. «У нас парламентский образ правления. Поэтому пусть ваше величество положится в этом деле на парламент. Если парламент не одобрит пакта, мы этим самым будем освобождены от данного нами слова». Г-н Джолитти не захотел, однако, взять власть в свои руки, чтобы разрешить эту задачу. Он обещал только помочь Саландре выбраться из затруднительного положения...»

Палее следует продолжение текста интервью.

6) После того как король консультировался с Маркора, Каркано, Бозелли и предлагал им формировать кабинет, он отказался принять отставку Саландры, санкционировал своей верховной властью действия правительства, и жребий был брошен.

Г-н Джованни Джолитти, после того как всему свету было недвусмысленно объявлено, что он советовал изменить Антанте, 6 февраля написал из Кавура письмо королевскому сенатору Альфредо Фрассати, опубликованное в «Стампе» 8 февраля. С целью «разъяснить» свое поведение Джолитти заявляет:

1) 1 августа 1914 года в Париже Джолитти сказал князю Русполи, который замещал посла Титтони, совершавшего в тот момент увеселительную поездку, что Италия должна объявить о своем нейтралитете в войне, так как, поскольку война была начата Австрией, Италия, по условиям Тройственного союза, не обязана вступить в нее.

2) По поводу этой беседы с Русполи Джолитти получил письмо от Ди Сан-Джулиано, датированное 3 августа, и письмо Саландры; они выражали удовлетворение и радость в связи с тем, что его интерпретация договора о Тройственном союзе согласуется с их интерпретацией.

3) Относительно беседы с королем в мае 1915 года Джолитти, сославшись на то, что «в том случае, когда политический деятель имеет честь разговаривать с монархом, его долг — сохранять максимальную сдержанность», ограничился заявлением, что «газета «Матэн» была очень неточно информирована».

4) Джолитти «узнал» о Лондонском пакте, заключенном 26 апреля 1915 года, только тогда, когда он был опубликован русским революционным правительством.

Сенатор Фрассати включил письмо Джолитти в длинную редакционную статью; как полемический прием это включение аналогично «вставке в скобках», сделанной газетой «Матэн». Сенатор Фрассати или один из его «служащих» (главный редактор «Матэн» называет «служащими» редакторов газеты) расцвечивает статью множеством афоризмов из области политической философии и заявляет, что, по его мнению, «относительно некоторых факторов в некоторые моменты подобает придерживаться добродетели молчания, чего бы это ни стоило». Мы восхищены «добродетелью молчания» сенатора Фрассати, который, говоря о Саландре, делегате Италии на мирной конференции, обвиняет его в некорректном поведении за то, что он сообщил «Матэн» о беседе короля с Джолитти, говорит о «дешевых приемах», о «плутовской проделке» о «ничтожности» Саландры, делегата Италии на мирной конференции. Мало того, Саландра был германофилом; «Стампа» напоминает, что Саландра 4 августа, через девять дней после того, как он заявил фон Флотову, что Тройственный союз рухнул, уговорил короля отправить под его (Саландры) ответственность, то есть под ответственность председателя совета министров, теле-

грамму австрийскому императору, в которой прославлялась мощь Тройственного союза.

Мало того, после смерти Ди Сан-Джулиано Саландра при назначении министра иностранных дел остановил свой выбор на Соннино, который с первого же момента был противником нейтралитета Италии и сторонником ее участия в войне на стороне центральных империй.

Мало того, Саландра заключил 26 апреля 1915 года Лондонский пакт, в котором устанавливалось непосредственное и категорическое обязательство сторон объявить войну Германии, а потом 10 мая заключил соглашение с Германией, проявив неискренность по отношению к Антанте, вызвав своим вероломством недоверие Антанты к Италии.

Благословенная добродетель молчания! Фрассати — итальянец, он считает, что на мирной конференции Италия «в настоящий момент перед лицом всего мира играет самой рискованной из своих карт». И кто держит в руках «самую рискованную из итальянских карт»? Соннино, который хотел войны против Антанты, и Саландра, «ничтожество», человек «дешевых приемов» и «плутовских проделок», «неискренний», «вероломный».

Джолитти и Фрассати — итальянцы, патриоты, но прежде всего они люди определенной политической ориентации, они представляют известные круги буржуазии, которые стремятся, конкурируя с другими ее кругами, представляемыми Саландрой, обеспечить за собой монопольное обладание итальянской государственной машиной, чтобы защищать свои экономические и политические интересы. Война, мир; полмиллиона погибших, на сто миллиардов лир уничтоженного имущества, но Саландра все-таки восторжествовал над Джолитти и монополизировал государственную машину для представляемых им кругов буржуазии. Мир — это счастье Италии в будущем, труд, спокойствие, жизнь сорока миллионов итальянцев; все это зависит, как нас уверяли, от той репутации, которую Италия создаст себе на мирной конференции, от доверия к ней, от заключенных с ней союзов. Но господа Джолитти и Фрассати объявляют итальянских делегатов неискренними и вероломными, лишь бы обеспечить за собой монопольное обладание итальянской государственной машиной. Все итальянцы вероломны — вот вывод, который можно сделать из бурной полемики между государствен-

ными деятелями, ответственными за судьбу страны. Монополия на государственную машину стоит войны, так же как стоит мира, стоит смерти, труда, достоинства сорока миллионов людей, зависящих от разнузданной конкуренции разных кругов буржуазии, которые алчно охотятся за частной собственностью, которые все приносят в жертву своим эгоистическим устремлениям, интересам своих клик, ненасытной жадности паразитов, живущих на теле сельского хозяйства или черной металлургии. Но на словах: «Италия — прежде всего»; так всегда и везде твердят и Саландра, и Джолитти, и Фрассати, играя в зловещую «карточную игру», в которой на карту ставится жизнь итальянского народа.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 10 февраля 1919 года, № 41.)

ПЕРЕМИРИЕ И МИР

Мир должен следовать за перемирием и завершать его; в перемирии уже содержится мир. Характер каждого явления определяется источником его происхождения, и поэтому «перемирие» должно заключаться в такой форме, чтобы оно могло наложить на характер «мира» свой особый отпечаток. Германия заключила перемирие на основе 14 пунктов президента Вильсона; она не капитулировала безоговорочно, но сдалась на условиях 14 пунктов Вильсона. Это было перемирие скорее политическое, нежели военное. Германия еще могла бы сопротивляться; она сдалась условно. Она спасла немецкое государство от всеобщей военной забастовки; в основном сохранила в неприкосновенности структуру государства (Эберт вместо кайзера, Шейдеман вместо Бетман-Гольвега¹, поправки, касающиеся формы, и никаких существенных изменений). Перемирие было политическим, мир тоже должен был быть политическим — вильсоновский мир, мир экономический, основанный на равновесии, на компенсациях, мир в рамках Лиги наций. У милитаристов отняли грандиозную победу: еще восемь дней, сказал Фош, и союзные войска

¹ Социал-демократ Эберт был первым президентом Германской республики; Шейдеман — тоже социал-демократ — первым председателем совета министров (рейхсканцлером), с 13 февраля до 21 июня 1919 года. Бетман-Гольвег был имперским канцлером во время войны до осени 1917 года.

взяли бы в плен 800 тысяч немцев. Какой реванш для республиканской Франции, родившейся из Седанского поражения! У Франции отняли возможность реванша, реванша шумного, театрально-эффектного, грандиозного: 800 тысяч немцев, которых можно было бы заставить многие и многие дни плестись длинной вереницей по дорогам страны,— зрелище, которое навек запечатлелось бы в памяти детей и подростков, наполнило бы мозг и сердце огромной, безмерной гордостью, подобной той, какая наполняла мозг и сердце немцев после Седана.

В Париже борются две концепции перемирия и мира. Вильсон приводит к повиновению и подчиняет своей воле, воле тесного блока англосаксонских стран — Соединенных Штатов и Англии — малые капиталистические страны мира. Карта мира должна быть картой, обеспечивающей свободу торговли, уничтожающей торговую монополию отдельных наций, чтобы открыть двери международной торговле капиталистического индивидуума, который является космополитом, не принадлежит к какой-либо одной нации. Лига наций — это капиталистический «город мира», в котором право гражданства принадлежит миллиардерам; Лига наций — это юридическая вывеска международной иерархической организации класса буржуазии при превосходстве индивидуалистов — англосаксов — над остальными буржуа, у которых еще сохранилось общество «семейного» типа, капиталистической инвестиции над мелким сбережением, портфеля над шерстяным чулком.

Вильсону-политику противостоит Фош-маршал; миру, обусловленному 14 пунктами, противостоит перемирие, которое заключено за счет отнятых у него «восьми дней». Борьба между двумя силами мировой буржуазии достигла кульминационной точки в пятницу, 7 февраля, на заседании Верховного межсоюзнического военного совета.

Мирную конференцию раздирают разногласия, и еще не решено, какая из двух сил возьмет верх. Неужели капиталистическое общество настолько дифференцировалось в своем прогрессивном развитии, что окончательно вступило в свою высшую стадию — стадию, когда индивидуум стоит даже выше государства, когда он становится гражданином Лиги наций?

Это покажет мирный договор; до тех пор, пока мир не заключен, Германия Эберта будет походить на... ягненка:

грубый пастырь хочет зарезать его, но овцевод удерживает пастыря, доказывая, что будет лучше, если ягненок станет овцой, дающей шерсть и потомство.

Но Германию Эберта можно назвать ягнёнком только метафорически. Если верить беспристрастному мнению, высказанному маршалом Фошем в пятницу, 7 февраля, на заседании Верховного межсоюзнического военного совета, Германия Эберта находится в таком положении, что могла бы 1 апреля призвать под ружье три миллиона солдат, возобновить военные действия и одержать полную победу над 1800 тысячами человек, которые с трудом могла бы наскрестить Антанта. 1 апреля! Если бы маршал Фош не был чудом серьезности и благовоспитанной сдержанности, можно было бы посмеяться и пошутить насчет 1 апреля. Но маршал Фош серьезен и сдержан. Маршал Фош рассуждает в соответствии с логикой военного перемирия, в соответствии с присущим каждому генералу убеждением в том, что, если относиться с уважением к идее военной дисциплины, нужно считать солдата за автомат. Маршал Фош имеет на своей стороне подавляющее большинство французских газет, этого фиктивного социального символа общественного мнения Франции; а подавляющее большинство газет уже предрешило, что мир должен быть миром того типа, на котором настаивает Фош,— со стратегической границей по Рейну, экономическим подчинением Германии, сотнями миллиардов денежных репараций и даже с принудительными работами 800 тысяч пленных немцев во Франции.

Возможно, что Германия Эберта готовится яростно сопротивляться против этого мира, сопротивляться вплоть до возобновления военных действий с тремя миллионами солдат против 1800 тысяч, которые Антанта могла бы им противопоставить к 1 апреля. Возможно, это так,— значит, «это так». Поэтому Фош хочет своего военного перемирия, хочет, следовательно, военного мира, хочет, чтобы было осуждено политическое перемирие Вильсона, чтобы был сорван мир Вильсона, англосаксонский мир Лиги наций с преобладанием крупной частнокапиталистической индустрии над мелкой семейной фабрикой.

В пятницу, 7 февраля, произошел кульминационный эпизод мирной конференции, и произошел он в Верховном межсоюзническом военном совете. «Дейли мейл» пишет, что маршал Фош изобличил Германию Эберта, ее

неискренность и отсутствие у нее доброй воли, разъяснил, какие события могут произойти 1 апреля, и потребовал, чтобы немцам были продиктованы новые условия: оккупация Рурского бассейна, включая Эссен, сдача всей артиллерии, сокращение численности немецких вооруженных сил до 25 дивизий, которые могут быть оснащены пулеметами и сохраняются для поддержания общественного порядка. Большинство французских газет комментирует и одобряет выступление Фоша, большинство итальянских газет комментирует и одобряет выступление Фоша.

Представился удобный случай выявить подлинные страсти, эгоистические устремления, аппетиты второстепенных наций. Мирная конференция проходила с опасной поспешностью: Вильсон и Ллойд Джордж, открыто блокируясь, навязали свою политику в отношении России, навязали английскую концепцию свободы морей, создали государство Хиджаз под английским протекторатом; Вильсон и Ллойд Джордж создали блок, который подчинил себе весь остальной мир в рамках организации государств, напоминающей, с конституционной точки зрения, буржуазное государство, расколотое на господствующий класс и класс пролетариев, но при «юридическом» равенстве лиц обоих классов. Подчиненные государства пытались в пятницу через посредство Фоша и пытаются в настоящее время через посредство газет оказать отчаянное сопротивление. Они хотят военного перемирия, хотят вооруженного мира; они чувствуют, что мир по Вильсону, мир миллиардеров, окажется гибельным для их «особых интересов», поставит их в неблагоприятные условия в свободной мировой конкурентной борьбе. Неужели должен быть силой власти положен конец царству мелкой буржуазии, неужели прошли времена общества «семейного» типа? На мирной конференции в узком кругу лиц совершается радикальнейшая революция, на которую способно современное общество, начинается процесс капиталистической унификации мира, организуемого в иерархию государств, формально-юридически равных между собой. Дуэль между Вильсоном и Фошем — это кульминационный момент грандиозного диалектического процесса; победа одного или другого решит вопрос о мире, решит вопрос о мировой коммунистической революции. Перемирие содержит в себе мир; перемирие по Фошу содержит в себе мир, основывающийся на подавлении, при котором мир еще

остается разделенным, при котором классовые отношения затемняются мелкобуржуазными национальными «инстинктами»; политическое перемирие содержит в себе мир по Вильсону с объединением капиталистического мира, которое возникает и растворяется затем в пролетарском Коммунистическом Интернационале, уравнивающем между собой классы и отдельных лиц на деле, а не только юридически.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 11 февраля 1919 года, № 42.)

РАЗЛОЖЕНИЕ И ГЕНЕЗИС

Глубокие конфликты и непримиримые противоречия, присущие экономической структуре капиталистического общества, приведя в движение даже самые глубинные и темные слои человеческой массы, бурно развернулись на поверхности истории. Можно сказать, что в этот период жизни мира не существует больше ни одного человека, которого не тревожили бы политические заботы, то есть человека, который не понимал бы и не чувствовал, что судьба каждого индивидуума зависит от формы национального государства, от формы международного равновесия, в соответствии с которой государства устанавливают свои взаимоотношения и подчиняются одно другому.

Это явление представляет собой самый важный элемент в процессе исторического развития цивилизации; это крайний предел исторических возможностей капиталистического класса, который уже выполнил свою миссию.

Все добро и все зло, которое могла совершить буржуазия, уже совершено. В настоящее время сумма злодеяний неизмеримо больше любого списка добрых дел, который любой, самый беспристрастный человек мог бы составить для надгробного слова в честь этой общественной силы, наиболее энергичной и деятельной из всех, которые когда-либо появлялись на протяжении медленно сменявшихся друг друга и постепенно тускнеющих в тумане прошлого тысячелетий истории человечества.

Картина международной жизни, в том виде, в каком она складывается в эти последние месяцы, создает впечатление страшной бури, разыгрывающейся среди развалин. Существовавший до сих пор мир рухнул, и метафора тем менее выглядит преувеличенной, что крушение произошло

одновременно во всем мире. Здание мировой цивилизации, создававшееся в ходе очень медленно развивавшегося процесса взаимной подгонки его составных элементов и частичных продвижений одних наций и империй за счет других, развалилось целиком.

Либеральные государства метрополии разлагаются изнутри, и в то же самое время разваливается система колоний и сфер влияния; этот процесс распада идет с головокружительной быстротой, которая ставит под угрозу самые глубокие жизненные основы человеческого общества: голод и эпидемии набросили на человечество свою мертвенную тень.

Производство материальных благ находится в состоянии застоя. В результате вызванного войной разрыва густой сети торговых связей между крупными центрами производства и потребления была сломана двигательная пружина всякой активности в промышленности и сельском хозяйстве. Никто не будет производить, не имея уверенности, что можно будет продать изделие, а если никто не производит и не продает, то никто и не покупает.

Отношения производства, вместе со всеми вытекающими из них социальными отношениями, отношениями классов, наций, континентов, приведены в полное расстройство. Вследствие этого вырвались на волю демонические силы, которые правящий буржуазный класс, исчерпавший свои интеллектуальные и нравственные резервы злоупотреблением своей властью в годы войны, уже не в состоянии обуздать и взять под контроль.

[Дальше 20 строк выброшены цензурой]

В международном классе рабочих и крестьян воплощена возрождающаяся молодость человеческой цивилизации. История — это вечность; зло не может взять верх, беспорядок и варварство не могут взять верх, пропасть не поглотит людей. Мир спасает себя сам, своими собственными силами; рождаясь среди горя и отчаяния, люди несут в себе нравственные богатства и способность к жертвам и неслыханным подвигам. Существующее общество — капиталистическое общество — разлагается, революция — коммунистическая революция — идет вперед семимильными шагами. Мертвый пытается заразить живого, но торжество жизни уже обеспечено и неизбежно, как судьба.

Формируется международный класс пролетариев, приобретают конкретную форму его идеалы и потенциальные силы. Это уже есть революция в действии, это уже есть новый строй, создающийся среди развалин, обломков и гниющих трупов.

[Дальше 20 строк выброшены цензурой]

Психология международного класса пролетариев изменилась. Катастрофически выросшая безработица, угроза голода, возникшая в результате упадка промышленности и торговли, сплавивают его ряды, побуждают его выработать новые формы общественной жизни пролетариев, которая...

[Дальше 9 строк выброшены цензурой]

...являющиеся жизненной школой, в которой воспитывается и приобретает сознание своей ответственности новый класс, который будет управлять судьбами человечества и впоследствии, в итоге самого быстрого процесса развития, отождествит себя со всем человечеством.

Мы отметим и изучим в этой хронике явления, показывающие описанный двойной исторический процесс, в результате которого общество разлагается и обновляется, умирает и возрождается из своих бесславных останков. Разложение либеральных государств, которые, стремясь защитить себя, идут на самоубийство, отрицая принцип свободы, коему они обязаны своим возникновением и развитием. Длительные и упорные усилия, которые предпринимают наиболее сознательные и исторически активные отряды мирового пролетариата, чтобы подготовиться...

[Дальше одна строка выброшена цензурой]

...восстановить сеть общественных связей, создать более широкое моральное единство мира, реализовать марксистские принципы коммунизма, построив федеративную республику...

[Дальше 2 строки выброшены цензурой]

(Без подписи; «Ордине нуово», 1 мая 1919 года, № 1.)

ИСПАНИЯ¹

Кризис, определяющий собой политическую жизнь Испании, начался 1 июня 1917 года преторианским мятежом комитетов («хунт») военной охраны, что послужило толчком к началу всеобщей революционной стачки, которая была подавлена в результате бойни, учиненной в августе того же года.

Под влиянием мировой войны отношения классов в Испании претерпели глубокие изменения: вследствие перехода национального богатства в руки новых богачей, спекулирующих на нищете и гибели своих сограждан, образовался новый класс собственников; вследствие появления огромной массы беднейших, не имеющих элементарной физиологической уверенности в завтрашнем дне, усилилась социальная напряженность; сформировался организованный революционный пролетариат, энергичный и дисциплинированный, выходящий из каждой битвы все более мощным и отважным.

С августа 1917 года Испанию контролируют и угнетают военные комитеты — безответственные организации преторианцев, которые действуют в масштабе отдельных местностей и озабочены лишь тем, как бы сохранить в неприкосновенности привилегии и особые права, которые они присвоили себе в минуту страха.

Государство не имеет больше никакой власти и не играет никакой роли: господство закона заменено произволом грубых, жестоких людей, которые считают, что сабля и погоны делают их компетентными во всех вопросах. Генералы выступают с угрозами, одобряют и осуждают работу правительств, которым не удается удержаться и развернуть систематическую деятельность из-за этого постоянного и провокационного вмешательства, лишаящего государственные институты всякого престижа и фактически ликвидирующего государственную власть: парламент, суд, государственные административные учреждения

¹ Эта заметка о положении в Испании, значительная часть которой была вырезана цензурой при ее опубликовании в «Ордине нуово» от 1 мая 1919 года, была вторично опубликована в пьемонтском издании «Аванти!» (номер от 6 мая 1919 года, стр. 2) под заголовком «Страна без государства» и с некоторыми дополнениями взамен отрывков, выброшенных цензурой. Мы воспроизводим текст, опубликованный в «Аванти!», помещая в квадратных скобках отрывки, выброшенные цензурой из «Ордине нуово».

вовлечены в орбиту всеобъемлющей активности милитаризма¹.

Таким образом, коллективная жизнь нации, даже формально, вышла из всяких рамок конституционности и переживает период потрясений (что делает невозможным в какой бы то ни было степени предвидеть ближайшее будущее), период уничтожения богатств и человеческих жизней, период жестокого беспорядка и варварского хаоса. Испания — страна без государства [она окончательно вступила в тот мрачный и катастрофический период, характеризующий распадом всех однородных общественных связей и полным разложением объединяющей различные слои людей политической дисциплины, на пути к которому находятся все капиталистические государственные организмы].

Реакция разных социальных слоев на подобные «порядки», сложившиеся в общественных делах, неодинакова и носит различный характер. Те слои имущего класса, интересы которых сосредоточены в определенных областях, создали антидинастические движения — движения за автономию Басконии и Каталонии, слабо маскировавшие желание судовладельцев, собственников рудников и промышленных предприятий (Каталония и Баскония — два самых богатых района Испании) вырвать из-под контроля находящейся в Мадриде казны централизованного государства преступные плоды военных поставок Антанте, освободиться от всех государственных налогов, и именно в то время, когда государство больше всего нуждалось в средствах, чтобы управлять страной, чтобы при помощи социального обеспечения и общественных работ залечить смертельные раны, нанесенные испанскому обществу разнузданной спекуляцией авантюристов промышленности и торговли.

Так имущий класс распадается под влиянием партикуляристских и эгоистических побуждений, разлагая и разрушая производство и политическую жизнь, в то время как пролетариат, на плечи которого ложится тяжесть экономических последствий беспорядка, формируется как самостоятельное действующее лицо, способное к сознательным и энергичным действиям.

¹ В этом месте один абзац был выброшен цензурой даже в тексте, опубликованном в «Аванти!».

Зреет классовое сознание, профсоюзное движение приобретает ошеломляющий размах и поразительное богатство духовного содержания, становясь первой и самой мощной из всех организованных в национальном масштабе и дисциплинированных социальных сил Испании.

Испанский «плебс», проникнутый индивидуалистскими настроениями, как и все группы людей, не имевшие за плечами печального опыта интенсивной эксплуатации со стороны промышленного капитала, подчиняется в рабочих профсоюзах такой дисциплине, которая ошеломляет и повергает в великую скорбь просвещенных поклонников романтической Испании цыганок, гитар и боя быков. В несколько месяцев испанский пролетариат совершил стоившее ему большого напряжения усилие, результат которого сказался во время самых последних событий: всеобщая забастовка в Барселоне была объявлена и осуществлена с поразительным единодушием, заставшим врасплох и устранившим имущие классы. Но наиболее показателен факт учреждения красной рабочей цензуры для обеспечения братской солидарности между трудящимися. Как только правительство приостановило конституционные гарантии и сообщило список вопросов, не подлежащих обсуждению в газетах, профсоюз печатников постановил ввести контрцензуру и запретил газетам публиковать сведения и высказывать суждения, которые могут подорвать революционную дисциплину рабочих: печатники отказались набирать сообщения, касающиеся частичного возобновления работы, актов саботажа, запугиваний со стороны правительства или хозяев, репрессий, проводимых полицией или войсками, и т. д.; постановления профсоюза о красной цензуре тщательно выполнялись даже неорганизованными печатниками клерикальных газет.

Рабочее движение, развивавшееся под влиянием столь неожиданных и ненормальных поворотов социальной борьбы, организовалось и нашло себе форму вне традиционных испанских революционных партий [оно решительно взяло курс на коммунистические Советы рабочих и крестьян и усвоило язык русских большевиков (кроме «Нуэстра палабра», испанские коммунисты издают «Эль совет» и «Эль максималиста»)].

Этот грозный порыв пролетариата вызывает новые отклики и новые изменения в умонастроении имущего клас-

са и в позиции узких политических группировок, непрерывно сменяющих друг друга у кормила власти.

Несколько месяцев назад казалось, что вся буржуазная Каталония отважно сплотилась против центрального правительства, которое опиралось на войска в борьбе против сепаратистской угрозы. Рабочие оставались равнодушны к вопросу об автономии, а правительство прельщало рабочих социальным законодательством и пыталось наказывать тех предпринимателей, которые, злоупотребляя общественным беспорядком и используя его, нарушали законы о трудовом соглашении и увольняли осмелившихся протестовать.

[Напуганные подъемом волны пролетарского движения верхушка буржуазии и промышленники вступили в союз с Комитетами военной охраны против рабочих и центрального правительства.] Буржуазия сама вооружилась. Уже в августе 1917 года члены самого аристократического мадридского клуба потребовали у министра внутренних дел разрешения стать «почетными полицейскими». Сейчас буржуазия вооружилась на регулярных началах, создав корпуса милиции «Соматен» («Будем начеку!»), действующие в союзе с военными комитетами и представляющие собой власть, которая действует в стране методами произвола и террора, мешает развиваться производству и выхолащивает и парализует деятельность государства.

Парламент был фикцией: он почти не созывался в течение всей войны; ни одно жизнеспособное правительство не могло выйти из недр парламента, в котором 400 депутатов разделяются на 22 клики, группирующиеся вокруг определенных лиц. Парламентская деятельность подменена непрерывным изданием законов, которые остаются мертвой буквой вследствие маразма, поразившего административный аппарат [и засилья преторианских групп «Соматен».

Образ мыслей испанских милитаристов хорошо виден из следующего эпизода. Военный губернатор Мадрида генерал Агилера, вызванный премьером Романонесом в тот момент, когда над столицей нависла угроза всеобщей забастовки, заявил о согласии подчиниться главе государства на таких условиях: «Каждый разряженный патрон должен означать одного убитого. Избивать жестоко, не разбирая пола. Нужно быть беспощадным по

отношению ко всем манифестантам — мужчинам и женщинам»].

Неограниченная власть, предоставленная неофициальным «защитникам собственности»¹, нашла свое выражение в происшедшем в [феврале убийстве револьверными выстрелами трех мальчиков-крестьян, севших на поезд без билета].

Неразрешимый конфликт между официальной государственной властью и государством военных комитетов и «Соматен» проявился во всей своей серьезности в падении кабинета Романонеса и приходе к власти кабинета Маура Ла Сьерва. Гражданский губернатор Барселоны господин Монтанес приказал было выпустить из тюрьмы организаторов рабочих профсоюзов, арестованных в связи с всеобщей забастовкой. Военные комитеты угрожали Монтанесу, что он будет убит, если не откажется от своего поста, возвратив предварительно в тюрьму освобожденных. Военные комитеты поддержал генерал Милан Дель Вош — военный губернатор: он послал Романонесу меморандум, в котором упрекал последнего, что тот не предоставил ему неограниченных полномочий, дающих возможность мобилизовать рабочих и заставить их выполнять принудительные работы. Кабинет Романонеса вышел в отставку; преторианцы из «хунт» наложили вето на образование кабинета с участием реформиста Мелькиадеса Альвареса и либерала Альбы; только кровавый кабинет Маура Ла Сьерва получил их одобрение.

[Он не может существовать в конституционных рамках. Пользуясь «доверием» безответственных сил, он не пользуется доверием парламента. Поэтому король разрешил распустить кортесы; избирательные собрания должны быть созваны немедленно. Но еще нельзя сказать, произойдут ли выборы: революционеры не будут в них участвовать, и это неучастие не будет носить мирного характера.]

(Подписано: А. Г.; «Аванти!», пьемонтское издание, 6 мая 1919 года, № 125.)

¹ В тексте «Ордине нуово» вместо слов «Неограниченная власть, предоставленная неофициальным «защитникам собственности» было «Защита собственности».

СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ

Международная коммунистическая революция, имеющая целью установить на территории разных народов федеративную республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, располагает следующими силами.

В Германии: союз «Спартак» или Германская коммунистическая партия.

В Великороссии: Коммунистическая партия большевиков, вожди которой являются народными комиссарами Российской Советской Федеративной Республики.

В немецкой части Австрии: Коммунистическая партия, которая уже завоевала бы государственную власть, если бы не угроза голода, нависшая над Австрией, и если бы не шантаж со стороны Франции. Франция не хочет объединения Австрии с Германией.

Коммунистическая партия Венгрии, вождь которой Бела Кун является народным комиссаром иностранных дел Венгерской Советской Федеративной Республики.

Коммунистическая партия Польши, образовавшаяся в результате слияния польской социал-демократии и польской социалистической партии.

Финская коммунистическая партия, значительная часть членов которой после свирепых репрессий белогвардейцев эмигрировала в Россию; в Москве находится ее Центральный комитет, секретарем которого является Сирола.

Коммунистическая партия Эстонии, вожди которой являются народными комиссарами Эстонской Советской Республики.

Коммунистическая партия Латвии; ее Центральный комитет, секретарем которого является Розин, находится в Москве.

Коммунистическая партия Литвы, вожди которой являются комиссарами Литовской Советской Республики.

Коммунистическая партия Белоруссии, вожди которой являются комиссарами Белорусской Советской Республики.

Украинская коммунистическая партия, которая организовала в России военные формирования украинских коммунистов и установила власть Советов во всей юго-западной России — от Крыма до Днестра. Советская Украина, заключившая союз с Советской Россией, объявила войну румынским боярам, которые натравливают разутых и голодных румынских крестьян и рабочих на Вен-

грию. Красная Армия перешла Днестр, и, по-видимому, вся Бессарабия стала советской. Председатель Украинского Совета Народных Комиссаров — товарищ Раковский, секретарь Балканской социал-демократической революционной федерации, бюро которой находится в Москве.

Чехословацкие коммунистические группы, руководимые товарищем Муна, который в свое время находился в плену в России.

Течение «тесняков» в Болгарской социал-демократической партии. В Болгарии коммунисты являлись инициаторами целого ряда революционных выступлений, подавлявшихся войсками Антанты.

Румынская социал-демократическая партия.

Левое крыло Сербской социал-демократической партии, вождь которой Кацлерович не может вернуться на родину.

Коммунистическое движение развивается во всей Югославии. В Боснии им руководят братья Джокич, в Сербии — товарищи Лапчевич, Кацлерович и Филиппич, в Хорватии — старый боец товарищ Радосевич. Югославские коммунисты должны были собраться на съезд в Броде 21 апреля; мы не получили информации о нем.

Левая социал-демократическая партия Швеции, руководимая товарищем Хеглундом.

Социал-демократическая партия Норвегии.

Датская группа «Классовая борьба».

Коммунистическая партия Голландии.

Коммунистические группы Бельгийской рабочей партии.

Группы и организации во французском социалистическом и профсоюзном движении, примыкающие к течению товарища Лорио.

Левые социал-демократы в Швейцарии.

Коммунистические группы и организации в социалистическом и профсоюзном движении Испании и Португалии.

В Англии: Британская социалистическая партия (особенно течение, представителем которого является Маклин); Социалистическая рабочая партия Англии; Индустриальные рабочие мира; Индустриальные рабочие Великобритании; революционные элементы рабочих организаций Ирландии.

Итальянская социалистическая партия.

Соединенные Штаты: Социалистическая рабочая партия; левые элементы Социалистической партии Америки (особенно течение, представителем которого является Юджин Дебс, и Лига профсоюзной пропаганды); Индустриальные рабочие мира.

Социалистические группы в Токио и Иокагаме, представителем которых является товарищ Сен-Катаяма.

Интернационал социалистической молодежи.

(Подписано: А. Г.; «Ordine nuovo», 15 мая 1919 года, № 2, рубрика «Международная политическая жизнь».)

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Враги пролетарских революций 1919 года составили реакционную коалицию, воспроизводящую в условиях современной Европы основные черты того соотношения сил, которое существовало в 1848 году после появления коалиции, образовавшейся против вспыхнувших в том году полупролетарских революций.

Пруссия по-прежнему остается опорой реакции: Шейдеман и Эберт показали себя слугами западных держав, не менее ревностными, чем прусские короли по отношению к царю. Прусская гвардия сначала в Берлине, а недавно в Мюнхене задушила коммунистическое движение за установление государства Советов¹.

В 1848 году реакционная коалиция была организована вокруг царской России; прусский король был верным вассалом русского императора, его верным орудием всюду, где он выступал как международный жандарм. Революции в Париже, Праге, Вене, Будапеште, Варшаве, Милане были тогда задушены — непосредственно или косвенным путем — русско-прусскими силами, контролировавшими южных славян. Пруссаки и хорваты утомили Прагу, хорваты утомили Милан, казаки утомили Будапешт. Из славянских народов революционными были только поляки и чехи; другие специализировались на подавлении революций.

¹ Вооруженные группы и отряды, возглавляемые реакционными офицерами, задушили в январе 1919 года движение «спартаковцев» в Берлине, убили К. Либкнехта и Р. Люксембург. Баварская советская республика пала в первых числах мая 1919 года.

Теперь, когда царская Россия пала и заменена Республикой Советов, современная коалиция организуется вокруг Франции. За исключением Пруссии, общая картина реакционного лагеря сегодня представляет собой симметрическую противоположность той, которая существовала в 1848 году. Франция, очаг революций, превратилась в оплот капиталистического консерватизма; Чехия и Польша стали ее вассалами вместе с Пруссией, Финляндией, Румынией. Польша препятствует установлению контакта между русскими Советами и прусскими коммунистами; Чехия и Румыния угрожают венгерским Советам. Исход пролетарских революций в Баварии, Венгрии и России зависит от быстроты, с которой коммунистические силы будут расти и парализовать (прежде чем завоевать ее) государственную власть в Пруссии, Румынии, Чехии и Польше.

Эта расстановка консервативных сил капитализма показывает, как глупо критиковать русских коммунистов за то, что они завоевали власть в то время, когда русская цивилизация еще не «созрела» для социализма. Глупо потому, что эта критика основана на утопической концепции одновременной революции во всем мире. На самом деле, если бы коммунистическая революция началась бы нормально — с революции в Англии, то есть в стране, которая достигла высшей точки в процессе развития капиталистического производства, — она была бы сразу же раздвлена Пруссией и Россией. Коммунистическая революция *должна была* вспыхнуть в России, чтобы иметь возможность укрепиться и расшириться с меньшими трудностями, чем где-либо в другом месте. Пролетариату Англии, Франции, Италии, несмотря на всю его организационную мощь, несмотря на все отвращение к войне, которое возбудили в нем пять военных лет, несмотря на всю его революционную сознательность, не удалось полностью воспрепятствовать войне против коммунистической России. Можно ли себе представить, чтобы русский пролетариат при царском или даже при буржуазном парламентском режиме смог воспрепятствовать войне против коммунистической Германии или коммунистической Англии? Россия — воистину мученица Интернационала: она искупает все наши слабости, все наши колебания, всю нашу хитроумную игру в побрякушки. Русский пролетариат открыл эру пролетарских революций и выдерживает обру-

шившийся на него бешеный натиск разъяренных демонов капитализма. Сколько бы ни сделал русский пролетариат ошибок, сколько бы ни совершил грехов, в которых его обвиняют клеветники, апологеты несгораемых шкафов,— рабочие и крестьяне Западной Европы не смогут забыть, что он переносит голод, ведет страшную войну на истощение, чтобы окончательно создать необходимые условия для победы коммунизма во всем мире.

(Подписано: А. Г.; «Ордине нуово», 15 мая 1919 года, № 2, рубрика «Международная политическая жизнь».)

ЕДИНСТВО МИРА

С подписанием Версальского мира и последующим заключением военного союза между Соединенными Штатами Америки, Англией и Францией завершился определенный этап в политической истории Италии. Глупость и бездарность тех людей, которые руководили Итальянским государством после начала европейской войны, принесли ядовитые плоды.

Внешняя политика объединенного Итальянского государства продолжала традиции внешней политики Пьемонтского государства, основание которой положили савойские герцоги в XVI веке, политики, носившей исключительно и цинично утилитарный характер и заключавшейся в постоянном лавировании между двумя большими группировками держав, оспаривавшими господство в Европе и во всем мире. Между Францией Бурбонов и Габсбургами, между Францией Наполеона III и прусскими Гогенцоллернами, которые стремились заменить Габсбургов в Германской конфедерации, между Францией — клерикальной или демократической республикой — и центральными империями.

Французские клерикалы и широкие демократические круги (см. памфлет Прудона против объединения Италии) выступали против создания рядом с Францией большой единой итальянской державы. Камилло Кавур искусно использовал тот момент, когда Наполеон III пытался превратить в опору своей династии торговые круги, недавно получившие доступ к власти, и добился помощи Франции в войне 1859 года. Когда Наполеон III при посредстве своей жены Евгении сблизился с клерикальными кругами Франции и усвоил традиционную французскую

политику, став, таким образом, противником объединения Германии и завершения объединения Италии, Савойская династия сблизилась с Пруссией и завоевала Венецианскую область. Заключением Тройственного союза она обезопасила себя как против контратаки Австрии, так и против всякой агрессии со стороны французских клериков или демократов; кроме того, благодаря Тройственному союзу она приняла участие в колониальной экспансии европейских великих держав.

С распадом Австрии и полным истощением сил Германии условия, в которых капиталистическая Италия могла жить и развиваться, исчезли. Миф военного времени — объединение мира в сообществе наций — осуществлен таким образом и в таких формах, какие могли осуществиться при режиме частной и национальной собственности: в виде монополии на весь земной шар, принадлежащей англосаксам и используемой ими в их интересах. Экономическая и политическая жизнь государств строго контролируется англо-американским капитализмом: все рынки, все сухопутные, морские и речные пути, земля и ее недра, вся совокупность средств производства и обмена во всем мире контролируются англо-американским капитализмом. Война за свободу народов, происходящая внутри государств,

[Дальше одна строка выброшена цензурой]

...зависимость государств и народов. Италия, как и другие государства мира, превратилась в пролетарское государство, то есть стала объектом эксплуатации со стороны англо-американского капитализма.

Это означает гибель суверенного и независимого государства; национальный капитализм низводится до положения вассала. Как рабочий не является независимым в промышленности, на заводе, так и итальянские капиталисты не являются независимыми в сфере государства, которое представляет собой как бы их завод потому что от него зависит их существование как капиталистов. Национальное государство умерло, превратившись в сферу влияния, в монополию иностранцев. Мир «объединен» в том смысле, что образовалась мировая иерархия, которая авторитарными методами организует и контролирует весь мир; произошла величайшая концентрация частной собственности, весь мир представляет собой один трест,

находящийся в руках нескольких десятков англосаксонских банкиров, судовладельцев и промышленников. Налицо все предпосылки победы коммунизма во всем мире; коммунизм представляет собой ближайшее будущее человеческой истории, и он принесет миру объединение не авторитарное, путем установления монополии, а добровольное, путем органического развития связей между нациями.

(Подписано: А. Г.; «Ордине нуово», 15 мая 1919 года, № 2, рубрика «Международная политическая жизнь».)

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Коммунистический Интернационал родился и развивается в результате пролетарских революций и вместе с пролетарскими революциями. Уже три пролетарских государства — Российская, Украинская и Венгерская советские республики — образуют его реальную историческую базу.

В письме к Зорге от 12 сентября 1874 года Фридрих Энгельс писал о I Интернационале, находившемся на пути к распаду:

«В течение десяти лет Интернационал господствовал над одной стороной европейской истории — именно той стороной, в которой заложено будущее, и он может с гордостью оглянуться на свою работу. Но в старой форме он себя пережил... Я думаю, что следующий Интернационал — после того как произведения Маркса в течение ряда лет будут оказывать свое влияние — будет чисто коммунистическим и провозгласит именно наши принципы»¹.

II Интернационал не оправдал надежд Энгельса; но теперь, когда закончилась война и когда у нас есть положительный опыт России, четко наметились контуры революционного Интернационала, Интернационала победоносного коммунизма.

Платформой нового Интернационала являются следующие основные тезисы, разработанные в соответствии с программой германского союза «Спартак» и Российской коммунистической партии (большевиков):

1) Современная эпоха представляет собой эпоху распада и крушения всей мировой капиталистической систе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 291.

мы, что будет означать крушение европейской цивилизации, если капитализм не будет уничтожен вместе со всеми его неразрешимыми противоречиями.

2) Задача пролетариата в настоящее время состоит в завоевании государственной власти. Завоевание власти означает ликвидацию государственного аппарата буржуазии и создание пролетарского государственного аппарата.

3) Эта новая пролетарская власть является диктатурой промышленного пролетариата и беднейшего крестьянства, которая должна быть орудием систематического подавления эксплуататорских классов и их экспроприации. По своему типу пролетарское государство представляет собой не лживую буржуазную демократию, являющуюся лицемерной формой господства финансовой олигархии, а пролетарскую демократию, которая на деле предоставит свободу трудящимся массам; не парламентаризм, а самоуправление масс через посредство избранных ими самими органов; не власть карьеристской бюрократии, а власть административных органов, созданных самими массами при реальном участии масс в управлении страной и в социалистическом строительстве. Конкретной формой пролетарского государства является власть Советов или сходных с ними организаций.

4) Диктатура пролетариата является орудием немедленной экспроприации капитала и уничтожения права частной собственности на средства производства, которые должны быть превращены в собственность всей нации. Обобществление крупной промышленности и ее организационных центров, банков; конфискация земель у землевладельцев и обобществление капиталистического сельскохозяйственного производства (под обобществлением понимаются отмена частной собственности, переход собственности в руки пролетарского государства и установление социалистического управления силами рабочего класса); установление монополии крупных торговых операций; обобществление больших особняков в городе и помещичьих усадеб в деревне; введение рабочего управления и сосредоточение экономических функций в руках органов диктатуры пролетариата — вот какова задача пролетарской власти.

5) С целью обеспечить защиту социалистической революции против внутренних и внешних врагов и помощь

национальным отрядам борющегося пролетариата необходимо полностью разоружить буржуазию и ее агентов и вооружить всех без исключения рабочих.

6) Сущестующая в данное время международная обстановка требует максимального контакта между разными отрядами революционного пролетариата, а также тесного союза стран, в которых социалистическая революция уже победила.

7) Основным методом борьбы являются действия масс пролетариата вплоть до открытой схватки с властями капиталистического государства.

Все международное пролетарское и социалистическое движение решительно поворачивает в сторону Коммунистического Интернационала. Все рабочие и крестьяне понимают — хотя зачастую и не совсем ясно, — что Российская, Украинская и Венгерская советские республики — это ячейки нового общества, осуществляющего все стремления и надежды угнетенных всего мира. Идея защиты пролетарских революций от нападений со стороны мирового капитализма должна стимулировать революционное брожение масс; в этом направлении нужны согласованные энергичные и одновременные действия социалистических партий Англии, Франции и Италии, которые могли бы остановить всякое наступление на Советскую республику. Победа капитализма Запада над русским пролетариатом означала бы, что Европа будет лет на двадцать отдана во власть самой свирепой и беспощадной реакции. Никакая жертва не может быть слишком велика, если благодаря ей удастся помешать такому исходу событий, если удастся укрепить Коммунистический Интернационал, который один только даст миру мир, основанный на труде и справедливости.

(Подписано: А. Г.; «Ордине нуово», 24 мая 1919 года, № 3, рубрика «Международная политическая жизнь».)

АМЕРИКАНСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Американская Рабочая партия прошла первое испытание на недавних выборах в Чикаго: она получила 50 тысяч голосов при 700 тысячах голосовавших. Это разочаровало тех, кто ожидал блестящей победы.

Политические силы Америки переживают процесс радикального обновления. Буржуазия объединяется: ис-

торические партии, Республиканская и Демократическая, уже имеют одну и ту же программу и рано или поздно сольются. Рабочие же, наоборот, разделены на несколько вполне определенных групп, и поэтому в течение некоторого времени они еще будут бороться разобщенно.

В американском рабочем движении можно выделить по крайней мере пять социальных групп:

1) Фермеры (владельцы мелких земледельческих хозяйств) и самые зажиточные арендаторы. Они являются классово-сознательными только в борьбе с крупными промышленными корпорациями (железнодорожными и транспортными компаниями), но их психология в основном — это психология собственника. Политически они могут быть представлены организацией типа «Лиги беспартийных», которая занималась бы вопросами местной кооперации и транспортных тарифов.

2) Движение тред-юнионов; оно медленно превращается в движение фабричных гильдий. Участниками его являются в основном квалифицированные рабочие. Цель их политических выступлений — контроль со стороны рабочих над промышленным производством. У них постепенно пробуждается классовое сознание.

3) Движение неквалифицированных рабочих, очень усилившееся во время войны. Его участники обладают сильно развитым классовым сознанием и революционной психологией. Их положение в промышленности всегда неустойчиво и неопределенно, поэтому они уделяют главное внимание ближайшему требованию — обобществлению промышленности местного и общенационального значения.

4) Меньшинство наемных рабочих, небольшое число фермеров и часть интеллигенции образуют революционное политическое движение, цель которого — установить социализм во всем мире. Большинство наемных рабочих примкнет к этому движению только тогда, когда революция уже начнется. Это движение имеет прежде всего воспитательные задачи: хранить в чистоте и пропагандировать идеалы международного социализма.

5) Рабочие, не имеющие постоянного места работы, те сельские труженики, которые находятся в более тяжелых условиях, и некоторые рабочие из числа наиболее эксплуатируемых, лишенные какой-либо собственности, дома, семьи, права голоса. Они и будут пополнять ряды

участников движения ИРМ, которые пренебрегают политической борьбой и настаивают на прямой экспроприации промышленности.

Создание Рабочей партии представляет собой прогресс в развитии классового сознания, поскольку она стремится организовать в национальном масштабе. Она может выполнить задачу установления связей между разными слоями рабочих, что укрепит пролетарскую солидарность. Для члена тред-юниона вступить в Рабочую партию — значит быть менее консервативным и более свободным от партикуляристских настроений; это громадный шаг вперед как в личном, так и в общественном плане. Но для социалиста, у которого уже есть классовое сознание, отказаться от принципов интернационализма во имя идей Рабочей партии, в известной степени проникнутой националистическим духом, — значит сделать шаг назад.

Поскольку Рабочая партия объединяет в рамках одной организации большинство трудящихся, расширяет их политический кругозор, прививает более широкое понимание солидарности, она может быть ареной, на которой социалистическая партия имеет возможность с большей эффективностью развернуть свою воспитательную работу, направленную на пробуждение революционного сознания.

(Подписано: А. Г.; «Ордине нуово», 24 мая 1919 года, № 3, рубрика «Международная политическая жизнь».)

ГОЛЛАНДСКОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Голландская социалистическая партия, которая в конце 1917 года насчитывала 27 093 члена и 455 секций, в конце 1918 года имела уже 37 628 членов и 595 секций, а к 1 апреля 1919 года число ее членов достигло 42 633 и число секций — 635. В профсоюзном движении наблюдается соответствующий прогресс: число членов Конфедерации профессий увеличилось с 129 000 на 1 января 1918 года до 159 000 на 1 января 1919 года и до 202 000 на 1 апреля 1919 года. Число подписчиков газеты «Фольк» выросло с 30 000 до 40 000.

Голландское социалистическое и пролетарское движение разделяется на три различных по своему характеру течения: реформисты во главе с Флигеном, Шапером и

Полаком; центр во главе с Трульстра, на словах занимающий революционную позицию, и коммунисты во главе с Вайнкопом.

На последнем партийном съезде, состоявшемся в Арнхеме 22—23 апреля, центр пополнил свои ряды за счет значительной части реформистской правой. Коммунисты имеют тенденцию пополнить свои ряды за счет центра. В Голландии обнаруживается то же самое явление, что и во всех рабочих движениях Интернационала: масса приливает в экономические и политические организации пролетариата; вследствие своей неопытности в борьбе она на некоторое время попадает в орбиту влияния революционеров центра, фразеология которых часто бывает более страстной и едкой, чем ясный и скромный язык коммунистов. Но уже после короткого периода ее идеологического роста совершается переход в ряды борцов за осуществление на деле идей коммунизма, складывается органическое и тесно связанное с жизнью сознание того, каков должен быть путь борьбы, по которому нужно идти, чтобы установить пролетарскую власть Советов; это сознание свободно от всяких демократических иллюзий и всякой фразеологии, лишенной конкретного революционного содержания.

(Подписано: А. Г.; «Ордине нуово», 24 мая 1919 года, № 3, рубрика «Международная политическая жизнь».)

ЭЙНАУДИ, ИЛИ О ЛИБЕРАЛЬНОЙ УТОПИИ

В «Нуова ривиста сторика» («Новое историческое обозрение»). Умберто Риччи предложил объединить в книгу бесчисленные статьи, с помощью которых профессор Луиджи Эйнауди в течение двадцати лет со страниц «Стампа» и «Коррьере делла сэра» просвещал итальянский народ насчет проблем нашей национальной экономической жизни. Мы присоединяемся к предложению Риччи и дополняем его: пусть руководство партии велит составить краткое изложение этой книги и распространяет его; это будет хорошим подспорьем для коммунистической пропаганды, документом, имеющим первостепенное значение для ознакомления с либеральной утопией.

Эйнауди войдет в историю экономической мысли как один из писателей, более других потрудившийся, строя на песке.

Исполненный серьезности, как ребенок, захваченный игрой, он тклет бесконечную ткань Пенелопы — ткань, которую жестокая действительность ежедневно распускает. Стойкий и неустрашимый, он все продолжает писать свои статьи, — в которых все дышит умеренностью, мудростью, терпением, — чтобы растолковать, разъяснить господствующему классу Италии, итальянским капиталистам, промышленным и сельскохозяйственным, в чем состоят их истинные интересы, побудить их действовать в соответствии с этими интересами. Странное, поразительное явление: капиталисты и знать не желают о своих истинных интересах, продолжают идти по своей кратчайшей, хотя и грязной и труднопроходимой дороге, вместо того чтобы твердо [придерживаться] магистрального [пути] неограниченной свободы торговли. И в результате писания Эйнаути превращаются в непрекращающееся оплакивание, тихое стенание, терзающее душу: «Ах, если бы это сделали! Ах, если бы парламент!.. Ах, если бы промышленники!.. Ах, если бы рабочие!.. Ах, если бы крестьяне!.. Ах, если бы школа!.. Ах, если бы газеты!.. Ах, если бы молодежь!..» В течение двадцати лет одна и та же элегия звучит от Альп до Лилибео, а люди не меняются, и ось экономической жизни совершает только самые незаметные перемещения, и коррупция, интриги, демагогический обман, шантаж, парламентское надувательство, бюрократическая косность остаются высшими руководящими принципами национальной экономической жизни.

Эйнауди — ярый противник марксизма, он не признает за Марксом ни одной заслуги; недавно в полемике с Бенедетто Кроче он отрицал даже ту чисто внешнего порядка заслугу Маркса, что его труды дали толчок исследованию экономики при изучении истории. Для Эйнаути Маркс не является научным деятелем, не является ученым, который систематически берет за отправной пункт для своих выводов изучение реальной экономической жизни. Для него это жонглер, оперирующий вымышленными понятиями, акробат дилетантизма. Его положения произвольны, его доказательства софистичны, его документация однобока.

Однако реальное историческое развитие доказывает правоту Маркса; положения Маркса неизменно осуществляются, в то время как наука Эйнаути трещит по всем

швам и либеральный мир разваливается в Англии с более страшным треском, чем где-либо. Правда состоит в том, что либеральная экономическая наука имеет лишь видимость серьезной науки, и представление, что она строго придерживается данных опыта, — не что иное, как иллюзия, основанная на поверхностном впечатлении. Она изучает «факты» и пренебрегает «людьми»; исторические процессы рассматриваются ею как процессы, регулируемые вечно неизменными законами, внутренне присущими экономической действительности, которая мыслится в отрыве от общего исторического развития цивилизации. Производство и обмен товаров становятся здесь самоцелью; они превращаются в абстрактную систему строго определенных и самодовлеющих чисел, которую люди могут «расстроить», но не могут предопределить и наполнить живым содержанием. Вообще эта наука — схема, план, предопределенный свыше, путь, предначертанный провидением, абстрактная и математическая утопия, которая никогда не имела, не имеет и не будет иметь никакого отражения в исторической действительности. Ее последователи по всему своему психическому складу напоминают священнослужителей: вечно жалуются, вечно недовольны, потому что темные силы мешают им построить град божий в этом грешном мире.

Они обвиняют Маркса в абстрактности, утверждая, что его теория прибавочной стоимости не подчиняется требованиям строго научного метода. А требования строго научного метода в их понимании сводятся к определенной жесткой схеме, в которую должна укладываться всякая подлинно научная доктрина. Маркс проводит сопоставление между капиталистической экономикой и коммунизмом — сопоставление, на их взгляд, произвольное, потому что коммунизм — это пустая, беспредметная гипотеза. Но разве либеральная экономика не является сопоставлением между действительностью, находящейся в противоречии с этой наукой, и схемой, начертанной в догматическом соответствии с доктриной? Где существует совершенное либеральное общество? Когда в истории человечества оно было создано? А если оно не было создано, не значит ли это, что оно не может быть создано, что оно имеет характерные черты утопии? Но оно придет, говорят его приверженцы. Давайте работать, будем терпеливы, не станем волноваться: темные силы зла будут

развеяны, истина воссияет перед очами заблудших и развращенных людей. Между тем война уничтожила все завоевания либеральной идеологии. Свободы, экономической и политической, уже нет во внутренней жизни государств и в международных отношениях. Государство выступило в своей основной функции — как орган, распределяющий богатства между отдельными капиталистами; политическая конкурентная борьба из-за власти прекратилась с устранением парламентов. Бюрократия выросла, став более тяжелым грузом и более серьезной помехой. Милитаризм, который, согласно либеральной экономической науке, является непроизводительной силой, превратился в самое мощное средство накопления и сохранения прибыли, осуществляемого посредством ограбления хозяйства других стран и установления белого террора в своей стране. Во всех отраслях деятельности усиливается монополия, подчиняя весь мир эгоистическим интересам нескольких англосаксонских капиталистов.

Схемы либерализма потерпели крах; принципы марксизма проводятся в жизнь. Коммунизм — это цельный, последовательный гуманизм: он изучает в истории как экономические силы, так и духовные, изучает их в их взаимосвязи, в диалектическом процессе, который является результатом неизбежных столкновений между классом капиталистов, представляющим собой преимущественно экономическую силу, и классом пролетариев, силой по преимуществу моральной, между консерватизмом и революцией. Демагогия, обман, ложь, продажность, царящие в капиталистическом обществе, не являются его второстепенными и случайными особенностями, они тесно связаны с беспорядком, разнузданной игрой грубых страстей, жестокой конкуренцией — с условиями, в которых и благодаря которым живет капиталистическое общество. Они не могут быть уничтожены, пока не уничтожена система, их порождающая. Проповеди, поощрения, нравоучения, рассуждения, наука, все «если бы...» бесполезны и смешны. Капиталистическая частная собственность разрушает все отношения, в основе которых лежит общая польза, делает людей слепыми и затемняет их сознание. Стремление к личному обогащению всегда в конечном счете берет верх над любым добрым побуждением, над всеми возвышенными идеалами, над любыми высоконравственными проектами. Чтобы нажить сто тысяч лир, морят голодом

целый город, чтобы нажить миллиард, уничтожают двадцать миллионов человеческих жизней и материальные ценности стоимостью в два триллиона лир. Жизнь людей, завоевания цивилизации, настоящее, будущее находятся под постоянной угрозой. Эта рискованная игра, эти вечные авантюры, может быть, и могут удовлетворить людей с дилетантским подходом к жизни и тех, кто может спасти себя и своих близких, но огромная масса людей превращается из-за этих авантур в рабов, и она организуется, чтобы завоевать освобождение, чтобы получить возможность обезопасить жизнь и цивилизацию, видеть будущее, работать и создавать ценности ради благосостояния и счастья, а не для авантур и разврата. Вот почему развитие капитализма, неизбежным результатом которого явилась разрушительная война, привело к созданию громадных пролетарских организаций, которые скрепляет единая мысль, единая вера, единое желание — коммунизм, осуществленный при помощи государства рабоче-крестьянских Советов, представляющий собой, по мысли Карла Маркса, цельный, последовательный гуманизм, — коммунизм, который торжествует над всеми абстрактными якобинскими схемами либеральных утопистов.

(Подписано: А. Г.; «Аванти!», пьемонтское издание, 25 мая 1919 года, № 144.)

ПОЛИТИКА ИНТРИГ

«Англия не глупа. Поскольку ее территория является собственностью лордов, поскольку ее население увеличивается, а сама она представляет собой остров, она бросила свой народ в бездонную пропасть промышленности. Англия сделала промышленником и торговцем мира. Ее крепости прикрывают ее мануфактуры, а ее пушки — ее ткани, ей нужны потребители во что бы то ни стало.

Она не боится либеральных стран, и притом не потому что она их любит или предпочитает всем остальным, она не боится их в том смысле, что, пока свобода народов и деспотизм князей борются между собой, промышленность этих стран чахнет, и от этого выигрывает промышленность Англии; и если потом свобода в содружестве с порядком дадут возможность народам вздохнуть полной грудью, Англия великолепно сумеет найти какого-ни-

будь претендента (видит бог, у нее нет недостатка в них), чтобы выдвинуть его на авансцену, внести в страну смятение и парализовать возрождающуюся деловую жизнь. У Англии никогда не было и никогда не будет другой роли. Это фатальный и постоянный закон, вытекающий из ее положения. Индустриализм — это тяжелый груз на ее ногах. Каждый пароход, который выбрасывает из своей топки клубы дыма, каждый локомотив, который катится по рельсам, каждый водяной двигатель, установленный на водопаде, пуск каждой машины, предназначенной для обработки железа, стали, меди, хлопка, конопли, шелка, каждый кусок ткани, который ткется, отбеливается или красится, каждый национальный рынок, куда не допускаются английские товары, каждое торговое судно, которое грузится или находится в плавании, каждая торговая контора, учреждаемая на берегу моря, каждая флотилия, наблюдающая, чтобы не было контрабанды, равносильны для Англии оскорблению и даже объявлению войны».

Эти слова были написаны в 1848 году («Pamphlet sur l'indépendance de l'Italie» — «Памфлет о независимости Италии» Де Карменена) по поводу интриг английского государства против итальянской революции. Их можно повторить теперь применительно к интригам английского государства против русской революции; с английским государством теперь вступили в союз и объединились Франция, Соединенные Штаты и Италия. Они тоже влачат груз индустриализма. Для них тоже жить — значит производить разрушения в чужом доме, процветать — значит поддерживать беспорядок в чужом доме, их богатство зависит от нищеты других. Найден и претендент — авантюрист, бандит с большой дороги, адмирал Колчак. Если Колчак будет убит, видит бог, найдутся и другие претенденты: Деникин, Краснов, Дутов, Семенов и другие, ныне безвестные, которые завтра будут домогаться, чтобы их признали единственными людьми, способными восстановить в России священную собственность.

Но теперь положение изменилось: теперь от мира в России, в Венгрии, в Германии, мира, который может дать только коммунистический строй, зависит жизнь во всем мире, жизнь в самом прямом и элементарном смысле слова. Этого не сознают и не могут сознавать ка-

питалисты, это сознают пролетарии. Помешать победе реакции в России — значит спасти жизнь европейской цивилизации, значит спасти жизнь людей Европы.

Победа реакции в России не может быть прочной; она привела бы лишь к тому, что в России начался бы мрачный и смутный период кровавой и страшной внутренней борьбы, в течение которого в России никто бы не работал, не производил материальных ценностей, не участвовал в жизни мира. Может быть, это выгодно для немногих капиталистов, которые держат в своих руках власть в государствах Запада, но для народных масс это означало бы верную гибель. Эту истину понимают английские, французские и итальянские рабочие; но они недостаточно хорошо ее понимают. Они смутно представляют себе опасность, но движение против государств, которые хотят задушить русскую революцию, не настолько сильно и глубоко, насколько нужно, чтобы устранить опасность. Если в России, в Германии, в Венгрии не наладится хозяйственная жизнь и не будут производиться материальные блага, то не наладится жизнь и не развернется производство также и в Англии, во Франции и в Италии, объем производства будет недостаточен для того, чтобы могла жить вся существующая в настоящее время масса рабочих. Бедствия, которые сейчас обрушиваются на массу рабочих и изнуряют их тело и дух, объясняются тем фактом, что Германия и Россия не участвуют в мировом производстве. Эти бедствия примут катастрофические размеры, если реакция победит в России и вслед за тем укрепится в Германии. Это будет означать удешевленную безработицу, дороговизну, выросшую до максимальной степени, физиологическое ослабление и нравственное оупение, будет означать, что доведенная до одичания масса окажется в руках капиталистов, которые будут косить ее из пулеметов, а у нее не будет больше достаточной энергии, чтобы как следует ответить на это.

Это означает медленную, бесславную смерть, смерть старой, лишившейся зубов собаки. Это в порядке вещей с точки зрения истории капитализма; такое крушение человеческой цивилизации наступит, если рабочая масса не даст вовремя отпор преступным деяниям взбесившихся капиталистов, которые ради спасения имущества нескольких лиц приносят в жертву постоянные и жизненные интересы всего человеческого общества. Признание Колчака

Антантой, использование богатой и совершенной военной техники армий Запада для вооружения его бандитов, его победоносный поход на Москву означали бы, что в жизни Европы лет на двадцать наступит мрачный период, что во всем мире будут выпущены на волю дикие звери — варварство, голод, отчаяние. Никакая жертва, принесенная для того, чтобы предотвратить эту катастрофу, не может быть слишком велика, никакие самые высшие проявления народного героизма не могут быть сочтены чрезмерными в сравнении с грандиозностью этой цели.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 29 мая 1919 года, № 148.)

ЖЕЛАНИЕ РАБОТАТЬ

Контроль над промышленностью ускользает из рук капиталистов. «Личность» капиталиста с каждым днем оказывается все более вредной для производства, ее влияние на социальную жизнь — все более разрушительным.

Те итальянские, английские и французские газеты, которые защищают интересы несгораемых шкафов, развернули на «мадзинистский» лад кампанию, имеющую целью убедить рабочих в необходимости вновь придать производству интенсивный ритм, характерный для довоенного времени. Они уже убедились, что один из самых важных факторов, влияющих на производство, — это наличие у рабочего *желания работать*; они патетически скорбят по поводу того, что такое *желание* ослабло, уменьшилось, дают этому явлению все новые и новые объяснения, чувствуют свою неспособность устранить это зло, и увещевают, и морализируют, и читают проповеди в евангельском духе. Капиталистический волк надел шкуру козленка и блеет, подобно агнцу св. Иоанна.

Прогрессирующее уменьшение производительности труда рабочих весьма сильно проявляется в английской промышленности: ввиду значения, которое промышленное производство Англии имеет в мировой экономике, это уменьшение становится одним из важнейших явлений международной политической жизни, одним из наиболее заметных симптомов разложения мировой капиталистической системы.

До сих пор капиталисту удавалось «заставить» рабочих работать — прямым путем (угроза увольнения, уменьшение заработной платы) или косвенным — путем использования конкуренции в качестве стимула (сдельная оплата труда, премии и т. д.). Терпеливая организационная работа сломала это отточенное оружие капиталистов: рабочие создали огромные объединения и положили конец царству конкуренции на рынке рабочей силы. Промышленники стремятся к монополии на мировом рынке товаров; организации трудящихся устанавливают монополию на рабочую силу. «Свобода» капиталиста урезывается и ограничивается; его всемогущество на фабрике и его способность к конкуренции на мировом рынке уходят в прошлое, как старая бутафория. Это важнейший момент промышленной и политической революции; это первый мощный удар, который производитель наносит в заплывшую жиром спину паразита-предпринимателя, чтобы выгнать его с фабрики, чтобы завоевать себе независимость, экономическую и политическую свободу. Наступил критический и опасный момент. Капиталист не может уволить рабочего или снизить ему заработную плату; он кусает локти, он содержит наемных писак, подвигающихся на поприще журналистики и либеральной экономической «науки» и заставляет их сотрясать воздух неистовыми филиппиками против тирании организаций или, при большем коварстве, не слишком убедительными «научными» доказательствами существования опасностей, надвигающихся на цивилизацию по вине демагогов, которые толкают рабочий класс в пропасть, и т. д. Но все напрасно: авторитет рабочих организаций растет, «научные» доказательства либеральной экономической науки оказываются напыщенной и пустой фразеологией, потому что не имеют больше связи с социальной действительностью, претерпевшей решительные революционные изменения. Даже если рабочий не работает, даже если рабочий не производит материальных благ, капиталист не может отделаться от него.

Как можно разрубить этот гордиев узел? Путем изгнания капиталиста с фабрики, завоевания власти пролетариями и установления советского строя. Уменьшение желания работать со стороны рабочих связано с их более активным участием в политической жизни, с ростом у них чувства ответственности перед обществом и историей. Невозможно работать, когда тебе приходится пребывать

в постоянном беспокойстве, ожидая каких-то действий со стороны буржуазного государства, когда тебя снедает тревога, что темные интриги находящихся у власти плутократических клик могут снова ввергнуть народы в пучину войны, когда сжимается сердце и шумит в ушах от гула орудий, который доносится из пролетарской России, защищающей свои свободы и свое будущее от жестокой агрессии международной реакции. В этих условиях невозможно работать, совершенно невозможно заниматься мирным трудом: нервы напряжены до предела, локоть крепче прижимается к локтю; начинается мрачный и мучительный период беспокойства, недовольства, смутного брожения, характеризующийся внезапным возникновением забастовок, не имеющих конкретной цели, и спорадическими вспышками восстаний.

В Англии уменьшение производительности труда проявляется особенно сильно на шахтах: шахтеры — это та категория английских рабочих, которая активнее всего выступала против интервенции в России, та категория рабочих, которая с наибольшим упорством и сплоченностью добивается осуществления коммунистической цели — изгнания капиталистов из промышленности. Это явление распространилось на промышленность всего мира. Подсчитано, что в 1919 году английской угольной промышленностью будет добыто на 73 миллиона тонн угля меньше, чем в 1913 году; иными словами, уменьшение добычи равно средней величине годового экспорта угля из Англии. Национальная и интернациональная структура англосаксонского капитализма дает зловещие трещины: или экспорт будет продолжаться, и потребуются уменьшить снабжение углем заводов и потребителей в Англии, или же экспорт будет запрещен, в результате чего произойдет крах промышленности зарубежных стран, зависящей от английского угля, что будет иметь гибельные последствия для самой Англии. Во всяком случае, себестоимость имеет тенденцию к опасному росту, а конкурентоспособность — к уменьшению. Это конец капиталистической системы и политической экономии, базирующей свои положения и свои выводы на представлении о вечном существовании священной частной собственности; это триумф пролетарской организации и критического коммунизма. Миру нужны возрастающее производство, напряженная, лихорадочная работа; рабочие и крестьяне вновь обретут способ-

ность и желание работать только тогда, когда фигура капиталиста будет устранена из промышленности, когда производитель завоюет себе экономическую независимость на заводе и в поле и политическую независимость в государстве Советов рабочих и крестьянских депутатов.

(Подписано: А. Г.: «Ордине нуово», 7 июня 1919 года, № 5, рубрика «Международная политическая жизнь».)

ВОЙНА КОЛОНИЙ

В докладе, сделанном на V съезде Алжирской социалистической рабочей партии, который состоялся в Константинополе в 1902 году, есть такие слова, обращенные к французским капиталистам: «Если вы объявляете себя неспособными выполнять эту работу (повышать нравственный уровень, обучать, развивать сознание и способности местного населения), если вы обнаруживаете свое бессилие, мы вправе вас спросить, для чего вы пришли в эту страну и не обосновались ли вы там просто для того, чтобы заменить турецких сборщиков налогов французскими».

Это отношение местных жителей к метрополиям получило свое дальнейшее и крайнее развитие во время войны. За войной между империалистами капиталистических стран вскоре последовало восстание колоний против империалистов-победителей. Во время войны колонии подвергались неслыханной эксплуатации, производившейся тем беспощадным, бесчеловечным способом, какой мог быть изобретен только в эпоху такой блестящей цивилизации, как цивилизация капиталистическая. У туземцев в колониях отбирали последний кусок хлеба; продовольствие, сырье — все это выкачивалось из колоний, чтобы поддерживать способность к сопротивлению в народах воюющих стран метрополии. Капиталистический пресс действовал безукоризненно: миллионы и миллионы индийцев, египтян, алжирцев, тунисцев, жителей Тонкина погибли от голода и эпидемий вследствие опустошений, произведенных в убогом колониальном хозяйстве европейской капиталистической конкуренцией. Как мог индийский или египетский крестьянин спорить из-за цен с английским, французским или итальянским государством? Рис, пшеница, хлопок, шерсть скупались для нас, европейцев; крестьянам в колониях приходилось питаться травами и кор-

нями. Они должны были выполнять самую тяжелую барщину, чтобы наскрести ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть, они изнывали от голода, свирепствующего в Индии подобно бурным и неукротимым стихийным бедствиям. Вот уже несколько лет, как мы, европейцы, живем за счет гибели цветных людей; бессознательные вампиры, мы питаемся их кровью, кровью безвинных. Как в романе Бальзака блюдо риса, которое дымится перед нами, привилегированными людьми, несет в одном из своих зерен, подобных герметически закупоренным лотерейным билетам, смертный приговор одному из наших далеких братьев по человечеству.

Ныне пламя восстания полыхает во всем колониальном мире: это классовая борьба цветных людей против белых эксплуататоров и братоубийц. Это грандиозный и неудержимый порыв к самостоятельности и независимости целого огромного мира — мира, богатейшего в духовном отношении. Восстанавливаются связи, приводящие к сплочению племен, единство которых, казалось, было окончательно уничтожено в результате господства европейцев: так, Турция, извлекая пользу из своего поражения, вновь приобретает престиж и как бы озаряет мир отраженным светом; анатолийский пастух для миллионов и миллионов людей значит больше, чем манчестерский ткач; султан пользуется большим уважением, чем ливерпульский судовладелец. Броневики, танки, пулеметы — это чудодейственное средство в применении к темнокожим арабским и индийским крестьянам. Но капиталистический гнет гораздо смертоноснее современного оружия: он обрекает детей, женщин, стариков на медленную, неотвратимую смерть от голода и отчаяния. Вот почему эти невозмутимые цветные люди не боятся аэропланов, пулеметов и танков: они хотят завоевать самостоятельность, чтобы задушить свирепого вампира, питающегося их кровью и плотью.

(Подписано: А. Г.; «Ордине нуово», 7 июня 1919 года, № 5, рубрика «Международная политическая жизнь».)

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЛНА

Международная реакция идет в поход против русской Коммуны. На площадях и улицах всех стран мира расположилась лагерь революция.

Британское имперское правительство, уже бессильное обуздать рабочее движение в самой Англии, которое идет вперед медленно, но верно и неудержимо, подобно массивному и по-черепаши медлительному, но воинственному гиганту, видит, как возникают неисчислимые силы, выступающие против всей обширной империи. В Ирландии нужно сохранять военную оккупацию. В Канаде забастовки промышленного пролетариата ясно показывают, что их целью является установление власти Советов. Закаспийские большевистские красные войска достигли границ Персии и Афганистана и контролируют те узловые пункты, в которых пересекаются дороги, идущие в Индию, Туркестан, Малую Азию. С помощью методов убеждения, гораздо более действенных, чем немецкие методы, они пробуждают в мусульманских народах стремление к восстанию против христианских торговцев-эксплуататоров. Афганские войска грозят вторгнуться в Индию, вновь разжигая пламя восстания в Пенджабе и в области Ганга.

Во Франции классовая борьба вырывается за обветшалые рамки «священного единения», буря забастовок охватывает крупнейшие отрасли промышленности, в то время как армия содрогается от грозных вспышек мятежей.

В Германии, после того как обещания торгашествующих и политиканствующих поборников мирного завоевания парламентского большинства оказались несостоятельными, коммунизм выступает как единственная историческая сила, способная победоносно сражаться с империализмом Антанты в плане классовой борьбы и избавить немецкий народ от разрухи и рабства.

В Европе, Азии, Америке, Африке растет народное возмущение против корыстолюбия и империалистической политики капитала, который продолжает порождать противоречия, конфликты, уничтожать человеческие жизни и материальные ценности, которому мало крови и бедствий пяти военных лет. Борьба идет в международном плане: революцию нельзя уже ни укротить заклинаниями демократических шутов, ни задушить с помощью потерявших совесть наемников.

(Подписано: А. Г.; «Ордине нуово», 7 июня 1919 года, № 5, рубрика «Международная политическая жизнь».)

ИТАЛИЯ И РОССИЯ

Воюет ли Италия с Советской республикой? Есть ли у итальянских рабочих и крестьян непосредственные «национальные» мотивы для движения солидарности с рабочими и крестьянами России?

Да, Италия ведет войну с рабочими и крестьянами России, хотя никакого торжественного объявления войны не было. Итальянских солдат послали на Мурманское побережье и в Сибирь, чтобы они в нарушение всех человеческих правил убивали русских рабочих и крестьян. Итальянское государство удерживает в распоряжении адмирала Колчака далматинский отряд чехословацкой армии, отряд, который недавно, по мнению реакционных английских газет, «покрыл себя славой», пытаясь с чисто итальянским пылом ликвидировать прорыв линии фронта царских банд омского правителя, произведенный советской Красной Армией.

Да, итальянских рабочих и крестьян побуждают к участию в движении солидарности с рабоче-крестьянскими республиками не только их интернационалистские воззрения, но и мотивы национального характера, поскольку они — «суверенный народ», поскольку они — «граждане». Итальянское государство вступило в войну, не получившую одобрения законных представителей итальянского народа. Во имя этой войны оно готово пролить кровь своих граждан, пожертвовать богатствами и престижем своей страны. Если бы итальянский народ не состоял из рабов государственной власти, из людей, не обладающих сознанием своей политической ответственности, все итальянские граждане должны были бы сплотиться вокруг пролетариата в движении протеста; в стране свободных людей немислимы такие явления, когда правительство может распоряжаться кровью и богатствами нации по своему произволу, не получив полномочий, не получив согласия парламента.

Пролетариат еще раз показывает, что он является неусыпным блюстителем жизненных и постоянных интересов нации, единственным оплотом основных свобод нации. Но движение пролетариата не может быть только и чисто политическим: политические манифестации, показывающие, что пролетариат является представителем большинства нации, должны сопровождаться социальным движе-

нием, которое надлежит вести с помощью методов и тактики, присущих трудящемуся и эксплуатируемому классу. Внесенное шведскими крайними левыми предложение о революционной контрблокаде стран, ведущих войну против советских республик, касается именно этого социального движения; генуэзские моряки показали пример в этом деле. Долг рабочих машиностроительной промышленности и рабочих-транспортников (грузчиков, моряков и железнодорожников) узнавать через компетентные органы (фабрично-заводские комиссии и профессиональные организации) о назначении продукции, с которой они имеют дело, и отказываться от изготовления и перевозки товаров (боеприпасов, продовольствия, почты, технических материалов), предназначенных для отправки в Архангельск, в Мурманскую область, в Эстонию, в Чехию, в Румынию, на Кавказ для Деникина и в Сибирь для Колчака. Рабочий контроль над производством и обменом будет радикальнейшим (вследствие своего постоянного характера) средством, с помощью которого рабочий класс спасет советские республики от коварных и вероломных сил реакции, которые хотят предательскими методами уничтожить их.

(Без подписи; «Ордине нуово», 14 июня 1919 года. № 6 рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

СВОБОДА

Кто не работает, тот не ест. Вот уже пять лет, как в Италии работают не для того, чтобы жить, а для того, чтобы уничтожать; пять миллионов людей, наиболее здоровых и трудоспособных, принуждены год за годом разрушать, убивать, опустошать. Фонд материальных ценностей, существующий в стране в качестве экономического резерва, используемого в целях компенсации разрушительного влияния войны, исчерпан; деньги обесценились в соответствии с потерянным рабочим временем, произведенными разрушениями и невозможностью восстановить в течение сколько-нибудь определенного времени фонд материальных благ, необходимый для нормальной жизни. Данное явление носит серьезный характер именно потому, что оно не дает возможности предви-

деть его дальнейшее развитие, что оно имеет тенденцию продолжаться бесконечно; мобилизация продолжает удерживать огромные массы людей вне сферы производства; по-прежнему работа, производство разворачиваются в масштабах, недостаточных для обеспечения жизни общества. И существует угроза голодной смерти.

Экономисты, прислуживающие владельцам несгораемых шкафов, изобрели волшебное лекарство от всех недугов — свободу. Экономистов занимает производство само по себе, экономиста как таковая, как замкнутая цепь причин и следствий вне связи с жизнью людей, с их смертью. Свобода торговли «сама по себе» дает толчок развитию производства, способствует возрастанию суммы материальных благ, но в настоящий период она убивает людей. Сумма благ, существующих в настоящее время на земном шаре, может быть достаточна для спасения людей от голодной смерти лишь в том случае, если эти блага будут распределяться поровну, если государство будет лимитировать цены на них и будет определять их назначение.

Свобода означала бы, что богачи имеют возможность захватить в свои руки большую часть продуктов потребления и, следовательно, полностью лишать этих продуктов массы бедняков; чем более мрачным и необеспеченным будет будущее, тем более широкий и ужасающий характер будет приобретать это явление — монополизация товаров. Свобода торговли сейчас, при нынешнем состоянии мировой экономики, означала бы голодную смерть пятидесяти процентов обитателей земного шара. Выжили бы не те, кто работает, а только те, у кого есть частная собственность и кто может вложить в закупку продовольствия, одежды, обуви, мыла, белья и медикаментов огромные суммы денег.

С абстрактной точки зрения либеральные экономисты правы, а практически их деятельность преступна. Поэтому мы говорим, что политическая экономия полностью обанкротилась, так же как полностью обанкротилась система частной собственности, на незыблемости которой политическая экономия базирует свои доказательства. Для того чтобы спасти род человеческий от ужасов голодной смерти, принцип «кто не работает, тот не ест» должен быть применен своеобразным путем: в государстве нового типа, основой деятельности которого являлась бы не частная собственность, а труд, которое организовывало бы снаб-

жение и распределяло продовольствие и предметы потребления по труду, а не по человекоубийственному и антиобщественному принципу «свободы».

(Без подписи; «Ордине нуово», 14 июня 1919 года, № 6, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

ГРАБЕЖ

Если бы мы не знали слишком хорошо наших католических пташек, нас могли бы удивить красные перышки, которые они распускали на Болонском съезде¹. Социалисты-большевики обречены на то, чтобы играть самую жалкую роль и превратиться, как утверждал с обычной для него наглостью (качество, которое признают за ним все, кто знает его) г-н Мильоли, в консервативную «партию центра». К счастью, на крайне левом фланге окажутся католики; именно они будут побуждать «социалистическое правительство ближайшего будущего осуществлять реформы социального и морального характера».

Социалистическая программа уже около столетия волнует пролетарские массы, которые не нуждаются в возбуждающих средствах клерикального происхождения, тем более, что последние, наоборот, всегда представляют собой болеутоляющее и дурманящее зелье. Весь исторический смысл католического социального движения заключается сейчас в необходимости, с точки зрения буржуазии, чтобы какая-то партия порядка, не слишком скомпрометировавшая себя во время войны, выполняла в Италии, как и везде, функцию посредника между пролетариатом, который любой ценой стремится взять в свои руки бразды правления в обществе, и правящими классами, которые не хотят их отдавать.

Если бы в Италии существовала умная либеральная буржуазия, которая по доброй воле или под давлением пошла бы навстречу требованиям пролетариата, если бы ее сознание было достаточно развито для того, чтобы она могла сформулировать носящую примирительный характер программу социального переустройства, и особенно если бы у нее были средства для ее осуществления, существование католического социального движения больше не имело бы смысла. Но, поскольку над так называемыми

¹ Речь идет о первом съезде «народной партии», состоявшемся в Болонье 14—16 июня 1919 года.

руководящими классами властвует и ими руководит глубокое и неизлечимое противоречие между какой бы то ни было преобразовательной деятельностью и реальным состоянием нравов и экономики, которое сейчас с каждым днем обрисовывается все более ясно, католики пытаются ввести государственный корабль в тихую гавань, взяв на себя выполнение его задач и присвоив его авторитет. Но Болонский съезд ни единым словом, если не считать неопределенных формул, заимствованных из программы-минимум и даже программы-максимум социалистического движения, не намекнул, какими средствами можно поддерживать равновесие между стремлениями масс и возможностями, которыми располагает капиталистический режим для их удовлетворения. Теперешняя действительность трагична: пассив, тяготеющий над обществом, может быть восполнен только путем такой мобилизации богатств, которая возможна лишь при коммунизме. Причина, по которой мы не мешаем католикам кричать и избивать из себя крайне левых, такова: чем скорее они одержат верх в политической борьбе, происходящей в Италии, и добьются власти (чего мы и желаем), тем скорее груз действительности задавит их своей тяжестью. Ограбив социалистическую программу, они готовят несъедобную мешанину; но драматический конфликт между мертвым прошлым и живым будущим, конфликт, в котором первое из них стремится задушить второе, противоречие между разрушением и восстановлением могут быть разрешены только в таком историческом синтезе, в результате которого будет полностью отсечено все мертвое и развязаны все силы живого,— в коммунистическом обществе.

(Без подписи; «Ордине нуово», 21 июня 1919 года, № 7, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

ГОЛОСА С ПОЛЕЙ

Почти рядом с католиками собрались в Болонье крестьяне. Демонстрация пролетарских сил оказалась внушительной: «теория красных знамен» привела в возбуждение даже благочестивого клерикального быка. Одной из причин победы фрондистских тенденций на съезде «черных» и успеха делегата от Сорезины, которого первый день не пустили в зал, а на второй день пригласили

войти и оказали ему триумфальные почести, является, по нашему мнению, то впечатление, которое произвели на католиков крестьяне-социалисты. Потому-то Мильоли грубо возразил Криспольти, известному болтуну: «Вы, маркиз, с вашими идеями попробуйте-ка организовать крестьян!» Но католическое социальное движение, стремящееся удовлетворить требованиям, которым должно отвечать движение, вербующее своих последователей среди крестьян, именно вследствие этого своего приспособленческого характера (смелые слова, но убогое содержание — оппортунизм) обречено на то, чтобы уступать дорогу социалистическому движению по той причине, что социалистам, чтобы организовывать крестьян, вовсе не нужно «приспосабливать» свои идеи, потому что эти идеи являются естественной базой любого профсоюзного движения независимо от того, где оно разворачивается: среди рабочих или среди крестьян. Федерация работников земледелия, насчитывающая в своих рядах 400 тысяч членов, должна еще пройти большой путь развития: ведь огромные массы крестьян остаются еще вне всякого профсоюзного движения. Федерация имела наибольший успех на равнинах Эмилии, и даже естественно, что ее центром стал тот район, где социальная структура сельского хозяйства почти автоматически создает ей сторонников. Но в центральной, южной и островной частях Италии есть еще много областей, где умная и настойчивая пропаганда задач профсоюзов и социалистической партии может принести такой же успех. Вопрос о национализации земли, который крестьянский съезд широко обсудил во время дискуссии по докладу Чиккотти, может стать действенным средством быстрого проникновения в те слои масс, которым до сих пор не уделяли внимания или предоставляли становиться жертвой интриг нескольких политиков. В результате работы руководителей Федерации работников земледелия и сознательного и активного содействия всех итальянских социалистов эта Федерация должна принимать все более «национальный» характер и распространять крепкую сеть своих организаций на все наши села, повсюду готовя таким образом кадры для нового строя.

Без подписи: «Ордине нуово», 21 июня 1919 года, № 7, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

КОЛЧАК И ОРЛАНДО

Г-н Орландо вместе с господами Ллойд Джорджем, Клемансо, Вильсоном и Макино подписали дипломатический документ о признании правительства адмирала Колчака. Подпись Орландо означает, что «итальянский народ» является ныне союзником авантюриста Колчака, палача, вешающего сибирских рабочих и крестьян, что «итальянский народ» находится в состоянии войны с Российской республикой Советов рабочих и крестьянских депутатов. Подпись Орландо означает, что «итальянский народ» дает японскому правительству полномочия организовывать армию и отправить ее на Урал, чтобы привести адмирала Колчака как победителя в Москву, свергнуть Советскую власть, вешать, расстреливать, отправлять в изгнание и высылать в Сибирь как можно больше коммунистов.

Официозные газеты объявили, что через месяц ни одного итальянского солдата не останется на русской территории. Но после признания итальянским правительством царского омского правительства это заявление потеряло всякую цену: признание омского правительства равносильно объявлению войны русскому народу. Тот факт, что война будет вестись не непосредственно итальянскими солдатами, что ее будут вести японцы, отнюдь не освобождает итальянское государство от страшной ответственности, которую оно взяло на себя в результате акта г-на Орландо. Итальянское государство оказывает политическую и моральную поддержку борьбе реакции против пролетариата в России; вина за кровь, которая прольется в этой позорной войне, падет и на итальянский народ, если он не снимет с себя всякой ответственности за действия председателя Совета министров.

Между тем в Италии вновь началось повышение цен на предметы потребления; реальная заработная плата стремительно упала. Не хватает сырья, продовольствия. Италии больше, чем любой другой стране, нужно установление в мире подлинного мира, немедленное восстановление торговых связей с рынками сырья и продовольствия.

Италия кровно заинтересована в том, чтобы положение русского советского правительства упрочилось, чтобы Красная Армия была демобилизована и ее солдаты вернулись бы к труду на полях и на заводах, чтобы зерно из собранного в России урожая могло быть привезено в порты Черного моря и продано нам, чтобы в горнорудный

и каменноугольный Донецкий бассейн снова пришли рабочие и чтобы мы могли купить сырье, необходимое для восстановления нашей промышленности. Орландо объединяется с Англией, Америкой, Францией и Японией, чтобы разжечь в России новую ужасную войну, которая на неопределенное время отрежет Россию от мировых торговых связей. Он согласен на то, чтобы Соединенные Штаты продолжали держать в своих руках монополию на хлеб и устанавливали на продовольствие монопольные цены; на то, чтобы Франция и Англия держали в своих руках монополию на каменный уголь и железо; на то, чтобы Япония подчинила своему контролю горнорудные и сельскохозяйственные ресурсы Сибири.

Вся деятельность Орландо направлена к тому, чтобы разрушить итальянскую экономику, уморить с голоду итальянский народ, отдать итальянский народ во власть международной финансовой олигархии, для которой авантюра Колчака — это только выгодная биржевая игра на хлебе, на угле, на железе и лесе. Совпадение движения против интервенции в России и движения против дороговизны не только внешнее. Капитализм создал экономическое и политическое единство мира, централизовал торговую, производственную и политическую деятельность, сосредоточив ее в руках нескольких финансовых пиратов, которые гнусно злоупотребляют своей громадной властью и распоряжаются сегодня судьбой и жизнью «цивилизованных» народов, как распоряжались вчера судьбой и жизнью негров.

Орландо — депутат, срок полномочий которого истек год назад, министр, ответственный перед палатой, срок полномочий которой истек год назад, человек, не имеющий другой власти, кроме той, которая порождена осадным положением и ежедневным применением насилия, — присвоил себе право признать власть человека, который представляет только верхушку международных финансистов, чья пагубная деятельность несет голод и отчаяние итальянскому народу. По словам Орландо, он берет на себя всю ответственность за свои действия; когда уголовные дела будут решать не такие суды, как теперь, у гражданина Витторио-Эмануэле Орландо попросят отчета о его личной ответственности за голод, страдания, смерть, которые его деятельность принесла итальянскому народу.

(Без подписи; «Ордине нуово», 21 июня 1919 года, № 7.)

ГЕРМАНИЯ И МИР

Немцы представили контрпредложения относительно условий мира. Своим общим характером они не отличаются от договора, который навязала Германии Антанта. Брокдорф-Ранцау, Шейдеман, Эберт по образу мыслей мало чем отличаются от Клемансо, Орlando, Ллойд Джорджа, Вильсона. С такого рода руководителями Германия будет побеждена на дипломатическом поприще, как она была побеждена на военном. Но поражение Германии при выработке условий мира будет означать поражение немецкого пролетариата, поражение немецкого народа, и будет означать, следовательно, поражение всех пролетариев, всех народов мира. Правительство Эберта должно будет подписать договор, должно будет скрепить своей подписью поражение немецкого народа; Либкнехт мог бы отказаться, он не побоялся бы нового наступления победителей на Берлин, он мог бы воззвать к солидарности товарищей во всем мире. Так сделали Ленин и Троцкий после Брест-Литовска, и миллион немецких рабочих восстал против военной касты, положив начало процессу развала германского колосса. По какому праву могли бы взывать к солидарности убийцы Либкнехта и Розы Люксембург, эти Галиффе Берлинской Коммуны? В самом деле, убив двух героев революции, задушив с помощью гранат, авиационных торпед, огнеметов Берлинскую Коммуну, немецкие социал-демократы большинства пытались убить мировую революцию, погубили единственную надежду на спасение, которая имелаась у немецкого народа. Версальский договор направлен в основном против немецких трудящихся: Англия, Франция и Италия не хотят, чтобы в Германии разворачивалась работа и развивалось производство, и они лишили Германию ее рынков сырья, лишили немецких пролетариев всяких возможностей иметь работу и заработную плату и сломали движущую пружину всякого экономического и гражданского прогресса немецких рабочих.

Противоречия между Антантой и Германией не носят более военного и империалистического характера; это классовые противоречия между капитализмом Антанты и германским рабочим классом, и эти противоречия могут быть разрешены только при условии применения методов и тактики классовой борьбы, при поддержке немецкого

пролетариата со стороны международного пролетариата. Движение «спартаковцев» означало осознание этого явления и представляло собой силу, способную бороться за достижение цели — спасти немецкий народ от порабощения и варварства путем мировой революции. Социал-демократы большинства уничтожили «Спартак» и тем самым отдали немецкий народ в рабство Антанте; они пытались задушить революцию, отдалили день освобождения всех народов, создав для немецкого народа и для всего мира положение, из которого можно выйти только ценой нового кровопролития, новой резни и новых разрушений.

(Подписано: А. Г.: «Ordine nuovo», 21 июня 1919 года, № 7, рубрика «Международная политическая жизнь».)

ЗАБАСТОВКИ В КАНАДЕ

На примере революционной забастовки канадских рабочих можно проследить процесс изменения психологии англосаксонского пролетариата.

Непосредственной причиной забастовки был конфликт отраслевого характера — между владельцами сталелитейных заводов Виннипега и Союзом рабочих-металлургов и между хозяевами строительных компаний и Союзом рабочих-строителей; металлурги требовали восьмичасового рабочего дня и признания принципа коллективного договора, строители — признания их организации и увеличения заработной платы.

Чтобы сломить сопротивление промышленников, металлурги Виннипега обратились за помощью к другим рабочим союза и немедленно получили ее: 13 мая бастовали все рабочие Виннипега — 30 тысяч человек.

Стоимость жизни в Канаде была высока; исключительно высока она была в Виннипеге. Рабочие и полупролетарии были раздражены поведением федерального правительства, которое не желало принимать никаких мер, чтобы уменьшить чудовищные прибыли предпринимателей и понизить среднюю стоимость жизни.

Вот почему существовала солидарность между различными категориями трудящихся, вот почему трудящиеся преодолевали отраслевые перегородки, которые в англосаксонских странах превращают рабочий класс в систему отдельных отрядов, топчущихся на месте, не

имеющих связи друг с другом, совершенно изолированных друг от друга. Во время всеобщей забастовки было достигнуто и формальное единство; канадский рабочий класс превратился в политическую силу, сознающую свою мощь и свою историческую миссию, которая состоит в революционной борьбе против институтов буржуазно-демократического государства, неспособных разрешить наболевшие проблемы социальной жизни.

Работа прекратилась сразу: телеграфное и телефонное сообщение было прервано, городские трамваи остановились, газеты перестали выходить. Рабочий комитет взял на себя руководство движением, и только некоторым предприятиям — тем, от которых зависит снабжение населения продовольствием, — разрешил продолжать работу.

Крупные промышленники и все те, кто заинтересован в сохранении капиталистического беспорядка, объединились и создали свой комитет для подавления забастовки. Полисмены приняли участие в движении; комитет защиты денежных сейфов пытается побудить ассоциацию ветеранов великой войны осудить забастовщиков как революционеров-большевиков; власти обратились к отставным солдатам с призывом пополнить ряды четырех виннипегских полков; но ветераны на открытом собрании выразили свое сочувствие рабочему движению, и ни один из них не ответил на призыв властей.

По всей Канаде между промышленными рабочими, сельскохозяйственными рабочими и солдатами устанавливается изумительное единодушие. В Манитобе делегация ветеранов войны, рабочих и сочувствующих рабочему движению является в парламент и требует отставки правительства; премьер-министр Норрис отказывается сложить свои полномочия, и делегация с помощью толпы захватывает здание парламента; два раза в течение одного дня (2 июня) ее прогоняют, но она снова переходит в атаку и овладевает зданием.

Мощное революционное брожение разворачивается в недрах рабочей массы Канады. Традиционная форма тред-юнионистской организации оказалась неспособной создать дисциплину, необходимую для новых форм классовой борьбы. Промышленники создают вооруженные союзы, в которых все подчинено единой цели; демократическое государство отказалось от своего мнимого нейтра-

литета и мобилизовало все свои силы для разгрома рабочего движения. Этой централизации капиталистических сил вокруг государства и комитетов защиты несгораемых шкафов необходимо противопоставить мощную концентрацию революционных сил; трудящийся класс должен сплотиться в one big Union (единый большой союз), в один большой профсоюз, в соответствии с тактикой, которую всегда отстаивала организация ИРМ. В англосаксонских странах осуществить это революционное единство огромных организованных масс — значит победить в борьбе.

(Подписано: А. Г.; «Ордине нуово», 21 июня 1919 года, № 7, рубрика «Международная политическая жизнь».)

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СВОБОДЕ

С приходом министерства Нитти — Титтони «официально» начинается пресловутая послевоенная эра, период реконструкции, восстановления мира. Восстанавливается свобода; партии и социальные течения возобновили свое существование при равных условиях борьбы; вновь начинается конкуренция в сфере экономики и в сфере политики.

Приход министерства Нитти является, по-нашему мнению, первым из серии исторических экспериментов, которыми будет отмечен процесс разложения буржуазно-демократического государства; они имеют в действительности только ту ценность, что на практике показывают несостоятельность национальных методов и форм, присущих капитализму.

Экономический и политический кризис, который потрясает итальянское хозяйство, нельзя объяснить и преодолеть иначе как в масштабах мировой системы. Основные предпосылки этого кризиса находятся вне сферы контроля и власти итальянского государства, то есть всех министерств, которые могут сменяться у власти.

Когда мы говорим, что и в Италии капиталистическая система в процессе своего развития зашла в тупик, «педанты» марксистской доктрины расценивают это утверж-

дение как «антинаучное» и поверхностное: оно-де не основано на объективном изучении структуры итальянской экономики. Но капитализм — это историческое явление международного характера, и сам процесс развития капитализма не позволяет отдельным странам одновременно достигать одинакового уровня экономического развития. Конкуренция, борьба за приобретение частной и национальной собственности ведут к возникновению в международном масштабе таких же иерархий и такого же рабства, какое существует в масштабе отдельных стран; кроме того, конкуренция ведет, причем с гораздо большей эффективностью, чем в масштабе отдельных стран, к самоуничтожению ее самой — к монополии.

С уничтожением условий для конкурентной борьбы, с уничтожением в мире свободы конкуренции капиталистическая система зашла в тупик. Отпадают всякие основания для ее существования и прогресса; ее институты превращаются в закорюченные паразитические наросты; они не выполняют никакой полезной функции, не имеют никакого авторитета. Возникает необходимость в революции, которая снова придала бы жизни мира ритм, свойственный диалектическому процессу, выявила бы и превратила в руководящую силу истории новый общественный класс.

В Италии капитализм не достиг полного развития в том смысле, что при производстве материальных благ еще не используются индустриальные методы или используются недостаточно интенсивно. Однако то обстоятельство, что в мире возобладали силы, завоевавшие монополию на экономическую эксплуатацию и обеспечившие себе политическое и военное превосходство, создало в Италии ту же самую обстановку застоя и отсутствия свободы инициативы, что и в других странах. Вследствие этой отсталости и слабости ее экономической структуры обстановка в Италии весьма революционная. Италию можно сравнить сейчас с Россией при Керенском; чтобы вести войну, которой Англия и Германия придали резко выраженный капиталистический характер, Италия должна была разрушить больше, чем ее экономический аппарат в состоянии воспроизвести, прежде чем станет невозможным предотвратить смерть от истощения. Обстановка, создавшаяся в мире в результате победы Англии, лишает

Италию даже простой возможности наладить свою хозяйственную жизнь. Международная экономическая конкуренция уничтожена вследствие установления монополии. Рынки сырья и сбыта находятся под контролем одного привилегированного экономического комплекса; только его представители могут вести торговлю, продавать и покупать, имея свободу выбора; другие экономические комплексы должны ему подчиняться. Проблема послевоенного устройства заключается в необходимости так распределить сумму производительных сил, чтобы после того, как английский капитализм использует наиболее значительные и богатые ресурсы жизненных средств мира, остаток этих средств мог стать предметом конкуренции, дающей возможность пополнить их запас. Проблема оказывается, следовательно, невероятно сложной и трудно разрешимой, и ее решения можно было бы добиться только ценой новых острейших кризисов, новых и еще более опустошительных разрушений.

Словом, итальянский капитализм потерял свою самостоятельность, потерял свою свободу и не сможет обрести ее снова. Экономической монополии соответствует монополия политическая и военная, которая лишает всяких шансов на успех любую попытку восстановить условия для свободной конкуренции с помощью вооруженной силы, путем новой мировой войны. Итальянские националисты с глупым бахвальством слабых заявляют претензии на некие «права», которые они якобы обеспечили себе победами и принесенными жертвами; но их ссылки на силу, которая, по их признанию, порождает право, господствующее в истории, оборачиваются против них самих. В капиталистическом мире имеет ценность сила, существующая в настоящее время, а не заслуги, сила и победы, имевшиеся в прошлом. Чтобы вернуть свободу действий национальному капитализму, итальянское государство должно было бы быть в состоянии повторить Витторио Венето, причем на этот раз ему противостояло бы не такое разваливающееся государство, как Австрия, а блок таких держав-победительниц, как Англия и Франция.

Этой обстановкой экономического и политического гнета и порабощения, сложившейся в мировой капиталисти-

ческой системе, порожден беспорядок, существующий ныне в экономической и политической жизни Италии.

Этот беспорядок, зависящий от условий, которые обнаруживают тенденцию существовать неограниченное время, осложняется пережитками периода войны: существованием безответственных вооруженных групп, уже не связанных никакой государственной дисциплиной, не контролируемых ответственными центральными властями и стремящихся к созданию на местах власти преторианского типа, а может быть, и военной диктатуры на всей национальной территории; коалициями псевдополитических сил, являющихся защитниками таких интересов и поборниками таких целей, которые носят не жизненный и постоянный, а индивидуальный и случайный характер. Между тем они постоянно недовольны, жаждут чего-то нового, оказывают постоянный нажим на господствующий класс и поддерживают в нем неуверенность в завтрашнем дне. При таких условиях никакое правительство не сможет развить терпеливую и настойчивую деятельность и наметить генеральный комплексный [план], выполнение которого было бы связано с длительными усилиями, с отказом от части поставленных задач, с осуществлением целой серии небольших координированных мероприятий, совокупность которых могла бы вызвать огромные изменения в экономическом и политическом положении страны, обусловленные той международной обстановкой, в которой вынуждена жить Италия.

Говорят, что Италия нуждается в свободе, экономической и политической, чтобы иметь возможность воссоздать разрушенные богатства. Министерства, сменяющиеся у власти, не в состоянии восстановить ни той, ни другой свободы.

Экономическая свобода во внутренней жизни страны обрекла бы итальянский народ на голодную смерть; политическая свобода дала бы итальянскому народу возможность организовать в широких масштабах, вооружиться, укрепить свои силы и свергнуть государственную власть. Буржуазный класс запутался в этой неразрешимой дилемме, от которой ему не удастся уйти.

Это пора шарлатанов, обманщиков, щедрых обещаний, осуществления которых придется ждать очень долго. Мы

переживаем период всеобщей паники. Эта зависимость жизни нации от законов действия внешних сил (причем их действие ужасно и его нельзя предвидеть и контролировать) ставит итальянское общество в положение стада животных, бессильных перед каким-нибудь грозным явлением природы.

Есть только одна сила, которая может остановить этот процесс разложения,— коммунизм. В буржуазном мире международная конкуренция уничтожена монополией. Но сломанную движущую пружину диалектического развития можно заменить другой: классовой конкуренцией, классовой борьбой. Победа Антанты нарушила равновесие между державами, которое гарантировало свободу в международных отношениях. С окончанием борьбы между Англией и Германией возникло столкновение между Англией и Россией. Италия, то есть ее народ, может спасти себя, только активно включившись в систему пролетарских сил, центром которой является Советская республика, включившись в классовую борьбу, которая разворачивается в международном плане и в которой у Италии есть союзники внутри враждебной коалиции, угнетающей ее и обрекающей ее на голод. Но из классов, составляющих итальянское общество, только пролетарский класс способен выполнить этот национальный и интернациональный долг, и он должен выполнить его, несмотря на сопротивление другой части общества, ликвидировав в национальном масштабе классовую борьбу и частную собственность. Революция — единственный путь к спасению итальянского общества. Кризис, охвативший Италию, вступит в свою последнюю и решающую фазу (решающую как с точки зрения национальной, так и с точки зрения международного положения) только в тот день, когда пролетариат завоюет государственную власть.

Вплоть до этого дня будет продолжаться процесс разложения и распада итальянского общества и итальянского государства, который нельзя ни остановить, ни компенсировать. Образование министерства Нитти — это один из моментов этого процесса, это официальное начало его развития.

(Подписано: А. Г.; «Аванти!», пьемонтское издание, 26 июня 1919 года, № 176.)

ПРОБЛЕМА ШКОЛЫ¹

Открывая этой заметкой дискуссию о проблеме школы, попытаемся наметить основные принципы, которые нам бы хотелось положить в основу этой дискуссии.

Проблема школы (как, впрочем, и всякая другая проблема, касающаяся какого-либо общего аспекта деятельности государства, касающаяся необходимой функции общества) должна рассматриваться как проблема, относящаяся к сфере деятельности государства Советов рабочих и крестьянских депутатов. Мы стремимся привить товарищам психологию строителей, людей, уже идеально организованных в государстве Советов, исключительно деятельных и предельно активных в своих усилиях наладить работу всех организаций, созданных новой общественной жизнью. Пропагандистско-воспитательная работа, которую вели до сих пор социалисты, в значительной степени носила негативный и критический характер; иначе и быть не могло. Теперь, когда мы имеем положительный опыт русских товарищей, дело может обстоять иначе, должно обстоять иначе, если мы хотим, чтобы опыт русских товарищей не пропал для нас даром. Мы должны критически переработать этот опыт; отбросить все, что является в нем специфически русским, отражает особые условия, в которых находилось русское общество при возникновении Советской республики; выделить и прочно усвоить все, что в нем является непреходящей необходимостью для коммунистического общества, что отражает нужды и стремления класса рабочих и крестьян, методы эксплуатации которого одинаковы под всеми широтами.

Проблема школы — это проблема техническая и вместе с тем политическая. В парламентарно-демократическом государстве проблема школы неразрешима как в политическом, так и в техническом отношении: министры народного просвещения назначаются на эту должность потому, что они принадлежат к определенной партии, а не потому, что они способны заведовать и руководить воспитательной деятельностью государства. По совести, нельзя даже утверждать, что класс буржуазии использует школу в целях закрепления своего господства: если бы это было так,

¹ Редакционное примечание к статье, подписанной «Дж. Б.», которая обращала внимание читателей на важность проблемы школы с точки зрения социалистической политики.

это означало бы, что класс буржуазии имеет определенную программу в отношении школы и осуществляет ее энергично и неукоснительно; в таком случае школа была бы живым делом. Но это не так: буржуазия, как класс, контролирующая государство, не интересуется школой, позволяет бюрократам хозяйничать там, как им заблагорассудится, допускает, чтобы при назначении министров народного просвещения определяющую роль играли превратности политической борьбы, интриги клик, стремление добиться удачного соотношения сил между партиями при формировании кабинетов. При таких условиях изучение технической стороны школьной проблемы не является серьезным и конкретным делом, помогающим разрешению самой проблемы, а представляет собой умственную игру, гимнастику ума, если не нечто худшее — надоедливое хныканье или пережевывание набивших оскомину прописных истин о важности воспитательной функции государства, о благодетельности образования и т. д.

В государстве Советов школа будет представлять собой одну из самых важных и основных сфер общественной деятельности. Мы сказали бы даже, что от развития и успешной работы коммунистической школы зависят развитие коммунистического государства, установление демократии, в которой растворится диктатура пролетариата. Нынешнее поколение будет воспитываться в процессе усвоения норм общественной дисциплины, необходимой для построения коммунистического общества, участвуя в выборах, принимая непосредственное участие в обсуждении дел и в управлении социалистическим государством. Школа должна воспитать новые поколения, те поколения, которые будут пользоваться плодами наших жертв и наших усилий, те поколения, которые после завершения переходного периода диктатуры пролетариата в отдельных странах будут свидетелями полного осуществления и развития интернациональной коммунистической демократии. Каким образом выполнит эту свою задачу коммунистическая школа? Какую организационную форму должна принять воспитательная функция государства в общей системе Советов? Какие административные задачи должны выполняться профсоюзами преподавателей начальной, средней и высшей школы? Как будут преобразованы университеты и политехнические школы и как их работа будет согласовываться со всей остальной работой

в сфере культуры? Какой облик должен будет приобрести с введением новой конституции и изменением основных принципов права юридический факультет? А библиотеки, а музеи, выставки — какой цели они должны будут служить? В числе подписчиков и читателей нашего журнала есть большой отряд студентов, работников искусств, преподавателей, достаточно способных и подготовленных, чтобы критически подойти к этим проблемам и попытаться их разрешить. Мы вызываем к их доброй воле, к их горячему желанию содействовать установлению нового, коммунистического строя.

(Без подписи; «Ордине нуово», 27 июня 1919 года, № 7.

САЛЬВЕМИНИАНА

Неприятный инцидент в Милане

Гаэтано Сальвемини, профессор истории, совершенно огорошен нападением на помещение «Аванти!» и поджогом его¹; он удивляется, что социалисты «проглотили пилюлю» и не провозгласили без лишних слов революцию.

Если бы Сальвемини еще был «товарищем», он, весьма возможно, постарался бы убедить нас, что революции отнюдь не являются тем обычным способом ведения дел, с помощью которого можно сводить счеты. Но сейчас и он находится среди тех, кто сердится каждый раз, когда социалистической партии, по их мнению, надлежит произвести революцию, а она не оправдывает их надежд.

То обстоятельство, что Сальвемини переоценивает значение «неприятного инцидента» на улице Сан-Дамиано и недооценивает ответную реакцию социалистов, объясняется, по нашему мнению, определенным состоянием духа и умонастроением, которое мешает ему и его друзьям разобратся в течениях и силах, действующих на политической арене Италии, и понять, к чему должна привести их борьба. «Унитаристы»² видят тот или иной отдельный инцидент, но совершенно не видят основных фактов. То, что социалистическая партия имеет теперь прочную массовую базу; что демобилизация из армии людей всех возрастных категорий обеспечивает нашему движению

¹ 15 апреля 1919 года после митинга в «Арен» (Милан) и социалистической манифестации фашистские банды ворвались в помещение «Аванти!» на улице Сан-Дамиано в Милане и подожгли его.

² См. примечание на стр. 332.— *Прим. ред.*

новый приток пополнений и возникновение новых кружков и секций; что ряды молодежного социалистического движения выросли почти вдвое, хотя почти все его участники старше двадцати лет находятся в армии; что число членов Всеобщей конфедерации труда поднялось с 300 тысяч почти до миллиона; что мощный подъем, охвативший массы, преобразует внутреннюю жизнь фабрик и заводов, облик мелких и крупных городов, пробуждает новые стремления у рабочих и крестьянских масс, поднимает дух нового поколения — все это для «унитаристов» не имеет значения. А то, что четыре преступника вошли в помещение, никем не охранявшееся или охранявшееся от тех, кто мог прийти на помощь, и учинили все то зло, которое могли и хотели учинить, — вот это в глазах «унитаристов» имеет чрезвычайно важное значение. Из-за внезапности нападения и глубоко укоренившегося еще с давних пор мнения, что не нужно принимать бой тогда, когда этого хотелось бы врагам, и следует навязывать его, когда враги охотно уклонились бы от него, социалисты сделали все, чтобы обуздать гнев масс и не дать ему вылиться в выступление, которое было бы, дорогой Сальвемини, как это Вы сами могли бы нам потом указать, не революцией, а бунтом.

По нашему мнению, то, что партия воспротивилась давлению нетерпеливых и пока «проглотила пилюлю», — это один из самых значительных актов, которые она сумела совершить в этот период.

Рабочие Италии собрали около миллиона лир для своей газеты, то есть втрое или вчетверо больше, чем нужно, чтобы возместить причиненный ущерб. И это в Италии, в той стране, в которой, как говорил Мадзини, легче увлечь человека на баррикаду, чем заставить вынуть из кармана двадцать сольди; это означает, что итальянские рабочие научились жертвовать и двадцатью сольди, а что касается баррикад, то они пойдут на баррикады, если это будет нужно, но, конечно, не Сальвемини указывать, когда это должно произойти.

Профессорская алхимия

Кроме присущей всем людям, порвавшим с партией, неспособности разобраться в реальной расстановке политических сил в Италии, и прежде всего сил, принадлежа-

щих к социалистическому и рабочему лагерю, Сальвемини присуще некое профессорское якобинство, которое служит ему политическим компасом и которое, разумеется, заставляет его принимать за «реальность», за «историю» свои собственные абстрактные измышления.

Судя по тому, что он писал в «Унита» и что сообщили нам его последователи, «разгром» на улице Сан-Дамиано беспокоит Сальвемини потому, что, по его мнению, он угрожает сорвать задуманную им великолепную игру, которая должна была бы стать движущей пружиной практической деятельности унитаристской «Лиги»¹ и определила бы ее отношения с партиями и правительством.

Игра состояла бы в следующем: с одной стороны, удалые рыцари кинжала и пера, с другой — большевики. И те, и другие атаквали бы правительство и поставили бы под угрозу его существование. В решающий момент явился бы американский дядюшка, сиречь Гаэтано Сальвемини, который, побеседовав с правительством, утешил бы его в его горестях, объяснив ему, что единственным якорем спасения является проведение реформ, за которые ратует «Лига», и, таким образом, угнетенная невинность, известная также под именем демократии, была бы спасена, а Гаэтано Сальвемини, чего доброго, был бы объявлен «спасителем отечества».

Нападение на «Аванти!» и отсутствие ответных действий со стороны социалистов поистине нарушило покой нашего профессора: если одна из борющихся сторон, большевики (как он любит говорить в кругу друзей), окажется слишком слабой, а другая будет побеждать, правительство бросится в объятия Муссолини, и Гаэтано Сальвемини останется без работы. Нужно, чтобы игра шла именно так, как он задумал; если бы всего можно было добиться с помощью химических реакций, Сальвемини прибавил бы немного красного «большевистского» реагента и немного убавил бы количество желтого фашистского реагента, чтобы итальянская смесь была полностью подготовлена к обработке реактивом «Лиги» и превращению в новый политический продукт, на который «унитаристы» имеют патент.

¹ Движение поборников возрождения Юга и проведения реформ, центром которого была газета Сальвемини «Унита».

Имейте в виду, что сказанное нами (оставим в стороне тон) не есть карикатура, а точное воспроизведение политических прожектов Сальвемини.

Он представляет себе политическую жизнь в виде параллелограмма сил: два вектора — большевизм и фашизм, равнодействующая — Демократическая лига. Если один из векторов отсутствует или смещается, равнодействующая принимает совсем другое направление; вот причина, по которой Сальвемини трепещет каждый раз, когда ему начинает казаться, что равновесие находится под угрозой.

Профессор истории и бывший социалист, то есть человек, который благодаря своему культурному развитию и своему прошлому должен бы иметь глубоко реалистическое представление о политической жизни, он дошел теперь до того, что рассматривает политическую жизнь с точки зрения абстрактной и до смешного далекой от действительности схемы.

В параллелограмме сил векторы заведомо строятся так, чтобы получить равнодействующую, более того — *именно данную равнодействующую*; силы же, действующие в политической жизни, ведут себя не как условные символы в заранее заданной схеме: они сталкиваются, перекрещиваются, переплетаются, уничтожают друг друга, создавая сложное целое, которое представляет собой не абстрактную схему, а драму. В физике в результате взаимодействия сил-векторов ничто не пропадает; в жизни каждый день все пропадает и все восстанавливается вновь, и каждый день получается, если уж продолжать это сравнение, новая схема, и нужно поистине маниакальное профессорское упорство, чтобы пытаться ежедневно решать эту задачу.

Всякий, кто, подобно Сальвемини, исходя из априорных соображений политической мудрости, берет за ориентир *равнодействующую*, кончит тем, что потеряет из виду и путь к цели, и самую цель. Обходный маневр «унитаристов» обречен на провал; лобовое наступление масс подготавливает и осуществит действительное и конкретное обновление жизни нации, и это произойдет не в результате какой-то игры сил, а потому, что *само движение масс является силой*.

(Без подписи; «Ордине нуово», 28 июня—5 июля 1919 года, № 8.)

ВОЛНЕНИЯ НА ПОЧВЕ ГОЛОДА¹

Две лиры за курицу, лира за бутылку марсалы, четыре лиры за пару башмаков — эта такса означает понижение цен на 50—70 процентов. «Священная собственность» была разграблена и уничтожена в результате вспышки неудержимого гнева и ярости, с молниеносной быстротой охватившей весь итальянский народ: безмянную массу и государственных служащих, «чернь» и благонаправных, бережливых хозяек. Все довольны этим подвигом. В несколько дней правосудие совершилось. Пять лет нищеты, лишений, унижений, гнусного и отвратительного деспотизма были отмщены. Этот эпизод классовой борьбы, в котором она приобрела беспорядочный, варварский, уродливый характер, разрушил мелкую торговлю как социальный институт.

Ревнители хороших манер в социальных отношениях, которые на страницах крупнейших газет то и дело выступают с прекраснейшими проповедями о чудодейственных свойствах производства и экономии, будут снова повторять — блаженные в своем бесконечном и безответственном легкомыслии — все то, что они уже говорили. Политические акробаты из лагеря демократии будут утверждать (так же как они утверждали в отношении всеобщей забастовки в июне 1914 года), что это беспорядочное и хаотическое выступление начала июля 1919 года представляет собой революцию «без программы». Мы говорим, что не нужно было ставить народные массы в такие условия, когда единственными средствами, от которых они могли ждать спасения, были грабеж и разрушение. Мы говорим, что невероятные случаи проявления варварства и разнузданности — это всего лишь «репетиция» тех взрывов варварского буйства и безудержного разгула, которые неизбежно произойдут в будущем под влиянием ужасных как в экономическом, так и в моральном отношении условий, сложившихся в Италии в итоге четырех лет империалистической, реакционной войны, если

¹ Вследствие непрерывного увеличения стоимости жизни в первой половине июля 1919 года вспыхнули волнения и восстания во многих итальянских городах. Лавки, торговавшие продуктами первой необходимости, подверглись нападению и разграблению. В некоторых городах профсоюзные организации подчинили движение своему контролю, организовав продажу товаров по сильно сниженным ценам. Центральные власти ввели таксу на многие товары.

только новая власть, уходящая своими корнями в самую глубь народных масс, пользующаяся доверием масс,— диктатура пролетариата — не воссоздаст дисциплину и порядок, поставив перед пролетарскими и полупролетарскими массами великую цель — коммунизм, которого можно достигнуть только при помощи самоотверженного труда и сознательной, добровольной дисциплины.

В настоящий момент можно сделать на основании случившегося следующие конкретные выводы.

Мелкая торговля как институт — мертва. Торговцев охватил безумный страх: риск, связанный с торговлей, так возрос, что никто больше не захочет вкладывать свой капитал в эту отрасль хозяйства. Даже если капиталистическое государство учинит грандиозное побоище, дабы отомстить за покушение на «священную собственность», доверие не будет восстановлено. Еще в долгие годы войны полностью выявилось разрушительное влияние мелкой торговли на экономику семьи, мелкая торговля уже тогда была мертва. Власти, центральная и муниципальные, не хотели признавать практической и исторической истинности этого тезиса, всегда выдвигавшегося социалистами: они дали трупу загнить, так что в конце концов здесь возник очаг нравственного разложения и распада. Они успели бы уже изучить вопрос, назначить комиссии, подкомиссии, известить тонны бумаги на статистику, предложения, контрпредложения, обобщающие правительственные проекты. Они ничего не сделали и должны спешно решать следующую проблему: каким новым институтом заменить мелкую торговлю? Проблема стала более сложной в результате того, что голодные волнения и установление после них искусственных такс на товары привели к расточению благ во вред кооперативам, которые в смысле возможностей своего развития понесли такой же ущерб, как и частная торговля.

Необходимо вселить в народные массы уверенность — уверенность в том, что будет сделано все, что могут сделать люди доброй воли,— в тех объективных условиях, в которых находится страна со времени войны,— чтобы распределить поровну имеющиеся запасы продовольствия, как объявленные, так и скрытые; уверенность в том, что не будет больше разрешено веселиться в дворцах и в крупных ресторанах, в то время как простой народ жестоко страдает от всякого рода лишений. Но эта уверенность не

может быть внушена нравоучениями: необходимы конкретные, реальные, вещественные гарантии, которые могут дать только пролетарские органы, порожденные непосредственно народными массами. Во время волнений только палаты труда и секции социалистической партии обнаружили умение подчинять массы своему влиянию, оказались способны восстановить порядок. Этот ценный практический опыт нужно использовать; нужно, извлекая из него урок, создать пролетарские органы, и они, и только они, не привлекая к этому делу никого из лиц, ответственных за постигшее страну бедствие, должны взять в свои руки контроль над продовольственными запасами и продовольственным снабжением. Через посредство пролетарских организаций может быть восстановлен обмен между городом и деревней, для чего должны быть созданы крестьянские комитеты, которые контролировали бы рынки сбыта продукции, разоблачали и пресекали всякую разрушительную деятельность.

Кроме этого пути, существует только путь кровавых расправ. Но может ли кровопролитие разрешить проблему? Прекратить голод? Воспрепятствовать новым грабежам?

Как бы то ни было, рабочие и крестьяне должны готовиться взять власть в свои руки; правда, она связана с тяжелой ответственностью и серьезными опасностями, но зато открывает богатые перспективы и имеет богатые возможности перерастания в более важные и более высокие формы власти.

(Без подписи; «Ордине нуово», 12 июля 1919 года, № 9 рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

ИТАЛЬЯНЦЫ И КИТАЙЦЫ

Неужели мы — действительно ловкие политики, интриганы, дурные пастыри, неприкаянные авантюристы, жаждущие вредных новшеств, неразумных перемен, смут, беспорядков? Неужели мы — люди, потерявшие совесть, хладнокровно спекулирующие на нищете и ожесточении народа, люди, которыми движут не что иное, как узкосектантский дух, мелочный групповой фанатизм, необузданная страсть творить зло, с тем чтобы «задать хорошенько» своим политическим противникам? Неужели мы действительно хотим низвести итальянский пролетариат до

уровня китайских кули, которые взваливают на свои плечи, плечи рабов, работу, которую белые «сверхчеловеки» отказываются выполнять?

Глупые обвинения, которыми буржуазные газеты осыпают в эти дни руководящие органы пролетарского и социалистического движения, являются свидетельством глубокого разложения итальянских правящих классов: эти люди, утомленные четырьмя годами войны и политической напряженностью, лишились последних остатков ума. Они видят только щепки, но не видят уже леса. Вместе с экономической и национальной самостоятельностью они потеряли элементарную способность самостоятельно мыслить. Они инстинктивно чувствуют, что забастовка 20—21 июля является необычайным событием в истории итальянского народа, который восстает против традиционных руководителей, утративших способность защищать будущее и свободу нации, но они не осознали этого факта во всей его идеологической и исторической значимости.

Да, итальянцы после победы Антанты и установления британской мировой гегемонии стали чем-то вроде китайцев: Италия сделалась ареной колониальной эксплуатации, сферой влияния, доминионом, землей, подчиненной режиму капитуляций,— чем угодно, только не независимым и суверенным государством. К такому результату привела безумная политика правящего класса Италии; такова «великая, передовая роль», уготованная итальянскому народу корыстными интригами капиталистов, охотящихся за более высокими прибылями. Но итальянский народ протестует против такого положения вещей, этот протест выливается в борьбу той части народа, которая не запятнала себя военной авантюрой, не отреклась от своего суверенного права играть заметную роль в истории мира и не хочет быть ни рабом немцев, ни рабом англичан, ни тем более рабом раба. Чем глубже та пропасть, в которую ввергает господствующий класс итальянскую нацию, тем тяжелее жертвы, на которые должен идти пролетариат, чтобы возвратить нации положение независимого действующего лица истории; чем крепче та цепь, которой экономика и политика Италии с согласия правящего класса привязывается к колеснице Британской империи, тем более мощное усилие должен совершить пролетариат, чтобы освободиться от пут, чтобы вернуть себе свободу исторического развития и исторической инициативы. Да, итальян-

янский народ низведен до положения китайцев, но он не хочет оставаться в таком положении, в то время как правящий класс хочет столкнуть его еще ниже, до уровня кафров и бушменов.

В переживаемый нами период пролетариату некоторых наций пришлось взять на себя и эту роль — роль защитника независимости и суверенитета своей страны. Так было в России, так было в Венгрии — в «побежденных» странах, как их условно называют. Но что значит для страны быть «побежденной»? Значит ли это только то, что она потерпела «военное» поражение? В преимущественно капиталистической войне, какой была война, завершившаяся Версальским договором, Италия, одержавшая военную победу, потерпела сокрушительное экономическое поражение. Италия находится в условиях, когда она не может жить с имеющимися у нее средствами, когда она должна умолять, должна унижаться перед другими странами, чтобы получить элементарные средства к существованию. Италия, как страна капиталистическая, находится в худших условиях, чем коммунистические Россия и Венгрия. Эти страны, будучи блокированы, продолжают жить, сопротивляться и уже заложили основу, на которой возможно возобновление экономической деятельности и процесса развития цивилизации. Италия же продолжает деградировать, продолжает разрушать самое себя, продолжает увязать в долгах, продолжает каждый день терять все новые и новые элементы своей независимости и суверенитета. Пролетариат хочет остановить этот процесс разложения прежде, чем оно затронет основные устои, на которых зиждется жизнь страны.

Советские республики являются единственной исторической силой мира, которая может противостоять засилию британского империализма и которая победоносно противостоит ему. После крушения Германской империи, после ликвидации международной системы равновесия сил между державами, выражавшейся в существовании антагонистических империй — английской и германской, Советские республики являются единственной реально существующей в мире гарантией свободы.

С организацией забастовки 20—21 июля итальянская нация в лице пролетариата выходит на арену мировой политики, поставив перед собой цели и задачи мирового значения. Она выступает инициатором действий, резуль-

таты которых окажут влияние на судьбу всех народов мира, всех угнетенных народов, ждущих освобождения, которого не могла им дать «демократическая» война. Народы мира — имеется в виду вся нация в целом, если речь идет о египтянах, индийцах, китайцах, ирландцах, или пролетарская часть ее, если речь идет о всяком другом народе, — видят в борьбе Черчилля и Ленина борьбу между силой, которая их угнетает, и силой, которая может создать условия для их свободного существования. Таким образом, итальянская нация в лице своего пролетариата возродила традиции мадзинизма и в ходе своей классовой борьбы наполнила их живым историческим содержанием и придала им вполне конкретную форму.

Но, может быть, как раз это и тревожит помутившийся рассудок буржуазных писателей. Это выдвижение на первый план итальянского пролетариата представляет собой такое историческое событие, которое в корне меняет положение государственной власти и рабочего класса в иерархической структуре сил, действующих в стране.

Это начало новой жизни, первый момент процесса исторического развития, для которого характерно следующее: ограничение свободы капиталиста на фабрике, произведенное под давлением профессиональных организаций; ограничение торговой конкуренции, завоеванное всем рабочим движением в целом, развивающимся под знаком борьбы за обеспечение рабочим сносной заработной платы; ограничение соперничества политических партий из-за государственной власти, вызванное страхом перед революцией. Сейчас подвергается ограничению важнейшая прерогатива капиталистического государства — самостоятельность действий во внешней политике. Но поскольку эти действия не являются самостоятельными, ограничению подвергается не свобода государственной власти; напротив, государственной власти пытаются вернуть свободу и самостоятельность инициативы. Если итальянский рабочий является «китайцем» в международном братстве рабочих, быть «китайцем» — не значит, конечно, ронять свое достоинство и свой авторитет; редакции крупных «европейских» газет с их рабским «духом» могут многому научиться и научатся у «китайцев».

(Подписано: А. Г.; «Аванти!», пьемонтское издание, 18 июля 1919 года, № 197.)

СВЯЩЕННОЕ ЕДИНЕНИЕ

Власти класса капиталистов, воплощением которой является государственная власть, во время войны грозила опасность извне. Война — это форма капиталистической конкуренции, возникающей на почве борьбы той или иной нации за приобретение в свою собственность новых богатств. Победить — значило расширить сферу власти государства, то есть сферу, в пределах которой имущий класс Италии обладает верховной властью, в ущерб государственной самостоятельности буржуазии других стран. Быть побежденными — значило потерять часть национальных рынков, потерять часть национальной собственности и поставить свое государство под верховную власть чужеземной буржуазии, которая подчинила бы своим собственным интересам интересы итальянской буржуазии, то есть уменьшила бы возможности и силу своего соперника в конкурентной борьбе.

«Священное единение» представляло собой добровольный отказ от внутренней конкуренции между политическими партиями и промышленными группами с целью сделать государство более способным к защите и нападению в сфере международной конкуренции. Политическая деятельность стала монополией, разумеется, монополией самой консервативной и реакционной партии. Делалось все возможное, чтобы положить конец также и классовой борьбе, этой другой форме конкуренции, более того — самой резкой из всех форм конкуренции, ибо она ведет к уничтожению самой себя путем уничтожения частной и национальной собственности. Удалось, где в большей, а где в меньшей степени, приручить людей, выступающих в качестве представителей пролетарского движения, удалось, иными словами, оторвать лидеров от массы, и масса создала свои органы для прямого действия на фабриках и заводах. В деревне пролетарии и полупролетарии путем вооруженной борьбы или путем саботажа сопротивлялись произволу и злоупотреблениям исполнительной власти.

С установлением мира обнаружилось, что пролетарии стали очень сильны и могут завоевать власть. Поэтому была сделана попытка сохранить «священное единение» между буржуазными, капиталистическими партиями и течениями, чтобы дать государству силы и возможность бо-

роться за сохранение частной собственности. Факт создания большинства, поддержавшего министерство Нитти,— первое проявление этой попытки. Только с этой точки зрения может интересоваться нас послевоенная деятельность парламента. Этот факт означает, что отныне и в парламентской сфере принцип конкуренции мертв, и его место заняла «монополия государства». Он означает, что буржуазия потеряла способность отбирать лучших и самых способных людей своего класса. Механизм отбора сломан, он больше не действует. Парламентская деятельность представляет собой, следовательно, не что иное, как зловещий фарс: депутаты говорят, голосуют, шумят, сражаются друг с другом, но их действия не могут привести ни к какому результату. Этот институт мертв: он может приносить лишь вред, но не может уже дать ничего полезного. Он должен быть заменен другим институтом, в основу которого нужно положить такой принцип и такую конституционную практику, которые дали бы возможность отбирать людей дельных и способных управлять государственными делами. Этот принцип и эта практика уже известны истории, ибо именно они применены в государственном устройстве Советской республики.

(Без подписи; «Ордине нуово», 19 июля 1919 года, № 10, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

20—21 ИЮЛЯ [1919 ГОДА]

Всеобщая забастовка 20—21 июля¹ будет носить в высшей степени революционный характер — не в том смысле, что она приведет к свержению капиталистического государства (мы показали, что государственная власть будет захвачена пролетариями только тогда, когда рабочие и крестьяне создадут систему государственных органов, способных заменить органы парламентарно-демократического государства), но в том смысле, что она положит начало периоду глубоких переворотов в нынешней экономической структуре. Послевоенный кризис начнется 20—21 июля. До сих пор капиталисты под давлением

¹ Международная всеобщая забастовка солидарности с социалистическими республиками России и Венгрии. Трудящиеся требовали признания Советских республик, демобилизации и всеобщей амнистии. См. в настоящем томе статью «За Коммунистический Интернационал», стр. 40.

правительства легко шли на уступки, и чтобы избежать безработицы и восстания отчаявшихся людей, они соглашались сохранять производство в его нынешнем состоянии, несмотря на экономическую невыгодность этой меры. Они не захотят больше этого делать, не смогут больше этого делать. Забастовка послужит оправданием целой серии полицейских мер в промышленности, направленных к тому, чтобы вернуть производству способность давать гарантированную и достаточно большую прибыль. И, конечно, газеты будут возлагать на социалистов-революционеров ответственность за увольнения и локауты и будут пытаться подрывать грозное единство пролетариата.

Необходимо поэтому проявить во время забастовки максимум дисциплинированности и сплоченности. Забастовка должна закончиться в полночь 21 июля. Рабочие-коммунисты должны быть цементирующим элементом, обеспечивающим высокую дисциплинированность и сплоченность; никто не может сомневаться в том, что они являются революционерами, а не «пожарными». Рабочие-коммунисты знают, что повстанческое движение в настоящее время привело бы только к усилению парламента как органа власти и к свирепой расправе в революционных городах, напоминающей расправы, произведенные Носке в Берлине, Маннергеймом в Финляндии, Гофманом в Мюнхене. Что могут противопоставить парламенту коммунистически настроенные рабочие и крестьяне? Пока еще не создан какой-либо коммунистический орган власти, способный безотказно и эффективно заменить собой власть парламента. Как раз в эти дни рабочие-коммунисты должны усилить пропаганду за создание коммунистических органов власти и за созыв в возможно более короткий срок национального съезда делегатов от заводов и сел, причем коммунисты должны составлять большинство делегатов. Тогда можно будет со всей серьезностью и ответственностью говорить о коммунистической революции. Ведь коммунисты хотят создать государство, в котором власть будет принадлежать компетентным и ответственным лицам; они должны при всех обстоятельствах сохранять ясность ума и хладнокровие, не позволять увлечь себя восторженными и «шапкозакладательскими» настроениями. К сожалению, с одним благородным героизмом и энтузиазмом не по-

строишь государства: нужны дисциплина, настойчивость, сплоченность и презрение к безответственным лицам.

(Без подписи; «Ордине нуово», 19 июля 1919 года, № 10, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

«КОРРЬЕРЕ ДЕЛЛА СЭРА»

«Коррьере делла сэра» сделала и широко разгласила открытие, что итальянцы — это «китайцы» Европы. Мы немного удивлены, что «Коррьере» открыла это только сейчас, в связи с красным, Коммунистическим Интернационалом, и нам хотелось бы напомнить ей, что существует и другой, белый Интернационал, Интернационал буржуазный, коему надлежит, по мысли миланских государственных мужей, создать «единство мира» в соответствии с принципами Вильсона и Клемансо.

«Китайцы» ли итальянцы? Несомненно — если речь идет о тех итальянцах, которые погибли на Изонцо, на Пьяве и в Альпах ради того, чтобы Саарский бассейн перешел к капиталистам Франции, а Фиуме — к капиталистам некоей другой страны, чтобы американцам была гарантирована свобода морей, англичанам — продовольствие, нашим братьям за Альпами — уголь и сырье.

«Китайцы» ли итальянцы? Несомненно — если речь идет о тех итальянцах, которых наша буржуазия посылает в Россию, в Малую Азию, на Балканы, в распоряжение международной полиции, всюду, где есть необходимость защищать чьи-либо интересы — чьи угодно, только не интересы итальянской общности производителей.

Таково положение в буржуазном Интернационале. В другом же, в социалистическом Интернационале итальянцы находятся во главе движения борцов против тирании стран, владеющих капиталом во всех частях мира и использующих его для целей политического господства и экономической эксплуатации; итальянцы увлекают за собой на борьбу за освобождение мира народные массы Франции и Англии; только эти итальянцы думают о таком будущем, в котором Италия не будет больше европейским Китаем, в котором ей будут созданы возможности для полного и свободного развития.

(Без подписи; «Ордине нуово», 19 июля 1919 года, № 10.)

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В ВЕНГРИИ¹

Власть Советов заменена в Венгрии правительством, состоящим из лидеров профсоюзных организаций; будут произведены выборы на основе всеобщего избирательного права; национальный парламент возобновит свою деятельность и восстановит священные права буржуазной демократии и частной собственности.

Диктатура пролетариата не имела времени, чтобы создать в Венгрии условия для своего упрочения и развития: возникнув в силу соединения разнородных и большей частью не имеющих отношения к пролетарскому движению причин, она пала в результате исчезновения некоторых из этих причин и в результате возникновения конфликта между участниками самого рабочего движения.

Актом графа Кароли венгерская буржуазия отказалась от принадлежавшей ей власти, уступив правление коммунистам: только коммунисты в этот первый момент могли вновь сделать боеспособными солдат, деморализованных поражением, и могли убедить рабочих стать солдатами, чтобы защищать национальную территорию, защищая революцию, чтобы отвоевать национальную территорию, оккупированную чехословаками, югославами, галичанами и румынами, и таким образом расширить сферу распространения революции. Только коммунисты могли разговаривать как с равным с господином Клемансо, стремящимся удовлетворить аппетиты государств — вассалов Франции (Сербии, Богемии и Румынии) и укрепить престиж Франции на Балканах, раздавив и расчленив Венгрию. Советская власть возникла в Венгрии под знаком национально-освободительной борьбы, она должна была большую часть своих сил отдать на разрешение проблемы территориальных границ и поэтому не могла и не имела времени создать свою государственную организацию и воспитать в рабочих и крестьянах коммунистическую психологию в ее конкретной форме.

Советская власть не была немедленно свергнута войсками вассалов Франции, потому что этому воспротивились Италия и Америка. Особенно сопротивлялась этому Италия, которая хотела, чтобы у границ Сербии находи-

¹ См. примечание на стр. 64.

лось государство, способное угрожать самому существованию сербо-хорвато-словенского государства или вооруженной силой, или революционной пропагандой. Те итальянские газеты, которые с наибольшим пылом агитировали за присоединение Фиуме и Далмации, часто с сочувствием говорили о действиях венгерской Красной Армии; французские газеты сообщали, что в организации этой Красной Армии участвовали итальянские офицеры и что много эшелонов с итальянским военным снаряжением попало в Венгрию; итальянская военная миссия, возглавляемая полковником Романелли, не выезжала из Будапешта и находится там и поныне. Конечно, итальянское правительство руководствовалось исключительно «священным эгоизмом», а полковник Романелли в Будапеште играл роль Распутина революции. Он был «другом» коммунистов, но прежде всего он был верным слугой капиталистов — хозяев металлургических заводов и судовладельцев Милана и Генуи, которые хотят завладеть всеми портами Адриатического моря.

Каждое действие, каждое начинание, каждое героическое усилие венгерских товарищей в конце концов тонуло в этой трясине интриг и международных капиталистических интересов. Венгрия — маленькая страна, вся политическая жизнь которой часто сосредоточивается в одном-единственном крупнейшем городском комплексе и им ограничивается; Распутиным капиталистической дипломатии легче плести здесь свои интриги и добиваться успеха. Сообщение о падении Советской власти в Венгрии было опубликовано одновременно с сообщением о том, что проблема Фиуме и Далмации разрешена, наконец Парижской конференцией; итальянское правительство уже не нуждалось больше в Венгрии; румыны и чехословаки могли наступать. Но военных усилий румын было бы недостаточно; итальянские и американские Распутины действовали изнутри. Венгерские профсоюзные лидеры лишили своей поддержки Советское правительство Венгрии, деморализовали Красную Армию. Уже и раньше руководители профсоюзов трижды пытались оттеснить Бела Куна: 20 апреля, в начале войны с чехословаками и румынами, 2 мая, после взятия Шолноте румынами, и 31 мая, незадолго до того, как Клемансо направил первую ноту Бела Куну. Профсоюзные лидеры никогда не поддерживали Советскую власть, не хотели, чтобы на пред-

приятнях существовали какие-либо иные организации трудящихся, помимо профсоюзных организаций, не хотели подчинить свою власть власти Советов, власти пролетарского государства.

Они хотели «синдикалистского государства», то есть государства, в котором господствовала бы их личная диктатура; оно будет существовать до тех пор, пока пролетарии, оправившись от поражения и получив поддержку извне, не положат конец зловещему фарсу; к сожалению, не руководители профсоюзов падут жертвой «истинной демократии».

Но дело Венгерской советской республики не пропало даром как для рабочих Венгрии, так и для международного пролетариата.

(Без подписи; «Ордине нуово», 9 августа 1919 года, № 13, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

По итальянскому уголовному кодексу смертная казнь отменена, но на улице каждый день (или каждую ночь) по самым разнообразным поводам людям грозит смертная казнь от рук королевских карабинеров и королевских полицейских.

Привыкнув за четыре года войны платить за освобождение от фронтовой службы, которым они пользуются (после того, как «отборный корпус» карабинеров не выдержал испытания на холмах Изонцо, у Плавы), выполнением роли свирепых слуг милитаристов (героев Капоретто); получив в период действия декрета Сакки и «священного единения» даже еще большую, чем раньше, неограниченную власть над жизнью граждан, они превратили оффенбаховские «посты» старого времени в мелких населенных пунктах в разбойничьи притоны, откуда они регулярно отправляются в служебные экспедиции, которые, подобно походам банды дона Родриго¹, могут завершаться только каким-нибудь притеснением или преступлением.

Однажды ночью в Лайнате были убиты три ни в чем не повинных человека, причем убийцы, возглавляемые

¹ Персонаж из романа Мандзони «Обрученные». — *Прим. перев.*

бригадиром Куккуру (настоящим разбойником с Силанского плоскогорья, только еще более подлым и свирепым, так как форма гарантирует ему безнаказанность), не получили ни одной царапины. Все жители местечка приняли участие в похоронах жертв, а три преступника поспешили удрать и укрылись в Милане, где ожидают полагавшейся за подобный подвиг серебряной медали.

Что в этой истории выглядит еще более гадко, чем само преступление, так это позиция буржуазной прессы. «Гадзетта дель пополо», принадлежащая к числу тех итальянских газет, которые пользуются самой скверной репутацией, опубликовала первое сообщение о происшедшем под заголовком «Столкновение между распоясавшимися молодчиками и карабинерами». Почему «распоясавшимися молодчиками»? Только потому, черт возьми, что карабинеры их убили! Но ведь один из них был демобилизованный солдат, то есть один из тех, кому «Гадзетта дель пополо» ежедневно выражает свою признательность (хотя и не пользуясь взаимностью), — фронтовик, герой Витторио Венето? Это ничего не значит: сейчас солдаты больше не нужны, они снимут военную форму и опять станут такими же, как и вся людская масса; но у тех, других, форма остается; а известно, что альфой и омегой идеалов «Гадзетта дель пополо», как и всех вообще буржуа, является культ военной формы — в точности так же как у «пруссаков», против которых велась война.

Подобные случаи будут повторяться. Его превосходительство Нитти готовит для нас успокаивающее средство в виде отборных вояк королевской гвардии, полицейских, карабинеров и иных, им подобных; и вся эта публика время от времени на улицах городов и сел страны будет убивать какого-нибудь гражданина — то того, то другого — просто для того, чтобы набить себе руку на случай революции.

Но в Лайнате жители, ожесточившись, захватили и сожгли казарму, местное гнездо убийц, и обратили в бегство вояк, которые проявляют храбрость только в борьбе с безоружными; это и означает, что тот, кто сеет ветер, пожнет бурю, что граду министерских циркуляров не под силу будет побить этот урожай.

(Без подписи; «Ордине нуово», 6 сентября 1919 года, № 17, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

ЗАБАСТОВКА МЕТАЛЛИСТОВ

После долгих месяцев напряженных переговоров, которые терпеливо вела Федерация металлистов и в ходе которых ее добрая воля подвергалась весьма тяжелому испытанию, консорциум промышленников дал понять, что он не склонен заключать никакого серьезного соглашения, что он сознательно спровоцировал забастовку.

Любая война приводит к росту реакционных тенденций по той простой причине, что господствующие классы, чувствуя, что старая система общественных институтов не обеспечивает их безопасности, отбрасывают всякое прикрытие, всякую словесную маскировку, чтобы иметь возможность позаботиться о «законной защите», чтобы не дать себя сокрушить буре, которую они сами вызвали.

Федерация металлистов имеет в своем активе немало боевых выступлений, целью которых была защита основных принципов профсоюзов; ее деятельность, бесспорно, сильно способствовала повышению жизненного уровня рабочих в крупных промышленных центрах, увеличивая боеспособность разношерстной и еще не спаянной воедино массы. В настоящее время Федерация вовлечена в такого рода борьбу, которая заслуживает всяческого сочувствия и максимальной поддержки с нашей стороны. Заслуживает она этого прежде всего той смелостью, с которой она была начата, несмотря на некоторые неблагоприятные условия (безработица, неопределенность перспектив промышленного производства, общий развал, характерный для послевоенного периода), и той энергией, с которой она ведется.

Именно в Милане, центре интервенционизма¹, промышленники готовятся нанести рабочим удар, чтобы получить возможность за их счет обеспечить себе такие же сверхприбыли, какие были возможны во время войны вследствие особых условий, в которые была искусственно поставлена национальная экономика; они не желают расставаться с временами, когда промышленность была вотчиной, а завод — золотым дном, когда никем не контролируемое и не лимитируемое производство давало баснословные прибыли. И вместо того, чтобы заняться преобра-

¹ «Интервенционисты» — сторонники вступления Италии в войну на стороне Антанты, боровшиеся в 1914—1915 годах с «нейтралистами», отстаивавшими выгодный для них нейтралитет Италии.— *Прим. перев.*

зованием технической структуры промышленности, стараться быстрее вернуться к нормальному положению, примирившись со снижением прибылей до довоенного уровня, они хотят получить свободу действий в отношении рабочих, чтобы взвалить на их плечи все тяготы, порождаемые теми новыми условиями, в которых оказалось промышленное производство.

(Без подписи; «Ордине нуово», 6 сентября 1919 года, № 17, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ МЕТАЛЛИСТОВ

Конец

Битва идет к концу. Соглашение подписано, прошли последние митинги, огромная масса забастовщиков вернется к своей работе. Вернется, ни в чем не раскаявшись и ничего не забыв. Ибо борьба, которую она вела в течение двух месяцев с неукротимым пылом, не такова, чтобы сразу отойти в область воспоминаний. Слишком многому научила, слишком многое раскрыла эта стачка, чтобы она могла пройти бесследно, не оставив после себя глубокой борозды.

Кое-кто занимается подведением материального баланса стачки. Но нас он не может интересовать. Мы знали, что битва будет стоить огромных жертв. Потеряно сто миллионов лир заработной платы. Распределено пособий на восемь миллионов. Недовыпущено продукции на триста миллионов. Все это ошеломляющие цифры. И к этому нужно еще прибавить те лишения, которые тысячи забастовщиков и тысячи их семей должны были перенести вследствие забастовки. Мы не располагаем еще полными сведениями об экономических условиях соглашения, но весьма вероятно, что, сравнив выгоды, которые извлекут из них рабочие, с потерями, которые им пришлось понести, можно будет даже констатировать, что потери больше ощутимых выгод.

Что же из этого? Мы знаем, что по крайней мере в девяноста случаях из ста при экономических конфликтах любое мирное соглашение может быть выгоднее, чем самые значительные завоевания, достигаемые посредством забастовок, которые теперь уже не могут быть ни легкими, ни кратковременными. Но бывают забастовки,

которые нужно проводить, не думая об их последствиях и результатах. Забастовка металлистов как раз и принадлежит к их числу. Она была проведена, и нужно гордиться тем, что она закончилась, не ослабив силы и боевого духа масс.

Движение металлистов было первым значительным классовым конфликтом в промышленности, возникшим после окончания войны, которое многие считали средством установления гармонии интересов труда и капитала или же смягчения остроты столкновений и конфликтов между ними. Естественно, что борьба велась с ожесточением и со страстью. Можно было также предвидеть, что рабочая масса окажет борьбе металлистов самую активную и самую энергичную поддержку. Конфликт выходил за рамки спора из-за заработной платы. Хозяева были твердо намерены не уступать, так как хотели положить конец стремлению рабочих добиться переустройства фабричных порядков в духе социалистических принципов.

Принимая во внимание глубокий политический смысл движения, нельзя ограничивать изучение результатов стачки рассмотрением одних материальных завоеваний. Что касается последних, то, возможно, справедливо утверждение газет неприятельского лагеря, что в этом отношении не может быть ни побежденных, ни победителей. Действительно, в отношении экономических требований принято компромиссное решение. Иного и не бывало никогда ни при одном выступлении рабочих. Никогда не удавалось добиться полного удовлетворения всех требований. С другой стороны, повышение заработной платы, особенно в настоящее время, когда царит разруха и процветают мошенничество и спекуляция продуктами потребления, имеет весьма относительную и преходящую ценность. Важно то, что удалось добиться признания определенного принципа, имеющего решающее значение в плане борьбы за новые завоевания рабочих, и подтвердить право пролетариата добиваться улучшения своего положения на фабрике.

Причиной ожесточения, охватившего массу забастовщиков, был не просто отказ промышленников предоставить больше материальных благ рабочим. Его причиной было глубокое внутреннее убеждение, что хозяева замышляют отнять завоевания, которых рабочие добились в самое последнее время, или даже только урезать их и

остановить движение пролетариата вперед. Почему была поднята кампания против восьмичасового рабочего дня? Почему против наших рабочих упорно выдвигались обвинения в том, что они бездельники? Почему хозяева стремились сделать палочную дисциплину, существующую на фабриках, еще более жестокой?

Припертые к стене бастующими массами, промышленники с каждым днем все больше отступали от своих воинственных намерений. Конечно, потребовалось много времени, чтобы заставить их отказаться от них! Почти месяц борьбы, пятнадцать дней напряженных переговоров. Каждый день возникала надежда на подписание соглашения, каждый час — угроза срыва переговоров. И так до последнего момента.

Все же, несмотря на то, что переговоры невыносимо затягивались, мы ни разу не теряли надежды на благоприятный исход битвы. Благодаря своей близости к массам мы, так же как и они, прониклись убеждением, что, упорно отказываясь подписать соглашение, промышленники рискуют потерпеть страшное поражение. Пролетариат никогда не простил бы им этот отказ. Они могли строить иллюзии, что им удастся выйти с меньшими потерями из новой фазы борьбы, в которой она приобрела бы насильственный характер, но мы были убеждены, что они неизбежно потерпят поражение.

В итоге, несмотря на то, что промышленники вынуждены были примириться с провалом всех своих наступательных планов в отношении пролетариата, они все же приняли меры для защиты своих интересов. Продолжение борьбы должно было страшить их больше, чем рабочих. Ибо нет сомнения, что более серьезная угроза со стороны массы подорвала бы их шаткую солидарность, а затем принудила бы их к сдаче.

Однако подписание и проведение в жизнь соглашения не должно порождать у промышленников надежду, что они обеспечили «примирение». В данный момент, может быть, выгодно и тем и другим возобновить работу и выпуск продукции. Но нечего надеяться на примирение между двумя классами, пока хозяева находятся во власти «фашистских» настроений и отказываются признать, что на предприятии рабочие имеют (даже при сохранении буржуазного режима) по крайней мере равные с хозяевами права.

Слишком много различных обстоятельств выявилось в результате закончившегося сейчас конфликта, чтобы пролетариат их не использовал. Мы вовсе не имеем в виду те политические факторы, которые промышленники в своей святой простоте хотели использовать для того, чтобы в возникшей сумятице уйти от расплаты за свои ошибки и грехи. Политическое положение не способствовало разрешению конфликта; напротив, оно задержало его разрешение.

Что это движение выявило со всей отчетливостью — так это бессилие государства перед лицом классовых конфликтов. Нет ничего более противоречащего истине, чем попытки некоторых газет приписать заслугу в улаживании конфликта, вызвавшего стачку, его превосходительству Нитти и министру Феррарису. Бесспорно, что правительство содействовало сближению сторон, однако верно также и то, что никогда до этого конфликта не обнаруживалось так ясно, что у правительства против промышленников нет никакого оружия. Правительство поступало в этом конфликте в точности так, как поступали когда-то префекты в тех случаях, когда соглашение между сторонами казалось уже невозможным. Так же как префекты, не желающие иметь лишних хлопот, правительство ограничивалось тем, что увещевало рабочих и промышленников прийти к соглашению.

У буржуазного правительства есть оружие только против рабочих. Для пресечения забастовок оно может мобилизовать полицейских, чтобы они установили надзор за предприятиями, охраняли штрейкбрехеров, творили насилия над забастовщиками. Но против промышленников у него нет никаких средств воздействия. Это выявилось со всей очевидностью. Когда промышленники вторично сказали «нет», правительство повторило свою просьбу быть сговорчивыми, но не сняло с заводов ни одного карабинера. Оно разрешило поставить в некоторых местах проволочные заграждения, а в некоторых местах — рогатки. Когда промышленники дошли до того, что отвергли арбитраж, правительство не изменило своей позиции.

Поймите нас правильно. Мы довольны тем, что конфликт был разрешен без арбитража. Арбитраж, несмотря на все хитроумные меры предосторожности, которыми он был обставлен по совету наших товарищей, все же не-

приятен массе рабочих, которые предпочитают получить даже меньшее, но без арбитража, по соглашению, достигнутому путем прямых переговоров. Когда же конфликт вырастает до столь значительных масштабов, его можно разрешить, только заключив соглашение на вполне определенных условиях. Кстати сказать, мы довольны и тем, что отказались от арбитража именно промышленники. Говорили, что авторитет Нитти был подорван инцидентом в Фиуме. Но и до инцидента в Фиуме ни Нитти, ни какой-либо другой деятель буржуазного правительства не считал себя вправе навязывать подобные решения капиталистам.

Если бы буржуазное государство не обязано было защищать интересы класса капиталистов, правительство должно было бы сказать промышленникам: «Вы утверждаете, что не можете дать того, что требуют рабочие. Правительство же не может допустить такого положения, когда 200 тысяч рабочих не работают. Поэтому заводы будут реквизированы».

Во время войны, в случае, если промышленник отказывался поставлять товар по определенной цене, государство имело право реквизировать завод, и некоторые заводы действительно были реквизированы. Теперь же правительство всячески остерегалось даже высказывать свое мнение о причинах конфликта. Тем более оно не собиралось угрожать реквизицией заводов во имя высших интересов нации.

У Нитти нет, следовательно, никаких заслуг в деле улаживания конфликта, вызвавшего стачку, или, если угодно, у него не больше заслуг, чем у любого королевского префекта, который вызывал в свой кабинет представителей двух сторон, чтобы убедить их вести переговоры. Во время забастовки металлистов окончательное соглашение было достигнуто также в результате прямых переговоров сторон. Если бы промышленники взялись за ум раньше, то не нужно было бы и ездить в Рим. Заслуга всецело принадлежит массам, которые стояли на своем, невзирая ни на какие лишения, и всем своим поведением с первого до последнего дня показали, что они намерены биться до конца!

Конфликт закончился, и, хотя нас часто обвиняют в подстрекательстве, мы, конечно, не будем побуждать рабочих сохранять в своих душах ненависть, которая неиз-

бежно должна была там накопиться в результате наглого, провокационного поведения хозяев. Мы не выступаем с бесконечными и бесполезными увещаниями о том, что нужно работать, но мы тоже знаем, что заводы должны расширять производство, потому что производство — это цивилизация, это богатство. Но если промышленники будут защищать все свои привилегии без всякого исключения и если государство будет продолжать помогать хозяевам против пролетариата, — будет преступлением, если мы позволим убаюкать рабочих сладкими баснями о «социальном примирении».

Страдания, перенесенные рабочими во время длительной борьбы, которая ныне подходит к концу, достигнутая ими степень зрелости, их права — все это служит залогом того, что они не остановятся на полпути!

(Подписано: Г.; «Аванти!», пьемонтское издание, 29 сентября 1919 года, № 269.)

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО

Итальянская буржуазия возникла и развивалась, выдвигая и осуществляя принцип национального единства. Поскольку национальное единство в итальянской истории, так же как и в истории других стран, представляет собой технически более совершенную форму организации экономического аппарата производства и обмена, итальянская буржуазия выполняла предназначенную ей историей роль, способствуя общему прогрессу человеческого общества.

Сейчас в результате глубоких, неразрешимых конфликтов, порожденных войной в рядах буржуазии, последняя проявляет тенденцию разрушать национальное единство, саботировать и разрушать так терпеливо создавшийся экономический аппарат.

Габриэле Д'Аннунцио, отставная марионетка англо-французского масонства, устраивает бунт против своих прежних хозяев, набирает отряд наемников, оккупирует Фиуме, объявляет себя его «неограниченным властелином» и формирует временное правительство. Этот шаг Д'Аннунцио имел вначале чисто литературное значение: Д'Аннунцио запасался материалами и жизненными впечатлениями для будущей эпической поэмы, для буду-

щего романа, посвященного проблемам психологии пола, для будущего сборника «Военных сводок» полководца Габриэле Д'Аннунцио.

В литературной аванюре Габриэле Д'Аннунцио нет ничего необыкновенного и чудовищного: бывает, что внутри экономически спаянного и организованного, а потому политически и духовно здорового класса имеются отдельные лица, охваченные политическим безумием, поскольку их дела пришли в расстройство и они не нашли себе места в конкретной экономической действительности.

Но полковник Д'Аннунцио находит себе последователь, добивается превращения части буржуазного класса в опору определенного течения, связывающего всю свою деятельность с фиумской авантурой. Правительство Фиуме противопоставляется центральному правительству, дисциплина военной силы, на которой основана власть правительства Фиуме, противопоставляется дисциплине закона, на которой основана власть римского правительства.

И вот литературный эксперимент перерастает в социальное явление. Так же как омское, екатеринодарское, архангельское и прочие правительства в России, правительство Фиуме в Италии воспринимается кое-кем как база для реорганизации государства, как здоровая сила, которая представляет «подлинный» народ, «подлинную» волю, «подлинные» интересы, как сила, которая должна изгнать из столицы узурпаторов. Д'Аннунцио по отношению к Нитти представляет собой то же, что Корнилов по отношению к Керенскому. Литературный эксперимент развязал в Италии гражданскую войну.

Гражданская война была развязана именно буржуазным классом, который на словах так резко осуждает ее. Ведь гражданская война означает столкновение двух властей, между которыми идет вооруженная борьба за руководство государством, столкновение, которое происходит не в открытом поле между двумя строго оформленными, по всем правилам организованными армиями. Гражданская война разворачивается в самих недрах общества, как столкновение самых разнородных групп, как хаос множества вооруженных конфликтов, в котором невозможно ориентироваться огромной массе граждан, в котором безопасность личности и имущества исчезает и сменяется террором, беспорядком, «анархией». В Ита-

лии, так же как и во всех других странах, так же как в России, в Баварии, в Венгрии, именно буржуазия развязала гражданскую войну, создала в стране обстановку беспорядка, террора, «анархии». Коммунистическая революция, диктатура пролетариата были в России, Баварии, Венгрии и будут в Италии величайшей попыткой здоровых сил страны прекратить этот развал, восстановить дисциплину и порядок, не допустить, чтобы общество погрузилось в бездну грубого варварства, неизбежного при голоде, который вызывается прекращением производительной работы в течение периода господства буржуазного террора.

Тот факт, что это произошло, то есть что литературный эксперимент положил начало гражданской войне, что авантюра Д'Аннунцио выявила и политически оформила определенные настроения, широко распространенные и имеющие глубокие корни, дает основания сделать вывод, что буржуазия как класс мертва, что экономический цемент, который придавал ей монолитность, разъеден и разрушен неудержимо развивающимися противоречиями между отдельными кастами, группами, слоями, областями; он дает основания делать вывод, что парламентскому государству не удастся больше играть роль конкретной формы, той объективной реальности, которую представляет собой экономическая и социальная жизнь Италии.

Дает зловещие трещины национальное единство, которое находило свое выражение в этой форме. Кто удивился бы, прочтя завтра известие о том, что в Кальяри, в Сассари, в Мессине, в Козенце, в Таранто, в Аосте, в Венеции, в Анконе и т. д. какой-нибудь генерал, или полковник, или даже лейтенант из отрядов «Ардити»¹ сумел поднять бунт в армейских частях, объявил о поддержке правительства Фиуме и издал декрет о том, что подвластные ему граждане не должны больше платить налоги римскому правительству?

Ныне центральная власть, римское правительство, олицетворяет собой военные долги, закабаление страны международным финансовым капиталом, стомиллиардные убытки, причиненные войной. Вот та кислота, которая разрушает национальное единство и монолитность буржуаз-

¹ «Ардити» («Смелчаки») — вооруженная шовинистическая организация, созданная Габриэле Д'Аннунцио.— *Прим. ред.*

ного класса; вот скрытая причина, объясняющая, каким образом каждый акт нарушения порядка, имеющий «буржуазный» характер, то есть не выходящий за рамки общества, основанного на частной собственности, каждая попытка «реакционного» восстания против центрального правительства найдут поддержку, встретят сочувствие, будут пропагандироваться в печати и обеспечиваться деньгами. Если какой-нибудь лейтенант из отрядов «Ардити» создаст в Кальяри, в Мессине, в Козенце, в Таранто, в Аосте, в Анконе, в Удине правительство, противопоставленное центральному правительству, он станет оплотом всех враждебных настроений, всех эгоистических устремлений местных собственников, он встретит сочувствие, поддержку, получит деньги, потому что эти собственники ненавидят центральную власть и хотели бы избавиться от уплаты налогов, которые центральная власть должна будет ввести для возмещения военных расходов.

Местные правительства, которые выступают против центральной власти в связи с фиумским вопросом, станут организационной формой проявления этих непримиримых противоречий; они будут стремиться удержаться, создать постоянно существующие государства, как это было на территориях бывшей Российской империи и Австро-Венгерской монархии. В Сардинии, Сицилии, долине Аоста, Фриули и т. д. собственники будут доказывать, что жители Сардинии, Сицилии, долины Аоста, Фриули и т. д.— это не итальянцы, что они издавна стремились к независимости, что политика насильственной итальянизации, которую проводило римское правительство, с обязательным обучением итальянскому языку, провалилась; они пошлют меморандумы Вильсону, Клемансо, Ллойд Джорджу... и не будут платить налоги.

Вот до какого положения довела итальянскую нацию буржуазия, одержимая одной лишь страстью — жадной прибыли. Италия психологически находится в том же положении, в котором она была до 1859 года, но сейчас уже не буржуазия заинтересована в экономическом и политическом объединении страны. Исторически итальянская буржуазия уже мертва, раздавленная грузом сто-миллиардного пассива в платежном балансе, разложившаяся под разрушительным влиянием внутренних разногласий, непримиримых противоречий, действующих в ее среде. Ныне «национальным» классом является

пролетариат, рабоче-крестьянская масса, трудящаяся масса Италии, которая не может допустить распада нации, потому что государственное единство является адекватной формой определенного механизма производства и обмена, созданного трудом итальянцев, и представляет собой общественное достояние, которое пролетариат унаследует и с которым он войдет в Интернационал коммунистических стран. Только пролетарское государство, пролетарская диктатура может сейчас остановить процесс развала национального единства, потому что это единственная реальная власть, которая может принудить мятежных буржуа прекратить свои выступления против общественного порядка, заставив их трудиться, ибо кто не работает, тот не ест.

(Без подписи; «Ордине нуово», 4 октября 1919 года, № 20, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

ВЕРЕНИЦА МОШЕННИКОВ

Ответственность за войну несут «только» Саландра и Соннино — таков должен быть тот утешительный вывод, который радикал-социалисты, приверженцы Джолитти, будут, очевидно, пропагандировать в голодной, измученной, испытывающей унижение стране, для того чтобы вернуть ей сознание и силу, воплощением которых является Джованни Джолитти. Саландра и Соннино — мошенники с точки зрения «интересов общества», но позволительно спросить: не зависят ли их злодеяния (и в какой мере они зависят) от злодеяний их предшественников, в том числе и Джованни Джолитти, крупнейшего среди этих предшественников, диктатора Италии в течение тридцати лет?

В своей речи¹ Джолитти указывает на возобновление

¹ Этой речью было ознаменовано возвращение Джолитти на политическую арену после периода изоляции, в которой он находился во время мировой войны. Джолитти, в течение нескольких лет подвергавшийся осуждению за свои возражения против политики участия в войне, выступил в Дронеро с обвинениями по адресу националистических течений и в завуалированном виде — по адресу самой монархии, ограничения конституционных прав которой он требовал.

Тройственного союза в 1912 году; но Джованни Джолитти хитрит; он умалчивает об одной важнейшей детали. Договор о Тройственном союзе был только частью системы союзов, заключенных Италией; в самом деле, еще до 1912 года договор о Тройственном союзе был увязан с целой серией соглашений, заключенных с Англией и Францией с целью обеспечить равновесие в районе Средиземного моря; Германия и Австрия приняли к сведению эти соглашения, которые, таким образом, являлись конкретизацией договора о Тройственном союзе и официальным дополнением к нему. Средиземноморские соглашения между Францией и Италией были увенчаны договоренностью (мы не знаем, в чем она заключалась с дипломатической точки зрения — в обмене ли нотами или в настоящем договоре о дружбе), в силу которой Франция получала от Италии заверение, что Тройственный союз ни в коем случае не будет обращен против Франции ни путем заключения дополнительных соглашений, *ни путем подписания военных протоколов.*

Но в декабре 1912 года Тройственный союз был возобновлен (за семнадцать месяцев до окончания его срока, *который истек бы как раз 8 июля 1914 года*), а соглашения с Англией и Францией возобновлены не были. Таким образом, Джолитти и Ди Сан-Джулиано в один миг разрушили всю эту систему контргарантий, которые, обеспечивая Франции, Англии и России дружбу Италии, в то же время обеспечивали Италии поддержку Тройственного согласия на тот случай, если бы Австрия нарушила статью 7 договора о союзе и выступила инициатором новых захватов на Балканском полуострове.

Затем летом 1913 года Джолитти и Ди Сан-Джулиано пошли еще дальше: они послали начальника генерального штаба Полио в Германию для переговоров о военной конвенции — «Гебен» и «Бреслау» находились в Мессине в августе 1914 года именно в силу этой военной конвенции.

Что это означает? То, что после возникновения общеевропейского пожара Англия и Франция *должны были* относиться с недоверием к Италии, которая не была уже больше связана с ними договорными отношениями. Это означает также, что именно Джолитти дал Англии и Франции *право* не доверять Италии и применить к ней режим угроз и шантажа, если она не вступит в войну против Германии и Австрии.

Одним из звеньев в цепи злодеяний, приведших Италию к вступлению в войну, была, таким образом, деятельность г-на Джолитти; ответственность за войну несут, следовательно, не только те слои буржуазии, представителями которых являются Соннино и Саландра, но и те, которые представлены Джолитти, то есть весь класс итальянской буржуазии со всеми его политическими деятелями; к этому привела вся ее политика постоянной эквилибристики и международных компромиссов. Злодеяние совершила буржуазия, и единственная санкция, которая здесь применима,— это уничтожение господства буржуазии, устранение от власти всех ничтожных людей и всех преступников.

Пять лет войны. Пять лет «нравственного очищения», «возрождения», «мученичества». Пять лет единых «национальных усилий», имеющих целью расширить исторически сложившуюся территорию Италии, расширить сферу влияния ее исторической деятельности за пределы Дронеро, до границ, которые бог и природа предназначили итальянскому племени. И по прошествии пяти лет оказывается, что Италия официальная, Италия правящая все еще ограничена пределами Дронеро, оказывается, что Италия официальная, правящая может найти свое воплощение только в фигуре Джованни Джолитти.

В одном отношении (и, может быть, вообще только в одном отношении) Джованни Джолитти остается самым крупным политическим деятелем Италии. Он является представителем единственной системы сил, вполне удовлетворяющей запросы итальянского общества, в котором господство принадлежит буржуазии. Если эта система сил представляет собой систему преступных сил, если Джованни Джолитти — наиболее преступный элемент этой системы, то отсюда следует такое заключение: господствующий класс Италии может осуществлять свою диктатуру, только оформившись в систему сил, которые проявляют себя как силы преступные; господствующий класс Италии может объединиться вокруг центрального правительства величайшего преступника, каким является Джованни Джолитти. Отсюда следует также и другой вывод: большинство господствующего класса Италии не может не состоять из преступников, если ему не удастся политически оформиться иначе как в систему преступных сил, если ему не удастся объединиться и най-

ти выражение своим политическим интересам, иначе как выдвинув фигуру такого величайшего преступника, каким является Джованни Джолитти. Но то обстоятельство, что только Джолитти способен совершить этот «национальный» объединительный акт, показывает, что он является и остается самым крупным государственным деятелем Италии. В Дронеро билось вчера «подлинное» сердце, работал «подлинный» мозг Италии; в Дронеро вчера было доказано, что, поскольку война не выдвинула новых сил, поскольку война не вызвала коренной перестройки в рядах руководящего класса Италии, этот класс страшно деградировал; он деградировал в такой же степени, в какой война уничтожила национальные богатства, в такой же степени, в какой война уничтожила средства и условия, дававшие возможность легко управлять страной. Было доказано также, что нация отброшена далеко назад в своем историческом развитии: если в нынешней обстановке руководящий класс показывает, что у него нет другого государственного деятеля, способного управлять страной, кроме этого дряхлого преступника, истратившего всю свою энергию на мошенничества и насилия, то это доказывает, что у итальянской нации нет больше руководящего класса, что не существует больше лиц, ответственных за жизнь страны, что итальянская нация оказалась в результате войны в одном из самых страшных и мрачных положений, какие только можно себе представить.

Вот что показала вчерашняя церемония в Дронеро. Та «Италия», которая, чтобы жить и вновь обрести способность к прогрессивному развитию, должна будто бы иметь возможность активно участвовать в жизни мира, должна быть в состоянии расширить сферу приложения своих духовных сил за пределы национальных границ, эта «Италия» не смогла даже распространиться за пределы Дронеро. Пять лет нравственного очищения, возрождения, мученичества, полмиллиона загубленных молодых жизней, еще полмиллиона искалеченных молодых жизней, страна, превращенная в арену постыдной оргии авантюристов, торгашей, спекулянтов, безответственных безумцев. заложенное и перезаложенное навек национальное достояние,— и вот теперь, для того чтобы разрешить насущнейшие проблемы современности, чтобы воздвигнуть из обломков новое здание, совокупность ничтожеств,

составляющих руководящий класс Италии, сумела выдвинуть на политическую авансцену только какого-то живого мертвеца, закосневшего в преступлениях, мошенничествах и насилиях старца, который думает только о том, чтобы свести свои личные счета и счета своей клики и который к разрушениям прибавит новые разрушения и усугубит существующий маразм. В то же время рабочий класс, молодой, сплоченный, полный энергии, рабочий класс, который духовно отождествляет себя со всем миром, — молодая сила итальянского общества — должен безропотно подчиниться этой бессильной старости; полный энергии класс, в котором отражается весь мир, должен позволить обуздать себя этому разлагающемуся трупу, отражающемуся в водах дронерского ручейка...

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 13 октября 1919 года, № 283.)

ПОРАЖЕНИЕ

Господствующий класс Италии ясно и определенно ощутил в эти дни свое непоправимое поражение. Речь Джованни Джолитти в Дронеро и комментарии газет всего полуострова, посвященные этому событию, являются решающим доказательством этого поражения, являются основным документом, отображающим это поражение, основным документом, отображающим этот важнейший период в истории нашей страны, который начался с заключением перемирия (с того времени, когда прекратилось воинственное иступление и перестал действовать националистический угар). Характер этого периода определился с приходом к власти «либерального» правительства Нитти, а заложенные в нем тенденции проявятся с наибольшей остротой в течение следующего срока полномочий парламента, когда кризис, затрагивающий отдельных лиц, фатально и неизбежно превратится в кризис институтов, кризис государства.

Джолитти «воскрес», он еще раз становится «гигантской» фигурой в политической жизни Италии. Еще раз он оказался незаменимым, оказался единственным лицом, способным выражать интересы и «стремления» всего имущего класса Италии, единственной активной «национальной» силой в истории итальянской буржуазии. Его ненавидят, его боятся, его презирают, его оскорбляют, о нем

отзываются как о человеке посредственного ума и невысокой культуры, его считают разбойником, мошенником, вероломным, продажным, но не могут никого ему противопоставить, не могут организовать свою власть таким образом, чтобы во главе представляющей ее группировки стоял другой, более умный, более культурный, более честный, более разносторонний, чем Джолитти; у них нет другого лица, которое могло бы заменить его в роли диктатора. Они наконец осознали поражение своего класса: ведь любой класс живет и развивается лишь в том случае, если он богат талантами, людьми сильной воли, высокой культуры. Чем больше оскорблений наносят они Джолитти, чем лучше удастся им показать, что он — осел, разбойник, вероломный человек, чем лучше удастся им показать, что ему не под силу браться за решение проблем настоящего исторического периода, тем нагляднее эти господа, эти тщеславные и нахальные «господа» духовной жизни, техники, культуры показывают свой упадок, свою старческую слабость. Им — этому «вечно молодому классу, классу, который непрерывно обновляется», — не удастся выдвинуть никого другого, не удастся построить свою систему власти иначе, как во главе с семидесятилетним старикашкой, не удастся добиться общего согласия ни на какую другую кандидатуру, кроме этого живого воплощения мошенничества, вероломства, коррупции, упадка.

Джованни Джолитти — «государственный деятель» мирной эпохи, потому что реформистский оппортунизм — это метод мирной эпохи. Буржуазный оппортунизм разрешает от случая к случаю классовые конфликты, расширяя круг людей привилегированных, расширяя круг лиц, принадлежащих к господствующему классу. Эксплуатируемый класс, класс рабочих и крестьян, объединившись в профессиональные и политические организации, создал свои кадры руководителей, буржуазный оппортунизм пытался поглотить эти кадры, обольщая людей, подкупая их, «воздавая им почести», бросая им немало костей со своего стола, возлагая на них массу ответственных обязанностей. Эксплуатируемый класс, класс рабочих и крестьян, ведет себя по-разному в зависимости от области, в зависимости от профессии: внутри класса существуют категории и слои, дальше продвинувшиеся вперед в своем историческом развитии, более культурные, которым не тер-

пится получить свою долю благ и утвердить свое влияние в обществе. Буржуазным оппортунизмом эти категории и слои пролетариата были поставлены в относительно привилегированное положение по сравнению с основной массой трудящихся: увеличивая прямо или косвенно тяготы, лежащие на весь трудящийся класс, буржуазный оппортунизм дал капиталистам возможность удовлетворять требования некоторых слоев рабочих без уменьшения прибылей. Созданные пролетариатом руководящие кадры были вовлечены в систему государственной власти: им позволили сделаться частью системы скрытых сил, фактически господствующих в стране помимо парламента и вопреки парламенту, — той системы сил, на которой всегда базируется буржуазная диктатура; наряду с банками, с масонскими ложами, с генеральным штабом, с церковной иерархией, с неаполитанской каморрой, с иностранными посольствами Всеобщая конфедерация труда, руководители организаций и кооперативов всегда трудились не покладая рук, свергая и создавая министерства, совершенно не считаясь с демократией и всеобщим голосованием, которые через посредство парламента выражают верховную волю народа.

Война уничтожила условия, в которых могли процветать оппортунизм и реформизм. Война поставила под угрозу самую жизнь людей, жизнь масс в ее элементарном понимании. Нет больше обстановки, благоприятствующей плутням хитрецов, ловкачей, обманщиков; невозможно обманывать и дурачить людей, которым грозит смерть. Кончилось царство ловкачей и плутов. Для того чтобы заново создать условия для жизни и прогресса, исторгнуть человечество из мрачной бездны уныния, скептицизма, невероятной усталости, навести порядок в этом жужжащем рое разъяренных и обезумевших пчел, в который превратилось человеческое общество, нужны гиганты, люди величайшего ума, огромной воли, люди безупречные, люди, которые в силу своей нравственной стойкости сумели бы завоевать всеобщее уважение и доверие, люди, которые действительно сумели бы сделаться подлинными выразителями интересов трудящихся масс; которые благодаря своей простоте, своей духовной чистоте сумели бы различить среди гама, поднятого обезумевшими и развращенными людьми, сквозь гул

усталой, изнуренной, голодной толпы звуки, говорящие о том, что жизнь и история не прекращают своего течения; которые сумели бы обнаружить самые сильные и самые глубокие чувства и сделать их основой новой веры, нового импульса к созиданию, нового порядка. Буржуазия — этот «руководящий» класс, «мыслящий» класс, класс — «носитель культуры», класс, который был «солью земли», — способна выдвинуть из своей среды только посредственных людей — мастеров высокопарной риторики вроде Д'Аннунцио, ограниченных и жалких профессоров вроде Саландры, обладателей убогих и заплесневелых талантов вроде Соннино, ловких биржевых агентов вроде Нитти и в состоянии оказать единодушную поддержку только старикашке, который растратил все свои силы, изощряясь в нетрудном искусстве обмана, мошенничества, коварства, ветхому орудию полиции — Джованни Джолитти, которого она сама оскорбляет, презирает, ненавидит.

Буржуазия уже бесплодна, она не может выдвинуть гигантов, которых требует исторический момент. Она уже утратила свою ведущую роль. Те времена, когда историю творили отдельные личности, миновали. Истории нужны теперь большие социальные коллективы, целостные, сплоченные, способные единодушно проводить в жизнь одну великую животворную идею, связанные друг с другом таким образом, чтобы они действовали как единое целое. Российская Советская Республика — это первый грандиозный пример социального гиганта, живого исторического коллектива; Советы придут на смену великим личностям, героям, творящим историю, вновь вселят в людей веру, дадут новый импульс жизни и прогрессу, из хаоса воссоздадут порядок. Советы спасли Россию, Советы спасут Италию.

(Без подписи; «Ордине нуово», 18 октября 1919 года, № 22, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

«НАРОДНАЯ ПАРТИЯ»

Является ли «народная партия» политической партией (существует ли в действительности «итальянская народная партия»)? Чего хочет эта партия? Вокруг какой конкретной программы конкретных действий предлагает она объединиться народным массам Италии?

Образование «народной партии» является событием большой важности и большого значения в истории итальянской нации. С образованием этой партии процесс духовного обновления итальянского народа, — который отходит от католицизма, преодолевает его, который освобождается из-под гнета религиозных представлений и создает свою культуру, кладя в ее основу и в основу своей исторической деятельности гуманистические начала, реальные силы, порождаемые самим обществом и действующие в его недрах, — приобретает форму, соответствующую его характеру, захватывает широкие народные массы. Образование «народной партии» равно по своему значению германской реформации, это стихийный, неудержимый взрыв, положивший начало итальянской реформации.

«Народная партия» не возникла из ничего, в результате какого-то божественного сотворения. В течение нескольких десятилетий наряду с религиозными организациями католицизм порождал многочисленные организации чисто «земного» характера, ставившие перед собой сугубо материальные цели. В Италии существует густая сеть школ, находящихся в самом цветущем состоянии, организаций взаимопомощи, кооперативов, мелких банков сельскохозяйственного кредита, профессиональных союзов, руководимых католиками, контролируемых, прямо или косвенно, церковной иерархией. Насильственно изгнанный из сферы политики, лишенный какой бы то ни было возможности непосредственно воздействовать на государственные дела, католицизм нашел себе убежище в деревне, свил себе гнездо в сфере местных интересов и ограниченной узкими рамками общественной деятельности той части народных масс Италии, которая продолжала жить в материальном и духовном отношении в условиях сохранившегося феодализма. То, что произошло с католицизмом, во многом напоминает историю, случившуюся с евреями: лишенные права иметь какую бы то ни было недвижимую собственность, евреи стали самыми крупными в христианском мире владельцами движимого имущества и благодаря своему громадному финансовому могуществу сумели сделать своими данниками клерикальные государства, в которых они находились под политическим и духовным гнетом; католики, которых либералы лишили их полити-

ческого могущества, утвердили свое влияние в сфере многочисленных местных экономических интересов и теперь организуются в систему социальных сил и ставят в зависимость от себя антиклерикальное государство, которое подвергало их духовному угнетению и лишило их возможности играть действенную роль в истории цивилизации.

Католицизм снова выходит на авансцену истории, но как католицизм модифицированный, как католицизм «реформированный». Дух превратился в плоть, и плоть бренную, подверженную, так же как и человеческое тело, историческим законам развития и отмирания, которые присущи общественным институтам человека. Католицизм, воплощением которого являлась замкнутая, чрезвычайно узкая по составу, строго централизованная иерархия, обладающая неограниченной и бесконтрольной властью над толпой верующих, сам превращается в толпу, становится эманацией толпы, воплощается в такой аппарат власти, который обращается к толпе за одобрением, который толпа по своему капризу может отстранить и ликвидировать; теперь католицизм связывает свою судьбу с удачным или неудачным исходом политической и экономической деятельности людей, обещающих толпе земные блага, намеревающихся вести ее навстречу земному счастью, а не только уже ко граду божьему.

Католицизм вступает, таким образом, в соперничество уже не с либерализмом, уже не со светским государством, он вступает в соперничество с социализмом, начинает действовать в той же плоскости, что и социализм, так же, как социализм, он апеллирует к массам и им же, социализмом, будет разбит и окончательно изгнан из истории.

Существование «народной партии» представляет собой необходимый этап в процессе развития итальянского пролетариата к коммунизму. Движение, возглавляемое этой партией, порождает дух коллективизма, объединения, порождает дух солидарности там, где социалистическое движение не могло бы этого сделать ввиду отсутствия объективных условий, создаваемых капиталистической экономикой; оно порождает по крайней мере стремление к объединению и к солидарности. Оно придает уже некоторую, пока еще первоначальную, четкость и направленность тому неопределенному смятению, которое охватило известную часть трудящихся масс,

чувствующих, что они вовлечены в движение, совершаемое гигантской машиной истории,— механизмом, который они не понимают, не могут постигнуть, так как у них нет перед глазами его прообраза, его модели — современного большого завода. Это смятение, эта охватившая целые социальные слои паника, характерная для настоящего периода, заставляет даже самых отсталых в историческом смысле индивидуумов выходить из своей изоляции, искать утешения, надежды, веры в коллектив, в ощущении близости к себе подобным, в физическом и духовном единении с другими охваченными ужасом людьми. Как, каким путем могло бы социалистическое миропонимание придать определенную организационную форму этому брожению, этому бурлению отсталых сил? Демократический католицизм делает то, что социализм не смог бы тогда сделать: сплачивает, приводит в порядок, пробуждает к жизни эти силы и таким образом сам себя убивает. Приобретя определенную организационную форму, превратившись в реальную силу, участвующая в этом движении толпа смыкается с сознательными социалистическими массами, становится их естественным продолжением. То, что было бы невозможно для отдельных лиц, становится возможным для больших объединений. Сорганизовавшись, приобретя сознание своей реальной мощи, эти люди поймут превосходство социалистического лозунга «Освобождение пролетариата будет делом рук самого пролетариата», захотят взять свою судьбу в собственные руки и сами развернут свои силы, не пожелают больше терпеть посредников, не захотят больше иметь пастырей, властвующих над ними, и начнут действовать по собственному побуждению — станут людьми в современном понимании этого слова, людьми, которым собственное сознание подсказывает, как надо действовать, людьми, которые разбивают идолов, свергают бога.

Поэтому социалистов не пугают существование и стремительное продвижение этой новой партии, которая шестидесяти тысячам членов социалистической партии противопоставляет шестьсот тысяч своих членов. «Народная партия» стоит в таком же отношении к социалистам, как Керенский к Ленину; итальянский парламент 25-го созыва будет свидетелем разгрома скороспелых политических формирований, возникших на почве стихий-

ного стремления крестьян к власти, подобно тому, как свидетелем такого же явления было Учредительное собрание Российской демократической республики.

(Без подписи: «Ордине нуово», 1 ноября 1919 года, № 24, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

Политическая битва в туринской провинции¹ ЗА КУЛИСАМИ ДЖОЛИТТИАНСТВА

I

Необходимо преодолеть чувство отвращения, которое вызывает нынешняя полемика между джолиттианцами и фашистами, и, поскольку «блок победы» — это сплошной гнойник, будет уместно остановиться на «либеральном» списке, на газете, которая его поддерживает, на том, что представляет собой этот список. Прежде всего неискушенному человеку мог бы прийти в голову такой вопрос: что за процесс вырождения и быстрой деградации охватил буржуазию нашей страны, что она являет собой столь отвратительное зрелище? Класс — защитник порядка, обладатель бесчисленного количества «успокоительных средств», необходимых стране, привыкший с почтением относиться к правилам внешнего приличия, которые он научился соблюдать за те долгие годы, когда он занимал монопольное положение на политической арене, стал попираť эти правила так бесцеремонно, что побил в этом отношении все рекорды. Настало, значит, время, когда начинает оправдываться пословица: «Кого Юпитер хочет погубить...» Да, нельзя не признать, что тот своеобразный характер, который приняла борьба внутри класса буржуазии, — это признак разложения, и это разложение не есть ни местное, ни временное явление; оно охватывает весь класс, разрушая его единство и кладя конец его исторической миссии и исторически полезной роли. Тем не менее возможно, что различные группы буржуазии, которые сейчас оспаривают друг у друга власть, проявили бы гораздо большую сдержанность, если бы не рассчитывали на наивность публики, на слабую память народа.

¹ Речь идет о первых после войны 1915—1918 годов парламентских выборах.

Если бы они сильнее чувствовали в своих слушателях и читателях людей, способных анализировать факты и аргументы (а достаточно было бы самого грубого анализа), постоянно связывать настоящее с прошлым для того, чтобы сопоставлять их и таким путем извлекать уроки на будущее, они, несомненно, обнаружили бы большую стыдливость, и она помогла бы им и удержала бы их. Но даже если допустить, что итальянский народ в отношении памяти обладает всеми недостатками любого другого народа, возведенными в квадрат, — по крайней мере таким его пытались сделать правящие классы, — даже и при таком допущении они, как мы полагаем, придают уж слишком большое значение фактору времени, словно время — это губка, вполне пригодная для того, чтобы стереть следы, которые могут потом стать источником беспокойства и тревоги, подобно тени Банко.

Характерным результатом этого наглого расчета на недостаток итальянцев — на их свойство жить сегодняшним днем — является кампания, которую вела в течение всего этого периода «Стампа».

Эта последняя в процессе своей сложной и искусной деятельности поняла, насколько выгодно, подводя итог своим выступлениям, толковать их в идеалистическом духе, на потребу «добрым пьемонтцам». Она усиленно старалась идеализировать свою деятельность во время войны, сводя ее к соблюдению некоторых принципов, или, лучше сказать, норм хорошего поведения в сфере политики, в которых заключалась чудодейственная сила, к сожалению, все еще не включенная в фармакопею «священного единения», — сила, способная спасти Италию от катастрофы.

В газете «Стампа» идет непрерывный процесс мифообразования: она знает, что ее читателям нужна политика... в образах и символах, и вся идеология и вся фразеология, которыми она до сих пор пользовалась, могли без труда уместиться на немногих плакатах, украшенных несколькими знаменитыми девизами, незаменимыми для политического воспитания будущего итальянского гражданина времен *консула Джолитти*.

Прежде всего перед нами «здоровый, крепкий и честный Пьемонт», принципиально и по соображениям благоразумия стоявший за нейтралитет, принявший участие в войне не потому, что он был сторонником войны, а пото-

му, что его побудило к этому возвышенное чувство долга, в противоположность (пусть позлится «Коррьере делла сэра») Ломбардии болтунов и торгашей.

Эта областническая тенденция несомненна, и это одна из самых неприятных сторон кампании, которую проводит «Стампа», даже если рассматривать эту тенденцию как реакцию на какую-то животную вражду, являвшуюся причиной того открытого презрения и той подозрительности, с которой смотрел на «пьемонтца», мобилизованного в первый период войны, какой-нибудь офицерик. Разумеется, все это никогда не принимает в газете прямой, откровенной формы, а щекотание гипертрофированного самолюбия наших пьемонтцев сопровождается раздуванием того самого «мифа» о молчаливом и непоколебимом героизме, о котором мы только что говорили. Мы признаемся, что такой Пьемонт нам неизвестен, мы думаем, что он вел войну и спекулировал на войне, смотря по обстоятельствам, так же как все другие области Италии, и отказываемся отнестись благосклонно к подобной версии.

Затем превозносится «образцовый» государственный муж, Джованни Джолитти,— тот человек, у которого было в руках счастье Италии, но который по чистой случайности, подобно легендарному Мартино, не смог его удержать. Тогда он погрузился в презрительное молчание, плакал кровавыми слезами, как новоявленный Иисус в Гефсиманском саду, и теперь, пережив то время, когда ему приходилось носить почетные оковы суровой дисциплины и железного единства, наложенные «защитой отечества», снова выступил на сцену, требуя, чтобы за ним признали право объявить себя патриотом, и ожидая, что после выборов его объявят «спасителем отечества». У этого образцового государственного мужа есть образцовый, «классический» предшественник, нечто вроде нимфы Эгерии¹, дух которой он может вызывать в замке Сантена — Камилло Кавур.

Наконец, дальше на очереди стоит «образцовая» политика. Свобода при сохранении порядка, правильное соотношение между внутренними потребностями страны

¹ Нимфа Эгерия, согласно мифу, была советницей второго римского императора Нумы Помпилия. Нимфой Эгерией иронически называют человека, являющегося советчиком государственного деятеля — *Прим. ред.*

и требованиями международной политики, точное соразмерение усилий и целей с имеющимися в наличии средствами, максимальная смелость в области реформ, солидарность всех классов и т. д. и т. д. И так как в Италии не нашлось «мифа» о такой политике, сенатор Фрассати с незаурядным упорством ищет его в других странах: в Англии, поскольку либерализм несколько увял, он находит этот миф в тред-юнионистском движении; в Германии — у социалистов большинства, закадычных своих друзей; в Италии ему ничего не остается, кроме как заигрывать с Всеобщей конфедерацией труда в тщетной надежде, что в один прекрасный день крупнейшая рабочая организация, бесповоротно отрекшись от революционного социализма, вернется к увлечениям эпохи реформизма, к флирту с Джованни Джолитти.

Рисуемые газетой картины оживляются кое-где игрой светотени, но нам пока незачем углубляться в эту тему. Пожалуй (даже наверняка), такие идеализированные изображения людей и — назовем их так — программ могут служить приманками и маяками, на которые очень удобно ориентироваться в хаосе буржуазного разложения, но мы отрицаем, что за этими «мифами» стоит реальность и что «Стампа» имеет право отправлять в их честь какой бы то ни было культ.

«Стампа» находится в выгодном положении в борьбе со своими противниками по очень простой причине: находясь в течение четырех военных лет под надежной защитой «отечественных порядков», национальной дисциплины, она избежала бурь, сокрушавших даже самых сильных людей, избежала капли, измучившей самые закаленные души. Она выступает против тех, кто творил зло во имя добра... которое они сделали бы и которое вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств и фашистского заговора они не смогли сделать. Все ее заслуги, так же как и заслуги Джованни Джолитти, условны. Они тем громаднее, чем более негативен их характер. Они, как огромные и постоянно меняющие свои очертания тени, маячат вдоль всего пути, который прошла наша страна в эти годы мученичества. Каким образом проверить цельность рекламируемых снадобий?

Если бы Джованни Джолитти остался у власти... Но хотя мы и идеалисты, мы полагаем, что в этих случаях подобает придерживаться... позитивного опыта, и отказы-

ваемся давать оценку человеку и системе в таких условиях, когда это было бы равносильно выдаче ему векселя на доверие. Тем более, что, как нам подсказывает память, мы имели за несколько лет до войны образчик того, как действует Джолитти в обстоятельствах, которые особенно подходят для сравнения, -- это ливийская война.

И, не слишком увлекаясь сравнительным анализом, мы можем без опасения быть опровергнутыми высказать следующие заключения:

1) во время ливийской войны имела место такая же (с поправкой на масштаб) обработка умов с помощью официальной и официозной журналистики, как и во время нынешней войны. Те же самые приемы фабрикации общественного мнения, фальсификации сообщений, методического и преступного «культивирования иллюзий»;

2) во время ливийской войны имела место самая разнузданная спекуляция всем, чем можно было спекулировать, и привился, став вполне «отечественным», институт «поставщиков»;

3) для борьбы с социалистическим меньшинством, отказавшимся поддержать войну, тогда везде организовывались агрессивные и грубые шовинистские силы, заслуживающие наименования «фашистских» как по употребляемым ими доводам, среди которых на первое место выдвигалось «иностранный капитал», так и по методам борьбы, к числу которых относилось восхвалявшееся пресловутым Бержере, и именно на страницах газеты «Стампа», «разукрашивание синяками упорствующих революционеров»;

4) ливийский поход был предпринят без всякого учета реального внутреннего положения в стране, без всякой заботы о «правильном соотношении между целями и имеющимися в наличии средствами». «Стампа» вела тогда «идеалистическую» кампанию и в одном из номеров воспроизвела крупным шрифтом на первой странице изречение Франческо Криспи о том, что рычаг, с помощью которого можно поднять страну, нужно искать за пределами этой страны;

5) если бы было проведено полное расследование того, как велась ливийская война, то в отношении расточения людских ресурсов и денег были бы получены, опять-таки с поправкой на масштаб, результаты, идентичные тем, которые дало расследование о Капоретто.

Мы останавливаемся, так как нам кажется, что этого достаточно, чтобы отказать газете «Стампа» в праве разыгрывать из себя Катона. Но ее несостоятельность доказывается не только ее недавним прошлым: мы полагаем, что и в настоящем более чем достаточно элементов, показывающих, насколько ветхи доспехи, в которых выступила на арену борьбы джолиттианская группа. Но об этом в следующей статье.

II

В своей борьбе против вступления Италии в войну сторонники Джолитти будто бы руководствовались двумя основными мотивами: военной и дипломатической неподготовленностью и опасением, что вступление в войну нарушит то равновесие между германской и англосаксонской системами, на котором зиждется внешняя политика, наиболее отвечающая интересам Италии.

Беда в том, что основные соображения были высказаны уже по окончании войны, явились запоздалым плодом «заднего ума». И этого не опровергнешь ссылкой на то или иное место из статьи или частного письма, где в свое время высказывался этот взгляд, ибо чем больше оснований считать, что Джованни Джолитти помогало определить свою позицию известное знание итальянской действительности и пророческое предвидение последствий, к которым приведет осуществление иной политической линии, тем более велика его вина перед страной. Действительно, каким образом «фашизм» смог завладеть властью в «радужные» майские дни и затопить страну злобонным морем лжи, которая в течение четырех лет ежедневно повторялась почти всеми периодическими изданиями Италии? Каким образом меньшинство, экономически и политически заинтересованное в войне, смогло без труда осуществить свое желание и развязать войну? Как случилось, что решение вопроса о войне было не результатом сознательного выбора, сделанного нацией, а результатом личной победы Саландры и личного поражения Джолитти? Все это оказалось возможным именно потому, что Джолитти в течение долгих лет своей диктатуры проводил внешнюю политику, совершенно не зависевшую от желаний страны, не учитывая и не выявляя их, и этим помешал стать естественным содержанием национальной

политической культуры тем драгоценным нормам, которые, по мнению «Стампы», дали бы Италии компас и предотвратили бы кораблекрушение. В какой программе, излагавшейся при открытии заседаний нового парламента, в какой парламентской дискуссии о бюджете министерства иностранных дел или о военных расходах, в каком обращении к стране внешняя политика трактовалась с этой точки зрения и с учетом высказанных сейчас соображений? Если Италия смогла оказаться в плену общих мест, софизмов, самых грубых нелепиц, то не потому ли, что джолиттианская диктатура всячески избегала таких действий со своей стороны, которые способствовали бы выработке иммунитета против этой болезни? Для этого надо было помешать тому, чтобы внешняя политика свелась в глазах рядовых граждан страны к изящным призывам Барцилаи, повторявшимся, как церковный обряд, при каждой смене состава парламента и рассчитанным на то, чтобы ни в коем случае не предавать забвению вопрос о Тренто и Триесте.

Видано ли было когда-нибудь, чтобы Джованни Джолитти собрал в палате большинство, которое объединилось бы вокруг вполне определенной внешнеполитической программы? Главным образом с помощью разбойничьих манипуляций, известных по выборам на Юге, он всегда добивался объединения вокруг себя широкого, бесформенного большинства без определенных идей и стремлений. Таким образом, Джолитти был в мае 1915 года укушен змеей джолиттианства. Почему же триста депутатов, которые послали ему знаменитую визитную карточку и составляли большинство палаты, голосовали за объявление войны? Потому, что их связывали с Джолитти не убеждения и не общность программ, а их личное положение и ситуация, сложившаяся в результате выборов, и когда им показалось, что диктатор выпустил из рук волшебную палочку власти, а «фашистские» орды начали бурно наседать со всех сторон на Монтечиторио, триста депутатов не вступили в бой и не пали, подобно тремстам спартанцам Леонида, защищая... концепцию Италии как гаранта равновесия в Европе, а, наоборот, разбежались и покинули — хотя и не без грусти, к которой примешивался великий страх, — своего вождя. Таким образом, виновным в развязывании войны нужно считать не «фашистское» меньшинство, а джолиттианское

большинство, у которого не хватило сил избежать ее именно потому, что Джолитти сделал из него стадо овец, лишив его путем долгой дрессировки всяких серьезных убеждений, всякой нравственной силы.

А во время войны? Наименование «нейтралисты», которое кандидаты либерального списка сейчас охотно приемлют потому, что с ним очень удобно предстать перед избирателями, джолиттианцы раньше всегда отвергали с негодованием. Все эти годы «Стампа» использовала в своих выступлениях эту двусмысленность: ее отрицательное отношение к вступлению в войну определялось соображениями относительно своевременности этого шага и подготовленности страны, касалось формы и времени, и его не нужно смешивать с решительной и принципиальной антивоенной позицией социалистов. Так что, если бы Джолитти был у власти, это совсем не значит, что он не стал бы воевать; «может быть», он тоже стал бы воевать, но после основательной подготовки, затребовав все гарантии и все компенсации, какие можно было получить, вступив в войну в тот момент, когда можно было бы заставить союзников заплатить за это самую дорогую цену.

Двусмысленность состоит в том, что «Стампа» часто теми или иными оценками, известной расстановкой акцентов, приданием определенной окраски высказываемой мысли пыталась создать себе ореол принципиального противника войны и в то же время старалась не задевать патриотических чувств своих читателей, стараясь укрыться за броней доводов, касающихся исключительно вопроса о своевременности вступления в войну, о практическом осуществлении этого шага. Таким образом, обращаясь к рабочим, она разговаривала в самых решительных тонах, обращаясь к буржуа — в самых умеренных; а теперь, во время предвыборной кампании, когда массы вновь приобрели все свое влияние, уничтоженное военным режимом, кандидаты-джолиттианцы отбрасывают доводы практического характера и всячески подчеркивают общие соображения, то есть те соображения, к которым массы рабочих и крестьян более восприимчивы. Таким образом, сейчас джолиттианцы с точки зрения принципов будто бы не отличаются больше от социалистов, они только утверждают (см. речь Факта), что, когда война бы-

ла объявлена, они подчинились дисциплине «священного единения» с целью не допустить, чтобы страну постигла катастрофа.

Далее, такой же суммарный анализ позиции джолиттианцев в парламенте, в первую очередь позиции нынешних «либеральных» кандидатов, показывает нам, что из этой группы ни разу не раздавался честный и смелый голос, ни разу не занимала она честной и смелой позиции, которая провела бы разграничительную черту между нею и остальными депутатами и в то же время помешала бы совершению тех грубейших ошибок, которые сейчас «Стампа» приписывает только своим противникам.

Начиная с «патриотического» заседания в мае 1915 года, на котором депутаты единодушно устроили Саландре овацию, и заседания в декабре 1915 года, на котором только социалисты отказали в доверии Саландре, мы не найдем и следа каких бы то ни было действий со стороны джолиттианцев, дававших им впоследствии право выступать перед страной по окончании войны в роли Кассандр, которым не вняли вовремя.

Министерство Бозелли, являющегося сейчас мощной фигурой (в его годы!) в «блоке победы», получило от «Стампы» великое множество цветистых комплиментов. По случаю награждения достопочтенного г-на Бозелли орденской цепью ордена Благовещения эта газета писала 1 января 1916 года:

«Самый высший знак отличия, о котором может мечтать итальянский гражданин, пожалован Паоло Бозелли. Мы думаем, что никто не заслужил его больше, чем он, и своим положением уважаемого старейшины парламента, и своей многообразной, мудрой деятельностью на посту министра, своим благородным, возвышенным патриотизмом, удивительной талантливостью, которой блещет его подвижной ум», и т. д.

И когда после падения Саландры образовалось министерство Бозелли, «Стампа» 15 июня того же года выразила «живейшее чувство удовлетворения и, мы бы сказали, даже радости». Не мешает вспомнить, что в министерство Бозелли входили Биссолати, Соннино, Орландо и в качестве помощника секретаря г-н Чезаре Росси, кандидатура которого значится сейчас в джолиттианском списке. Впрочем, до этого, 20 марта 1916 года, палата выразила доверие Саландре, и среди голосовавших за дове-

рие оказались Бозелли, Данео, Саудино, Бувье, Факта, Росси и другие; то же самое повторилось 17 апреля.

С падением в ноябре 1917 года, после Капоретто, министерства Бозелли ему на смену пришло министерство Орlando — Соннино, в котором пост помощника секретаря остался за Чезаре Росси и за которое постоянно до самого момента его падения голосовали как интервенционисты, так и джолиттианцы.

Никто из этих людей ни разу не совершил ни одного смелого шага, не сделал ничего, что обнаружило бы их истинные взгляды и дало бы им право после того, как все уже было кончено, отрицать, что и они в равной мере несут ответственность за случившееся. Правда, был организован парламентский союз, но его деятельность ограничилась манипуляциями в кулуарах, оспариванием у «фашистов» постов в министерстве и комиссиях; однако он не сделал ничего такого, что могло бы дать стране хоть какое-нибудь представление о том, в какую пропасть ее влекут, что представляло бы собой хоть сколько-нибудь цельную, программного характера платформу. Жизнь союза протекала в кулуарах Монтечиторио, его борьба, его победы, его поражения — все они не выходили за эти пределы, а когда его деятельность могла бы приобрести какое-то реальное значение, его участники поспешили распустить его, что дало им всем возможность исчезнуть, растворившись в трусливом, но удобном единодушии палаты, укрывшись за ширмой общих мест парламентской риторики.

Соглашательство джолиттианцев этим не ограничивается; они запятнали этим соглашательством, как мы увидим, всю свою предвыборную кампанию — от составления списка до выработки программы.

III

Джолиттианцы подробно и с видимым удовольствием перечисляют, сколько человеческих жизней и сколько миллиардов поглотила война; даже сами социалисты были бы приведены в замешательство, если бы избирательная борьба превратилась в состязание, кто нарисует послевоенную ситуацию наиболее мрачными красками; по части же красок «Стампа» располагает секретами, позволяющими добиваться верного успеха.

Несмотря на это постоянное и методическое подчеркивание катастрофических последствий войны, «Стампа» всячески избегает давать соответствующую этой констатации зла последовательную и смелую критику его причин. Причины европейской войны, тот факт, что она разразилась в эпоху расцвета технического и культурного прогресса, ответственность отдельных классов и партий — словом, значение этой чудовищной трагедии никогда не было раскрыто «нейтралистами»-джолиттианцами во всей глубине. «Стампа» досыта потчует своих читателей хроникой событий, приведших к вступлению Италии в войну, но уделяет очень мало внимания истории самой войны, в которой участие Италии было только второстепенным эпизодом. Война заставила всех людей, заслуживающих этого наименования, подвергнуть полному пересмотру все институты, все программы, все формы современной политической и экономической жизни.

Перед лицом страшных опустошений, вызванных войной, нет больше ничего святого; единственное, что не утратило величия, — это смерть, и все, что не помогает окончательно ее умиловить, представляет собой настоящее «оскорбление ее величества».

Итак, один из самых больших грехов джолиттианцев состоит в том, что они свели проблему войны к проблеме вступления в нее Италии, а проблему нашего вступления в войну — к проблеме победы [фашистов, и никакие]¹ кажушиеся смелыми тирады «Стампы», современнейшие взгляды и апокалиптические призывы, обращенные к «здравому смыслу» «разумной» буржуазии, не могут изменить того обстоятельства, что эта газетная кампания по самому своему характеру совершенно неспособна никого ничему научить: она поможет поставить преграду бесчинствам фашистов, но не поможет, конечно, излечить итальянскую буржуазию от ее близорукости, будь эта близорукость интервенционистская или же нейтралистская. Война для них не есть явление исторического прошлого, общего для всех сил добра и зла, которые вызвали ее или не помешали ее возникновению; дело ограничивается самое большее изучением «обстановки» в Италии, проводимым определенными группами бур-

¹ В тексте отсутствует одна строка, которую мы восстановили по смыслу.

жуазии, которым только раздражение по поводу перенесенных обид и желание взять реванш в борьбе с группами, принадлежащими к их же классу, придает храбрость и «широту» взглядов — качества, которые, конечно, обусловлены отнюдь не их нравственным превосходством.

Мы прочли «программу» «либеральных» кандидатов. Это — шедевр по части абстрактных рассуждений, пустопорожних обобщений, туманных намеков, по которым нельзя ни узнать, какой партии принадлежит эта программа, ни отличить ее (если отвлечься от формы) от избирательных программ католиков, либералов меньшинства и даже фашистов.

Мы находим там утверждение о необходимости восстановления страны и активных действий «всех слоев населения страны, принимающих участие в производстве, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве и в торговле, как руководителей, так и исполнителей». И далее следует обычная дребедень: бюджетная экономия, справедливое распределение налогов, профессиональное обучение, упорядочение судопроизводства, гласность внешней политики и так далее в том же духе.

Здесь как раз было бы уместно подвести баланс войны, вычислить причиненные ею убытки и изучить вопрос, можно ли возместить эти убытки с помощью рекомендованных средств даже в том случае, если все они применимы и эффективны. В чем могут состоять в такой стране, как наша, усилия слоев населения, принимающих участие в производстве? Сколько лет сможет еще просуществовать итальянская промышленность в условиях, когда Антанте принадлежит монополия на сырье? Возможно ли уравновесить баланс даже с помощью смелой налоговой политики, политики обложения сверхприбылей, пускай даже — воспользуемся выражением Нормана Энджелла¹ — с помощью политики мобилизации богатств?

Весь мрачный пессимизм газеты «Стампа» теперь исчез; она признает серьезность ситуации (а сделать это не

¹ Английский писатель-пацифист, автор книги «The Great Illusions» («Великая иллюзия»).

стоит большого труда), но уклоняется от рассмотрения *всех* ее элементов: ведь теперь перед ней стоит задача более скромная, чем нанесение удара по фашизму, — завоевание мест в парламенте. Если бы «Стампа» произвела честный и всесторонний анализ положения в стране, ее «большевизм» (как любят именовать ее линию фашисты), этот дилетантский «большевизм» «Стампы», должен был бы превратиться в настоящий большевизм, и тогда почтенный г-н Фрассати должен был бы сложить свои полномочия сенатора и во главе всех своих последователей, осознавших необходимость коренного изменения режима для «спасения» Италии, подать заявление о вступлении в социалистическую партию.

Или «Стампа» в пылу полемики сгустила краски, рисуя «трагичность» положения Италии, показывая тупик, в который завели страну ее правители, или, как оно и есть в действительности, все это является констатацией очевидного факта, и в этом случае единственный выход (другой вопрос — легкий или нет, рискованный или нет), единственная возможность спасения для Италии состоит в социалистической революции, которая ставит *проблему полного переустройства общества* и находит в коммунизме единственное практическое средство ее разрешения.

После стольких дешевых острот по адресу Клемансо и Ллойд Джорджа, французских и английских консерваторов, неспособных понять, что уже пробил час, когда буржуазия, ответственная за катастрофу, должна дать дорогу пролетариату, «Стампа» вдруг с легким сердцем заявляет, что «осуществление самых широких свобод, являющееся вернейшим средством для перегруппировки и взаимного уравнивания всех социальных сил, поможет очень быстро отыскать способ разрешения противоречий между трудом и капиталом и указать как одному, так и другому самую обширную область общих интересов, которые свяжут их вместе и заинтересуют их в национальном процветании».

Когда дело шло о борьбе против поверхностных концепций и умозрительных построений наших интервенционистов, которые притворялись, что верят, и хотели внушить всем, будто война была плодом сатанинского умысла

кайзера и его окружения, «Стампа» любила громить эту детскую и шутовскую интерпретацию такого события, как война, и настойчиво доказывала, что волей отдельных лиц нельзя объяснить ее возникновения, что причины войны восходят к политическому и прежде всего экономическому антагонизму двух блоков — англосаксонского и германского. Тогда было выгодно оставлять в стороне отдельных лиц и осуждать систему.

Но антагонизм между отдельными капиталистическими державами — это логический, неизбежный продукт капиталистической системы, ее исторического формирования и ее внутреннего устройства. Не нужно быть социалистом, чтобы понимать это.

Теперь же когда речь идет о переустройстве общества, «Стампа» ограничивается заявлением, что необходимо, чтобы снизошел на «родину длительный период мира», забывая, что этот мир, так же как и война, зависит от процесса развития международного капитализма и что, для того чтобы гарантировать этот мир, человечеству необходимо ликвидировать эту (действительно историческую) фатальную неизбежность «все более грандиозных по масштабу и кровопролитных войн» (как справедливо говорится в программе социалистической партии), которую несет с собой режим международной конкуренции, свойственный капитализму и естественный для него.

Единственное лекарство, которое может предложить «либеральная» программа, — это пообещать, что избранники народа будут бороться «против всех безумных действий, совершаемых, сознательно или бессознательно, внутри или вне страны и препятствующих созданию условий, необходимых для прочного мира могут быть подготовлены «избранниками народа», будь то либералы или социалисты, а не зависят от тех возможностей, которые имеют капиталисты всех стран для того, чтобы возобновить свою конкурентную борьбу, чтобы значительно более прямым путем, чем тот путь, который открыт перед парламентами, даже избранными самым что ни на есть всеобщим голосованием, определять судьбы стран, жизненные центры которых находятся в их руках. «Государственная власть» сейчас, как и перед войной, принадлежит банкам и акционерным обществам. Прежде говорили: «хочешь мира, готовься к войне»; теперь же нужно при-

знать, что для того, чтобы создать «прочные гарантии мира», нужно в корне изменить экономическую структуру общества, потому что только при этом условии станет возможна, с приходом к власти производителей, та истинная «свобода», которая является «прочной» гарантией мира.

Проблему полного переустройства общества либералы подменяют абстрактной и оппортунистической проблемой «социального мира»: они считают, подобно националистам, с которыми «Стампа» таким образом солидаризируется, что внутри каждой нации существует «общность интересов» между буржуазией и пролетариатом, между капиталом и трудом и что эта общность является основой «национального процветания».

Такая общность интересов существует, но она того же характера, что и та общность, например, которая связывала немецких рабочих и промышленников до войны и действительно привела к «национальному процветанию», но неизбежное столкновение между различными «процветающими нациями» вызвало европейскую войну, в которой пролетариат разных стран жестоко заплатил за процветание, неосторожным, близоруким создателем которого он был.

Уничтожив эту общность, связывающую два класса, то есть положив конец сообщничеству, имевшему целью обеспечение материального благополучия во вред другим нациям и в конечном счете во вред самой данной нации, социалисты отрицают возможность переустройства общества в этих рамках. Оно невозможно во всех странах, вдвойне невозможно в Италии, где нет, конечно, такой буржуазии, которая могла бы хоть в какой-то степени возместить рабочим их отказ от классовой политики, проявив хотя бы малейшие способности к руководству, минимум разумной и плодотворной инициативы.

Принимая к сведению, что от «новизны» политической концепции «Стампы» почти ничего не осталось, мы должны, однако, указать на одно ее рассуждение, которое показывает нам самую, может быть, характерную и роковую сторону джолиттианства.

В редакционной статье, напечатанной в номере от 1 ноября, «Стампа», выступая против того сплошного блё-

фа, который представляют собой программы фашистов, замечает: «Не покажется слишком смелым предположение, что как для создания конституционных государств нужны люди, верящие в конституцию, так и для практического осуществления социальной демократии нужны будут люди, которые верят в демократию и социализм, по крайней мере в государственный социализм».

А нельзя ли узнать, во что верят джолиттианцы? В буржуазию? Нет, потому что знают ее бездарность. В пролетариат? Нет, потому что боятся эксцессов с его стороны. В либерализм? Нет, потому что для «новых времен» это пройденный этап. В социализм? Нет, потому что Карл Маркс, по выражению их лидера, теперь «отправлен на чердак».

В действительности у джолиттианцев нет ни веры, ни программы: джолиттианство — это скромная практика управления, лишенная всякой идеологической оснастки, которая была бы для нее обременительна. И если это позволяет ему действовать более свободно и легко лавировать среди самых серьезных трудностей, то в то же время это лишает его всего, что могло бы послужить компасом, указывающим верную дорогу. Джолиттианство — это «государственный интерес», превращенный в верховный принцип управления страной, и причем государственный интерес в такой трактовке, которой не хватает того высшего и целостного понимания государства, которое, например, лежало в основе просвещенного консерватизма Кавура.

Причина всей неопределенности, присущей позиции «Стампы», бесплодия ее внешне смелых установок состоит как раз в том, что буржуазия и пролетариат, либерализм и социализм рассматриваются ею любопытно-скептическим оком как составные элементы, которые нужно учитывать и которые нужно примирить во имя того, что является *suprema lex* [высшим законом]: порядок и... возможность жить по-прежнему, «без позора и без славы».

«Социализм» газеты «Стампа» ни к чему не приведет, потому что «Стампа» в социализм не верит; широту взглядов, присущую крупной газете, которая предлагает вниманию общественного мнения все злободневные темы и пытается завоевать все более широкие круги читателей, она превратила в то же время в принцип управления.

Однако такая широта взглядов — это, повторяем, широта взглядов наблюдателя, любопытного зеваки, которого

ничто не испугает, потому что ему все безразлично. Как для Макиавелли религия была всего лишь средством укрепления власти, так и для этого во сто крат меньшего макиавелли, для Джолитти, социализм — это средство, используемое для «повседневного управления» государством. И в джолиттианском государстве нет ничего от идеальной красоты, от качеств, свойственных «государству» Макиавелли.

Социализм рассматривается не с точки зрения тех причин, которые его породили, тех решений, которые он намечает, той гигантской по своему значению проблемы, решение которой он стремится дать, а с точки зрения того движения, которое он вызвал к жизни и которое необходимо ввести в существующие государственные рамки.

Джолиттианское государство ничего не решает: оно стремится лишь устоять. Джолиттианцы лезут из кожи вон, чтобы совершить это чудо: сделать так, чтобы Италия продолжала жить; лишь бы она жила, как бы ей ни жилось. Для поколения, которое прошло через войну, этого слишком мало, ради этого не стоило проклинать войну за миллионы погубленных ею жизней, разрушенные города, уничтоженные богатства и призывать в этом бедственном положении зарю новых времен.

IV

Смягчению джолиттианской критики в условиях, когда установки джолиттианцев превратились в предвыборную программу, соответствуют аналогичные изменения, произведенные под флагом самого жалкого оппортунизма, при составлении списка кандидатов. Но, прежде чем бросить взгляд на имена и закончить пока на этом наш обзор, мы хотим остановиться на одном имени, которое, хотя его и нет в списке кандидатов от нашей провинции, служит объектом наибольшей ненависти и наибольшего прославления, — на имени Джованни Джолитти. Говоря о нем, мы намереваемся высказать как можно более объективное суждение об этом «идеальном» государственном деятеле, которого «Стампа» предлагает в качестве примера для подражания и который должен-де осуществить в Италии прямо или косвенно, то есть через своих последователей, действующих в соответствии с выдвинутыми им принципами, ту программу послевоенной

политики, которую отстаивала из всех сил туринская газета в период, когда не проводились выборы. По мнению «Стампы», в Джолитти нашли свое выражение благодатные свойства, присущие традиционной правительственной политике старого Пьемонта, политике, которая была одним из главных факторов национального объединения и которая завтра должна будет снова возродить Италию, изнуренную войной. Говоря о Джолитти, часто и охотно вспоминают Камилло Кавура, который для редакции на улице Давиде Бертолотти стал чем-то вроде «туземного божка», бога-покровителя. Но сближать, даже с учетом различия эпох, Джолитти и Кавура — значит совершать одно из тех мошенничеств, на которые способны только журналисты в тех случаях, когда они хвастаются друг перед другом своей эрудицией.

Дело не только в том, что Кавур и Джолитти несоизмеримы как интеллектуальные величины, но и в том, что между этими двумя людьми нет никакого сходства с точки зрения их культуры, темперамента, духовного облика и олицетворяемых ими систем государственного управления.

Достаточно было бы сравнить речи Джолитти с речами Кавура, чтобы понять, какое расстояние отделяет способного бюрократа от государственного деятеля. Джолитти делал административную карьеру, не испытав потрясений и душевных кризисов, и вступил на политическую арену, уже вполне сформировавшись, превратившись в настолько законченную «рабочую машину», что с тех пор не было, пожалуй, необходимости менять в ней хотя бы один винтик; молодость Кавура была полна страстей и настолько богата идеальными побуждениями, что ее можно без преувеличения сравнить с молодостью его упорного противника Джузеппе Мадзини. Прямая дорога карьеры привела Джолитти к цели, Кавур же, для того чтобы вернуть себе полную свободу мнений, в двадцать лет подал в отставку, ушел из офицерского корпуса и стал жить жизнью штатского человека, всего-навсего младшего сына в семье, без перспектив на карьеру и на протекцию. Кавуру удалось пробить себе дорогу только благодаря своим недюжинным способностям и своей культуре: все проблемы, относившиеся к сфере политики, финансов, экономики, сельского хозяйства, скрупулезно изучались им в течение всей его жизни, и все социальные и политические события, имевшие место

во Франции и в Англии, находили в нем внимательного и умного наблюдателя, так что из него сформировался человек действительно «космополитической» культуры. А что представляет собой культура Джованни Джолитти? Какова та проблема, в изучение которой внес он свой, хотя бы небольшой, вклад? Какие способы разрешения какой-либо серьезной национальной проблемы подсказаны им?

Джолитти — человек очень спокойный, уравновешенный, аккуратный, и именно с точки зрения этих качеств его часто сравнивают с Кавуром, который, наоборот, довольно легко поддавался первому впечатлению, был человеком импульсивным (о чем свидетельствуют все, кто близко знал его, от Кастелли до Де ла Рив), и в нем первое душевное движение никогда не пропадало даром, ибо оно порождало целый ряд размышлений, исканий, попыток, которые служили подготовительным этапом для осуществлявшихся впоследствии обдуманных и планомерных действий.

У Джолитти отсутствуют оба главных дара, свойственных Кавуру, — практический ум и верность принципам. Может показаться странным, что мы отрицаем наличие у Джолитти практического ума, когда все признают его практицизм, который позволил ему столько времени держаться у власти; но если понимать под практичностью умение добиваться осуществления каких-то конкретных начинаний, то в деятельности Джолитти нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало те начинания, осуществлению которых оказал непосредственное и личное содействие Камилло Кавур, — работы по проведению каналов в Верчеллезе, попытки содействовать развитию сельского хозяйства, основание кредитных учреждений, заключение торговых договоров.

Кроме того, Кавур всю свою жизнь и свою деятельность министра подчинял некоторым принципам, от которых он никогда не отступал, которые составляли основу всей его деятельности и гарантировали ей успех во внутренней и внешней политике; он заботился об их соблюдении даже в самых незначительных мелочах, «постоянно, — как говорит один современник, — стремясь к своей конечной цели с упорством неукротимого и неутомимого деятеля». Политика Джолитти была такова, что «джолиттизм» стал синонимом постоянного приспособ-

ленчества и, более того, систематической фальсификации принципов с целью разрешения проблемы, которая для Джолитти является главной,— проблемы сохранения постоянного штиля в итальянских водах. Лучше застой, чем буря,— таков девиз всей государственной деятельности этого новоявленного «воскресшего Кавура».

Кавур тоже охотно шел на сближение с другими партиями, не избегал компромиссных решений, не гнушался вести переговоры со своими противниками; но в этом деле он никогда не руководствовался таким общим побуждением, как стремление заставить оппозицию умолкнуть, ослабить ее и добиться желанной цели — рабского единодушия. Отнюдь нет!

Между «союзом» Кавура с Раттацци, заключенным в конце 1851 года, тайным соглашением Кавура и Гарибальди относительно сицилийского похода (соглашением, существование которого сейчас можно считать доказанным) или поездкой Кавура к Брокферио, укрывавшемуся в «Вербанелла», с одной стороны, и джолиттианскими «блоками» и «совещаниями» — с другой, лежит целая пропасть. Политика Кавура привела к тому, что позиции партий стали более определенными и отчетливыми, она не уменьшила влияния ни одного из политических деятелей того времени; политика Джолитти, развивавшаяся в тот период, когда, как и сейчас, в нашей стране невероятно редко выдвигались четко оформленные платформы программного характера и появлялись яркие индивидуальности, оказывала крайне разлагающее влияние на партии и умы.

Сравнение можно было бы продолжить, и это только яснее показало бы, что если бы даже было справедливо мнение, что государственный деятель такого масштаба, как Кавур, мог бы сейчас спасти буржуазию от ожидающей ее участи (а мы, социалисты, этому не верим), то не Джованни Джолитти, конечно, оказался бы таким человеком, который благодаря своим деловым качествам и своей нравственной силе мог бы взять на себя столь безнадежную задачу.

Судя по той кампании, которую «Стампа» вела до выборов, итальянской буржуазии остается выбирать только между двумя возможностями: или решительно вступить на путь более смелых реформ, или быть сметен-

ной революционным потоком; или обновиться, или умереть. Это то *delenda Carthago*¹, которое вплоть до начала выборов повторяла «Стампа» (обвиняемая за это в большевизме), обращаясь к буржуазии, и особенно к той ее части, которая наиболее дальновидна и наименее отягощена предрассудками. Нужно поступиться многим, чтобы не потерять всего, — предупреждает г-н Фрассати. Нужны новые люди, которые имели бы смелость прибегнуть к этой операции как к крайней мере, совершить это последнее величайшее усилие, чтобы спасти от верной гибели так называемые правящие классы. Мы видели, однако, что от этой апокалиптической, катастрофической героической концепции не осталось ничего в программе либералов, абсолютно ничего. Кажется, что мы слышим отчет правления какого-нибудь скромного акционерного общества, дела которого идут не слишком блестяще, но которое может продолжать свое существование. Людей же, призванных совершить чудо, в которое верит достопочтенный Фрассати вкупе с Джолитти, мы должны найти в списке «либерального» союза. Что ж, поищем их. Там есть несколько «людей прошлого». Зачем они здесь? Какие таланты проявили они в прошлом, чтобы заслужить репутацию новых людей? Кто они такие, особенно Ди Робилант, Росси, Бувье, Джордано, Саудино (и нам кажется, что достаточно этих имен), если не посредственные ловцы фортуны на выборах? Какими деловыми качествами они обладают, представителями каких сил, стоящих за обновление, они являются?

О каждом из них мы могли бы рассказать эпизоды, разоблачающие его сущность как закоснелого коммивояжера того округа, который его избрал; но это бесполезно, потому что, взятые все вместе, они имеют даже более эффектный вид, а их действия показывают, каким ограничениям подвергаются практически в буржуазных кругах «смелые» программы, программы «обновления» страны, выполнение которых поручается самым убогим людишкам из серии парламентских бездарностей и проходимцев.

¹ *Delenda Carthago* («Карфаген должен быть разрушен») — слова, которыми Катон Старший перед 3-й Пунической войной (войной Рима с Карфагеном) заканчивал все свои речи в римском сенате. Выражение вошло в поговорку и употребляется для обозначения навязчивой политической идеи. — *Прим. перев.*

Но «люди прошлого» включены в список потому, что они могут обеспечить ему большее число голосов, и потому, что они являются более или менее верными почитателями Джолитти. Италия, новая Италия тут ни при чем, ничто не говорит о будущем: все здесь представляет собой самое жалкое прошлое, здесь царит дух кастовости, мелкого торгашества, «мертвый хватает живого».

И остальные кандидатуры подобраны также исключительно с точки зрения обеспечения успеха на выборах в тех округах, от которых они уже избирались, без всякого учета программ и национальных интересов. В этом плане мы можем даже сделать вывод, что джолиттианский список составлен по тому же принципу, что и список «блока победы»: их породили одни и те же предвыборные соображения, и закономерно, что, происходя от одного и того же корня, они вышли очень похожими друг на друга, так что их легко спутать. Верно, что обе стороны друг друга ненавидят, а, как известно, ненависть между братьями — смертельная ненависть. Параллели между двумя списками можно проводить даже в самых мелких деталях. Поскольку в фашистском списке был генерал, ему противопоставили генерала в джолиттианском списке, забыв об известной статье, появившейся в «Стампе», в которой велась пропаганда против военных кандидатур, предлагалось генералам заниматься только их генеральскими делами и воздавалась хвала Бадольо за то, что он не согласился на выдвижение своей кандидатуры. Но если следовать этой статье, джолиттианский список останется без галунов, без «серебряных медалей», а джолиттианцы готовы отказываться от своих принципов и без столь важных оснований.

Точно так же, поскольку в фашистском списке был тот, кто не говорит, но кто платит, — Чезаре Мартини, то и для джолиттианского списка была найдена дойная корова в лице Чейрано. И подумать только, что совсем недавно «Стампа» громко ворчала по поводу наличия в министерстве Нитти такой акулы, как Данте Феррарис!

Можно было бы продолжать, но, как нам кажется, мы уже доказали, что джолиттианство, судя по той программе, с которой оно выступает, и по тем людям, которым доверяется ее выполнение, является не чем иным, как одной из заурядных, совсем не блещущих красотой личин итальян-

янской буржуазии,— буржуазии, которую мы знаем уже много десятилетий, которая в ливийской войне и в войне европейской показала, что у нее нет ни руководящих идей, ни необходимых деловых качеств, ни нравственной силы.

Все красноречивые выступления «Стампы» и ее суровая, пуританская критика отдельных лиц завершились жалким, даже пошлым финалом. Джолиттианская гора родила только смешных мышат. Нет смысла больше гоняться за ними с программами в руках: это случайные выкидыши, появившиеся на свет только ради выборов, и достаточно метлы голосования, чтобы выбросить их вон.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 5, 6, 7, 8 ноября 1919 года, № 306, 307, 308, 309.)

ИТАЛИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Председатель Совета министров г-н Нитти опубликовал свое письмо к избирателям Базиликаты, опубликовал «мирную» программу итальянской правящей олигархии в связи с предстоящими выборами в национальный парламент 25-го созыва; одновременно в Соединенных Штатах поднялась и широко распространилась волна забастовок по отдельным отраслям, имеющих тенденцию объединиться в одну грандиозную всеобщую забастовку многих миллионов рабочих промышленности. О «мирной» программе итальянской правящей олигархии можно и должно судить в свете американских событий. Американские события показывают, что сейчас и Соединенные Штаты принадлежат к числу стран, испытавших разрушительное влияние войны, наглядно показывают, что сейчас уже не только Европа, а весь мир испытал разрушительное влияние войны; охвативший Италию кризис, выход из которого Нитти пытается указать в своей программе, может быть понят во всей его страшной глубине только в том случае, если его рассматривать в рамках этого охватившего весь мир процесса разрушения экономического и политического порядка, свойственного капиталистическому производству.

Италия не обеспечивает себя своей собственной продукцией; продукции итальянского производства хватает

только 60 процентам итальянского населения. Приморская Европа — Европа, омываемая открытыми морями и внутренними Балтийским и Средиземным морями, Европа без России (которая обеспечивает себя сама, которая вследствие блокады живет только за счет своих собственных ресурсов, хотя эта жизнь представляет собой каторгу, медленную агонию) не обеспечивает себя сама; продукции европейского производства в июле этого года (см. доклад Герберта Гувера на мирной конференции) хватало только 70 процентам населения этой части Европы. Эта нехватка европейских товаров была восполнена Америкой, за что Европа уплатила закладной на будущую продукцию; американские капиталисты помогли Европе потому, что банкротство Европы означало бы их собственное банкротство, они помогли Европе, уповав на то, что европейское производство пойдет на подъем, что в скором времени Европа будет в состоянии платить за товары товарами, будет в состоянии производить для экспорта на мировые рынки. Но этого подъема не произошло, Европа продолжает падать в бездну, нехватка товаров увеличилась. Включенные в общий механизм мировой капиталистической системы, американские собственники тоже катятся в бездну, американское производство уже вступило на путь, ведущий к катастрофе: капиталистический способ производства и распределения потерял способность удовлетворять выдвигаемые рабочими массами требования цехового характера, и эти массы поднялись, эти массы останавливают процесс производства, то есть ставят американскую экономику в такие условия, при которых Америка не может оказать Европе помощь в восстановлении ее экономики, не может предотвратить экономического банкротства Европы; они ускоряют, следовательно, падение производства в Америке, ускоряют движение американской капиталистической экономики по пути к краху, к катастрофе.

По мнению итальянской правящей олигархии (Нитти пишет то же, что написал бы Джолитти, или Саландра, или Луццатти, или Раймондо, или любой другой представитель узкой группы «именитых» политиканов, стремясь заслужить доверие короны и имущего класса Италии), страна может выйти из тяжелого положения, в котором она оказалась после заключения перемирия, только в том случае, если итальянские трудящиеся увеличат произво-

дительность промышленного и сельскохозяйственного аппарата страны. Но может ли это увеличение продуктивности произойти по «доброй воле» итальянских трудящихся? Даже если бы итальянские трудящиеся добровольно обрели себя на каторжную работу, даже если бы они отказались от какого бы то ни было, пусть даже самого ограниченного, права распоряжаться национальным богатством, даже если бы они настолько одичали в результате капиталистической эксплуатации, что смотрели на самих себя как на существа низшего порядка, способные только к тому, чтобы быть источником мускульной силы,— даже если бы эти допущения обратились в реальность благодаря чуду, сотворенному святым Либерализмом и святой Демократией, итальянские трудящиеся не смогли бы обеспечить роста национального производства.

Война непоправимо нарушила равновесие в мировой системе капиталистического производства. До войны в мире шел процесс создания густой сети торговых связей; в экономическом отношении мир уподобился живому организму с быстрой циркулирующей крови. Огромная работа была проделана капиталистами: в течение десятков и десятков лет миллионы и миллионы людей во всем мире, движимые стремлением к личной наживе, трудились над тем, чтобы завязать связи, упорядочить их, создать множество кровеносных сосудов, венозных и артериальных, по которым направлялся животворный поток международных сношений, нагнетаемый множеством «сердец» — различных крупных центров производства и потребления. Эта система международных сношений создавалась стихийно, в результате взаимодействия бесчисленных импульсов, настолько многочисленных и разнообразных, что дать им общее определение можно только с помощью абстрактного термина: «побудительная сила личной выгоды», «жажда приобретения» или, как говорят сикофанты политической экономии, «свобода». Период «игры стихий», период свободной личной инициативы сменился в XX веке империалистическим периодом, тем периодом развития национальных экономических комплексов, когда каждый из них, организовавшись в военную силу, вступает в борьбу за завоевание мировых рынков, за завоевание мира. Кульминационный момент этого периода — это война, которая унич-

тожает предпосылки существования либеральной экономики, уничтожает предпосылки существования капитализма. Густая сеть связей, имевших для всего мира жизненное значение, насильственно разрывается; вскрываются вены и артерии огромного мирового организма; происходит удушение Германии, Австро-Венгрии, России, игравших в международной жизни роль трех огромных «сердец», весь механизм нормальных взаимоотношений между различными частями мировой экономической системы разрушен, и остается страшная рана, откуда пурпурными потоками хлещет кровь. В экономической структуре каждой из стран Европы, в экономической структуре всей Европы, всего мира появилась тлубокая рана, которая делает напрасным любое усилие, направленное на увеличение производства, любую попытку добиться восстановления и прогресса. Экономические «законы» больше не действуют, возникают чудовищные, непостижимые явления, наполняющие души страхом и смятением. Жалкий умишко, который остался у буржуазии после минувшей изнурительной войны, оказывается в плену узких, сектантских, неумных взглядов на современное положение. Идут поиски виновника; этим виновником оказывается трудящийся класс, его «леность» и «неумеренно большое потребление». Хотят, чтобы трудящийся класс производил больше продукции, то есть хотят, чтобы он находился в таких условиях, когда он может давать больше, и в то же время терроризируют его. Продолжается и усиливается расточение имеющихся ценностей; к миллионам людей, которые не возвратились к производительному труду, так как погибли, пав жертвой империалистического безумия, прибавляются миллионы и миллионы людей, которые не производят ценностей по той причине, что они выключены из процесса производства; продолжаются войны, продолжается торговая блокада,— руками, сведенными судорогами паники, продолжают расширять рану, кровоточащую на теле мира; продолжают дикую свистопляску, в результате которой создаются новые предпосылки отрыва людей от производственной деятельности, расточения ценностей, расстройства торговых сношений и товарообмена, и в то же время кричат: нужно производить больше, нужно производить больше!

Американские забастовки завершили собой второй пе-

риод международной жизни. Капиталистический беспорядок, охвативший Европу, перекинулся в Соединенные Штаты. Давать товары и получать бумажки и обещания — это не очень хорошая коммерция для капиталистов; они продают товары по дорогим ценам, дают в долг, набивают свой портфель, получают закладные на железные дороги, порты, получают закладную на всю Европу, но этого недостаточно: товары должны обмениваться на товары, иначе капиталистов ждет банкротство. Соединенные Штаты увлечены в бездну европейской катастрофы, и сам американский капитализм... заставляет американский пролетариат выйти за узкие пределы цеховщины, занять четкую позицию и действовать так, как нужно действовать, если хочешь добиться, чтобы мир зажил по-новому, чтобы новые экономические «законы» стали действовать в отношениях между народами мира.

(Без подписи; «Ордине нуово», 8 ноября 1919 года, № 25, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ВЫБОРЫ

Чего ожидают от выборов сознательные революционеры, рабочие и крестьяне, которые считают парламент, состоящий из депутатов, избранных на основе всеобщего избирательного права (и эксплуататорами и эксплуатируемыми) и по территориальным округам, ширмой, маскирующей буржуазную диктатуру? Они не ожидают, конечно, что будет завоевана половина мест плюс одно и что новый парламент издаст дюжину декретов и законов, назначением которых будет сгладить острые углы и сделать более легким и удобным совместное существование двух классов — класса эксплуататоров и класса эксплуатируемых. Они ожидают, однако, что в результате своей избирательной кампании пролетариат добьется избрания в парламент сильного отряда активистов социалистической партии и что этот отряд будет достаточно многочисленным и закаленным, чтобы сделать невозможным для любого лидера буржуазии формирование устойчивого и сильного правительства, чтобы вынудить, следовательно, буржуазию отбросить демократическую драпировку, выйти за рамки легальности и вызвать восстание самых глу-

бинных и самых широких слоев трудящегося класса против олигархии эксплуататоров.

Сознательные революционеры, рабочие и крестьяне, которые уже пришли к убеждению, что коммунистическая революция совершится только через установление пролетарской диктатуры, воплощающейся в системе Советов рабочих и крестьянских депутатов, боролись за избрание в парламент большого числа социалистических депутатов, потому что они рассуждали следующим образом.

Коммунистическая революция не может быть совершенна одним ударом. Если бы даже революционному меньшинству удалось с помощью силы овладеть властью, это меньшинство на следующий же день было бы свергнуто в результате контрудара наемных сил капитализма, потому что большинство, не вовлеченное в движение, позволило бы истребить лучшие революционные силы, позволило бы развязать все низменные страсти и варварские инстинкты, порождаемые разложением и возбуждаемые золотом капиталистов. Необходимо, следовательно, чтобы пролетарский авангард материально и духовно организовал это инертное и вялое большинство, необходимо, чтобы революционный авангард имеющимися у него средствами и присущими ему методами создал и в материальном, и в духовном отношении такие условия, в которых имущий класс больше не мог бы мирно управлять огромными массами людей, но был бы вынужден ввиду непримиримости социалистических депутатов, контролируемых партией и подчиняющихся ее дисциплине, проводить политику террора в отношении широких масс, наносить удары вслепую и вызывать эти массы на восстание. Вести к достижению такой цели может сейчас только парламентская деятельность, понимаемая как деятельность, направленная на то, чтобы парализовать парламент, сорвать демократическую маску, под которой скрывается истинное лицо буржуазной диктатуры, и показать его во всей его омерзительности, во всем отвратительном безобразии.

Коммунистическая революция является для Италии необходимостью больше по причинам международного порядка, нежели по причинам, связанным с процессом развития аппарата национального производства. Реформисты и вся банда оппортунистов правы, когда они говорят, что в Италии не существует объективных предпосы-

лок революции: они правы постольку, поскольку думают и говорят как националисты, поскольку они рассматривают Италию как организм, не зависящий от всего остального мира, и считают итальянский капитализм явлением чисто итальянским. Они не считают интернационализм реально существующим и действующим фактором как в истории капитализма, так и в истории пролетариата.

Но если, наоборот, рассматривать Италию как составной элемент мировой системы, как нечто, зависящее от этой мировой системы, тогда историческая оценка изменяется, и практический вывод, к которому должен прийти каждый сознательный социалист, каждый рабочий и крестьянин, который чувствует свою ответственность за выполнение его классом его исторической миссии, таков: нужно, чтобы мы были подготовлены, чтобы мы имели в руках оружие для захвата общественной власти. Тот факт, что необходимость революции порождается условиями мировой капиталистической системы, делает более сложной и трудной задачу революционного авангарда итальянского народа, но эти усложнения и эти трудности должны вызвать у нас не иллюзии и скептицизм, а стремление приобрести еще большую закалку и подготовку.

В самом деле: революция застаёт широкие народные массы Италии еще неорганизованными, еще распыленными в свойственном животным хаотическом движении существ без дисциплины и культуры, руководимых только стремлением наполнить свой желудок и варварскими страстями. Именно поэтому сознательные революционеры вступили в избирательную борьбу; они вступили в нее для того, чтобы внести в эту массу элемент объединения и организованности, чтобы связать ее действия с деятельностью социалистической партии, чтобы дать осмысленное выражение ее инстинктам и страстям и озарить их лучом политического сознания. Но по той же причине революционный авангард не хочет, чтобы эта масса была введена в заблуждение, чтобы у нее создалось впечатление, что можно преодолеть нынешний кризис путем парламентской, реформистской деятельности. Необходимо, чтобы грань между классами стала более резкой, необходимо, чтобы буржуазия доказала свою полную неспособность удовлетворить нужды масс, необходимо, чтобы массы на собственном опыте убедились, что существует четкая и су-

ровая дилемма: или голодная смерть, рабская жизнь под пятой чужеземцев, которые будут заставлять рабочего и крестьянина надрываться у станка и на клочке земли, или героическое, сверхчеловеческое усилие итальянских рабочих и крестьян с целью создать пролетарский порядок, уничтожить класс собственников и устранить все причины расточительства, непроизводительной деятельности, недисциплинированности, беспорядка.

Только по этим мотивам революционного характера сознательный авангард итальянского пролетариата вступил в избирательную борьбу, принял активное участие в парламентском базаре. Он сделал это не потому, что у него возникли демократические иллюзии, не для реформистского сглаживания острых углов, а для того, чтобы создать предпосылки победы пролетариата, обеспечить успех революционной борьбы, направленной на установление пролетарской диктатуры, которая находит воплощение в системе Советов и возникает вне парламента и вопреки ему.

(Без подписи; «Ордине нуово», 15 ноября 1919 года, № 26, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

РЕЗУЛЬТАТЫ, КОТОРЫХ МЫ ОЖИДАЕМ

Италию заставило вступить в войну упрямое желание кучки преступников и авантюристов. Но эти последние были лишь живым выражением характерных черт общей исторической ситуации. Италия была зажата в тисках необходимости, возникшей перед капиталистической Европой: ее жизнь была как в экономике, так и в политике отраженной жизнью. Политические партии порождались не условиями, вытекающими из структуры национального аппарата промышленного и сельскохозяйственного производства, а скорее необходимостью обеспечить Италии определенное положение в капиталистическом мире, и их деятельность была направлена к тому, чтобы втиснуть национальный аппарат производства в форму, навязанную империалистической экономикой иностранных держав. Такие ненормальные условия экономической и политической жизни обеспечили успех кучке преступников и авантюристов, ввергнувшей Италию в войну.

Во время войны в общественной жизни итальянского народа произошел целый ряд явлений, исключительных

по своей важности и по своему историческому значению. Организованные политические силы, которые господствовали в итальянском обществе и придавали ему определенную форму, пережили процесс полного распада, потеряли всякий контакт с массами, осуществлявшийся ранее через созданную ими иерархию. А массы пришли в движение. Массы, которые угнетала, тиранила, эксплуатировала, душила голодом безжалостная машина буржуазного государства, эти массы начали осмысливать окружающее, проявлять какие-то определенные стремления. Животный индивидуализм, свойственный отсталым, нецивилизованным народностям, отошел в прошлое. Люди объединились в коллективы; сборище людей, составляющее Италию, превратилось, наконец, в человеческое общество. Но каковы эти мысли и стремления масс? Есть ли это одни и те же мысли и одни и те же стремления, осознанные всем общественным организмом в целом, или это еще только множество беспорядочных побуждений, испытываемых массой, ищущей самое себя, чувствующей свою неоднородность, старающейся стать единым организмом, старающейся прийти к сплоченности, к дисциплине?

Ответ на этот вопрос и будет одним из результатов, которых социалисты ожидают от выборов, и притом одним из самых важных. И вот почему социалисты, понимающие процесс развития революции, хотели, чтобы партия активно участвовала в выборах. Одной из предпосылок победы революции является органичное психологическое единство всего народа, а следовательно, определенность и четкость очертаний в облике человеческого общества. Необходимо, чтобы еще до революции произошло такое событие, которое одновременно привлекло бы внимание различных прослоек народных масс к одним и тем же определенным проблемам и к решениям этих проблем, предлагаемым разными политическими течениями. Необходимо, чтобы правящий класс, с одной стороны, и массы — с другой, были вынуждены обрести определенное лицо, выделиться из безликого и бурлящего хаоса, размежеваться, разделиться на спаянные внутренним единством течения и потоки.

Выборы будут первым шагом в этом направлении. С этой точки зрения они имеют первостепенное историческое значение, означают решительный поворот в жизни итальянского народа, потому что они помогут политиче-

ским деятелям выявить мысли и стремления масс, и потому что они окажут воздействие на сами массы, дав им единое представление об их собственном положении и о движении в целом.

Выборы, несомненно, приведут к укреплению сил революции. Этот результат взаимосвязан с первым. Социалистическая партия покажет себя единственной исторической партией, имеющей общенациональное значение. Война оказала на Италию нивелирующее влияние; весь итальянский народ во время войны подвергался одной и той же жестокой и безжалостной эксплуатации. Народные массы всей Италии возлагают надежду на социализм как на своего спасителя, своего освободителя. Можно утверждать, что огромное большинство депутатов будет избрано постольку, поскольку и они объявят себя социалистами, даже «истинными» социалистами, «лучшими» социалистами. Католики, реформисты, ветераны войны, демократы — вся эта шайка кандидатов в политические и духовные руководители нации пыталась сообразовать свои действия с этим непреодолимым стремлением масс: она раздавала обещания, бахвалилась, горячилась; все эти авантюристы, все эти мошки, мнящие, будто это они управляют тяжелой капиталистической колесницей, использовала в своих целях культурную отсталость народных масс Италии, отсутствие у них критического духа, легкость, с которой еще удастся вызвать энтузиазм при помощи напыщенных демагогических фраз.

Работа социалистической партии будет ясно видна по результатам выборов. Нужно связать массы с партией более тесными и более крепкими узами. Нужно все шире распространять революционное убеждение, что освобождение пролетариев может и должно быть делом рук самих пролетариев. Нужно безжалостно ликвидировать остатки парламентского кретинизма, разрушать реформистские и оппортунистические иллюзии. Нужно не переставая говорить правду, нужно открывать массам глаза на суровую и страшную угрозу смерти, ожидающей их, если они не организуются, не объединятся материально и духовно для того, чтобы, взяв за основу то, в чем заключается самый глубокий и истинный смысл их исторического существования,—

труд,— построить монолитное здание рабоче-крестьянского государства и на основе железной дисциплины и и сплоченности своих рядов уничтожить капиталистическую эксплуатацию и восстановить порядок в обществе, разложившемся и одичавшем под влиянием империалистической войны.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 17 ноября 1919 года, № 318.)

ВЫБОРЫ

Результаты избирательной борьбы не только в корне изменили соотношение между политической силой социалистической партии, партии рабочих и крестьян, и политической силой (реальной, а иногда и демагогически раздутой) различных партий, стоящих на страже интересов денежных мешков; они, несомненно, изменят также соотношение сил между организациями, которые созданы для ведения классовой борьбы и в деятельности которых воплощается сейчас процесс развития пролетарской революции. Этот аспект политической проблемы в настоящий момент должен привлечь особое внимание передовых рабочих, наиболее сознательных и лучше всего понимающих свою ответственность революционеров. Важнейшей проблемой революции является проблема соотношения сил между различными организациями, причем не столько между пролетарскими и буржуазными организациями, сколько между различными организациями самого пролетариата.

Создание социалистической парламентской группы, состоящей из ста пятидесяти депутатов, приведет прежде всего к перемещению центра борьбы рабочих и крестьянских масс из профсоюзов в парламент. Профсоюзы тем самым обесцениваются как орудие классовой борьбы и, следовательно, потеряют значительную часть своего авторитета и своей притягательной силы. Если передовые рабочие не помешают действию этого разлагающего фактора, одно из важнейших в техническом отношении орудий революции будет сломано. Возможно, однако, что, напротив, роль нынешних руководителей профсоюзов, федераций (профсоюзов), Конфедерации труда, кооперативов возрастет вследствие создания националь-

ных советов, или трудовых парламентов, или технических комиссий и т. д. и т. п.

Массы избирателей голосовали за социалистов потому, что они ожидают, что парламентская фракция разрешит самые неотложные и жгучие проблемы послевоенного времени. Лидеры Конфедерации труда не будут проверять полномочий парламента, не будут спрашивать, участвовали ли в выборах одни только организованные рабочие и крестьяне, как они это делают при выборах фабричных советов; профсоюзные лидеры за *буржуазную*, а не за пролетарскую демократию; они всеми способами будут пытаться использовать силу парламентской фракции в целях профсоюзной борьбы, даже подменить последнюю парламентской борьбой и таким образом одерживать победу за победой.

Такое же перемещение влияния может, видимо, произойти и от руководства партии к парламентской фракции. Руководство представляет только членов партии; фракция будет представлять несколько миллионов избирателей, и она — это касается не только ее реформистской и центристской части (которая к тому же будет составлять большинство самой фракции), но и очень многих депутатов, принадлежащих к революционному крылу, — неизбежно будет вынуждена сосредоточить свое внимание на текущих проблемах, требующих немедленного разрешения. Желание сохранить единство между различными течениями и различными организациями, участвующими в политическом и экономическом движении пролетариата, может привести к компромиссам, вредным для революционного пролетарского единства.

Волей народа социалистическая партия приобщилась к политическому управлению. Массы ожидают от партии практической деятельности по осуществлению тех или иных мер. Революционный процесс вступил в критическую, решающую фазу. Партия должна преодолеть конфликты, возникающие в социалистическом и пролетарском движении. Она должна преодолеть их органически, не путем соглашений и обещаний; эти конфликты существуют в действительности, являются неизбежным результатом объективного положения и психологического состояния народных масс Италии, и их нельзя поэтому уладить юридическим путем, на бумаге или путем словесного уговора людей доброй воли.

Народные массы голосовали за социалистов потому, что они хотят правительства, состоящего из социалистов, хотят, чтобы социалистическое правительство обратило им на пользу административный, судебный, военный и снабженческий аппарат государства. Нужно убеждать эти массы в том, что разрешение страшных современных проблем невозможно до тех пор, пока основой государства остаются частная собственность и собственность государственно-бюрократическая, пока основой промышленного и сельскохозяйственного производства остается индивидуальная, развивающаяся в условиях конкуренции инициатива капиталистов и крупных землевладельцев. Нужно убеждать их в том, что радикальное решение должны искать сами массы, организованные так, чтобы был создан аппарат общественной власти, аппарат рабоче-крестьянского государства, государства производителей. Но эта пропаганда не должна вестись абстрактно и вяло. Партия должна указывать, какую позитивную работу по переустройству общества нужно проводить; партия должна сделать так, чтобы Советы рабочих и крестьянских депутатов обрели плоть и кровь, а не оставались мертвой буквой резолюции съезда.

Только взявшись энергично за создание Советов, партия сможет преодолеть конфликты, которые грозят сейчас вспыхнуть. Массы будут охвачены единой системой организаций, и удастся: 1) разрушить чары парламентаризма; 2) избавить депутатов-социалистов от той совокупности различных видов прямого и косвенного давления, которая лишила бы их свободы действий и заставила бы их против собственной воли переоценивать роль и значение того поста, на который поставила их верховная воля народа. Контроль над массами останется за партией, которая в Советах добьется, несомненно, большинства мандатов для членов партии и сочувствующих ей. Профсоюзы смогут, наконец, превратиться в технические органы для реорганизации промышленного и сельскохозяйственного аппарата и перестанут быть партией в партии, проводить свою политику, отличную от общей политики партии.

Парламентская фракция, используя все свое влияние, должна бороться, добиваясь: 1) чтобы были разоружены наемные убийцы, служащие капиталистическому молоху; 2) чтобы были созданы условия, необходи-

мые и достаточные для того, чтобы класс производителей мог создать аппарат общественной власти, мог создать органы, распоряжающиеся национальным богатством, которые действовали бы свойственными этому классу методами и служили бы его целям.

(Без подписи: «Ордине нуово», 22 ноября 1919 года, № 27, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

ПОЗИТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Заметка «Революционеры и выборы», напечатанная в «Ордине нуово» 15 ноября, напугала одного из журналистов, пишущих в «Стампе» (см. статью «Наблюдая реальную действительность» в «Стампе» от 24 ноября). Эта полемика все еще актуальна, она стала даже более актуальной ввиду последних событий, которые сильно помешали мелкобуржуазному лагерю спокойно переваривать бессвязные банальности, сочиненные г-ном Нитти и зачитанные человеком, воплощающим собою определенный национальный институт,— королем¹.

Журналист из «Стампы» испугался потому, что «Ордине нуово» (превратившаяся в «олицетворение революции») придает чисто негативное значение парламентской деятельности социалистической партии в тот период, когда еще существует (подобно страшному призраку) либерально-демократический режим. Но эта деятельность носит негативный характер лишь по отношению к судорожным и неистовым усилиям господствующих классов продлить свое экономическое и политическое господство; напротив, рассматриваемая в плане общей деятельности, осуществляемой социалистической партией, осуществляемой рабочими и крестьянскими массами, она представляет собой позитивную деятельность, исполненскую историческую работу созидательного и творческого характера; и она является, кроме того, отражением требований исторического момента, переживаемого итальянским народом, потому именно, что отражением требований истории являются не абстрактные учения, не сильно приглаженные и подкрашенные теориейки, а мужествен-

¹ Имеется в виду тронная речь короля, произнесенная при открытии палаты депутатов нового состава (1 декабря 1919 года).

ные и твердые действия, потому именно, что отражать требования истории — значит действовать в соответствии с ее внутренними законами, идти в том направлении, в каком идет процесс исторического развития.

Наладить производство; увеличить количество вырабатываемой обществом продукции; повысить производительность физического и умственного труда; установить такую форму собственности, при которой стало бы возможным увеличить сбережения, увеличить накопление ценностей, необходимых для восстановления экономической ткани общественного организма, разрушенного войной, — вот объективная сущность исторической проблемы, которая встает перед политическим деятелем, понимающим свою ответственность. Единственная общественная сила, которая способна ныне разрешить эту проблему, — это пролетариат, промышленный и сельскохозяйственный; он способен разрешить ее и «заинтересован» в том, чтобы ее разрешить, так как это для него проблема жизни или смерти, насущная проблема не только с точки зрения его духовного и культурного развития, но также — и в особенности — с точки зрения обеспечения необходимых условий его физического существования.

Чтобы разрешить историческую проблему, стоящую перед итальянским народом, итальянской нацией, пролетариат должен многое продумать, должен ясно представить себе то специфическое положение, которое занимает он сам, поскольку он имеет прямое, органическое отношение к техническому процессу труда, производства, обмена. Это положение не связано с формой собственности, не носит, таким образом, преходящего характера, не зависит от существования или отсутствия классов и классовой борьбы; оно связано с характером индустриальной техники, находится в прямой зависимости от уровня развития, достигнутого производством. Пролетариат может считать его своим естественным положением, основой аппарата своей власти, власти класса производителей; на этой основе может и должна создаваться иерархия функций, которая будет увенчана функцией государственного управления — функцией, внутренне присущей этому аппарату, который в исторически и идеологически конкретном общественном органе приходит к пониманию своей сущности. Сейчас экономическое управление человеческим обществом происходит

в формах, возникших на почве торговли (банки, биржи, банковские картели, промышленные тресты, торговые палаты, сеть центров капиталистической спекуляции), которые определяются типом капиталистической собственности. Формы, в которых должно происходить управление коммунистическим производством, определяются характером производства, степенью технического развития труда и производственного аппарата. Центры управления будут создаваться не на базе торговли, а на базе производства и должны будут покончить с расточительством, выражающимся в существовании мелких хозяйств и множества бюрократических и административных функций. Высшим органом управления страной будет не столько народный комиссариат, сколько Высший совет народного хозяйства, который так распланирует труд и производство, что при четком и хорошо налаженном выполнении своих функций производственный аппарат сможет добиваться выпуска того определенного количества продукции, которое необходимо для внутреннего потребления, для обмена с другими производственными аппаратами мира, для накопления новых богатств.

При своем появлении и развитии этот аппарат ставит и решает проблемы, возникающие в связи с его существованием. Создаваясь на базе организационного устройства, находящегося в прямой связи с техническим процессом производства и обмена, он неизбежно будет вынужден уничтожить историческое господство паразитов, поскольку они при данной форме собственности обеспечивают свое существование не своим *участием* в производстве, *участием* в физическом и умственном труде, а *за счет* производства, *за счет* чужого физического и умственного труда. Меняется само значение слова «революция»: из банального и тривиального понятия она становится необходимым и неизбежным моментом в жизни общества, кризисом освобождения, органическим актом, удалением из развивающегося организма чужеродных и отравляющих его элементов.

Что это — мечта? Утопия, родившаяся в больном мозгу людей, чьи физические и духовные силы истощены напряжением, вызванным войной? Мы считаем, что это — исторически оправданный момент развития, необходимость которого заложена в условиях, создаваемых самим нынешним господствующим классом. Буржуазия

ставит эти проблемы, но не может их разрешить. Ратенау ставит перед немецкой буржуазией проблемы индустриального развития; Ратенау объявляет о том, что с коммунизмом покончено; немецкая буржуазия, буржуазия, занимающая авангардное место в буржуазном мире по своим возможностям в области культуры и техники, бьется, как и буржуазия других стран, в тисках противоречий и конфликтов, порожденных двумя факторами, стремящимися взаимно уничтожить друг друга,— техническим развитием и формой собственности; а русские коммунисты реализуют индустриальную программу Ратенау, Высший совет народного хозяйства Советской России, опираясь на коммунистическую собственность разрешает конфликты и противоречия, возникшие в ходе предшествующего исторического развития. Промышленный пролетариат России создает аппарат управления промышленностью, аппарат управления, находящийся в руках производителей, и добивается того, что в течение двух лет русский народ живет только за счет своих ресурсов, в то время как весь мир запутывается в долгах и отдает в залог будущий свой труд и будущее производство, в то время как весь мир, становясь все более неплатежеспособным по отношению к американскому капитализму, все сильнее им порабощается и превращается в «сферу колониальной эксплуатации» его американским капитализмом. Стала реальностью и другая утопия: коммунистическая Россия находится в лучшем положении в отношении конкурентоспособности и устойчивости ее экономики, чем капиталистическая Италия; Россия Брест-Литовска находится в лучшем положении, чем Италия Витторио Венето.

(Без подписи: «Ордине нуово», 6—13 декабря 1919 года, № 29, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ

Промышленное производство должно контролироваться непосредственно рабочими, организованными по предприятиям; обеспечивать единообразие этого контроля и координировать его должны профсоюзные органы чисто пролетарского характера; рабочие и социалисты не могут считать полезным с точки зрения своих интересов и стремлений контроль над промышленностью, осуществляемый

чиновниками капиталистического государства (продажными, корыстными и не сменяемыми населением), — то есть ту форму контроля над промышленностью, которая может означать только возрождение комитетов по мобилизации промышленности, выгодных лишь капиталистическим паразитам.

Лозунг «Земля крестьянам!» нужно понимать в том смысле, что сельскохозяйственные предприятия и современные хозяйства типа факторий должны контролироваться сельскохозяйственными рабочими, организованными по сельскохозяйственным предприятиям и факториям; он должен означать, что на землях, на которых ведется экстенсивное хозяйство, должны распоряжаться Советы крестьян — бедняков сел и деревень; сельскохозяйственные рабочие, революционные крестьяне-бедняки, сознательные социалисты не могут считать полезной с точки зрения их интересов и стремлений, не могут считать полезной с точки зрения задач пролетарского воспитания, необходимого для коммунистической республики, агитацию за занятие «необрабатываемых и плохо обрабатываемых земель». Результатом этой агитации может быть только затемнение сознания и ослабление революционной веры, грубая дискредитация социализма. Чего может добиться бедный крестьянин, захватывая необрабатываемую или плохо обрабатываемую землю? Без машин, без жилища в том месте, где он работает, без кредита, который позволил бы ему дожить до урожая, без кооперативов, которые скупили бы у него собранный урожай (если этот бедняк не повесится прежде, не дожив до урожая, на самом крепком деревце в роще или на наименее чахлой из диких смоковниц, растущих на необрабатываемой земле!) и спасли бы его от когтей ростовщиков, — что без всего этого может дать крестьянину-бедняку захват земли? В первый момент он удовлетворит свои собственнические инстинкты, утолит свою извечную первобытную жажду обладать землей; но в следующий момент, когда он увидит, что одними руками не распахать землю, в которой провести борозду можно разве только с помощью динамита, когда он увидит, что нужны семена, удобрения и орудия труда, когда он подумает о том, что никто не даст ему всех этих необходимых ему вещей, и о том, что ему предстоит в будущем много дней и ночей провести на земле, где нет

жилья, нет воды, где свирепствует малярия, крестьянин почувствует свое бессилие, свое одиночество, свое отчаянное положение и станет разбойником, а не революционером, станет убийцей «господ», а не борцом за коммунизм.

Поэтому рабочие, революционные крестьяне и сознательные социалисты не считают парламентские решения о контроле над промышленностью и о «необрабатываемых и плохо обрабатываемых землях» мероприятиями, отражающими их интересы и их стремления; они видят в этих решениях только проявление парламентского «кретинизма», утопию реформистов и оппортунистов, контрреволюцию. И все же парламентская деятельность могла бы принести пользу: она могла бы помочь разъяснить *всем* рабочим и *всем* крестьянам точное содержание индустриальной и аграрной проблемы и сообщить им о средствах, необходимых и достаточных для ее разрешения. Она могла бы помочь довести до сведения широких крестьянских масс *всей* Италии то обстоятельство, что аграрную проблему могут решить только городские рабочие Северной Италии, может решить только пролетарская диктатура.

Буржуазия Севера поработила Южную Италию и Острова и низвела их до положения эксплуатируемых колоний; пролетариат Севера, освобождая себя от капиталистического рабства, освободит и крестьянские массы Юга, поработанные банками и паразитической промышленной буржуазией Севера. К экономическому и политическому возрождению крестьянства приведет не раздел необрабатываемых и плохо обрабатываемых земель, а поддержка крестьянства промышленным пролетариатом, который, в свою очередь, нуждается в поддержке его крестьянами. Промышленный пролетариат заинтересован в том, чтобы капитализм не возродился экономически на почве земельной собственности и чтобы Южная Италия и Острова не превратились в военную базу капиталистической контрреволюции.

Установив рабочий контроль над промышленностью, пролетариат переведет ее на производство сельскохозяйственных машин для крестьян, тканей и обуви для крестьян, электрической энергии для крестьян, лишит промышленников и банкиров возможности эксплуатировать крестьян и обращать их в рабов своих сейфов. Уничтожив само-

властие капиталистов на предприятиях, разрушив капиталистический государственный аппарат, используемый для угнетения народа, создав рабочее государство, которое принудит капиталистов, заниматься общественно-полезным трудом, рабочие разобьют все цепи, которые сковывают крестьян и обрекают их на нищету и отчаяние; установив рабочую диктатуру, взяв в свои руки промышленность и банки, пролетариат использует громадную мощь государственной организации для того, чтобы поддержать крестьян в их борьбе против землевладельцев, против стихийных сил природы, против нищеты; он предоставит крестьянам кредит, создаст кооперативы, гарантирует их личную безопасность и безопасность их имущества от посягательств грабителей, проведет общественные работы по ирригации и осушению болот. Пролетариат сделает все это, ибо он заинтересован в росте сельскохозяйственного производства, ибо он заинтересован в том, чтобы получить и сохранить поддержку крестьянских масс, ибо в его интересах использовать промышленное производство на благо всего общества, в целях укрепления мира и дружбы между городом и деревней, между Севером и Югом.

Сознательные рабочие и крестьяне должны стремиться, чтобы именно в этом направлении разворачивалась парламентская деятельность социалистов, то есть чтобы она ставила своей задачей: воспитывать широкие массы в революционном духе, добиваться, чтобы широкие массы понимали коммунистическую программу, и устанавливать тем самым единство помыслов и стремлений в их рядах, неустанно пропагандировать ту мысль, что современные проблемы индустриальной и аграрной экономики могут быть разрешены только вне парламента, вопреки парламенту, только рабочим государством.

(Без подписи: «Ордине нуово», 3 января 1920 года, № 32, рубрика «Полигическая жизнь за неделю».)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГОРОДОВ

Коммунистическая революция будет совершена рабочим классом, пролетариатом, под которым марксисты понимают социальный слой, состоящий из городских рабочих, объединенных и спаянных в коллективы предприятием и капиталистической промышленной системой. Го-

род, центр промышленной и культурной жизни, был орудием экономической власти капитализма, орудием буржуазной диктатуры; теперь он будет орудием экономической власти коммунизма и орудием пролетарской диктатуры. Пролетарская диктатура спасет этот замечательный центр промышленного производства, интеллектуального творчества и прогрессивного развития цивилизации от нависшей над ним угрозы разложения. Прогрессирующее ослабление могущества буржуазии, подорванного империалистической войной и экономическими последствиями империалистической войны, проявляется в городах, значение которых по сравнению с деревней все более уменьшается: люди испытывают голод, и перед этой элементарной потребностью, удовлетворение которой может прийти только из деревни, все исторические и духовные завоевания, носителем которых является город, обесцениваются и уничтожаются. Пролетарская диктатура спасет город от разложения; она развяжет гражданскую войну в деревне и объединит вокруг города самые широкие слои крестьян-бедняков; тем самым она помешает земельным собственникам, деревенским ростовщикам, питающим животную ненависть и презрение к современной промышленной цивилизации, разграбить эти изумительные центры культуры и культурного прогресса — современные города.

В ходе развития коммунистической революции в Италии воссоздается обстановка, существовавшая в период Рисорджименто — в период развития буржуазной революции: сейчас, как и тогда, особенно активную историческую силу представляют собой два города — Турин и Милан; и между этими двумя городами существует сходная с тогдашней система отношений. Центром движения за национальное объединение и возрождение был Милан. Милан и Ломбардия были родиной тех энергичных групп буржуазии, которые жадно стремились к распространению своего влияния, для которых жизненной, классовой необходимостью было превращение Италии в единое целое: с единой таможенной системой, единой системой мер и весов, единой денежной системой, единой транспортной связью, единой системой использования выходов к морю, едиными налогами, единым гражданским кодексом. Но миланская буржуазия никогда не была бы способна создать буржуазное государство, ни-

когда не была бы способна освободиться от австрийского ига: для этого недостаточно было строить баррикады, недостаточно проявлять индивидуальный героизм, недостаточно было Пяти дней, недостаточно и одного либерального города Милана, зажатого в тиски деревней, играющей на руку австрийцам. Решающей исторической силой, способной создать итальянское государство и сплотить национальную буржуазию в единое целое, оказался Турин.

Буржуазия Пьемонта не обладала богатством и смелостью ломбардской буржуазии, но она была дисциплинированной, составляла единую, крепко спаянную государственной организацией силу, имела железные административные и военные традиции, сумела благодаря таланту своих политических деятелей занять свое место в существовавшей в Европе системе равновесия. Пьемонтское государство располагало прочным аппаратом для завоеваний и могло дать толчок созданию нового итальянского государственного образования, могло стать мощным военным и административным ядром нового государства, могло дать итальянскому народу организационную форму, *свою* форму. Турин был нервным узлом этой мощной пьемонтской системы, Турин был центром, объединяющим вокруг себя население Пьемонта, и кузницей итальянской буржуазной революции.

Сейчас Турин не является городом по преимуществу капиталистическим, это город по преимуществу промышленный, город по преимуществу пролетарский. В очень немногих городах мира рабочий класс так сплочен, дисциплинирован и *дифференцирован* от остального населения, как в Турине. Турин — это точно один завод; его трудящееся население принадлежит к одному и тому же типу и в очень сильной степени унифицировано промышленным производством.

Туринский пролетариат был способен так далеко шагнуть по пути объединения масс в организации советского типа именно благодаря тому, что промышленность этого города имеет такой сильно унифицированный характер, именно потому, что туринский пролетариат уже приобрел, вынес из опыта классовой борьбы живое сознание этой своей однородности, этой своей крепкой спаянности. И подобное же сознание может быстро приобрести весь трудовой народ Пьемонта, потому что и Пьемонт, обладая на-

селением, упорное и терпеливое трудолюбие которого стало традицией, обладая значительным фондом материальных и культурных ценностей, накопленных за многие столетия политической независимости и самоуправления, продолжает составлять экономический комплекс с ярко выраженными характерными чертами и особенностями, экономический комплекс автономного типа, который сам производит почти все потребляемые им блага и вывозит столько товаров, что в торговле с ним нуждается не только Италия, но и Европа.

Только на основе этого компактного и слаженно действующего комплекса промышленного и сельскохозяйственного производства, который великолепно оснащен капитализмом для политического господства над всей страной (такое явление, как Джолитти,— это, в сущности, следствие слепой веры итальянского капитализма в традиции пьемонтской буржуазии в области управления и господства), может возникнуть и сформироваться тип организации, являющийся прообразом будущей общепьемонтской государственной организации, которая воплотит в себе диктатуру пролетариата. Условия экономической разрухи, охватившей Италию, и бедность ее природных ресурсов требуют от пролетариата, взявшего власть в свои руки, героических усилий, для того чтобы поднять производство; поэтому рабочую диктатуру в Италии можно считать способной управлять страной и развиваться вплоть до того времени, когда будет установлен коммунизм, лишь в том случае, если класс рабочих и крестьян сумеет организовать четко налаженную и прочную систему Советов рабочих и крестьянских депутатов, которые овладеют национальным аппаратом производства и обмена, проникнутся глубоким чувством своей ответственности за состояние экономики и воспитают у трудящихся четко выраженную и проявляющуюся всегда и во всем психологию производителей.

Пьемонтский областной экономический комплекс, являющийся крупным производителем пищевых продуктов (пшеницы, риса, картофеля, каштанов, вина), обладающий большими электроэнергетическими ресурсами, имеющий в своем составе множество самых разнообразных отраслей промышленности (пищевая промышленность, текстильная промышленность и производство одежды, промышленность металлургическая, строительная, дерево-

обрабатывающая, резиновая, кожевенная, химическая и т. д.), этот комплекс, который производит для местного потребления больше, чем нужно, и центром которого является громадный промышленный механизм Турина, поставляющий свою продукцию на мировой рынок, рабочий класс может взять за образец при создании национального экономического аппарата пролетарского государства.

Благодаря своей особой структуре, благодаря наличию вполне сформировавшегося и отличающегося сплоченностью пролетариата, порожденного капиталистическим способом производства, Турин и Пьемонт призваны сыграть в коммунистической революции и в процессе создания рабочего государства ту же самую роль, которую они играли в буржуазной революции и в процессе создания капиталистического государства.

Но и в коммунистической революции центром движения будет Милан. Милан является средоточием финансовой мощи буржуазии, и самую трудную борьбу пролетариату придется выдержать в Милане. Жизненный центр огромного предприятия, производящего капиталистическую прибыль, каковым является буржуазное государство, находится в Милане. Из Милана расходятся тысячи и миллионы нитей, которые тянутся во все уголки национальной территории и с помощью которых рабочих и крестьян удерживают во власти денежных мешков; пролетариат может уничтожить капиталистическую диктатуру, только овладев мощными банковскими и торговыми центрами, находящимися в Милане, и превратив их в орудие экономической и политической власти пролетариата. Коммунистическая революция в Милане означает коммунистическую революцию во всей стране, потому что Милан является фактической столицей буржуазного государства.

«Джустициа» — еженедельник, выходящий в Реджо-Эмилии, поместил и сопроводил комментариями, которые льют воду на мельницу контрреволюции, отрывок из статьи Ванина, опубликованной в номере «Ордине нуово» от 6—13 декабря, — тот отрывок, где говорится: «За редкими исключениями (исключениями, интересными с этой точки зрения), капиталистические страны обладают сейчас настолько централизованным государственным аппаратом, что политическая революция мыслима лишь как обезглавливание этого аппарата; чтобы революция не по-

гибла, она должна совершаться в столицах». «Джуститиа» интересуется тем исключением, которое представляет собой Рим, не потому, что она хочет указать рабочим решение этой проблемы, а потому, что она хочет обескуражить рабочих, хочет попытаться убедить их, что в Италии революция невозможна, ибо столица «не является промышленным центром и не окружена скоплениями пролетариев». Но на самом деле итальянское государство должно быть обезглавлено в Милане, а не в Риме, так как настоящий капиталистический управленческий аппарат находится не в Риме, а в Милане. Рим — это бюрократическая столица, и в Риме пролетарская диктатура будет иметь против себя не экономическую мощь буржуазии, а только саботаж бюрократов. [Достаточно будет нормирования пищевых продуктов и сильного отряда вооруженных рабочих, чтобы обеспечить советскому правительству в Риме нормальное выполнение административных функций и безопасность, которая понадобится ему для того, чтобы совершить необходимую работу по перенесению бюрократической столицы в столицу экономической] ¹. Рим как город не играет никакой роли в социальной жизни Италии, он — ничто; он подпадет под действие сурового закона рабочего государства против паразитов.

(Без подписи; «Ордине нуово», 17 января 1920 года, № 34, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

САРДИНИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС

В Генуе образовалась федерация кружков сардинцев, принявшая название «Молодая Сардиния». Лигурийская федерация желает стать всеитальянским объединением и поэтому рассылает повсюду своих эмиссаров, которые должны созывать, учреждать и объединять. В воскресенье было созвано собрание сардинской колонии в Турине, но результаты оказались совсем не те, каких ожидали его инициаторы.

На собрании выступила группа рабочих-сардинцев и поставила на обсуждение ясную и четкую платформу. Профессор Пьетро Нурра, эмиссар генуэзского центрального комитета, предлагал организовать одну из тех бесчисленных областнических ассоциаций мелкобуржуазного

¹ Фраза, взятая в квадратные скобки, была в части тиража «Ордине нуово» изъята цензурой.

характера, которые объявляют себя аполитичными и составляют туманные программы, трактующие об обновлении, возрождении, просвещении, пропаганде. Ораторы-социалисты заявили, что всякое выступление объединенных групп, направленное к достижению таких целей общего характера, которые относятся к сфере государственного устройства и деятельности правительства, неизбежно приобретает политический характер. Следовательно, или аполитичность — это обычная двусмысленная формула, предназначенная для прикрытия политики, о которой нельзя говорить открыто, — или же те, кто выступает за аполитичность, поступают легкомысленно и безответственно, организуя коллективные действия и не имея при этом какого-то определенного плана, не имея конкретного представления о целях, которые должны быть достигнуты; нетрудно предвидеть, что в этом последнем случае «Молодая Сардиния» послужит лишь для того, чтобы награждать почетными званиями «коммендаторе» и «кавальере» подлых проходимцев и дать возможность выдвинуться нескольким новым беззастенчивым политикам.

Энергичное выступление группы социалистов взбудоражило собрание; «молодые сардинцы» тщетно пытались помешать направить дискуссию по столь опасному пути. Рабочие-социалисты один за другим поднимались на трибуну и формулировали свою классовую точку зрения, напоминая о бедах Сардинии, о нищете сардинских крестьян и рабочих, эксплуатируемых всеми и всяческими капиталистами, начиная от английских, которые эксплуатируют рудники, и кончая пьемонтскими, которые эксплуатируют железные дороги, римскими, которые держат в своих руках пастибищное хозяйство, и итальянским государством, ежегодно выкачивающим из Сардинии многие миллионы лир налогов, которые никак не возмещаются и служат для облегчения налогового бремени на континенте. Большинство участников собрания не замедлило поддержать позицию социалистов и выразить свое недовольство трескучей риторикой «молодых сардинцев». В конце концов группа социалистов настояла на том, чтобы была поставлена на голосование следующая резолюция:

«Чтобы правильно определить место сардинской проблемы в рамках всей государственной деятельности итальянских правящих классов, следует напомнить, что

итальянское государство возникло и развивалось на империалистической основе, обеспечивавшей интересы небольшой группы капиталистов Северной Италии. Крупные промышленники и банковская верхушка держат ныне в своих руках государственную власть и используют ее, чтобы выколачивать прибыли как из рабочего класса, непосредственно превращенного в раба их денежных мешков, так и из областей Южной Италии и Островов — через систему таможенных тарифов и налоговую систему, которая перекладывает на плечи нищего населения Юга и Островов тяжесть основных расходов государства.

Следовательно, Сардиния находится по отношению к центральному правительству в таком же экономическом и политическом положении, как рабочий класс по отношению к классу капиталистов; интересы Сардинии совпадают с интересами рабочего класса, и единственная реальная историческая сила, могущая освободить население Сардинии от гнета бесчеловечной эксплуатации, который взвалило на него итальянское государство, — это рабочий класс, экономической организацией которого является ВКТ, а политической — социалистическая партия.

Когда рабочий класс сломит господство капитала, нашедшее свое высшее выражение в буржуазном государстве, то, освободив себя, он освободит и всех эксплуатируемых и угнетенных.

Поэтому мы считаем, что способствовать разрешению сардинской проблемы можно, лишь действуя в следующих направлениях: 1) добиваясь создания в Сардинии сильной областной федерации Итальянской социалистической партии и сети крепких рабочих и крестьянских организаций, которые должны в своей борьбе стоять на той же революционной платформе, что и рабочий класс континента; 2) организуя на континенте социалистические кружки сардинцев для ознакомления рабочего класса и социалистической партии с истинным содержанием сардинской проблемы и для установления связи между трудящимися массами острова и континента».

После многих колебаний и попыток обструкции резолюция была поставлена на голосование, и голоса разделились. Произошло четкое разделение... классового характера: с одной стороны — сардинские полицейские агенты, присутствовавшие в большом количестве, госу-

дарственные служащие со своими женами и дочерьми и несколько интеллигентов; с другой — рабочие и жены рабочих, составлявшие огромное большинство этого чрезвычайно многочисленного собрания. Рабочие запели «Бандьера росса», и громадная толпа покинула зал, представив перепуганным и ошалевшим мелким буржуа организовывать секцию «Молодой Сардинии».

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 17 февраля 1920 года, № 41.)

ФАБРИЧНЫЙ РАБОЧИЙ

Всякое общество живет и развивается, будучи связано с исторически определенной формой производства: там, где не существует производства, где отсутствует организованный (хотя бы самым элементарным образом) труд, не существует и общества, не существует общественной жизни. Современное общество жило и развивалось до своей нынешней фазы, поскольку оно было связано с определенной формой производства — такой, которая характеризуется в истории существованием двух классов: класса капиталистов, в собственности которого находятся средства производства, и рабочего класса, находящегося у него в услужении, прикованного к нему цепями системы наемного труда и вечной угрозой голодной смерти.

На данной стадии класс капиталистов представлен слоем, который является его «авангардом», — плутократией; линия исторического развития класса капиталистов — это процесс гниения, процесс разложения. Традиционные функции класса капиталистов в области производства перешли в руки безответственного среднего слоя, который не связывает с производством ни непосредственные интересы, ни узы чисто психологического характера; это бюрократы из породы «государственных служащих», корыстных, жадных и продажных, биржевые агенты, никудышные политиканы, людишки, которые живут, не задумываясь о будущем, удовлетворяя свои низменные страсти и предаваясь мечтам, соответствующим их психологии обжор: о том, чтобы обладать многими женщинами, иметь много денег, чтобы тратить их в альковах проституток высокого ранга, в кабаре и на

грубую, бьющую в глаза роскошь, иметь хоть частичку власти, позволяющей мучить своих подчиненных и причинять им страдания.

Рабочий класс, напротив, в процессе своего развития стал вырабатывать новый, еще небывалый в истории тип человека: тип фабричного рабочего, пролетария, утратившего последние остатки психологии крестьянина или ремесленника, от которых он ведет свое происхождение, пролетария, живущего жизнью фабрики, жизнью мощного и хорошо налаженного производства, которое носит неорганизованный и хаотический характер, если рассматривать его в плане социальных отношений, складывающихся за пределами фабрики, и политических отношений, отражающих распределение богатства, но внутри фабрики подчинено четкой организации и дисциплине в соответствии с ритмом работы крупных машин, в соответствии с ритмом, выработанным в результате детального и точного разделения труда, являющегося самым значительным механизмом в промышленном производстве.

Класс, владеющий капиталом, устранился от труда, от участия в производстве, разложился, утратил сознание своего бывшего единства, которое было диалектическим единством, единством в конкурентной борьбе отдельных индивидуумов за прибыль; единство класса капиталистов нашло свое воплощение в государственном институте — правительстве; индивидуум предоставил бороться за его интересы и умножать нагراбленные им богатства банде авантюристов и наемных политика-нов, а сам впал в первобытное и варварское, животное состояние, которое дает простор самым низменным инстинктам.

Рабочий класс неразрывно связан с фабрикой, с производством; жизнь пролетария немыслима без работы и притом работы методичной и организованной. Разделение труда породило духовное единство класса пролетариев, породило в среде пролетариата тот комплекс чувств, инстинктов, мыслей, обычаев, привычек, симпатий, который обозначается термином «классовая солидарность». На фабрике каждый пролетарий приходит к мысли о том, что он неразрывно связан со своими товарищами по работе: разве сырой материал, бесформенными горами лежащий на складах, мог бы превратиться в продукт, полез-

ный для жизни человеческого общества, и функционировать в качестве такового, если бы в системе труда в сфере промышленного производства отсутствовало хотя бы одно звено? Чем больше пролетарий специализируется на выполнении узкопрофессиональной операции; тем больше чувствует он свою взаимосвязь с товарищами; тем больше он чувствует себя частицей организованного целого, внутренне единого и крепко спаянного, тем больше он чувствует необходимость порядка, системы, четкости; тем больше он чувствует необходимость того, чтобы весь мир был как бы одной громадной фабрикой, организации которой будут свойственны четкость, система и порядок, в жизненной важности которых он убедился на фабрике, где он работает; тем больше он чувствует необходимость того, чтобы порядок, четкость, система, которые придают жизненную силу фабрике, были бы распространены и на область отношений между фабриками, между городами, между нациями.

Благодаря этой своей особой психологии, этому своему миропониманию фабричный пролетариат, рабочий крупной городской промышленности, является наиболее последовательным поборником коммунизма, является той революционной силой, на долю которой выпала задача возродить человеческое общество, является основателем новых государств. Именно это (а не то, что столь тупоумно приписывают нам публицисты из «Стампы») мы имели в виду, когда утверждали, что Турин есть кузница коммунистической революции, потому что трудящееся население Турина в своем большинстве состоит из пролетариев, из фабричных рабочих, из революционеров того типа, о котором говорил Карл Маркс, а не из мелкобуржуазных революционеров типа деятелей революции 1848 года, столь милых сердцу демократов и анархистских путаников. Таков же смысл нашего утверждения, что Всеобщая конфедерация труда объединяет более «революционные» массы рабочих, чем те, которые организованы в рамках Итальянского профсоюзного объединения¹, потому что она охватывает рабочих более специализированных и лучше организованных отраслей промышленности, отраслей более «революционных» и передовых, тогда как Профсоюзное объединение — это

¹ См. примечание 2-е на стр. 85.

нечто лишенное всякой внутренней связи, оно не может выйти из киселеобразного и неопределенного состояния, подняться выше миропонимания, свойственного мелким буржуа, которые не стали капиталистами, а также ремесленникам или крестьянам, которые не стали пролетариями.

Всякое общество живет и развивается, поскольку существует производство, поскольку производится больше, чем потребляется, даже если распределение благ, предназначенных для потребления и накопления, носит несправедливый характер; при этом условии общество живет и развивается, как бы оно ни было преступно, но оно погибнет, если не будет производить, хотя бы оно было при этом воплощением царства справедливости. Буржуазное общество гибнет, потому что оно не производит, потому что труд производителей при новых условиях распределения, которые порождены войной и явившейся ее следствием плутократическо-бюрократической фазой капитализма, не обеспечивает даже нужд потребления, не говоря уже о том, что стало невозможным какое бы то ни было накопление. Материальное богатство во все больших масштабах уничтожается; в то же время растет масса бумажных денег, символизирующих право на присвоение материального богатства; капиталистическая система распределения превратилась в вооруженный грабеж, совершаемый теми, кто держит в своих руках государственную власть. Капиталист устранился из сферы производства; управление промышленностью попало в руки людей неспособных и безответственных; любовь к труду, любовь к машине сохранилась лишь у рабочего класса. От рабочего класса ныне зависит судьба производства, судьба общества потому, что, даже просто скрепив руки на груди, он может тем самым остановить тот животворный поток, который еще поддерживает жизнь в обществе, и потому, что только героическое усилие, направленное на подъем производства, могло бы вдохнуть в общество новую жизнь, снова дать ему способность к развитию. Наемные апостолы, лакеи капитала, алчные Лазари, питающиеся подачками буржуазии, думают, что они смогут при помощи своих пышных фраз о долге перед родиной и перед человечеством, достойных какого-нибудь третьесортного романа, пробудить этот трудовой героизм пролетариата, как они смогли пробудить

его воинский героизм. Но фокус удастся только один раз, а помощь карабинеров в этом случае ничего не дает. Придется примениться к обстоятельствам, причем придется сделать это либо по доброй воле, либо не без «содействия» Красной Гвардии; пролетариат пойдет на увеличение производства во имя коммунизма, во имя того, чтобы осуществить на практике свои идеи, чтобы превратить свою «философию» в историческую действительность, а не во имя обеспечения дельцам, накопившим груды бумажных денег, возможности снова вести праздную и расточительную жизнь; он добьется увеличения производства, когда с помощью своей государственной власти удалит с древа жизни многочисленные сухие ветви; уже сама эта операция повлечет за собой рост производства, а следовательно, обеспечит и более справедливое распределение и возможность накопления.

(Без подписи; «Ордине нуово», 21 февраля 1920 года, № 38, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

МОНАРХИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ¹

Фигура «короля-джентльмена»², лишенная псевдо-идеалистических и дворцовых прикрас, сама по себе настолько заунывна, что чествование его памяти не может быть достаточным основанием манифестации, в которую хотя бы вложить какое-то идейное содержание.

Какой смысл может сейчас иметь для буржуазии, которая объявляет себя национальным классом и заявляет о своем единстве, торжественное чествование короля пьемонтских чиновников, короля офицеров сардинской королевской армии? Какая традиция, какой принцип, имеющий важное значение для жизни нации или для образования и развития нынешнего правящего класса, связывается с «мифом» об этой личности?

«Монархия нас объединяет», — этой фразой Криспи — республиканец, обращенный в монархическую веру, — определял то значение монархического начала, которое вообще всегда приписывается ему в нашей исто-

¹ Написано по случаю национального праздника 14 марта — столетия со дня рождения Виктора-Эммануила II.

² Так называли в Италии короля Виктора-Эммануила II. — *Прим. ред.*

рии. Но монархия создала такое единство, какое она могла создать. Не имея никакой общенациональной программы, не участвуя в идейной борьбе, монархия могла дать Италии только такое единство, которое могло быть создано благодаря универсальному применению политики династических соглашений. Стремлением к объединению была проникнута концепция Мадзини, который исходил из абсолютной идеи и хотел воплотить ее в политической действительности. Тенденцию к объединению выражала тактика «правой», стремившейся основать либеральное государство, которое являлось бы воплощением, формой выражения обновленных общественных нравов и завоеванной внутренней свободы. Тенденцию к объединению выражали концепция и программа католиков, которые противопоставляли государству, конкретной форме ныне существующей общности людей, создающейся в процессе исторического развития, утверждение о потусторонней общности и церковь — общность сверхъестественного происхождения, которая представляет собой полное отрицание светских политических ассоциаций. Несовместимость этих различных принципиальных позиций не могла не вызвать столкновения стремлений и партий, действующих в противоположных направлениях. Эти столкновения — живительный воздух для либерализма, ими живет либеральное государство. Истина и свобода должны добываться в нем с бою.

Не такой свободы искала итальянская буржуазия. Слишком незрелый для того, чтобы выступать с какой-либо принципиальной позиции, неспособный понять содержание какой-либо проблемы, если оно выходило за рамки обыденной реальности будничной жизни, упорно не поддающийся подталкиванию и понуканию со стороны идеалистически настроенного незначительного меньшинства, итальянский средний класс мало что видел за пределами сферы своих деловых интересов, за пределами своей мелкой лавочки. Рассматриваемый под таким углом зрения, Мадзини был опасным мечтателем, Гарибальди — бравым и удачливым искателем приключений, а политики «правой» — упрямыми.

Единство необходимо было лишь для того, чтобы, облегчив товарообмен и оживив сношения между областями, создать предпосылки обновленной торговой деятельности; свобода должна была быть свободой торговли,

свободой купли и продажи, свободой деловой активности.

Этот класс, естественно, все чаще видел свое спасение в политике династических соглашений; программа монархии-завоевательницы стала его программой, Виктор-Эммануил II — его королем. Деспотические замашки сардинского королька, которого судьба сделала королем Италии, совершенно не задевали его чувствительности, отсутствие всякой идеи осталось для него незамеченным — лишь бы царили тишина, спокойствие, видимость порядка, ничего другого не требовалось. А после 1860 года этот класс, который в предшествующий период все же поддерживал силы меньшинства, боровшиеся за идею, с грубой откровенностью обнаружил свои цели: на сцене появилось действующее лицо — король, который гарантирует достижение желанных целей, его деятельность не таит в себе никаких возможностей опасного развития событий, он тоже хочет спокойствия, тоже живет сегодняшним днем и является врагом мечтателей. Таков был король итальянского среднего класса, «возрождающегося» к новой жизни, такова была национальная монархия. Вот почему после 1860 и 1870 годов идеалисты мало-помалу были выключены из жизни нации: Мадзини снова подвергся преследованиям, Гарибальди никто больше не понимал, Сильвио Спавента стал отшельником.

Физиономия нового королевства, таким образом, определилась, единство было достигнуто. Но какое единство? Характер этого единства не замедлил обнаружиться: он был виден уже по тому знамени, под которым шло объединение. На этом знамени было написано: покровительство торговле и промышленности. Класс, который водрузил это знамя, конечно, не собирается поддерживать государство, если государство его не поддержит, и этот класс все-таки тоже был меньшинством перед лицом огромной массы народа. Народ оставался почти пассивным наблюдателем, аплодировал Гарибальди, не понимал Кавура; он ждал, что король решит проблему, которая непосредственно касается его, народа, проблему нищеты и экономического и феодального гнета. Но новое королевство родилось с врожденным пороком, который делал его неспособным не только разрешить, но и понять проблемы народа; новое королевство возникло в результате

того, что нашлись точки соприкосновения между династическими интересами и интересами класса торгашей,— новое королевство не могло не использовать силу королевской власти для защиты интересов этого класса, в ущерб интересам большинства нации. Единство, установившееся в результате действия определенных факторов, было подорвано уже теми мерами, с помощью которых оно создавалось, самими предпосылками единства и впоследствии постоянно попиравшись на практике.

Сначала имели место фаворитизм и коррупция единичного характера, мелкая спекуляция постами, концессиями, должностями, злоупотребления бюрократии областного масштаба. Потом, когда экономическая активность буржуазии Севера приобрела более упорядоченный и систематический характер, эксплуатация остальных частей Италии также приобрела систематическую и упорядоченную форму, стала скрытой пружиной развития Итальянского государства. В довершение всего был принят протекционистский тариф, который разделил страну на две части и превратил три четверти страны в поле колониальной эксплуатации, где существовал полный простор для страстей разбойничьего меньшинства.

Народ, тот самый народ, который прежде верил и оставался наблюдателем, восстал, и его восстание (которое называли бандитизмом, в то время как это была подлинная гражданская война). было осуждено и подавлено во имя единства и монархического принципа. Молчаливое соглашение, заключенное между королем и буржуазией, начинало приносить плоды; монархия нашла к тому же способ расширить свою базу, завоевав на свою сторону средний класс Юга, который обнаруживал верноподданнические чувства по отношению к любой династии, которая гарантировала его феодальное владычество над трудолюбивыми и угнетенными «мужиками». «Джентльмены» договорились между собой без труда. Так под монархическим знаменем создавалась Италия.

Какие же воспоминания пробуждает у официальной Италии имя «великого короля», что чтит она в нем? Какой смысл имеет это выражение верноподданнических чувств с запозданием на полвека? Может быть, в душе наших буржуа — миланских банкиров и пьемонтских промышленников, бюрократов, генералов и профессоров —

живет чувство признательности по отношению к тому, кто первый выдвинул такую программу, первый стал применять такую тактику, осуществление которых должно было привести к установлению их власти, их владычества? Запоздалая признательность: сейчас содержание проблемы изменилось. Монархическое верноподданничество, всегда лишенное какого-либо идеального содержания, потеряло и свой эгоистический и корыстный смысл. Монархия больше не нужна никому. Силы, которые творят историю нашей страны, уже настолько окрепли, что им не нужно больше призывать к себе на помощь отжившие свой век принципы. Наступает конец царству предрассудков, борьба внутри нации разворачивается в открытую: как борьба за свободу — со стороны народа, как защита существующего порядка вещей — со стороны господствующего класса. Победа будет за сильнейшим. Где же теперь силы короля?

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 14 марта 1920 года, № 64.)

РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ

«Военная диктатура» совершила нападение на немецкую «демократию»¹ и натолкнулась на сопротивление не со стороны органов парламентского государства, которые невозможно отделить от этой военной диктатуры, не со стороны войск, сохранивших верность всеобщему избирательному праву и Учредительному собранию, которые невозможно отделить от кадров военной диктатуры, а со стороны рабочего класса, который одним ударом парализовал экономическую жизнь Германии, который восстал с оружием в руках, чтобы отстоять свою свободу и свое историческое будущее.

«Демократия» не сопротивлялась ни минуты, сбежала, лишь заслышав грозный шаг марширующих полков Людендорфа; немецкая демократия проявила неумолимую твердость лишь по отношению к рабочему классу, добыва-

¹ Реакционный путч фон Каппа и генерала Лютвица (в котором, как говорили, принимал участие и Людендорф) потерпел провал уже через несколько дней в результате сопротивления, оказанного берлинскими рабочими, которые объявили всеобщую забастовку.

лась уважения к себе только в отношениях с рабочим классом, находила надежное оружие и верные войска только тогда, когда рабочий класс требовал свободы и прав для себя; демократия была всего лишь орудием, используемым военной диктатурой, орудием гражданской войны, которое отбрасывается, когда оно становится обременительным и создается угроза, что оно попадет в руки противника.

Следовательно, поражение Людендорфа — это не просто поражение одной только германской военной касты, это один из самых важных этапов в процессе развития германской революции, потому что оно показывает, что пролетариат сильнее, чем буржуазное государство, что в Германии соотношение сил изменилось в пользу рабочего класса. После демократической интермедии германская революция снова приобрела бурный, насильственный характер; тем самым закончился важный период европейской и мировой революции, ибо германский пролетариат остается одним из главных действующих лиц в истории мира, подобно тому, как раньше одним из главных действующих лиц была германская буржуазия.

Этот продолжавшийся целый год период демократического затишья в Германии породил много иллюзий и много надежд. Ожидали, что Германия даст доказательство того, что русская революция была только и исключительно русской революцией, а не этапом мировой пролетарской революции, ожидали от нее доказательства того, что диктатура рабочего класса была в России продуктом особых объективных условий, существующих в России, и политической идеологии, которая могла появиться только в России, в качестве реакции на царский деспотизм. Германии приписывалась миссия европеизировать русскую революцию, европеизировать систему Советов. Мелкая буржуазия Запада без особого труда заняла новую позицию — позицию класса, промежуточного между коммунистическим пролетариатом и капитализмом, который приобрел консервативный, реакционный, милитаристский характер, позицию, которая в области идеологии характеризуется социал-реформизмом. Мелкая буржуазия, полностью перебазировавшись на эту новую историческую позицию, моментально создала новую конституционную теорию, моментально сконструировала новый тип государства. Речь шла о том, чтобы прими-

рить буржуазную власть с пролетарской властью, парламент, избранный всеобщим голосованием, — с системой Советов; идея заключалась в том, чтобы воспроизвести в отношениях между буржуазией и пролетариатом тот же самый компромисс, который буржуазные революции установили в отношениях между земельной аристократией и демократией капиталистов-фабрикантов: как Англия создала современное буржуазное государство с двумя палатами — палатой лордов и палатой общин, которое послужило моделью при образовании государств европейского континента, так и Германия должна была создать ультрасовременное государство с двумя палатами — парламентом политическим и парламентом экономическим, парламентом собственников и системой рабочих Советов¹. Мелкая буржуазия была убеждена, что она осчастливила бы тем самым все общественные классы: рабочий класс имел бы свою сферу влияния, ему было бы где вести дискуссии, болтать, подготавливать проекты законов «радикальных» реформ; класс собственников снова обрел бы спокойствие и снова получал бы большие прибыли, так как создание Советов предприятия и «участие» рабочих в управлении промышленностью породили бы в рабочем классе сознательную дисциплину и дали бы ему «радость труда», что привело бы к повышению производительности труда; а мудрой мелкой буржуазии тоже пошло бы на пользу всеобщее благоденствие, так как создание новых институтов и упорядочение их организации умножило бы количество общественных должностей, постов, депутатий, административных органов, особых комиссий.

Немало труда положили теоретики Коммунистического Интернационала, чтобы разгромить эту идеологию, удалить из лагеря немецкого пролетариата носителей этой идеологии, чтобы втолковать немецким рабочим, что не может быть мирного сосуществования между парламентом и системой Советов, между буржуазной диктатурой и дик-

¹ В одной из статей конституции Веймарской республики предусматривалось создание экономического парламента (Reichswirtschaftsrat — Имперского экономического совета). Относительно надежд, которые возбудила эта попытка компромисса между парламентским и советским режимами, см. также в этом томе статью «К вопросу об участии в выборах» [в русском издании работ Грамши эта статья не вошла — *Ред.*].

татурой пролетариата. Первая революция оставила после себя в Германии в качестве прочного завоевания рабочего класса фабричные Советы; осью борьбы между революционерами и мелкобуржуазными оппортунистами стал вопрос о фабричных Советах, и эта борьба дошла до вооруженного конфликта. Рабочий класс не захотел допустить, чтобы парламент помешал фабричным Советам развернуться и выявить свои революционные возможности, чтобы был уничтожен зародыш органа власти, с помощью которого рабочий класс мог бы установить контроль над промышленным производством. Бесконтрольная власть капиталиста на предприятии — экономическая предпосылка милитаризма и империализма; если привилегии имущего класса в сфере производства ограничиваются, контролируются, от этого страдает все буржуазное государство, власть буржуазии ослабевает, милитаристы чувствуют, что у них ускользает почва из-под ног. Немецкие милитаристы бурно реагировали на эту угрозу, они лишили всякой власти парламентское государство, которое допускало дискуссии и действия, столь опасные для существующего порядка, попытались открыто установить свою диктатуру.

Так кончился период демократического затишья в Германии: гражданская война вспыхнула снова, и немецкий пролетариат находится теперь в несравненно более благоприятном положении, чем в январе 1919 года. Если раньше мелкая буржуазия Запада ждала от немецкого «народа» такого исторического творчества, которое могло бы послужить образцом для других народов, то теперь этого ждет пролетариат Запада; он ждет, что немецкий пролетариат выработает и воплотит в жизнь систему Советов как форму пролетарской диктатуры, как орудие острой борьбы, которую рабочий класс должен вести, чтобы построить коммунистическое общество.

(Без подписи; «Ордине нуово», 20 марта 1919 года, № 41, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА

Правительственную программу, изложенную г-ном Джолитти в его интервью газете «Трибуна», следует изучать и оценивать с двух точек зрения. Какова ценность

правительственной программы г-на Джолитти, каково ее политическое значение? Выполнима ли она сама по себе? Является ли она или может ли она явиться реальным шагом вперед в истории итальянского народа, в развитии общественных институтов, созданных итальянской нацией? Существуют ли в сфере парламентской демократии силы, достаточно влиятельные, чтобы на них можно было опереться при осуществлении такой программы? Существуют ли в области производства, находящегося в руках частных собственников орудий труда, экономические силы, способные поддержать такую программу, то есть силы, которые увидели бы в осуществлении такой программы внешние, политические условия, необходимые им для того, чтобы они могли лучше развиваться?

Г-н Джолитти намерен восстановить полномочия выборного собрания и расширить их, ограничив полномочия исполнительного органа, ограничив прерогативы трона. Программа г-на Джолитти в этой части предполагает наделение парламента полномочиями Учредительного собрания или роспуск парламента и созыв Учредительного собрания, которое нация изберет для того, чтобы оно провело новую, коренную реорганизацию государственного аппарата. В этой части своей программы г-н Джолитти исходит из самых поверхностных посылок: из констатации того факта, что парламент потерял свое влияние и что законодательная деятельность осуществляется правительством в форме чрезвычайных декретов. Но как нужно расценивать этот упадок влияния парламента? Является ли этот упадок причиной или следствием общего кризиса, который переживает страна? Парламент — это форма буржуазного государства; существо буржуазного государства составляет соотношение сил между классами, а это соотношение определяется удельным весом и значением реальных сил, действующих в сфере производства. Парламент потерял влияние потому, что в развитии капиталистической экономики эпоха либерализма сменилась эпохой монополии, и ни один политический деятель Италии не содействовал этому процессу больше, чем г-н Джолитти. Г-н Джолитти всегда был в Италии представителем верхушки банкиров, плутократов металлургической промышленности, доверенным лицом кругов, заинтересованных в таможенном протекционизме. Достопочтенный г-н Джолитти войдет в историю

итальянского буржуазного государства как «министр темных дел» именно потому, что в его деятельности всегда сильнее, чем у кого бы то ни было, проявлялась тенденция к лишению выборного собрания всякой законодательной власти с помощью полицейских насилий, коррупции, административного давления, тенденция к устранению народа от всякого участия в решении политических дел. Режим монополии не был создан войной: война была периодом окончательного оформления этого режима; война как в плане международном, так и в плане национальном была органической, необходимой фазой в развитии этого режима; этот режим не может быть ликвидирован теми же политическими деятелями, которые были и остаются его парламентскими представителями, не может быть ликвидирован никакой буржуазной политической силой; он может быть только диалектически преодолен пролетарским режимом, рабочим государством.

В интервью г-на Джолитти упоминаются «труженики земли». Можно было бы предположить, что для осуществления своей программы Джолитти хочет опереться на класс крестьян, что он хочет стать вождем «народной партии». Но это предположение политически необоснованно. Крупные землевладельцы являются составной частью аппарата экономической власти, лицо которого определяется господством крупных банков, земельная рента тесно связана с капиталистической прибылью, и, более того, она определяется капиталистической прибылью; как раз в этом явлении причина той разлуки, которая овладевает страной. В Италии объединение сельского хозяйства, которое в большинстве случаев все еще имеет экстенсивный характер, в единый комплекс с крупным, монополизированным промышленным производством, приводит лишь к постоянному увеличению стоимости жизни. Без машин, без разделения труда, без ирригационных сооружений сельское хозяйство дает ренту, равную по величине капиталистической прибыли, полученной за счет труда рабочего, работающего на машиностроительном заводе в условиях, обеспечивающих большой выход продукции и более высокую производительность труда. В этом сосуществовании — в рамках одного и того же централизованного и монополизированного аппарата управления — двух столь различных форм производства следует искать источник кризиса, охватившего Италию, источник упадка общест-

венных институтов, источник деградации и распущенности нравов. Национальный аппарат производства и обмена при его нынешнем характере не обеспечивает удовлетворения элементарных жизненных потребностей широких масс населения, так как служит единственной цели — обеспечить высокие прибыли и огромные доходы капиталистам, земельным собственникам, банкирам. Он имеет тенденцию ко все большей централизации, имеет тенденцию все больше обогащать пиратское и бандитское меньшинство, составляющее его головку, обрекая тем самым на голод и отчаяние широкие народные массы.

Нужно обезглавить этот аппарат, нужно изгнать это меньшинство из сферы политической и экономической жизни. Казалось бы, что программа Джолитти ставит именно такую цель. Но метод г-на Джолитти находится на уровне медицинского искусства врача-эмпирика, который дает тифозному больному слабительное. В сфере парламентской демократии не существует таких политических сил, так же как в сфере капиталистического производства не существует таких экономических сил, которые были бы способны довести до конца акцию подобного рода. Производство принимает форму монополии с централизованным управлением, сосредоточенным в банках, не случайно, не вследствие влияния каких-либо преходящих факторов, не в результате войны — это внутренне присущая ему тенденция, его *нормальное развитие*. Обезглавить аппарат, с помощью которого совершается эксплуатация нации, при сохранении режима частной собственности, режима всеобщего избирательного права, режима буржуазной демократии невозможно; правительственная программа г-на Джолитти — в лучшем случае мелкобуржуазная утопия; если же принять во внимание, кто является ее автором и каково его прошлое, то станет ясно, что это попытка заменить одну олигархию другой олигархией, одну группу другой группой.

Кризис, который переживает Италия, может быть разрешен только рабочим государством. Промышленный пролетариат, являющийся базой рабочего государства, диалектически *преодолевают* плутократически централизованный хозяйственно-административный аппарат, но не разрушает его: административная машина, созданная капиталистами и банкирами для подчинения и эксплуатации производительных сил страны, экспроприируется и

обобществляется рабочим государством, используется рабочим государством для освобождения производительных сил, которые ныне стеснены в своем развитии. Рабочий класс — единственный класс, который заинтересован в действительном уравнивании условий труда и производства в сельском хозяйстве с условиями труда и производства в промышленности, потому что рабочий класс истощается и физически вырождается из-за нехватки пищевых продуктов; рабочий класс обратится к классу крестьян с призывом совместно трудиться над переустройством Итальянского государства на новых, необычных основах, на обобществленной фабрике, на крупном обобщественном сельскохозяйственном предприятии, на земле, освобожденной от гнета банков и капиталистического ростовщичества. Пролетарское Учредительное собрание должно будет вынести свое постановление по этим жизненным вопросам, решение которых берут в свои руки реальные политические и экономические силы; г-н Джолитти хочет карикатурного Учредительного собрания, которое изыскивало бы лучший способ гальванизации трупов, изыскивало и выдумывало бы лучший способ осуществить последнее мошенничество «министра темных дел» во вред итальянскому народу.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 30 мая 1920 года, № 125.)

ДЖОЛИТТИ У ВЛАСТИ

Джолитти у власти будет, в сущности, олицетворением мелочного стремления к запугиванию и мщению, которое характерно для мелкой буржуазии в настоящий момент. Джолитти будет преемником Нитти, но есть ли и может ли быть существенное различие между этими двумя людьми? Ни один из них не представляет партии, ни один из них не представляет интересов сколько-нибудь значительных слоев населения, политически организованных с целью управлять страной через парламент: как Нитти, так и Джолитти обеспечили свой политический успех тем, что взяли на себя защиту интересов плутократии при помощи средств государственной власти. Развитие этой организационной формы национального аппарата производства и обмена зашло так далеко, что средние клас-

сы в значительной части пролетаризировались, и имеется тенденция к их дальнейшей пролетаризации; парламентская демократия теряет базу, на которую она опиралась, страной невозможно больше управлять на конституционных началах, не существует и не может больше существовать парламентское большинство, способное создать сильное и жизнеспособное министерство, то есть такое министерство, которое получило бы поддержку «общественного мнения», поддержку «страны», то есть средних классов. Трижды г-н Нитти пытался создать хоть какую-нибудь парламентскую базу для своих полицейских правительств, которые должны были гарантировать прибыли крупнейшим банкам, обуздать экономическое движение пролетариата против капиталистов и создать вооруженные отряды, достаточные чтобы подавить и задушить грозно назревающее народное восстание, которое может вспыхнуть с минуты на минуту; трижды г-н Нитти терпел неудачу, и его попытки, доказавшие невозможность управлять итальянским обществом средствами политической власти, тем самым ускорили развал государства, содействовали обострению его внутренних противоречий, усилению нравственного разложения и еще большему упадку цивилизации.

Возвращение к власти Джолитти, этого старца, который во время войны *был охвачен страхом*, этого человека без будущего, не умеющего заглядывать вперед, этого старца, который способен лелеять только одну честолюбивую мечту — крепко держать в руках оружие государственной власти, чтобы иметь возможность потрясать им над головами своих врагов, чтобы заставить их дрожать в свою очередь так, как дрожал он, чтобы напугать их так, как напугали его, — возвращение к власти Джолитти означает, что в правительственной политике восторжествовала тенденция к запугиванию и мщению, характерная в настоящее время для мелкой буржуазии. Этот класс, который больше всех возлагал надежды на войну и победу, больше всех потерял в результате войны и победы. Мелкая буржуазия верила, что война действительно будет означать процветание, свободу, материальную обеспеченность, удовлетворение присущего этому классу националистического тщеславия, верила, что война даст все эти блага «стране», то есть мелкой буржуазии. Оказалось

же, напротив, что она все потеряла, что ее воздушные замки рухнули, что она лишилась свободы действий, доведена постоянным повышением цен до самой мучительной нищеты и впала в отчаяние, в неистовство, в звериное бешенство: она жаждет мщения вообще, неспособная в ее теперешнем состоянии разобраться в действительных причинах малярии, охватившего нацию. Сторонники возвращения Джолитти к власти — писаки из «Стампы», — поскольку они разделяют эти распространенные в средних классах настроения, сумели найти им очень точное литературное выражение и пытались представить это свое творчество в качестве правительственной программы. Джолиттианцы — это люди, которые предаются воспоминаниям, жаждут отдаться воспоминаниям, которые желают только одного: судорожно копаться в прошлом; эту манию, характерную для стариков, у которых нет будущего, джолиттианцы называют искусством управления, таким искусством управления, которое якобы только и может привести к восстановлению авторитета государства, к восстановлению влияния общественных институтов. И с этой точки зрения возвращение Джолитти также представляет собой явный признак вырождения господствующих классов Италии, свидетельство оскудения политического таланта итальянской правящей касты. Политической аксиомой было утверждение, что буржуазным правительствам более подобает забывать, нежели помнить: принцип давности стал основным принципом государственного управления, мания морализировать подвергалась осмеянию и считалась характерной для эпох упадка, для стран, находящихся в состоянии распада. В Италии, возможно, больше чем в любой другой стране, принцип давности стал основой повседневного управления государством: Италия — это классическая страна амнистий, помилований, монарших милостей. Теперь Джолитти хочет мстить; мелкая буржуазия хочет мстить; писаки из «Стампы» возбуждают и подогревают эту жажду мести, которая является выражением панического страха, а не силы, приводит к усилению малярии, а не к установлению порядка. Таким образом, приход к власти Джолитти, этого старца без будущего, старца, который глядит только в прошлое и неспособен увидеть более или менее отдаленной перспективы, этого старца, который был охвачен страхом

и сам хочет внушить страх,— приход Джолитти к власти можно считать настоящим признаком развала итальянского общества, разложения господствующих классов, культурного и умственного одичания итальянской правящей касты.

Писаки из «Стампы» надеются вовлечь пролетариат в эту дикую пляску безумцев и эпилептиков, охваченных паническим страхом. Но у пролетариата есть учение — критический коммунизм, которое дает ему ориентировку, дает реальное понимание истории, благодаря чему он не подвержен этим припадкам буйного помешательства. Пролетариат знает, что мировая война была не *ошибкой*, а необходимым продуктом исторического развития капитализма, достигшего империалистической стадии, — стадии, на которой становится невозможным существование экономических комплексов, ограниченных рамками одной страны, и они обнаруживают тенденцию распространиться за пределы национальной территории, чтобы организовать в международном масштабе; стадии, для которой характерно существование монополий и трестов; стадии, на которой банк становится формой организации национального аппарата производства и распределения. То обстоятельство, что война и победа на деле привели к краху, означает, что эта форма организации национального хозяйства невозможна при режиме частной собственности; при режиме частной собственности она является страшным орудием угнетения, эксплуатации, подавления громадного большинства населения: немногие лица устанавливают планы производства и распределения таким образом, чтобы обеспечить выгоду для себя, обеспечить свое личное обогащение, немногие лица держат в своих руках судьбу огромных масс трудящегося населения и используют любые средства насилия и обмана, чтобы сохранить эту власть, закрепить за собой этот источник своего богатства. Пролетариат не собирается, подобно перепуганным мелким буржуа, разрушать этот усовершенствованный аппарат управления производством; он хочет экспроприировать и обобществить его, хочет еще больше усовершенствовать его и сделать из него орудие своего полного освобождения, хочет с его помощью, освободив самого себя, освободить также все остальные угнетенные классы, в том числе и мелкую буржуазию, которая сейчас находится в эпилептическом

припадке, и стремится только к тому, чтобы на руины нагромоздить новые руины, еще больше усугубить существующий маразм.

(Без подписи; «Ордине нуово», 12 июня 1920 года, № 5, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

НАРОДЫ КОЛОНИЙ

Восстания, которые поднимают народы, живущие в условиях колониального режима, и которые приобретают все больший размах и силу, позволяют нам сейчас в свете исторического опыта русской революции довольно точно определить смысл и значение следующего положения марксизма: пролетариат, освобождая себя, освободит вместе с собой все остальные угнетенные классы.

Порабощение колониальных народов было условием развития, которого капиталистическая система достигла до войны: стремление буржуазных государств довести до конца этот процесс порабощения, наложило свой отпечаток на весь период истории капитализма, завершившийся мировым конфликтом, в ходе которого в корне изменились условия классовой борьбы, и силы, вызванные к жизни капитализмом, становятся достаточно мощными для того, чтобы свергнуть своего угнетателя и освободиться.

В процессе своего исторического развития промышленная буржуазия должна была находить все новые решения следующих проблем: как обеспечить закупку сырья для фабрик по низким ценам; как сделать, чтобы рабочий класс мог покупать продовольствие по низким ценам, что дало бы возможность поддерживать низкий уровень заработной платы; как создать такие условия продовольственного снабжения, при которых стало бы возможным поглощение фабриками все более значительных масс сельского населения. Эти проблемы промышленная буржуазия решала через посредство государственной власти всякий раз по-новому, но всегда на основе все более беспощадного угнетения все новых масс населения земного шара на территориях, включенных в системы владений национальных государств в качестве собственно колоний, протекторатов или сфер влияния.

С 1870 по 1914 год соотношение между городским и сельским населением в европейских странах в корне из-

менилось: в 1871 году Франция была еще страной преимущественно аграрной, и поражение фактически привело к замене власти средней промышленной буржуазии властью земельной аристократии, реакционной и клерикальной; в 1913 году сельское население составляло лишь 40 процентов французского населения, а во время войны этот процент еще уменьшился. Вся Западная Европа до войны имела тенденцию превратиться в одно огромное промышленное предприятие; борьба за колонии как за источники сырья и продовольствия приняла тогда конвульсивный характер и не могла не привести к конфликту.

Сложилась следующая система капиталистической эксплуатации классов, принуждаемых к рабскому труду: рабочий, перерабатывая на фабрике сырье, награбленное капиталистами в колониях, и питаясь продуктами, которые произведены крестьянством, поработенным городом и вынужденным обслуживать его потребности, производит капиталистическую прибыль; крестьянин доведен до состояния хронического голода, так как ему приходится производить дешевое продовольствие для города и обеспечивать земельному собственнику получение ренты; народы колоний принуждены обслуживать интересы метрополии: они должны поставлять дешевое сырье для промышленности, то есть истощать почву и ископаемые ресурсы своей страны ради развития европейской цивилизации, должны поставлять дешевое продовольствие, чтобы восполнить нехватку сельскохозяйственных продуктов в метрополии, вызванную постоянным отливом масс сельского населения в города, их переходом в непосредственное услужение к капиталу. Народам колоний, таким образом, отводится роль фундамента, на котором строится весь аппарат капиталистической эксплуатации; они должны жертвовать всей своей жизнью ради развития промышленной цивилизации, не получая от этого никакой пользы, наоборот, видя, как подвергаются систематическому разграблению природные богатства, находящиеся на их национальной территории и представляющие собой условия, необходимые для самостоятельного развития их стран.

Это ущемление капитализмом жизненных потребностей трудящихся масс всего мира достигло апогея во время

войны: крестьяне колоний подверглись полному ограблению, они вынуждены были умирать с голоду, чтобы снабдить воюющие европейские государства продовольствием в размерах, достаточных для того, чтобы довести войну до конца. В России эта колониальная эксплуатация существовала внутри самого государства; пролетариат, захватив политическую власть, освободив себя, освободил также и крестьянство. Русский крестьянин, который всегда страдал от голода, который всегда ценой этих страданий снабжал Западную Европу большим количеством продовольственных товаров, становится, наконец, хозяином своей судьбы, может, наконец, питаться как следует. Один этот факт является смертельным ударом по интересам западноевропейского капитализма, который для своего существования и развития нуждается в том, чтобы миллионы и миллионы русских крестьян голодали. Свергнув царизм, русский пролетариат разорвал одну из самых тяжелых цепей, сковывающих народы Малой Азии и Персии, потряс до основания британскую колониальную систему, поставил под вопрос существование всей капиталистической системы в целом. Восстания, которые поднимают народы, живущие в условиях колониального режима, позволяют, следовательно, со все большей точностью определять реальное историческое значение убеждения, прочно сложившегося у международного пролетариата, который борется за свое освобождение, сознавая выпавшую ему на долю высокую миссию: что русская революция является началом крушения мировой экономической системы капитализма и парламентского политического режима; освободительное движение трудового народа России кладет начало всеобщей и полной революции, которая в корне преобразует социальную структуру всего мира.

Восстание мусульманских народов против европейских государств уже привело к следующим результатам: сенегальские стрелки отказались сражаться со своими единоверцами, восставшими против Франции; индусские войска отказались сражаться во имя защиты английских интересов против восставших мусульманских народов Месопотамии и Персии. Воздействие, которое русская революция оказала на весь мир и которое явилось реальным историческим фактором, поднимающим на борьбу всех

угнетенных и эксплуатируемых, дало себя знать и в Италии на примере мусульманского восстания в Албании. В Англии уже поставлен вопрос о том, чтобы произвести набор в британские вооруженные силы для защиты колоний; уже одно это приводит руководителей английского государства в состояние крайней тревоги. Албанские события немедленно вызвали в Италии беспокойство и открытые конфликты¹.

Вопрос о том, каким образом можно сохранить нынешнюю столь высокую степень эксплуатации колониальных народов, уже поставлен со всей остротой, и буржуазные государства не смогут его решить. Западная Европа подвергла блокаде Россию и вызвала этим упадок русской индустриальной системы, которая была связана больше с Англией и Германией, чем со своими национальными рынками; Петроград потерял свое значение крупного промышленного центра, и русское производство начинает медленно восстанавливаться на той базе, которая служит исходным пунктом при возникновении любого промышленного комплекса,— в самих районах добычи сырья. Восстание в колониях может и имеет тенденцию превратиться в настоящую блокаду капиталистических государств Западной Европы; освобождаясь от эксплуатации со стороны иностранных капиталистов, народы колоний лишили бы европейскую буржуазию сырья и продовольственных продуктов и вызвали бы этим упадок центров цивилизации, которые сложились за период от падения Римской империи до настоящего времени. Капитализм, все особенности которого на современной империалистической стадии его развития получили еще более четкое выражение, поставил в порядок дня две основные проблемы, требующие своего разрешения: внедрение в широких масштабах индустриальных методов в сельское хозяйство и распространение промышленной цивилизации на весь мир не путем установления системы угнетения колоний Европы, а путем самостоятельного развития всех народов. Эти две проблемы сможет разрешить только революционный пролетариат — класс, который не заинтересован в сохранении

¹ Восставшие албанцы заставили итальянский гарнизон отступить в город Валона. В Италии произошли крупные манифестации с требованием эвакуации войск из Албании.

частной и национальной собственности, но заинтересован в развитии всех производительных сил мира, с тем чтобы иметь возможность развернуть свои силы и окончательно завоевать свою свободу.

(Без подписи; «Ордине нуово», 26 июня 1920 года, № 7, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

СНИЖЕНИЕ ЦЕН И ПРОИЗВОДСТВО

Мы с самого начала кампании за воздержание от потребления¹ высказали свое мнение о ней, мы внимательно следили за формами этой кампании, за официальными мерами, связанными с ней. Настроенные скептически, более того — убежденные в никчемности этого движения, мы полагаем, однако, что вопрос о ценах и их изменении все больше заслуживает того, чтобы к нему подошли серьезно. До сих пор мы не находили и тени серьезности в подходе пресловутой Лиги потребителей к этому делу. С экономическими проблемами, в высшей степени важными и сложными, обращаются с легкостью, в которой есть что-то потрясающее, демагогия доходит до того, что возводятся в теорию представления, которых сейчас устыдился бы любой школьник и которые, казалось бы, могут сейчас быть достоянием разве что каких-нибудь невежественных и злобных торговцев зеленью. Сложность экономических явлений, переплетение различных факторов — действий и противодействий, вследствие которого не только тому, кто хочет осуществлять какие-то конкретные действия, но и тому, кто хочет только понять происходящее, необходимы крайняя осторожность и постоянное напряжение, чтобы от того, что лежит на поверхности и видно невооруженным глазом, переходить к существу явлений, скрытому сложными наложениями идеологического и объективного характера, — все это великолепнейшим образом забывается.

Реальные интересы рабочего класса должны заставить его заняться проблемой движения цен. Эта проблема имеет жизненное значение, это важнейшая из экономических проблем, это, в сущности, сама проблема заработ-

¹ Нитти выдвинул лозунг: «Производить больше, потреблять меньше».

ной платы, рассматриваемая в том ее аспекте, в котором особенно ясно видна ее тесная связь с проблемой потребления, составляющей суть индивидуальной экономической жизни. Но рабочий класс должен здесь, как и всюду, проявить свойственный ему дух реализма, способность видеть действительность без прикрас в противоположность мелкой буржуазии и ее «воспитателям» с их глупой игрой в побрякушки. И если даже в результате изучения действительности придется сделать довольно пессимистические выводы, тем лучше для нас. Рабочий класс уже знает, что разрешение проблем современной экономики будет возможно только в том случае, если мир окажется в состоянии полностью обновиться. Если, таким образом, изучение любого аспекта действительности ведет нас к одной и единственной проблеме — проблеме полного переустройства общества, тем лучше: мы знаем, что выполнение этой работы составляет задачу революционного класса.

Оставим в стороне благоглупости, упрощения, «шутовство». Рассмотрим факты так, как они есть. Основной факт, пока представляющий собой единственное «достижение» кампании: цены не снизились ни по одному виду товаров, но в ряде случаев предприниматели начинают использовать агитацию за воздержание от потребления как предлог для того, чтобы закрывать свои предприятия или угрожать их закрытием.

В Италии мы уже имеем яркий пример такого использования: «Стампериа манифаттура Ломбарда» — акционерное общество, которое в 1919 году имело 2300 тысяч лир объявленной чистой прибыли при капитале в 8 миллионов лир, в течение месяца с лишним не дает двум тысячам рабочих возможности продолжать работу и угрожает закрытием других предприятий, где занято еще две тысячи рабочих. Первоначальной причиной закрытия фабрики был трудовой конфликт, но теперь акционерам в оправдание затянувшегося локаута говорится, что общество «Сочьета коммерчале тессиле Ломбарда», самым крупным акционером которого является «Манифаттура», переживает застой в делах, вызванный кампанией за снижение цен. Является ли это лишь предлогом? Возможно. И возможно также, что тот же довод будет приведен в оправдание увольнений, которые, видимо, готовятся провести в широких масштабах другие, более крупные фирмы.

Во Франции это явление получило гораздо более широкое распространение. Одновременно с увольнениями, связанными с ожидаемым ухудшением условий сбыта, происходят увольнения, являющиеся ответом на всеобщую забастовку. Но один депутат, вице-председатель комиссии по торговому флоту и крупный импортер, не постеснялся заявить, что через шесть недель в результате кампании за снижение цен будет миллион безработных. «Промышленник не получает больше заказов от торговца, дела которого находятся в состоянии застоя. Он приостанавливает поэтому закупку сырья, ограничивает выпуск продукции и мало-помалу увольняет рабочих. Промышленные центры Севера не смогут продержаться больше месяца».

Таков прогноз относительно развития кризиса. Мало того, к этому следует добавить, что кампания за воздержание от потребления приведет к росту цен, потому что, когда потребитель снова начнет покупать товары, ему придется платить за них более высокие цены, чтобы компенсировать ущерб, наносимый промышленности нынешней депрессией и застоем в банковских делах (причиной которого является то обстоятельство, что банки заморозили свой актив, оплатив товары вперед), повышением учетного процента и так далее.

Картина получается очень мрачная, и возможно, что за всем этим скрывается стремление шантажировать, стремление произвести определенное впечатление на рабочие массы, заставить их воспротивиться снижению цен и этим вызвать неприязнь к ним и противодействие им со стороны впечатлительной публики. Но в этом есть и доля правды, той правды, которой организаторы демагогической кампании не видят и не понимают.

Мы живем в условиях строя, основанного на частной собственности и индивидуальной инициативе. Производство, распределение и потребление регулируются в результате деятельности партикуляристских, эгоистических, друг другу противостоящих, противодействующих сил. Давать мыслям и действиям потребителей одностороннее направление, а не такое, которое привело бы их к полному пониманию органических пороков, присущих этой системе организации хозяйства,— значит оставаться на почве партикуляристских и эгоистических интересов. Несомненно, существуют дельцы, спекулирующие на повышении цен,

но имеются также дельцы, спекулирующие на их снижении; и в Америке, например, не последней причиной снижения цен была борьба между двумя могущественнейшими банковскими группами — соперниками в финансовых делах и противниками в политике.

К тому же предприниматели защищаются способом, в точности соответствующим тому, который применен при атаке на них: прекращают выпуск продукции, закрывают предприятия. Это было бы небольшой бедой, если бы «организаторы потребления» действовали в духе создания настоящей «организации» или кадров для будущей организации — такой организации, которая завтра, если предприниматель и частный торговец станут противодействовать снижению цен, смогла бы ответить им единственно пригодным в этом случае способом, смогла бы дать полное и окончательное решение вопроса, которое состоит в их устранении и в уничтожении всех эгоистических устремлений, которые порождают конфликты, противоречия и экономическую разруху. Но ни о чем подобном Лиги потребителей даже и не помышляют. Статьи с мудрыми увещеваниями написаны, речи произнесены, награды розданы, — какое дело им до всего остального? Какое дело им до того, что единственное, чего им удалось добиться, — это прибавить к уже существующим противоречиям новое противоречие, в результате чего лишь отвлекается внимание от настоящих, единственно эффективных средств спасения, и сохраняется, следовательно, нынешнее положение? Какое дело им до того, что «пропаганда» отнюдь не помогла высвободить и направить в нужное русло те силы, которые способны организовать в новую, гармоническую систему, а, наоборот, привела к тому, что к рабству и угнетению, виновниками которых являются эксплуататоры, прибавляется новое рабство, порождаемое властью нелепой иллюзии.

Такая тактика не может быть тактикой рабочих, крестьян, партии и организаций трудящихся. Проблема обеспечения потребления становится самой серьезной проблемой: это проблема обеспечения самой жизни людей, возможности их существования, это проблема, имеющая весьма существенное значение для возникающего нового общества. Мы не хотим, чтобы к этому делу примешивались и вредили ему болтовня краснобаев, тщеславие

политиков, беспечность легкомысленных — всех тех, кто способен спекулировать на самых насущных нуждах людей.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 11 июля 1920 года, № 169.)

«ЗАГОВОР».

Достопочтенный г-н Джолитти, председатель совета министров, санкционировал — властью, которую дают ему его высокий пост и присущее ему глубокое чувство ответственности, — кампанию, начатую газетой «Темпо», против новых богачей, которые используют нажитые нечистыми путями богатства, чтобы сеять смуту, будоражить страну, свергать министерства, выступающие за то, чтобы ценные бумаги были обязательно именными, и за конфискацию военных прибылей.

На следующий день после налета на типографию римского издания «Аванти!»¹ «Темпо» опубликовала свои первые сенсационные разоблачения мнимого «заговора», немедленно подкрепленные решительным заявлением г-на Джолитти в парламенте. Римские события, провокация в отношении трамвайщиков, насилия против трамвайщиков, поджог типографии социалистической газеты, всеобщая забастовка — все это находит теперь свое объяснение; демонстрации в Турине против офицеров находят свое объяснение; массовое увольнение рабочих и локауты на крупных заводах находят свое объяснение; «заговор», разоблаченный газетой «Темпо» и заявлениями г-на Джолитти, позволят объяснить все явления, которые в эти последние дни волновали парламентских обозревателей и депутатов. Существует заговор; не исключено, что многие социалисты действуют заодно с промышленниками и банкирами, чтобы вызвать беспорядки и помешать проведению в жизнь финансовых мероприятий, предложенных г-ном Джолитти; не исключено, что Федерация металлистов находится

¹ Вечером 20 июля 1920 года типография на площади Пилотта, где печаталось римское издание «Аванти!», была разгромлена бандой армейских офицеров, солдат ударных частей и фашистов. 21-го римские рабочие объявили всеобщую забастовку, а вечером того же дня офицеры и фашисты попытались произвести новый налет на типографию газеты «Эпока», где временно печаталась «Аванти!».

в сговоре с братьями Перроне или коммендаторе¹ Аньелли с целью организовать сегодня обструкцию, а завтра — общенациональную забастовку. Газета «Стампа» склонна верить в существование такого рода сделок и уже изобрела термин, точно обозначающий нового врага государства, которое ныне благодаря стараниям г-на Джолитти восстановило свой авторитет и влияние, — «максимал-фашизм».

Социалисты и фашисты строят козни против государства по заранее намеченному плану — утверждает демократическая и либеральная мелкая буржуазия, ибо она не может как-либо иначе объяснить происходящих вокруг нее событий, которые пугают ее. Демократическая и либеральная мелкая буржуазия охотно приходит к такому объяснению, как заговор или измена, — она падка на скандалы. В свою очередь заговоры демократическая мелкая буржуазия объясняет условиями и всякого рода случайными обстоятельствами; иными словами, во всех этих событиях она видит определенную связь, но при этом сводит все к действиям отдельных личностей.

Все выступления газеты «Унита», вся деятельность Гаэтано Сальвемини, Эдоардо Джиретти, наиболее видных представителей движения «обновления», — это непрекращающаяся непримиримая кампания против заговоров, актов измены, действий мошеннических шаек, подрывающих безопасность государства. Но они всегда рассматривали все эти факты как болезненные явления, видели в них лишь недозволенное действие со стороны то министра Икс, то чиновника Йгрек, то какой-нибудь группы промышленников. Расследование, уголовный процесс, кампания в печати, замена министра, наказание чиновника — вот те меры, которые они соответственно обстоятельствам предлагали и предлагают в подобных случаях.

Но существует заговор гораздо более обширный и глубокий, который является не просто политическим преступлением, а порождением определенных исторических условий. Бюрократию, суд, прессу, парламент, военную касту, всю буржуазную государственную машину разъедает губительная ржавчина. Мы, коммунисты, видим в этом вырождении государства явление, закономерное для капиталистической системы, приводящей в движение та-

¹ Почетный титул в Италии. — *Прим. перев.*

кие силы, с которыми она уже не может справиться в рамках своей законности.

Промышленники, объединившиеся для противодействия наступлению рабочих, обладают в высшей степени действенными орудиями борьбы, которые они используют также и против государства, когда оно осмеливается угрожать традиционным интересам промышленной касты. То же самое наблюдается в среде бюрократии, в армии и т. д. Массовый уход в отставку высших правительственных чиновников, враждебно встретивших проект административной реформы, военный мятеж в Фиуме — все это различные проявления одного и того же кризиса.

Государство разлагается. Классы проявляют свою сущность и силу. Буржуазное государство как форма общества, разделенного на классы, распадается на свои две составные части: капиталисты, как и пролетарии, образуют свое собственное, особое государство. Капиталисты готовятся к самому отчаянному сопротивлению, пролетарии — к решающей схватке в борьбе против всего того, что препятствует установлению коммунистического строя. И тщетны попытки государства удержать эту борьбу в рамках законности.

Бунт промышленной касты против угрозы ее традиционным интересам со стороны государства есть историческое явление, которое мы, коммунисты, должны исследовать с марксистской точки зрения.

Предоставим демократической и либеральной мелкой буржуазии читать мораль «возмутителям спокойствия нации» и воевать с заговорщиками и изменниками. Ее страх есть доказательство ее неспособности разглядеть за сложными наслоениями подобного рода истинные причины исторических явлений. Марксисты, предвидевшие подобные явления, считают, что путь к выходу из кризиса — это свержение власти капиталистов и установление коммунизма.

(Без подписи; «Ордине нуово», 31 июля 1920 года, № 11 рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

ИЕЗУИТЫ

Однажды Огонь, Вода и Честь сговорились действовать сообща... Один иезуит притягивает к себе другого, и оба вместе берутся делать выводы. Дзиборди притяги-

вает Бьянки и Д'Арагона, все трое притягивают «Рестодель Карлино» и «Темпо», а «Стампа» делает выводы. Делая выводы, «Стампа» не видит даже, что она сама себя высекла (или прекрасно видит, но не обращает на это внимания...). Не далее как в прошлый понедельник в статье своего лондонского корреспондента «Стампа» утверждала: Советская Россия — единственная страна, где у власти стоят живые люди, которые обладают неукротимой волей, вооружены всеми точными приборами, необходимыми для того, чтобы хорошо видеть вдаль, сквозь пространство и время, имеют перед собой определенную цель, полны решимости достигнуть этой цели. Не далее как в прошлый понедельник «Стампа» утверждала: в Англии есть крупный государственный деятель — Ллойд Джордж, в Италии есть крупный государственный деятель — Джолитти, но и тот, и другой погребены и задыхаются под грудой разлагающихся мертвых тел, из-под которых им не удастся высвободиться; в Советской России имеется целая плеяда крупных государственных деятелей, и им удалось высвободиться из-под всех мертвых тел. Не далее как в прошлый понедельник «Стампа» утверждала: парламентские государства подобны самолетам, управляемым мертвецами, — они продолжают свое движение вперед, потому что механизмы еще действуют автоматически, но при посадке они неизбежно потерпят катастрофу и рухнут — безжизненные и неподвижные; в механизме Советского государства некоторые части повреждены, некоторые отремонтированы на скорую руку, но в целом оно — живой организм, в котором циркулирует кровь и совершаются жизненные процессы, у которого есть душа и воля, который развивается своим собственным, вполне определенным путем. Это утверждала «Стампа» не далее как в прошлый понедельник. Вчера «Стампа», объединившись, в качестве Воды с Огнем и Честью, забормотала совсем другое: Ленин, Троцкий, Чичерин — люди бездарные, не обладающие необходимой подготовкой; Ленин, Троцкий, Чичерин — политические авантюристы, садисты, которым доставляет удовольствие мучить, истязать, подвергать пыткам русский рабочий класс. Коммунистическая революция потерпела крах. Итальянские коммунисты — всего-навсего дураки, которые хотят на шкуре пролетариата испробовать все — перевороты, разрушение, разорение, холод, голод, опустошение; итальянским коммунистам до-

статочно идеи. Итак, перед нами новый аббат Брешиани, и вот что современный революционер отвечает ему, подобно тому, как либеральный революционер Франческо Де Санктис отвечал аббату Брешиани: не коммунизм, не пролетарская идея вызывает перевороты, голод, опустошение, нищету; эта ужасная картина — картина вашей цивилизации, рухнувшей, как здание, давно уже покинутое людьми, картина нынешнего состояния ваших институтов, от которых осталась одна лишь форма, лишенная живого содержания; это картина последствий вашей империалистической войны, которая оборвала жизнь пяти сот тысяч молодых людей — цвета производительных сил страны, а другие полмиллиона обратила в армию нищих и отчаявшихся людей; она свидетельствует о вашей неспособности вернуть покой истекающему кровью миру, о безудержной роскоши и погоне за удовольствиями, которую вы так безответственно культивировали в своей среде, о варварстве, которые развязала ваша мерзкая жажда богатства и власти; это картина вашего разложения, разложения класса бездарного, обанкротившегося, отжившего свой век.

Кто такие коммунисты Италии, коммунисты России? Это люди, которые стараются разобраться в этой обстановке разрушений и нищеты, стараются среди этого хаоса разорения отыскать в реальной действительности такие устойчивые настроения и жизнеспособные силы, на которые можно было бы опереться при создании новых институтов, нового общественного здания, нового государства. Это рабочие, которые верят в свой класс, которые хотят сделать его творцом нового права, новых порядков. Это исследователи общественной жизни, различающие в этой картине контуры той ситуации, возникновение которой предсказывал Маркс, говоря о будущем развитии человеческого общества, и старающиеся в духе концепции своего учителя произвести анализ современной действительности, чтобы отыскать в ней элементы, воплощающие в себе жизнь и прогресс, чтобы указать цель людям доброй воли, чтобы побудить их к действию, убедить их в том, что жизнь продолжается, что необходимо похоронить мертвецов и очистить атмосферу от вредных миазмов, что зло не сможет восторжествовать, если ему будет противостоять твердая и энергичная воля человека. Вот кто такие коммунисты; они смелые и настойчивые

люди, эти коммунисты; они не бьют себя в грудь, не оплакивают страдания и нищету, изображаемые на экране кинематографа, как это делают мелкие буржуа, которые боятся голода, холода и того, что у них отнимут их законную супругу. Итальянские коммунисты не верят, что коммунистическая революция в России потерпела провал, ибо коммунистическая революция может быть международной, а может и не иметь международного масштаба, она может привести только к рождению рабочего государства («буржуазное» государство... без буржуазии, по меткому определению Ленина), ибо говорить о провале коммунистической революции можно лишь в том случае, если провалится попытка рабочего класса организовать в мировом масштабе экономику всех народов земного шара, опираясь на экономику страны, технически более развитой, то есть попытка выполнить то, что не удастся сделать буржуазии, почему она и не в состоянии дать миру мир. Итальянские коммунисты не «хотят» революции в глупом и тривиальном смысле, который идеологи капитализма, обессиленные напряжением военных лет, придают слову «хотеть». Итальянские коммунисты, как и коммунисты всех стран, считают, что коммунистическая революция является необходимым моментом в общем ходе развития мировой истории; они «хотят» только того, чего можно хотеть людям: готовиться к событию, вооружаться, чтобы быть сильными, создавать организации, чтобы быть стойкими и способными к сопротивлению, вести воспитательную работу, чтобы укрепить веру, воодушевлять, чтобы вселить отвагу, открывать широкие горизонты, чтобы и отдельные лица и массы видели, что они являются составной частью всемирной системы сил, с одинаковой страстностью и одинаковой верой борющихся за достижение одной и той же цели.

Так отвечают современные революционеры современным отцам Брешиани, не слишком заботясь, впрочем, о том, чтобы те их поняли,— так же, как либералы Рисорджименто не заботились о том, чтобы их поняли иезуиты, и не старались обратить их в свою веру. В любой исторический период, когда происходит борьба и глубокое общественное преобразование, находятся свои иезуиты,— таков, по-видимому, закон развития человеческого общества. Либералам и мадзинистам приходилось иметь дело с отцом Антонио Брешиани; коммунистам же приходит-

ся иметь дело с ренегатами от социализма — либо уже устроившимися в редакциях буржуазных газет, либо еще не достигшими столь заманчивой цели...

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 9 октября 1920 года, № 258.)

РЕАКЦИЯ

«Джорнале д'Италия», «Мессаджеро», «Идея национале», «Коррьере делла сэра» открыто требуют установления режима *реакции*, призывают найти *человека*, который восстановил бы порядок и дисциплину в итальянском народе, отравленном пропагандой коммунистов и анархистов. «Коррьере делла сэра» удалось даже обнаружить центр этой пропаганды: командуют подрывными элементами и подстрекателями — угадайте, кто? — туринские газеты «Ордине нуово» и «Аванти!» и миланская газета «Уманита нуова», то есть Малатеста. «Стампа» согласна с «Коррьере делла сэра» в отношении того, кто является злоумышленником, но «Стампа» не призывает к установлению режима реакции, она ограничивается тем, что возвещает ее неизбежное наступление как бедствие, которое постигнет итальянский народ по вине упомянутых подстрекателей. Этот поход «буржуазной демократии» против туринских коммунистов начался после конфликтов последних дней; следует, однако, заметить, что как раз в Турине конфликтов не было, как раз в Турине, где находится центр «преступных козней» революционеров и где, следовательно, должны были бы обнаружиться самые значительные проявления «хулиганства, анархии, революционного каннибализма». Следует заметить, что те же самые газеты, которые сейчас объявляют туринское коммунистическое движение причиной всех зол, от которых страдает Италия, и явлением, приводящим к установлению реакции, в свое время отметили со вздохом облегчения, что именно представитель туринского рабочего класса в Национальном совете Всеобщей конфедерации труда умерил революционный пыл участников заседания и реформистских профсоюзных вожakov, благодаря чему большинством голосов была принята резолюция Д'Арагона.

Этот поход, это демагогическое бешенство, с которым выдвигаются обвинения по адресу туринского дви-

жения, означают, следовательно, не что иное, как атаку реакции, которая хочет нанести удар Турину не как гнезду преступников, а как центру определенной политической мысли, грозящей завоевать умы большинства членов Итальянской социалистической партии, превратить партию из органа, содействующего затягиванию капиталистической агонии, в орудие борьбы и революционного переустройства общества. Используя полемику внутрипартийного характера, хотят, очевидно, в эти последние месяцы текущего года создать такую же ситуацию, как в августе 1917 года или в апреле 1920 года: надеются, что, если пролетарский Турин будет разгромлен, пьемонтское «осиное гнездо» разорено, партия будет ослаблена и реформисты смогут прийти к власти с согласия рабочих масс, измученных голодом и одичавших от белого террора.

Верно, что итальянская реакция усиливается, она попытается в скором времени насильственно установить свое господство. *Это та реакция, которая существовала всегда*, которая развивается по своим внутренним законам и которая в своем кульминационном развитии будет представлять собой самый свирепый террор, когда-либо проводившийся в истории. Не случайно взоры всех обращены сейчас на Фиуме и на Далмацию, на Д'Аннунцио, на Милло, на Кавилью. Реакция—это закономерный результат краха, вызванного империалистической войной, результат бедственных экономических условий, в которые капитализм поставил итальянский народ, результат националистических иллюзий и оппортунистической демагогии государства, которое не в состоянии обеспечить население ни хлебом, ни кровом, ни одеждой. Реакция—это попытка найти выход из нынешней ситуации с помощью новой войны, попытка путем ограбления соседних стран покрыть дефицит итальянского бюджета, это — естественное, органическое порождение режима частной собственности и собственности отдельных наций, пытающегося любой ценой спастись от гибели.

Реакция всегда существовала в Италии; неправда, что угроза реакции возникла сейчас по вине коммунистов. Реакция — это продукт разложения конституционного государства; разложение же конституционного государства началось не с сегодняшнего дня и происходит отнюдь не по вине коммунистов. Разве Д'Аннунцио, который поднял

солдат и генералов на мятеж против «законного» правительства, был коммунистом? Разве Милло, который отказался подчиниться своим «законным» начальникам, был коммунистом? Разве те, кто поджигал помещения «Аванти!» в Милане и Риме, были коммунисты? Разве Кадорна, который в 1917 году подготавливал установление военной диктатуры, был коммунистом? Разве военные поставщики и спекулянты, которые расхитили национальное достояние и вывезли его за границу, были коммунистами? То, о чем мы сейчас говорили, — это проявления итальянской реакции, которую ни одно правительство и не пыталось раздавить, которую каждое правительство, наоборот, поощряло, которой покровительствовало, помогало более или менее открыто; все вылазки реакции остались безнаказанными, любое преступление реакции санкционировалось, поскольку не наказывалось карательными органами. Считается ли преступлением поджог помещения социалистической газеты? Нет, потому что виновники этого преступления, всем известные, признавшие, что это дело их рук, не были арестованы и смогли даже совершить другие «подвиги» того же рода. Считается ли преступлением убийство представителя рабочего класса? Нет, потому что убийц, сообщников убийц, организаторов преступления, лиц, подстрекавших к убийству, всем известных, признавших свою роль в этом деле, бахвалившихся этим, не наказали и даже не потревожили. В течение двух лет с момента заключения перемирия итальянский народ живет в условиях разгула террора, разгула реакции; не существует больше личной безопасности для граждан, принадлежащих к рабочему классу, не существует больше никаких публичных гарантий спокойствия и мира. В настоящий момент силы, которые осуществляют террор, хотят превратить его из террора индивидуального в террор, проводимый в государственном порядке; им мало уже безнаказанности, которой они пользуются по милости государственной власти; они сами хотят стать государственной властью. Вот что означает сейчас термин «установление» реакции: он означает, что реакция стала настолько сильной, что не считает более нужным для достижения своих целей прикрываться ширмой конституционного государства; он означает, что она хочет для достижения своих целей использовать все средства, имеющиеся в распоряжении государственной власти; он означает, что Италия идет навстречу

новой империалистической войне, которая будет затеяна ради вооруженного ограбления какого-нибудь богатого соседнего народа.

Угроза реакции имманентно заложена в экономических условиях страны. И цель, которую преследует реакция,— это не восстановление порядка внутри страны, а подготовка войны за ее пределами. Говорить о восстановлении порядка внутри страны при нынешних условиях бессмысленно: это утопия. Даже если бы рабочие работали по шестнадцать часов в день, буржуазное правительство не смогло бы уничтожить дефицит государственного бюджета, не смогло бы реорганизовать национальное производство. Правительство не было в состоянии помешать утечке капиталов за границу; правительство не может воскресить и вернуть к работе те 500 тысяч человек, которые пали на войне; правительство не может возратить здоровье и трудоспособность 500 тысячам инвалидов войны; не может вернуть источник материального существования сотням тысяч семей, которые потеряли его и должны теперь жить милостыней, которые принуждены потреблять, не производя, обречены на вынужденный паразитизм. Правительство не может вновь направить в Италию поток иностранных туристов, которые до войны оставляли в нашей стране полмиллиарда золотом. Правительство не может снова организовать эмиграцию, которая до войны каждый год освобождала территорию страны от 250 тысяч отчаявшихся найти работу людей и давала стране дополнительный доход в сумме 700 миллионов лир золотом за счет сбережений, высылаемых эмигрантами на родину. Правительство не может ликвидировать кризис в металлургической промышленности, из-за которого ежегодно теряются миллионы лир золотом, который дезорганизует кредитное дело, который не дает крестьянам возможности иметь дешевые сельскохозяйственные орудия, который мешает, следовательно, восстановлению производства пищевых продуктов. В результате войны Италия превратилась в одну сплошную рану, и кровь ручьями течет из ее растерзанного тела. Вот где источник реакции: безумный ужас, вызываемый угрозой смерти от истощения, смешанный с безудержным желанием наброситься на какую-нибудь страну, в которой еще есть жизненные силы, пожрать ее и попытаться спастись при помощи переливания крови. И те же самые причины приводят к коммунистической

революции, которая является следствием господства реакции, ответом рабочего класса на реакцию. Только рабочий класс не является ответственным за нынешнее внутреннее положение страны; только рабочий класс может надеяться получить извне, через посредство международной организации, такую поддержку, которая помешала бы стране скатиться еще ниже, на крайнюю ступень варварства; только рабочий класс, у которого нет никаких привилегий, может внушить большинству итальянского населения уверенность, что пролетарское государство не будет заниматься укреплением привилегий и сделает все, чтобы вывести страну из хаоса. Бешенство реакции объясняется и этой причиной: тем, что она должна признать, что рабочий класс — единственная живая сила страны, должна признать, что ее собственные действия — это лишь последние отчаянные судороги организма, в котором уже не осталось жизненных сил.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 17 октября 1920 года, № 266.)

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА

III Интернационал — Коммунистический Интернационал — в отличие от II Интернационала требует, чтобы партии, входящие в его состав, соблюдали максимум дисциплины и централизации; это абсолютная историческая необходимость, и итальянским революционерам — учитывая положение нашей страны — особенно следовало бы понять ее. В Италии, как ни в одной другой стране, рабочее государство будет нуждаться в поддержке со стороны мирового пролетариата; для нас установление железной дисциплины и централизации в международном революционном движении является жизненной необходимостью; мы должны стремиться к тому, чтобы Коммунистический Интернационал был мощной боевой организацией, которая в состоянии потребовать и добиться от каждой входящей в нее партии всего того, что можно потребовать и добиться в смысле дисциплины и духа самопожертвования. Разумеется, мы имеем право требовать только того, что мы сами в свою очередь охотно согласны сделать для других, сделать потому, что считаем это абсолютно необходимым с точки зрения общих

интересов, поскольку то положение, в котором мы сейчас находимся, мы рассматриваем и объясняем, исходя из общей мировой ситуации, поскольку наша деятельность и наши стремления являются составным элементом общего исторического процесса, который осуществляется усилиями рабочего класса всех стран и ведет к преобразованию мировой экономики на коммунистических началах и во всемирном масштабе.

Италия еще до начала революции оказалась в состоянии блокады. Эта блокада является результатом не столько происков реакции, сколько того факта, что Италия не имеет значительной *национальной собственности*. Италия блокирована, поскольку она как государство не имеет средств, чтобы оплатить ввоз товаров, необходимых для работы ее промышленности и жизни ее населения; Италия не имеет запасов золота в банках, у нее нет ни шахт, ни крупных лесных массивов, ни залежей каких-либо полезных ископаемых; Италия подобна выжатому лимону, режим интенсивной капиталистической эксплуатации довел ее до такого же (или почти такого же) состояния, до какого довела Палестину усиленная разработка месторождений битума, сопровождающаяся отравлением местности вредными испарениями. Когда какой-нибудь буржуа или реформист заявляет: «Если в Италии вспыхнет рабочая революция, то Италия будет блокирована и погибнет от голода», — то он рассуждает, как мул с завязанными глазами; в действительности Италия уже блокирована; блокада началась, как и для России, с того дня, когда разразилась война, и усиливалась по мере того, как истощался кредит, по мере того, как истощались товарные и потребительские запасы, существовавшие на территории страны. Тяжесть этой фактической блокады, жестокой и тем более невыносимой, чем сильнее она связана с общими экономическими причинами, с абсолютной бедностью страны, была усугублена тактикой реформистов, состоящей в том, чтобы затевать революционные выступления, но не доводить их до революционного финала; подсчитано, что выступление металлистов вызвало утечку из страны капиталов в размере тридцати миллиардов лир, которые могли бы быть пушены в оборот; борьба была прекращена из страха перед блокадой; этот «неомальтузианский» страх привел к тому, что Италия стала еще на тридцать миллиардов бед-

нее, а соответственно возросла и тяжесть фактической блокады.

Реформисты и буржуа, которые обвиняют революционеров в том, что они рассматривают Россию как исторический образец для подражания, проводят тем самым весьма неумную параллель между Италией и Россией в вопросе о блокаде. В действительности Италия находится в совершенно иных условиях, чем Россия,— и в гораздо худших, если оценивать их с точки зрения того, какими богатствами, являющимися достоянием частных лиц или всей нации, она обладает. У России есть золото и платина (как известно, русские банки обладали наиболее значительными в мире запасами золота), есть некоторые запасы зерна и мехов, есть большие лесные и минеральные богатства. Все это Россия могла бы продавать; но в действительности этому препятствует блокада, потому что капиталисты всех стран считают, что богатства, существующие в России, являются собственностью буржуазии, а не рабочих, и не хотят позволить русским рабочим вести международную торговлю. Если бы Советская Россия не была вынуждена защищаться от нападений международной реакции, русский народ мог бы направить всю свою творческую энергию на восстановление разрушенного войной, на производство новых орудий труда, на создание новой экономической системы; он имеет возможность это сделать, потому что земля и недра России богаты, потому что территория России огромна, а плотность населения очень мала.

Италия, рассматриваемая как отдельная нация, бедна; итальянский рабочий, итальянский народ найдет свое спасение лишь в победе коммунизма в международном масштабе, лишь при том условии, если будет отменена не только частная собственность, но и *национальная собственность*, лишь при том условии, если экономика отдельных стран войдет в состав единой международной системы, которая поставит итальянского производителя на равную ногу с английским, американским, русским, индийским и т. д. Во время войны империалистическая буржуазия осуществила нечто подобное во имя своих целей; но, когда победа была одержана, экономическая организация, которая давала итальянскому народу хлеб, рис, железо, уголь, чтобы он воевал до победного конца, прекратила свое существование, каждый народ снова

был поставлен в рамки, позволяющие располагать достоянием и возможностями только своей страны, и оказанная помощь превратилась по достижении цели в долг, стала камнем на шее. Речь идет о том, чтобы возродить эту организацию, но не во имя преходящей, эпизодической цели, а в соответствии с требованиями постоянно существующей необходимости, неразрывно связанной с процессом исторического развития мировой цивилизации. К этой цели может привести Коммунистический Интернационал, если он сумеет добиться, чтобы пролетариат каждой страны внес в историю тот вклад, на который он способен; итальянский пролетариат благодаря своему высокому удельному весу в составе населения, благодаря своему богатому запасу революционной энергии может быть решающим фактором мировой революции, может быть вулканической силой, способной взорвать последние бастионы мировой реакции. Но чтобы осуществить эту свою миссию, полную трудностей, бесчисленных жертв и страданий, итальянский пролетариат должен подчиниться железной дисциплине как в национальном, так и в международном плане. Только при этом условии итальянский народ сумеет выбраться из пропасти, в которую его ввергли его буржуазные правители, слепые, невежественные и тщеславные, продолжающие еще и сегодня рассуждать, как будто мировая война не оставила иных следов, кроме как в настроениях и в политике.

(Без подписи; «Ордине нуово», 16—23 октября 1920 года, № 18, рубрика «Политическая жизнь за неделю».)

ЗАГОВОР И ПАРТИЯ

Буржуазные газеты (за исключением «Стампы») вынуждены признать, что для поданного социалистами сигнала тревоги по поводу угрозы милитаристского путча были «довольно веские основания». Власти Триеста, еще сохранявшие верность римскому правительству, в ночь с субботы на воскресенье заняли войсками стратегически важные пункты города в предвидении атаки со стороны мятежников из Фиуме. В Милане на воскресенье намечалась генеральная репетиция переворота; не было недостатка ни в одном из элементов, необходимых с психологической точки зрения, чтобы «увлечь народ», была и девушка, издающая скорбный вопль, и слепец, являвший

собой олицетворение мученичества и веры; власти вынуждены были запретить манифестацию и послали на площадь... две пожарные машины (восстания реакционеров усмиряются не пулеметами — против них буржуазное правительство готово бороться лишь до известных пределов, до... применения брандспойта). А между тем фашисты и националисты продолжают активную подрывную деятельность: они знают, что им обеспечена известная безнаказанность, что им может грозить всего-навсего холодный душ; они усиленно культивируют авантюристический дух, жажду новых ощущений, неподчинение какой бы то ни было дисциплине, установленной органами парламентарного режима; милитаристы непременно попытаются совершить авантюру, и уж, конечно, не проповеди «Коррьере делла сэра» могут их удержать.

«Стампа» даже не упоминает о событиях в Триесте и Милане. Это и понятно. «Стампе» в ее полемике с коммунистами связывают руки ее собственные заявления, относящиеся к периоду до прихода Джолитти к власти, и проводившиеся ею в то время кампании. «Стампа» не может утверждать, что в событиях в Фиуме повинна дерзость революционных главарей, не может вновь вытащить на свет божий либерально-демократическую теорию о том, что реакция есть следствие активности революционеров, а не результат естественного экономического и политического развития капиталистического режима. «Стампа» из-за своего прошлого, из-за своей оптимистической позиции в отношении войны, из-за своей позиции в вопросе о том, как разрешить проблемы, возникшие в результате войны, уже не может безнаказанно пытаться надуть своих верных читателей; она отмалчивается, притворяется, что ничего не слышит и не замечает, и ограничивается монотонным и навязчивым повторением своих иеремиад против Советской России и против коммунистов.

Буржуазия уже не может управлять страной, и это проявляется: 1) в ее экономической деятельности, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве; 2) в ее политической деятельности, в области урегулирования тех отношений, которые должны существовать между различными классами, слоями, группами и между отдельными лицами в государстве, организованном на нормальной конституционной основе; неприкосновенность и свобода

личности, свобода собраний и печати — все это превратилось уже в сказки доброго старого времени; 3) в ее международной политике.

Капиталисты больше не могут принудить людей к труду обычными средствами, играя на примитивных экономических побуждениях и на столкновении отдельных частных интересов. Владельцы предприятий своим поведением сами начали доказывать, что происходит разрушение и расточение производительных сил; объединившись в гигантские корпорации, они пытаются умножить свои прибыли с помощью монополии, с помощью покровительственных пошлин, с помощью политического давления; качества и функции, которые в прошлом были характерны для предпринимателей, ныне уже не существуют. Накопление? Но уже во время войны «сбережения» капиталистов начали посылаться за границу; сейчас то, что с точки зрения капиталиста называется «накоплением», означает расхищение национального достояния. Инициатива? Но в условиях режима монополии и управления промышленностью со стороны банков «инициативы» больше не существует, существует лишь «бюрократия». Это фактическое положение вещей не может быть «узаконено» никаким буржуазным правительством — ведь нельзя узаконить разложение и упадок. Уничтожить это фактическое положение вещей буржуазное правительство также не может: капиталисты, превратившись в банкиров и спекулянтов, располагая огромным количеством денег, подкупают чиновников, подкупают депутатов, подкупают верхушку армии, подкупают судей, парализуют всю государственную машину. Упадок, начавшийся в промышленности, распространяется затем на сельское хозяйство, которое при посредстве банков и монополистических объединений по производству и сбыту сельскохозяйственных машин и удобрений превращается в придаток капиталистической промышленности. Крестьяне восстают, захватывают помещичьи имения, делят между собой землю. Буржуазное государство не может узаконить это насильственное перераспределение собственности, не может узаконить происходящее таким путем образование нового слоя мелких собственников; с другой стороны, оно не может оказать эффективного противодействия захвату земель крестьянами, потому что для этого ему пришлось бы развязать чудовищную гражданскую войну, по сравнению с которой борьба против бандитизма, развер-

нувшаяся сразу же после присоединения к Пьемонту Королевства обеих Сицилий, была бы просто детской игрой. Точно так же буржуазное правительство не может оказать противодействия развивающейся среди городских рабочих тяге к непосредственному контролю над промышленностью и непосредственному управлению ею. То обстоятельство, что оба движения — борьба рабочих за коммунизм и борьба крестьян за передачу им земли в собственность — разворачиваются одновременно, парализует буржуазное правительство и обрекает его на бессилие. Эта одновременность не случайна; она доказывает правильность тезиса коммунистов о полном крахе нынешней системы производства, основанной на разделении общества на классы, и делает политически актуальным другой тезис — о том, что лишь рабочее государство, узаконив непосредственное управление промышленностью, то есть организовав переход от капитализма к коммунизму, сможет узаконить также и аграрную революцию, прочно и надежно закрепив завоевания крестьян и сделав их — благодаря передаче в руки рабочих промышленности, обслуживающей технические нужды сельского хозяйства, — отправным пунктом движения к более высоким формам хозяйства, чем мелкая и средняя собственность.

Неспособность конституционного государства удерживать в подчинении развивающиеся новые производительные силы косвенным образом проявляется в том, что в отношениях между различными классами, группами и между отдельными лицами господствуют насилие и беззаконие. Там, где никакой метод не может применяться как постоянный, — там торжествуют произвол, каприз, случайность; если же исполнительные органы государства легко поддаются коррупции, то произвол, каприз, случайность начинают служить корыстным и узким целям; государство разлагается, и процесс разложения происходит даже внутри его элементарных частиц.

Правительство не может управлять; ему не удастся даже выявить, чего хотят управляемые, а о том, чтобы получить поддержку с их стороны, оно не может и мечтать. Существование демократических партий, исходящих в своей деятельности из абстрактных и общих идей, становится объективно невозможным. Правительство теряет силу, главным фактором политической жизни становится заговор.

Реакционный заговор нашел в Италии еще более благоприятную почву, чем в других странах, вследствие того, что государство утратило всякий авторитет как регулятор международных отношений. Авантюра Д'Аннунцио, если рассматривать ее с точки зрения проверки дееспособности буржуазного государства, имеет поистине грозный смысл. Чем больше пытаются преуменьшить ее значение, изобразить ее как чисто «литературный эпизод», выставить ее в смешном виде, тем более явно признают этим бессилие государства, упадок его институтов. В самом деле, о каком суверенитете может идти речь применительно к государству, которое позволило, чтобы ищущий острых ощущений поэт мог третировать и загипнотизировать его? Какую власть имеет государство, которое не может добиться мира, потому что этому противодействует частное лицо с помощью средств, находящихся в его личном распоряжении?

«Стампа» должна была бы сказать нам, что может сделать спаситель Джолитти для того, чтобы исправить это положение. Она должна была бы дать нам ответ на вопрос, не является ли в Италии, как и в России, установление коммунизма — в смысле осуществления первой фазы исторического процесса, ведущего к коммунизму, в смысле создания рабочего государства — необходимым и неизбежным? Существовала ли в России, помимо коммунистической партии, какая-либо общественная сила, которая могла бы взять власть и восстановить порядок, то есть узаконить и ввести в нормальное русло экономические силы, разбушевавшиеся в результате войны? Существует ли сейчас в России какая-либо сила, которая может заменить у власти коммунистическую партию? Буржуазная демократия неспособна больше порождать политические партии, то есть придавать организационную форму постоянным и затрагивающим широкий круг лиц интересам; она порождает только заговоры и перевороты. Будущее принадлежит тем общественным силам, которые еще сохраняют способность организоваться в монолитную и сплоченную партию; эти силы — пролетариат и беднейшее крестьянство; их партия — коммунистическая партия. Вот почему «Стампа», которая молчит о заговорах, пришла в смятение при известии об образовании коммунистической фракции и приносит в жертву своему бешенству и разум, и критический дух, и здравый смысл; писа-

ки из «Стампы», как и все иезуиты, обладают некоторой практической подготовкой и наделены известным историческим чутьем и психологической интуицией; их привело в смятение появление призрака, которое они, правда, как люди ученые предвидели, но которое все-таки леденит им кровь и приводит их в ужас как людей, принадлежащих к классу, обреченному на гибель.

(Без подписи: «Аванти!», пьемонтское издание, 26 октября 1920 года, № 275.)

ОДНИ — ТРУСЫ, ДРУГИЕ — ШАНТАЖИСТЫ

Всякий раз, когда приближаются выборы, и особенно муниципальные, туринская либеральная партия и представляющие ее две городские ежедневные газеты, которые действуют от имени разных течений этой партии (что не мешает им сохранять в отношениях между собой самую изысканную учтивость), всегда находят *пугало*, чтобы потрясать им перед глазами буржуа, так как для того, чтобы он пошел голосовать, нужно, чтобы он был наэлектризован и убежден, что абсолютно необходимо претерпеть это беспокойство, дабы не подвергнуться риску проснуться на следующее утро после выборов и обнаружить в ногах у жены свою отрезанную голову.

В 1906 году в Турине впервые был создан блок клерикалов и умеренных, чтобы помешать переходу власти в городе в руки социалистической партии. «Пугалом» была тогда сама социалистическая партия, революционность которой, впрочем, была довольно-таки розового цвета, и реформы, которые она предлагала, были таковы, что на них согласились бы сейчас как «Стампа», так и «Гадзетта дель пополо». Как это мило с их стороны! В 1913 году действовало «пугало» антипатриотизма. Перед лицом социалистической партии, противницы ливийской войны, «продавшей» иностранцам», «вступившей в союз с младотурками» и т. д. и т. п., разногласия между либералами, расхождения во взглядах с «народной партией», то есть с клерикалами (потому что их так называла тогда даже «Гадзетта дель пополо»), были забыты, и мелкая и крупная буржуазия Турина объединилась, дала большое сражение и проиграла его. В 1914 году «пугалом» была «красная неделя», кровавая расправа и последовавшая за ней всеобщая забастовка. Тогда «Стампа» забыла, что она

в течение нескольких лет обличала мэра Росси перед гражданами города за его неудачное, расточительное и бездарное управление; «Гадзетта дель пополо» забыла, что она когда-то была антиклерикальной газетой, и муниципалитет остался в руках буржуазной коалиции.

Сейчас «пугалом» является большевизм. Сейчас «Стампа» жалуется на нечестивых социалистов, не намеренных больше довольствоваться мелкими реформами, которые они могли бы провести через муниципалитет (и которые она всегда мешала проводить). Сейчас «Гадзетта дель пополо» пишет, что *«все это несколько лет назад приход социалистов к власти мог бы означать эксперимент в области муниципального управления; он мог бы быть удачным или неудачным, но проводился бы он с целью управления муниципалитетом, в назидание своим противникам, лучше, чем кем бы то ни было раньше. Но сейчас программа социалистов уже не такова»* и т. д.

Да будет нам позволено поэтому, припомнив, какую позицию занимали различные фракции туринской буржуазии в прошлом, посмеяться немного над этим новым «пугалом», которое они считают нужным пустить в ход, под новыми предложениями, чтобы оправдать свой отказ от выступления на выборах с отдельными программами и возобновление либерально-клерикального союза. Сколько раз мы писали о том, что это неизбежно? Сколько раз мы утверждали, что непримиримость «народной партии», распри между «нейтралистами» и «интервенционистами» не носят сколько-нибудь серьезного характера? Теперь наши предсказания оправдываются. Поэтому ни для социалистов, ни для пролетариата во всем этом нет ничего удивительного. В ноябре прошлого года буржуазия проделала опыт; она увидела, что он имел печальные результаты, и не намерена больше повторять его, тем более в отношении муниципалитета, господствовать в котором для нее гораздо важнее, чем помешать избранию нескольких социалистических депутатов.

Таким образом, битва будет более ожесточенной, и наша победа — тем более знаменательной. Мы принимаем вызов, мы согласны на условия поединка, предложенные нашими противниками. Туринская секция социалистической партии — это та секция, которая организовала в 1915 году всеобщую антивоенную забастовку, единственную во всей Италии, и отчаянно смелую манифестацию.

Это та секция, которая организовала августовское восстание 1917 года. Это та секция, многие и многие члены которой во время войны находились в тюрьмах и в окопах. Та секция, которая славной апрельской забастовкой этого года поставила в порядок дня проблему рабочей власти на предприятиях. Та секция, которая в сентябре 1920 года руководила захватом заводов и фабрик и их вооруженной защитой против всех бандитов, нанятых буржуазией. Ей не от чего отрекаться в своем прошлом. Туринским социалистам есть чем гордиться: они составляют сейчас основное ядро левого течения в партии, а туринский пролетариат находится в авангарде итальянского рабочего движения. Это положение, которое мы завоевали ценой стольких жертв и потерь, мы защищаем и хотим сохранить любой ценой. Пусть обстреливают нас перекрестным огнем буржуазные газеты, пусть трубят сбор всех своих сил, пусть расточают сотни тысяч лир, которые промышленники готовы дать, чтобы добиться хоть какого-нибудь реванша. Туринские социалисты, туринские пролетарии не сдадут своих позиций.

И в этом случае рабочий класс чувствует, что он является теперь единственной серьезной политической силой, единственной политической силой, сохранившей достоинство, обладающей монолитностью, способной действовать в нашей стране, способной отстаивать какие-то идеи, осуществлять какие-то программы. Трудно представить себе что-либо более жалкое, чем манифест, с которым либеральная партия и «народная партия» выступают на выборах. Это программа чисто негативного характера. Она направлена против большевизма, но во имя каких позитивных целей? Во имя защиты нынешних порядков? Порядков, которые породили войну, которые увеличивают еще больше вызванные ею бедствия? Что остается от всех обещаний и предложений «Стампы» относительно обновления и прогресса, если осуществлять их поручается деятелям из лагеря «Гадзетта дель пополо», агитирующей ежедневно за реакцию и военную диктатуру? Что остается от планов установления новых общественных порядков, выдвигаемых «народной партией», если их осуществление передается в руки деятелей той самой либеральной партии, которая является виновницей всех бед, которая ответственна за то, что человечество низвергнуто в бездну? Каким образом можно было бы преодолеть столь серьез-

ные различия в программах и идеях, если бы эти программы и идеи не были всего-навсего маскировкой, под прикрытием которой эти партии выступают, в сущности, в защиту одних и тех же интересов, за сохранение позиций одних и тех же групп. Неужели же управлять таким большим городом, как Турин, должны будут те самые люди, которые, по словам «Стампы», ничего не видели и не понимали в течение стольких лет, которые даже сейчас ничего не смыслят и не понимают в международном положении, не видят и не понимают новых стремлений народов? Или же, напротив, им должны будут управлять люди, которые, по словам «Гадзетта дель пополо», своей слабостью, своей неспособностью усугубили беспорядок и бедствия? Как можно было бы примирить две столь различные платформы, если... если бы они действительно были различны и если бы их защитники искренне считали их таковыми? Что это, как не лицемерие, с одной стороны, трусость — с другой?

Туринские либералы заботятся только об одном: как бы сохранить за собой муниципалитет, так как муниципалитет в их руках — это крепость, где завязываются бесконечные интриги, откуда расходятся нити тайных интересов отдельных лиц и групп. Чтобы достигнуть этой цели, они продались попам, как самые последние проститутки. Обезумев от страха, они в течение многих и многих недель умоляли «народную партию» сжалиться над ними, соглашались на любые условия, уступали клерикалам гораздо больше мест в списке кандидатов, чем это полагалось бы им по их реальной силе, жертвовали всеми своими лучшими людьми — всеми, кто был неприятен попам своей чересчур большой независимостью. «Народная партия» до самого последнего момента продолжала разыгрывать комедию непримиримости. Затем, когда ей показалось, что либералы настолько пали духом, что уже не в силах будут сопротивляться какому угодно шантажу, она грубо предъявила все свои условия и добилась всего — даже того, чего ей должно было казаться невозможным добиться. Так пришел конец туринской либеральной партии. Так возвешенный сдвиг влево, поворот культурной и заинтересованной в развитии производства буржуазии к новым социальным горизонтам, вылился в попытку установить самое «черное» муниципальное управление, какое когда-либо видел наш город. Так попы взяли полный реванш —

реванш, который они медленно подготавливали с того дня, когда туринские либералы прогнали их из муниципального совета за то, что они отрицали право Италии на ее столицу — Рим. Но сейчас уже из-за Рима нечего спорить. Сейчас нужно защищать нажитые нечестным путем миллионы, экономические и политические привилегии.

Либерализм умер. Ему не удалось подавить силы прошлого, хотя ему казалось, что он их укротил еще в прошлом веке. Силы прошлого вновь поднялись, но им противостоят силы пролетариата. Они берут в свои руки судьбы цивилизации, которую буржуазия сейчас уже не в состоянии защищать.

И попам не видать победы.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 28 октября 1920 года, № 277.)

ОТКРОВЕННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ С ОДНИМ БУРЖУА

Профессор Умберто Космо, автор передовых статей газеты «Стампа», был членом Итальянской социалистической партии.

Профессор Умберто Космо в 1914 году был еще социалистом и едва не вступил тогда снова в партию, из которой вышел по семейным обстоятельствам.

В том же 1914 году профессор Умберто Космо участвовал в избирательной кампании за кандидатуру Марио Бонетто, писал воззвания, выпустил специальный бюллетень против Бевионе, против Джолитти, против «Стампы», выступавшей за протекционизм и империалистическую политику; от имени государственных служащих профессор Умберто Космо пригласил в Турин профессора Гаэтано Сальвемини, предложив ему провести несколько митингов в поддержку революционного социалистического кандидата. Сближение этих двух имен, Космо и Сальвемини, помогает понять образ мыслей Космо, помогает понять, какие политические идеи внушал он тем нескольким студентам университета, которые много общались с ним и помимо занятий, тем молодым людям, которые не стали врагами рабочего класса, подобно их «учителю», и которых «учитель» (все забывая и не проявляя даже самого элементарного уважения к истине, которую он учил когда-то любить больше всего, ставить выше всего и вся) сейчас называет «праздными гуляками».

Профессор Космо, так же как и Гаэтано Сальвемини, поддерживал в 1914 году революционного кандидата туринских социалистов, потому что к тому времени социалистическая партия отмежевалась, наконец, от Турати и Прамполини и от их реформизма. Ни Космо, ни Сальвемини не стали революционерами, отнюдь нет; но социализм Турати и Прамполини они определяли как «социализм обманщиков»; они указывали, что невозможно добиться освобождения пролетариата, освобождения трудового народа, состоящего из рабочих и крестьян, создавая, как например в Реджо-Эмилии, рабочую аристократию, которая живет за счет крестьян Юга; они указывали, что с протекционистским капитализмом нельзя покончить, проводя политику протекционизма в отношении рабочих; они указывали, что раскол страны на Север и Юг, который породило и закрепляло буржуазное государство, — действуя из политических соображений и в целях обогащения аграриев Эмилии и владельцев металлургических предприятий, — нельзя преодолеть, как нельзя, следовательно, добиться единства всех итальянских пролетариев, поощряя, как это делали Турати и Прамполини, политику привилегий для некоторых категорий рабочих.

Сейчас профессор Космо называет своих учеников «праздными гуляками» (а он знает — он, который помогал некоторым из них в моменты наиболее тяжелых денежных затруднений, — он знает, что его ученики-социалисты жили на стипендию «Колледжа провинций» — на 70 лир в месяц; он знает, что, если его ученики-социалисты хотели купить книги, они должны были мчаться из одного конца города в другой, давая частные уроки, которые Космо сам помогал им доставать, потому что тогда «учитель» очень любил своих учеников), сейчас профессор Космо предлагает рабочим взять за образец «социализм обманщиков».

После того как разразилась война, профессор Космо продолжал поддерживать отношения со своими учениками-социалистами. Он был пацифистом, а не революционером, и боролся против войны с чисто пацифистских позиций, приправляя свой пацифизм значительной дозой макиавеллизма, как и подобает профессору — знатоку итальянской литературы. Но профессор Космо боролся против людей, которые ввергли Италию в пучину войны, не толь-

ко из пацифистских соображений — он боролся против них потому, что это были люди, стоящие на низком моральном уровне, бездарные как политические деятели, чуждые всякой культуре и лишённые всяких умственных интересов высшего порядка; он относился к ним как к обыкновенным разбойникам, как к преступникам низшего сорта. Теофило Росси был для профессора Космо образцом «плохого» итальянца, тщеславного, совершенно неразборчивого в моральном отношении, готового пройти по трупам своих родителей ради того, чтобы получить орден или испытать физическое наслаждение.

Еще в 1917 году, после августовских событий, профессору Космо оставались близки идеалы рабочего класса. После августовских событий профессор Космо говорил, что он убедился в том, что буржуазия — это класс, состоящий из индивидуумов, утративших всякое чувство гуманности, и поэтому она должна исчезнуть со страниц истории. Когда развернулись эти события, профессор Космо находился на даче в Корио Канавезе; и он вспоминал, как местные буржуа организовали там танцевальный вечер, и когда он пытался протестовать, говоря: «Нельзя танцевать, когда на улицах Турина еще не высохла кровь рабочих», — организаторы вечера ответили: «Из-за смерти четырех собак мы не будем лишать себя удовольствия».

С особенным отвращением профессор Космо относился к г-ну Данео и к Франческо Руффини. Он сам сообщил нам, работникам «Аванти!», что за месяц до Капоретто г-н Данео вместо того, чтобы быть в Риме, вместо того, чтобы быть на своем государственном посту в такое время, когда нация находилась на краю бездны, спокойно прогуливался целые дни под портиками Пьяцца Кастелло, равнодушный, бездеятельный, обнаруживая своим поведением полную неспособность предвидеть надвигающиеся события. Говоря с нами об одной книге Франческо Руффини, профессор Космо сказал: «Вот образчик мышления Руффини, который стал знаменитостью благодаря стараниям Луиджи Альбертини и «Коррьере делла сэра»: здесь вы найдете какую угодно болтовню, какой угодно вздор, но где государство, где правительство? Руффини даже не подумал, что тогда существовало государство, существовало правительство, и это понятно: когда он был у власти, государство не функционировало, правительство не существовало... Именно потому, что Италией управляют такие

люди, как Руффини и Данео, именно потому, что в городах хозяйничали такие мэры, как Теофило Росси, и случилась катастрофа при Капоретто, именно поэтому Италия и идет к развалу и к гибели».

Так говорил, так думал профессор Умберто Космо, когда он был еще новым человеком среди сотрудников «Стампы», когда он, прежде чем писать статью, еще ходил в библиотеку, чтобы изучать необходимые для этого материалы, когда его еще могли уважать и любить его ученики-социалисты, которые помнили своего учителя, продолжали учиться у него.

Сейчас профессор Космо утверждает, что Теофило Росси, Эдоардо Данео, Франческо Руффини принадлежит миссия спасти Турин, Италию, Европу; сейчас он называет «праздными гуляками» своих учеников, которые жили на 70 лир в месяц, и жили впроголодь. Сейчас профессор Космо объединился с самыми низкопробными писателями из «Пополо», из «Стампы», из «Моменто». Привыкнув к удобствам жизни, он изменил мнение о буржуа и о рабочих: буржуа уже больше не лишены гуманных чувств и ума, а рабочие — это, конечно, четыре собаки. Сейчас профессор Космо встал в один ряд с обманщиками и «плохими» итальянцами. Мы откровенно говорим ему, что все уважение и вся привязанность, которые к нему испытывали его ученики-социалисты, теперь исчезли и сменились большим сожалением и глубоким презрением.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 5 ноября 1920 года, № 285.)

ЧТО ТАКОЕ РЕАКЦИЯ?

С весьма таинственным видом «Стампа» объявляет, что г-н Джолитти, положение которого укрепили недавно полученные доказательства доверия (?), питаемого итальянской нацией к его политике, готовится проводить в жизнь вторую часть своей правительственной программы — укрепление государственной власти. С весьма таинственным видом «Стампа» предсказывает (пусть знают те, кого это касается!), что при осуществлении второй части правительственной программы г-на Джолитти — укреплении государственной власти — анархисты, коммунисты и фашисты (!) начнут единодушно и дружно бить тревогу по поводу наступления реакции.

Что же это за «реакция», которую предвещает «Стампа»? Что означает «осуществление правосудия» и т. д. и т. п.? Прежде всего нужно уяснить себе следующее обстоятельство: г-н Джолитти всегда был реакционером, более того, г-н Джолитти был типичным деятелем итальянской капиталистической реакции. Капитализм становится реакционным тогда, когда ему не удается больше справляться с производительными силами страны. Итальянский капитализм начал становиться реакционным с тех пор, когда итальянское правительство, отказавшись от политики свободы торговли, проводившейся графом Кавуром и старой «правой», вступило на путь протекционизма и «политики реформ». Будучи неспособен справиться с производственными силами Италии в условиях свободной конкуренции, капитализм превратил государство в своего непосредственного торгового агента, превратил национальную армию, бюрократию, суд, все органы государственной власти в орудия, непосредственно призванные обеспечить его господство и дальнейшее развитие. Г-н Джолитти был политическим деятелем, наиболее ярко олицетворявшим собой эту политику итальянского капитализма.

Сейчас г-н Джолитти продолжает и не может не продолжать свою традиционную линию; он по-прежнему остается реакционером. Сейчас г-н Джолитти усиливает свою реакционную деятельность, потому что капитализм оказывается все более неспособным справиться с производительными силами. Тактика вскармливания «рабочей аристократии» уже не является эффективной; ничего не дает и тактика поддержки кооператоров Реджо-Эмилии, сочетаемой с избиванием крестьян-бедняков Юга; ничего уже не дает тактика прямого подкупа депутатов-социалистов Севера, сочетаемого с наводнением парламента бессловесными пешками, избранными на Юге в результате полицейских мер со стороны префектов и запугивания со стороны приспешников Де Беллиса. Сейчас широкие народные массы участвуют в экономической и политической борьбе; сейчас капиталистам становится все труднее вырывать хлеб изо рта у промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Требуется сильные средства: буржуазное государство должно становиться все более реакционным, должно все более прямым и насильственным путем вмешиваться в классовую борьбу, чтобы подавить попыт-

ки пролетариата сделать тот или иной шаг навстречу своему освобождению.

Эта «реакция» не есть нечто, присущее одной Италии,— она представляет собой явление международного характера, поскольку не в одной Италии, а во всем мире капитализм стал неспособен справляться с производительными силами. «Фашизм» не есть чисто итальянское явление, так же как не является чисто итальянским явлением и образование коммунистической партии. «Фашистское» движение — это подготовительный этап процесса укрепления государственной власти, означающего усиление буржуазной реакции и дальнейшее ущемление капиталистами самых элементарных жизненных потребностей рабочего класса. Фашизм — это не санкционированное законом насилие со стороны класса капиталистов; укрепление государственной власти — это легализация этого насилия: известен исторический закон, что обычай предшествует праву. Итальянские фашисты подожгли помещение «Аванти!» в Милане и в Риме, «Пролетарно» в Пола и «Лавораторе» в Триесте, и ни один фашист не был наказан; укрепившееся государство не станет устраивать новых поджогов: оно запретит эти газеты «в законном порядке». Фашисты совершили нападения на палаты труда и социалистические муниципалитеты; укрепившееся государство распустит «в законном порядке» палаты труда и муниципалитеты, которые останутся социалистическими. Фашисты убивают активистов рабочего класса; укрепившееся государство будет «в законном порядке» отправлять их на каторгу и, после того как будет восстановлена смертная казнь, будет приказывать новому государственному чиновнику — палачу — убивать их «в законном порядке». Этот процесс носит всемирный характер, он уже частично осуществился и будет продолжать развиваться своим чередом, в том числе и в Италии. Коммунисты предвидели это развитие еще в самом начале мировой войны, которая явилась кризисом, ясно показавшим неспособность капитализма управлять производительными силами мира без активного и постоянного применения прямого насилия. Поэтому коммунисты не станут разглагольствовать о джолиттианской реакции как о чем-то принципиально новом. Они будут продолжать свою борьбу хладнокровно, методично, мужественно, с уверенностью в том, что они представляют будущее европейской и мировой цивили-

зации, представляют силы, которые должны победить всех врагов и преодолеть все препятствия, если только человеческой цивилизации не суждено окончательно погибнуть в результате разгула животных страстей и варварства, вызванного империализмом и милитаризмом.

(Без подписи; «Аванти!», пьемонтское издание, 24 ноября 1920 года, № 304.)

**ПРИЛОЖЕНИЕ
К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ**

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЮЖНОГО ВОПРОСА

Отправным пунктом для этих заметок послужила опубликованная 18 сентября в «Куарто стато»¹ статья о южной проблеме, подписанная «Уленшпигель». Редакция журнала предпослала ей несколько комическое введение. Уленшпигель сообщает в своей статье о новой книге Гвидо Дорсо («Южная революция», Турин, изд. Пьеро Гобетти, 1925) и акцентирует внимание на оценке, которую Дорсо дает позиции нашей партии в южном вопросе. В своем введении редакция «Куарто стато», провозглашающая, что она состоит из «молодых» людей, превосходно знающих в ее основных чертах (sic!) южную проблему, коллективно протестует против того факта, что за коммунистической партией могут признаваться «заслуги». До сих пор дело обстоит еще сносно: «молодые», типа редакторов «Куарто стато», в любое время и в любом месте заставляют бумагу терпеть и не такие еще высказывания и протесты, не опасаясь, что бумага возмутится. Но затем эти «молодые» добавляют дословно следующее: «Мы не забыли, что магическая формула туринских коммунистов заключается в разделе крупной земельной собственности между сельскими пролетариями. Эта формула является антиподом всякому здравому и трезвому рассмотрению

¹ «Куарто стато» — социалистический журнал, издававшийся в Милане. Редактором его был Роберто Тремеллони. В нем сотрудничали Пьетро Ненни, Карло Росселли и Лелио Бассо. Статья, на которую ссылается Грамши, была напечатана 18 сентября 1926 года.

южной проблемы». И здесь необходимо поставить вещи на свое место, так как «магического» здесь нет ничего, а есть лишь развязность и поверхностный дилетантизм «молодых» писателей из «Куарто стато». «Магическая формула» выдумана от начала до конца. «Молодые» должны быть очень низкого мнения о своих «просвещеннейших» читателях, если со столь высокомерным красноречием осмеливаются на подобные извращения истины. В самом деле, вот отрывок из статьи, помещенной в «Ордине нуово» (в номере от 3 января 1920 года), в котором кратко излагается точка зрения туринских коммунистов:

«Буржуазия Севера поработила Южную Италию и Острова и низвела их до положения эксплуатируемых колоний; пролетариат Севера, освобождая себя от капиталистического рабства, освободит и крестьянские массы Юга, поработанные банками и паразитической промышленной буржуазией Севера. К экономическому и политическому возрождению крестьянства приведет не раздел необрабатываемых и плохо обрабатываемых земель, а поддержка крестьянства промышленным пролетариатом, который, в свою очередь, нуждается в поддержке его крестьянами. Промышленный пролетариат заинтересован в том, чтобы капитализм не возродился экономически на почве земельной собственности и чтобы Южная Италия и Острова не превратились в военную базу капиталистической контрреволюции.

Установив рабочий контроль над промышленностью, пролетариат переведет ее на производство сельскохозяйственных машин для крестьян, тканей и обуви для крестьян, электрической энергии для крестьян, лишит промышленников и банкиров возможности эксплуатировать крестьян и обращать их в рабов своих сейфов.

Уничтожив самовластие капиталистов на предприятиях, разрушив капиталистический государственный аппарат, используемый для угнетения народа, создав рабочее государство, которое принудит капиталистов заниматься общественно-полезным трудом, рабочие разобьют все цепи, которые сковывают крестьян и обрекают их на нищету и отчаяние; установив рабочую диктатуру, взяв в свои руки промышленность и банки, пролетариат использует громадную мощь государственной организации для того, чтобы поддерживать крестьян в их борьбе против землевладельцев, против стихийных сил природы,

против нищеты; он предоставит крестьянам кредит, создаст кооперативы, гарантирует их личную безопасность и безопасность их имущества от посягательств грабителей, проведет общественные работы по ирригации и осушению болот. Пролетариат сделает все это, ибо он заинтересован в росте сельскохозяйственного производства, ибо он заинтересован в том, чтобы получить и сохранить поддержку крестьянских масс, ибо в его интересах использовать промышленное производство на благо всего общества, в целях укрепления мира и дружбы между городом и деревней, между Севером и Югом».

Это было написано в 1920 году. Прошло семь лет, и мы за эти семь лет выросли также и политически; некоторые положения могут быть сегодня выражены лучше, может и должен быть лучше определен период, непосредственно следующий за завоеванием власти, период, который характеризуется, в отличие от последующих, простым рабочим контролем над промышленностью.

Важно отметить здесь, что основным положением туринских коммунистов является не «магическая формула» раздела крупной земельной собственности, а идея политического союза между рабочими Севера и крестьянами Юга для отстранения буржуазии от государственной власти; более того, именно туринские коммунисты (которые также отстаивали тезис, что раздел земли должен быть обусловлен совместным действием двух классов) предостерегали против «магических», чудодейственных иллюзий, связанных с механическим разделом латифундий.

В той же статье от 3 января 1920 года говорилось: «Чего может добиться бедный крестьянин, захватывая необрабатываемую или плохо обрабатываемую землю? Без машин, без жилища в том месте, где он работает, без кредита, который позволил бы ему дожить до урожая, без кооперативов, которые скупят бы у него собранный урожай (если этот бедняк не повесится прежде, не дожив до урожая, на самом крепком деревце в роще или на наименее чахлой из диких смоковниц, растущих на необрабатываемой земле!) и спасли бы его от когтей ростовщиков, — что без всего этого может дать крестьянину-бедняку захват земли?».

И мы всегда были за формулу очень реалистическую и совсем не «магическую»: земля — крестьянам. Но мы хотели, чтобы этот лозунг был проведен в жизнь в рамках

общей революционной борьбы двух союзных классов под руководством промышленного пролетариата. Писатели из «Куарто стато» выдумали от начала до конца «магическую» формулу, которую они приписывают туринским коммунистам, показывая таким образом, что они недостаточно серьезные публицисты и не очень-то щепетильные интеллигенты с кругозором деревенского аптекаря; а эти качества имеют политическое значение и влекут за собой определенные последствия.

В пролетарском лагере туринские коммунисты имеют неоспоримые заслуги: именно они привлекли внимание авангарда рабочего класса к южному вопросу, выдвинув его как одну из важнейших проблем национальной политики революционного пролетариата.

Этим они практически содействовали тому, чтобы сдвинуть южный вопрос с весьма туманной фазы так называемой умозрительной «конкретизации» и ввести его в новую фазу. Главным действующим лицом южного вопроса становится революционный рабочий Турина и Милана, а не Джустино Фортунато, Гаэтано Сальвемини, Эудженио Адзимонти, Артуро Лабриола (ограничимся упоминанием лишь этих «святых», имена которых столь дороги «молодым» из «Куарто стато»).

Туринские коммунисты конкретно поставили вопрос о «гегемонии пролетариата», то есть о социальной базе пролетарской диктатуры и рабочего государства. Пролетариат сможет стать руководящим и господствующим классом в той мере, в какой ему удастся создать систему союзов с другими классами, которая позволила бы ему поднять на борьбу против капитализма и буржуазного государства большинство трудящегося населения. В Италии, при существующих в стране классовых отношениях, это означает, что пролетариат сможет стать руководящим и господствующим классом в той мере, в какой ему удастся добиться поддержки широких крестьянских масс. Но крестьянский вопрос в Италии исторически конкретен; это не «крестьянский и аграрный вопрос вообще». В Италии крестьянский вопрос в силу определенной итальянской традиции, в силу особенностей исторического развития страны принял две типичные и своеобразные формы — южного вопроса и ватиканского вопроса. Следовательно, чтобы завоевать большинство крестьянских масс, итальянский пролетариат должен рассматривать

эти два вопроса как свои социальные проблемы, должен понять те классовые требования крестьянства, которые находят свое выражение в этих вопросах, и включить эти требования крестьянства в свою революционную программу переходного периода, выдвинуть их наряду со своими боевыми пролетарскими требованиями.

Первая проблема, которую необходимо было разрешить туринским коммунистам, заключалась в исправлении политической линии и идеологии самого пролетариата, как составной части нации, существующего в едином комплексе государственной жизни и испытывающего (незаметно для себя) влияние буржуазной школы, буржуазных газет, буржуазных традиций. А известно, какая идеология широко распространялась буржуазными пропагандистами среди трудящихся масс Севера: Юг является свинцовой гирей, препятствующей более быстрому общественному развитию Италии; по велению судьбы жители Юга являются существами биологически низшими, полуварварами или настоящими варварами. В отсталости Юга виновен не капитализм или какая-либо иная историческая причина, а природа, создавшая южан ленивыми и неспособными людьми, преступниками, варварами и лишь иногда, как бы смягчая несправедливость судьбы, одаряющая эту часть страны гениальными индивидуальностями, которые возвышаются подобно одиноким пальмам в бесплодной и засушливой пустыне. В распространении этой буржуазной идеологии среди северного пролетариата большое участие принимала социалистическая партия. Она дала свое благословение всей «меридионалистической» литературе, вышедшей из-под пера клики писателей так называемой позитивной школы, таких, как Ферри, Серджи, Ничефоро, Орано, и их младших последователей, которые в статьях, очерках, новеллах, романах, в книгах впечатлений и воспоминаний повторяли в различных формах все тот же припев; еще раз «наука» была обращена на то, чтобы подавить бедняков и эксплуатируемых, но на этот раз она приняла социалистическую окраску, выдавала себя за науку пролетариата.

Туринские коммунисты энергично выступили против этой идеологии, особенно в самом Турине, где рассказы и воспоминания ветеранов войны против «бандитизма» на Юге и на Островах гораздо сильнее повлияли на народные настроения и традиции. Они выступили энергично,

с практическими действиями, стремясь достигнуть конкретных результатов величайшего исторического значения, стремясь добиться именно в Турине зачатков того, что явится в будущем разрешением южной проблемы.

Впрочем, еще перед войной произошел в Турине эпизод, в котором можно увидеть первые зачатки той практической работы и пропаганды, которые были развернуты коммунистами после войны. Когда в 1914 году, после смерти Пиладе Гая осталось вакантным место депутата от IV городского избирательного округа и встал вопрос о новом кандидате, группа социалистической секции, в которую входили будущие редакторы «Ордине нуово», обсудила предложение о выдвижении в качестве кандидата Гаэтано Сальвемини. Сальвемини был тогда радикально настроенным представителем крестьянских масс Юга. Он не входил в социалистическую партию; более того, он вел против социалистической партии в высшей степени активную и опасную кампанию, поскольку его выступления и обвинения порождали в трудящихся массах Юга ненависть не только к Турати, Тревесу, Д'Арагона, но и к промышленному пролетариату в целом. (Многие из пуль, которые королевская гвардия выпустила в рабочих в 1919—1922 годах, были изготовлены из того же свинца, с помощью которого печатались статьи Сальвемини.) Тем не менее эта туринская группа решила выдвинуть кандидатуру Сальвемини. Это предложение было передано Сальвемини товарищем Оттавио Пасторе, который отправился во Флоренцию, чтобы получить его согласие на выдвижение его кандидатуры. «Рабочие Турина, — сказал он, — хотят избрать депутата для крестьян Апулии. Рабочие Турина знают, что на всеобщих выборах 1913 года подавляющее большинство крестьян Мольфетты и Битонто собиралось голосовать за Сальвемини; меры административного давления со стороны правительства Джолитти, насилия полиции и бандитов, нанятых помещиками, помешали апулийским крестьянам выразить свою волю. Рабочие Турина не требуют от Сальвемини каких-либо обязательств по отношению к парламентской фракции социалистической партии — ни партийных, ни программных, ни дисциплинарных. Будучи избран, Сальвемини будет нести ответственность перед апулийскими крестьянами, а не перед рабочими Турина, которые проведут предвыборную пропа-

ганду в полном соответствии со своими принципами и не будут считать, что политическая деятельность Сальвемини обязывает их к чему-либо». Сальвемини не согласился на выдвижение своей кандидатуры, хотя был поражен и даже растроган предложением (в то время еще не говорилось о коммунистическом «коварстве» и обычаи были простыми и честными); он предложил Муссолини в качестве кандидата и пообещал приехать в Турин, чтобы поддержать социалистическую партию в избирательной борьбе. Действительно, Сальвемини присутствовал на двух грандиозных избирательных митингах у Палаты труда и на площади Статута, участники которых видели и приветствовали в нем представителя крестьян Юга, угнетаемых и эксплуатируемых еще более зверски и жестоко, чем пролетариат Севера.

В послевоенный период коммунисты вновь оживили и применили в своей практической деятельности то направление, которое в эмбриональной форме проявилось в этом эпизоде и не получило развития только по воле Сальвемини. Мы хотим напомнить факты, наиболее значительные и симптоматичные.

В 1919 году возникла организация «Молодая Сардиния» — начало и предпосылка того, что позднее станет «Сардинской партией действия». «Молодая Сардиния» намеревалась объединить всех сардинцев острова и континента в областной блок, способный осуществить такое давление на правительство, которое вынудило бы его выполнить обещания, данные во время войны солдатам. Организатором «Молодой Сардинии» на континенте был некто Пьетро Нурра, профессор, социалист, который, весьма вероятно, входит сегодня в группу «молодых», открывающих каждую неделю в «Куарто стато» какой-нибудь новый горизонт для исследования. Адвокаты, профессора, чиновники присоединялись к ней с энтузиазмом, который возникает всякий раз, когда есть новая возможность заполучить кресты, комменды и медали.

Учредительная ассамблея, собравшаяся в Турине, оказалась весьма внушительной по числу своих участников, представлявших сардинцев, проживающих в Пьемонте. В большинстве это был бедный народ, простолюдины без определенной профессии, заводские чернорабочие, мелкие пенсионеры, бывшие карабинеры, бывшие тюремные стражники, бывшие таможенные охранники, которые вели

теперь мелкую торговлю самыми разнообразными вещами. Все они были воодушевлены мыслью оказаться среди земляков, послушать речи о своей родине, к которой они по-прежнему были привязаны бесчисленными нитями родства, дружбы, воспоминаний, страданий, надежд: они были воодушевлены надеждой вернуться на родину, но на родину, более богатую и процветающую, которая дала бы им хотя бы скромные средства для существования.

Сардинские коммунисты, в количестве восьми человек, отправились на собрание, внесли в президиум свою резолюцию, потребовали, чтобы им была предоставлена возможность выступить с собственным заявлением. После зажигательной и риторической речи официального оратора, украшенной всеми цветами местного красноречия, после того как участники обратились к воспоминаниям о пережитых страданиях и кровавых жертвах, понесенных в войне сардинскими полками, и когда энтузиазм, порожденный идеей сплоченного блока всех славных сынов Сардинии, дошел до подлинной горячки — в такой обстановке очень трудно было выступить с собственным заявлением. Самые оптимистические предположения сводились к тому, что если не будет линчевания и удастся спастись от последствий «благородного гнева толпы», то по крайней мере предстоит прогулка в квестуру. Заявление коммунистов, хотя и вызвало огромное изумление, было, однако, выслушано со вниманием, и, как только прежнее очарование было разрушено, участники собрания довольно быстро пришли к революционным выводам. Перед ними была поставлена дилемма: будете ли вы, сардинские бедняки, за блок с господами Сардинии, которые вас разоряют и являются пособниками капиталистов-эксплуататоров, или за блок с революционными рабочими континента, которые хотят уничтожить всех эксплуататоров и освободить всех угнетенных? Эта дилемма была доведена до сознания присутствовавших. Голосование с точки зрения соотношения голосов, явилось громадным успехом: с одной стороны маленькая группа пышно разодетых дам, чиновников в цилиндрах, людей свободных профессий, бледных от ярости и страха, окруженных «ради спокойствия» четырьмя десятками полицейских, а с другой стороны — вся масса бедняков и их празднично одетых жен, сплотившихся вокруг маленькой ячейки коммунистов. Часом позже в Палате труда был

основан Социалистический сардинский просветительный кружок, в который записалось 256 человек. Основание «Молодой Сардинии» в Турине было отложено на неопределенный срок и так никогда и не состоялось.

Это явилось политической базой для работы, проводившейся среди солдат бригады Сассари, состоявшей почти целиком из сардинцев. Бригада Сассари участвовала в подавлении туринского восстания в августе 1917 года. Правительство было уверено, что дело никогда не дойдет до братания солдат бригады с рабочими в силу той ненависти, которую вызывает в трудящихся массах всякая репрессия, ненависти даже против тех, кто является лишь орудием репрессий, а в войсках — в силу того, что сохраняется память о солдатах, павших в стычках с восставшими. Бригаду встречала толпа господ и дам, предлагавших солдатам цветы, сигары, фрукты. О состоянии духа солдат свидетельствует рассказ рабочего-дубильщика, уроженца Сассари, посланного для того, чтобы выяснить настроение солдат.

«Я подошел к бивуаку, разбитому на одной из площадей (сардинские солдаты в первые дни стояли лагерем на площадях, как в завоеванном городе), и завел разговор с молодым крестьянином, который радушно выслушал меня, потому что я, как и он, был родом из Сассари.

— Зачем вы пришли в Турин? Что вы собираетесь здесь делать?

— Мы пришли, чтобы стрелять в господ, которые устраивают забастовки.

— Но ведь устраивают забастовки не господа, а рабочие, а они — бедняки.

— Здесь все господа: все носят воротнички и галстуки, зарабатывают по 30 лир в день. Я знаю, кто такие бедняки, и знаю, как они одеты; у нас вот в Сассари действительно много бедняков. Все мы — мотыжники-бедняки и зарабатываем полторы лиры в день.

— Но я тоже рабочий и бедняк.

— Ты беден потому, что ты сардинец.

— Но если я буду бастовать с другими, ты будешь стрелять в меня?

Солдат немного подумал, потом сказал, положив мне руку на плечо:

— Слушай, когда ты забастуешь вместе с другими — оставайся дома!»

Таково было настроение огромного большинства солдат бригады, состоявшей в основном из сардинских крестьян; лишь небольшое число ее солдат составляли шахтеры из бассейна Иглесиаса. Однако уже через несколько месяцев, накануне всеобщей забастовки 20—21 июля, бригада была удалена из Турина, солдаты-сверхсрочники были демобилизованы, а бригаду разделили на три части: одна часть была направлена в Аосту, другая — в Триест, третья — в Рим. Бригада была отправлена ночью, внезапно; на вокзале уже не было элегантной аплодирующей солдатам толпы; и, хотя солдаты отъезжали с походными песнями, теперь они пели уже совсем не то, что при приезде.

Остались ли эти события без последствий?

Нет, они дали результаты, которые еще сегодня имеют силу и продолжают действовать в глубине народной массы. Эти события мгновенно открыли людям глаза на такие вещи, о которых они никогда не думали, произвели на них огромное впечатление, вызвали в них радикальный перелом.

Наши архивы не сохранились; много бумаг мы уничтожили сами, чтобы не вызвать арестов и преследований, но мы вспоминаем десятки и сотни писем, пришедших из Сардинии в туринскую редакцию «Аванти!», писем часто коллективных, и нередко подписанных даже всеми бывшими бойцами Сассари, проживавшими в какой-нибудь одной местности. Отстаиваемые нами политические взгляды распространялись через неведомые для нас и не поддающиеся контролю пути. Они оказали очень сильное влияние на массовую базу «Сардинской партии действия», и в связи с этим можно было бы вспомнить важные по своему содержанию и значению факты.

Последний отзвук этого эпизода относится к 1922 году, когда с теми же целями, что и бригада Сассари, были направлены в Турин 300 карабинеров легиона Кальери. Мы получили направленную в редакцию «Ордине нуово» декларацию, подписанную подавляющим большинством карабинеров. Она отражала полностью наши установки в южном вопросе и явилась решительным доказательством правильности нашего направления.

Пролетариат должен сделать своим это направление, чтобы придать ему политическую эффективность, — это само собой разумеется. Невозможны никакие массовые действия, если сами массы не убеждены в правильности

целей, за достижение которых они борются, и в правильности методов их осуществления. Чтобы быть способным действовать как руководящий класс, пролетариат должен освободиться от всяких корпоративных пережитков, от всяких синдикалистских предрассудков и наслоений. Что это означает? Это означает, что нужно не только устранить разобщенность отдельных профессий, но и преодолеть — чтобы завоевать доверие и поддержку крестьянства и ряда полупролетарских слоев города — некоторые предрассудки и известный эгоизм, которые могут сохраняться и сохраняются в рабочем классе как таковом даже после того, как он уже освободился от профессионального партикуляризма. Металлург, плотник, строительный рабочий и т. д. должны не только мыслить как пролетарии (а не как металлург, плотник, строительный рабочий и т. д.), но и сделать еще один шаг вперед: они должны мыслить как активные представители класса, стремящегося руководить крестьянством и интеллигенцией, класса, который может одержать победу и построить социализм только при том условии, что громадное большинство этих социальных слоев поддержит его и последует за ним. Если это не будет осуществлено — пролетариат не сделается руководящим классом, а эти социальные слои, составляющие в Италии большинство населения, останутся под руководством буржуазии, что даст возможность государству устоять против пролетарского натиска и сломить его.

Итак: то, что осуществляется в области южного вопроса, показывает, что пролетариат понял эту свою непреложную обязанность. Следует напомнить два факта: один, имевший место в Турине, другой — в Реджо-Эмилии, то есть в цитадели реформизма, классового сотрудничества, рабочего протекционизма, который в качестве примера был использован «меридионалистами» в их пропаганде среди крестьян Юга.

После захвата фабрик дирекция «Фиат» предложила рабочим, чтобы они взяли на себя управление предприятием в кооперативной форме.

Конечно, реформисты благосклонно отнеслись к этому предложению. Надвигался промышленный кризис. Призрак безработицы тревожил рабочие семьи. В случае, если бы «Фиат» превратился в кооператив, все занятые на предприятии (и в особенности политически более актив-

ные рабочие, убежденные в том, что их собираются уволить) получили бы известную гарантию того, что они будут обеспечены работой.

Социалистическая секция, руководимая коммунистами, энергично вмешалась в дело. Трудящимся было высказано следующее: рабочие смогут управлять таким крупным предприятием, как «Фиат», только в том случае, если они решатся вступить в систему политических сил буржуазии, которая сегодня управляет Италией. Предложение дирекции «Фиат» вновь сводится к политическому плану джолиттианского характера. В чем заключается этот план? Буржуазия еще в довоенные годы не могла больше управлять спокойно. Восстание сицилийских крестьян в 1894 году и восстание в Милане в 1898 году¹ были *experimentum crucis* (решающим опытом) итальянской буржуазии. После кровавого десятилетия 1890—1900 годов буржуазия была вынуждена отказаться от диктатуры, чересчур неограниченной, чересчур насильственной, чересчур прямой: против нее *одновременно* (хотя и не согласованно) восстали крестьяне Юга и рабочие Севера. В новом веке господствующий класс положил начало новой политике, политике классовых союзов, классовых политических блоков, то есть буржуазной демократии. Нужно было выбирать: или сельская демократия, то есть союз с южным крестьянством, политика таможенной свободы, всеобщего избирательного права, административной децентрализации, низких цен на промышленные товары; или промышленный блок капиталистов и рабочих, без всеобщего избирательного права, за таможенный протекционизм, за сохранение государственной централизации, в которой выражается господство буржуазии над крестьянами, особенно крестьянами Юга и Островов, за реформистскую политику в области заработной платы и профсоюзных свобод. Был избран (и отнюдь не случайно) этот второй путь. Джолитти олицетворял господство буржуазии; социалистическая партия превратилась в инструмент джолиттианской политики. Каждый,

¹ Движение социалистических фаший и выступления трудящихся Массы и Каррары, имевшие место в 1894 году, были жестоко подавлены правительством. В 1898 году из-за ужасных условий жизни трудящихся масс возникли новые крупные волнения в разных частях Италии, в том числе в Милане, где они были потоплены в крови генералом Бава Беккарисом.

кто внимательно следит за развитием исторических событий, знает, что десятилетие 1900—1910 годов отмечено глубочайшими кризисами в социалистическом и рабочем движении: массы самопроизвольно выступают против политики реформистских вождей. Родается синдикализм, являющийся инстинктивным, элементарным, примитивным, но здоровым выражением выступления рабочих против блока с буржуазией и за блок с крестьянами, *в первую очередь с крестьянами Юга*. В самом деле, в известном смысле синдикализм является слабой попыткой крестьян Юга, представленных их наиболее передовыми интеллигентами, захватить в свои руки руководство пролетариатом. Из кого состоит руководящее ядро итальянских синдикалистов, какова идеологическая сущность синдикализма? Руководящее ядро синдикалистов составляют почти исключительно южане: Лабриола, Леоне, Лонгобарди, Орано. По своей идеологической сущности синдикализм представляет собой новый либерализм, только более энергичный, более агрессивный, более воинственный, чем традиционный либерализм. Если внимательно всматриваться в ход дела, то становится ясным, что существуют две причины, которые вызывают последовательно разворачивающиеся кризисы синдикализма и постепенный переход синдикалистских руководителей в лагерь буржуазии: эмиграция и свобода торговли — две причины, тесно связанные с течением «меридионализма». Эмиграция порождает концепцию «пролетарской нации» Энрико Коррадини; ливийская война в глазах всей интеллигенции явилась началом наступления «великой пролетарки» против мира капитализма и плутократии. Вся группа синдикалистов переходит к национализму, и даже националистическая партия при своем возникновении состояла из интеллигентов, являвшихся в прошлом синдикалистами (Моничелли, Форже-Давандзати, Маравилья). Книга Лабриолы «История 10 лет» (период с 1900 по 1910 год) является наиболее типичным и характерным выражением этого антиджолиитианского и меридионалистического либерализма. За эти десять лет капитализм усиливается и развивается и в значительной степени переносит свою деятельность в сельское хозяйство Паданской равнины. Наиболее характерной чертой указанного десятилетия являются массовые забастовки сельскохозяйственных рабочих. Глубокие процессы про-

исходят среди крестьян Севера; осуществляется глубокая классовая дифференциация (согласно данным переписи 1911 года, число батраков увеличилось на 50 процентов), с которой связано образование новых политических течений и идейных направлений.

Христианская демократия и муссолинизм составляют два наиболее заметных явления эпохи: Романья является горнилом этих двух новых сил, батрак, казалось, превращался в основное действующее лицо политической борьбы. Социальная демократия в лице ее левых органов («Ационе», издававшаяся в Чезене) и даже муссолинизм быстро попадают под контроль меридионалистов. «Ационе» становится областным изданием «Унита»¹ Газетано Сальвемини. «Аванти!» под руководством Муссолини медленно, но неуклонно превращается в трибуну для выступлений синдикалистов и меридионалистов. Фанчелло, Ландзилло, Панунцио, Чикотти становятся ее усердными сотрудниками; тот же Сальвемини не скрывает своих симпатий к Муссолини, который сделался также любимцем «Воче»² Преццоллини. Все помнят, что, когда Муссолини ушел из «Аванти!» и из социалистической партии, его окружала эта когорта синдикалистов и меридионалистов.

Наиболее значительным событием этого периода в революционном лагере является Красная неделя в июне 1914 года³. Романья и Марке представляют эпицентр Красной недели.

В лагере буржуазной политики наиболее значительным событием является пакт Джентилоне⁴. Так как социали-

¹ Основателем газеты «Унита», ее редактором с 1911 по 1920 год был Газетано Сальвемини. Во время войны издание ее было прервано. В «Унита» нашли свое выражение идеи интеллигентов, принадлежавших к мелкой демократической буржуазии Юга.

² «Воче» — литературно-критическое и культурно-политическое обозрение, руководимое Джузеппе Преццоллини и Джованни Папини. Выходило с 1908 по 1916 год.

³ Имеются в виду массовые антивоенные и антиимпериалистические выступления итальянского пролетариата, происходившие 7—14 июня 1914 года. В большинстве крупных центров Эмилии, Марке и Романья была объявлена всеобщая забастовка. — *Прим. ред.*

⁴ Соглашение между Джолитти и графом Джентилоне, президентом Итальянского католического избирательного союза, созданного Пием Х в связи с выборами 1913 года. Правительственные кандидаты в силу этого соглашения были поддержаны голосами католиков, которыми руководил Союз.

стическая партия благодаря успехам аграрного движения в Паданской равнине вернулась после 1910 года к непримиримой тактике, промышленный блок, поддерживаемый и возглавляемый Джолитти, теряет свою эффективность и Джолитти перекладывает свою винтовку на другое плечо. Союз буржуазии и рабочих заменяется союзом буржуазии и католиков, которые представляют собой крестьянские массы Северной и Центральной Италии. Следствием этого союза явилось полное разрушение консервативной партии Соннино, сохранившей лишь на Юге Италии ничтожную группу во главе с Антонио Саландрой. Война и послевоенный период явились свидетелями развития ряда в высшей степени важных подспудных процессов среди буржуазии Италии. Саландра и Нитти были двумя первыми южанами, возглавлявшими правительство Италии (если не говорить, естественно, о сицилийцах, например, о Криспи, который был самым энергичным представителем буржуазной диктатуры в XIX веке). Саландра на консервативной основе, Нитти — на буржуазно-демократической стремятся осуществить план промышленно-аграрной буржуазии Юга (оба этих премьер-министра получили прочную поддержку «Коррьере дела сэра», то есть ломбардской текстильной промышленности). Еще во время войны Саландра попытался реорганизовать государственный аппарат таким образом, чтобы повысить удельный вес Юга; он попытался заменить джолиттианские государственные кадры новыми кадрами, которые осуществили бы новый политический курс буржуазии. Вы помните, что «Стампа», особенно в 1917—1918 годах, вела кампанию за тесное сотрудничество между джолиттианцами и социалистами, чтобы помешать «апулизации» государства: эту кампанию проводил в «Стампа» Франческо Чикотти, что свидетельствовало о наличии соглашения между Джолитти и реформистами. Дело было нешуточное, и джолиттианцы в своем оборонительном рвении докатились до того, что переступали границы, дозволенные для партии крупной буржуазии, докатились до тех антипатриотических и пораженческих манифестаций, которые у всех в памяти. Сегодня Джолитти снова у власти, и крупная буржуазия, насмерть перепуганная бурным движением народных масс, снова доверилась ему. Джолитти хочет укротить рабочих Турина. Он разбил их дважды: в стачке в ми-

нувшем апреле и при захвате фабрик — оба раза с помощью Всеобщей конфедерации труда, то есть с помощью корпоративного реформизма. Он выжидает удобного часа, чтобы вернуть их в рамки буржуазной государственной системы. В самом деле, что произойдет, если коллектив предприятий «Фиат» примет предложение дирекции? Нынешние промышленные акции превратятся в облигации; а это значит, что кооператив должен будет платить их обладателям установленные дивиденды вне зависимости от состояния дел на предприятии. «Фиат» будет обложен всевозможными контрибуциями. Это сделают кредитные учреждения, остающиеся в руках буржуазии, которая заинтересована в том, чтобы принудить рабочих повиноваться. Трудящиеся предприятий неизбежно окажутся привязанными к государству, которое «придет на помощь рабочим», оказывая влияние на деятельность рабочих депутатов. посредством подчинения рабочей политической партии правительственной политике. Вот как выглядит план Джолитти, если он будет полностью осуществлен. Туринский пролетариат перестанет существовать как независимый класс, а станет лишь придатком буржуазного государства. Сотрудничество классов восторжествует, но пролетариат утратит свои позиции и перестанет быть руководителем и вожакom трудящихся масс. Он окажется привилегированным по отношению к массам наиболее бедных рабочих; в такой же степени, как и буржуазия, он окажется эксплуататором по отношению к крестьянам, потому что буржуазия, как она всегда это делает, объявит крестьянским массам, что единственная причина их несчастий и нищеты заключается в существовании группы привилегированных рабочих.

Коллектив заводов «Фиат» встал почти единодушно на нашу точку зрения, и предложение дирекции было отвергнуто. Но этого опыта было недостаточно. Туринский пролетариат целым рядом выступлений продемонстрировал, что его политическая зрелость и способность к действиям достигли высочайшего уровня.

Инженерно-технический персонал и заводские служащие в 1919 году смогли добиться улучшения своего положения только потому, что их поддерживали рабочие. С целью подорвать агитацию инженеров и техников промышленники предложили рабочим, чтобы они сами из-

брали новых начальников цехов и начальников отделов. Рабочие отвергли предложение, несмотря на то, что у них были некоторые серьезные противоречия с инженерно-техническим персоналом (последний всегда являлся орудием репрессий и преследований в руках хозяев). Тогда газеты повели неистовую кампанию за изоляцию инженеров и техников, выставляя напоказ их чрезвычайно высокие заработки, доходившие до 7 тысяч лир в месяц. Квалифицированные рабочие помогли агитации чернорабочих, которым только поэтому удалось добиться успеха: на фабриках были уничтожены все привилегии, которыми обладала категория более квалифицированных рабочих в ущерб рабочим менее квалифицированным. Благодаря этим действиям пролетарский авангард занял передовые позиции в социальной борьбе. Этим была создана база для развития Коммунистической партии в Турине.

Ну, а вне Турина? Каким образом мы намерены перенести вопрос за пределы Турина, и особенно в Реджо-Эмилию, где были наиболее сильно развиты реформизм и классовое сотрудничество?

Город Реджо-Эмилия всегда был мишенью меридионалистов. Фраза Камилло Прамполини: «Италия делится на северян и чумазных»¹ — была наиболее характерным выражением жестокой ненависти к рабочим Севера, которая распространялась среди южан. В Реджо-Эмилии возникла такая же проблема, как и на предприятиях «Фиат»: большой завод должен был перейти в руки рабочих в качестве кооперативного предприятия. Реджянские реформисты были в восторге и раструбили об этом в своих газетах и на собраниях. Туринский коммунист² отправился в Реджо-Эмилию, выступил на фабричном собрании, объяснил всю сущность проблемы Севера и Юга, и произошло «чудо»: рабочие огромным большинством отвергли реформистский и корпоративный тезис. Это показало, что реформисты не выражают подлинных настроений рабочих Реджо-Эмилии; они отражали в своей деятельности лишь пассивность и другие отрицательные стороны рабочего движения. Им удалось устано-

¹ Игра слов: *nordici* — северяне (*Nord* — север); образованное по аналогии слово *sudici* (*Sud* — юг) по-итальянски означает не «южане», а «чумазные», «нечистоплотные». — *Прим. ред.*

² Умберто Террачини.

вить свою политическую монополию в рабочем движении, добиться значительного сосредоточения в своих рядах опытных профессиональных организаторов и пропагандистов и таким образом воспрепятствовать развитию и организации революционного течения. Но достаточно было одного выступления способного революционера, чтобы нанести им сильный удар и выявить, что реджианские рабочие являются хорошими бойцами, а не свиньями, подкармливаемыми правительством.

В апреле 1921 года 5000 революционных рабочих были уволены с заводов «Фиат», фабрично-заводские Советы были уничтожены, снижена реальная заработная плата. В Реджо-Эмилии произошло, вероятно, что-либо подобное. Итак, рабочие были разбиты. Но остались ли бесполезными жертвы, принесенные ими? Мы этого не думаем, мы убеждены, что они отнюдь не бесполезны.

Нелегко, конечно, зафиксировать все крупные массовые выступления, которые доказали бы мгновенную и непосредственную эффективность этой борьбы. С другой стороны, учет массовых выступлений среди крестьянства еще более затруднен и фактически почти невозможен; особенно трудно обстоит дело с крестьянскими массами Юга. Можно сказать, что Юг Италии представляет собой картину огромного социального распада; крестьяне, составляющие огромное большинство населения, совершенно не связаны между собой. (Разумеется, сказанное не относится к Апулии, Сардинии, Сицилии: эти районы имеют особые характерные черты, отличающие их от общей социальной структуры остальных районов Юга.) Южноитальянское общество представляет собой огромный аграрный комплекс, состоящий из трех социальных слоев: аморфной и разобщенной крестьянской массы, интеллигенции, вышедшей из мелкой и средней сельской буржуазии, крупных земельных собственников и верхушки интеллигенции. Крестьяне Юга находятся в постоянном брожении, но как масса они неспособны дать централизованное выражение своим чаяниям и нуждам. Крестьянство является питательной средой для политической и идеологической деятельности среднего слоя интеллигенции. Но в конечном счете вся эта деятельность общественных сил централизуется и направляется в области политики крупными собственниками, а в области идеологии — верхушкой интеллигенции. Вполне естест-

венно, что с наибольшей эффективностью и определенностью эта централизация осуществляется в идеологической области. Поэтому Джустино Фортунато и Бенедетто Кроче представляют собой ключевые камни в сводке южной системы и в известном смысле являются двумя наиболее крупными фигурами итальянской реакции.

В жизни итальянской нации южная интеллигенция представляет собой наиболее интересный и наиболее важный социальный слой. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что более $\frac{3}{5}$ государственной бюрократии состоит из южан. Теперь, чтобы понять психологические особенности южной интеллигенции, необходимо отметить некоторые факты.

1. В каждой стране прослойка интеллигенции радикально изменяется с развитием капитализма. Старый тип интеллигента являлся организационным элементом общества, которое имело преимущественно крестьянскую и ремесленную базу. Чтобы организовать государство, чтобы наладить торговлю, господствующий класс воспитал особый тип интеллигента. Промышленность породила новый тип интеллигента — это технический организатор, специалист в прикладных науках. В обществе, где экономические силы развиваются в капиталистическом направлении, распространяясь почти на всю деятельность нации, превалирует второй тип интеллигента с характерным для него дисциплинированным умом. Наоборот, в тех странах, где сельское хозяйство играет еще значительную роль или вообще господствует, продолжает преобладать старый тип интеллигенции, которая поставляет подавляющую часть государственных кадров и которая выполняет также на местах, в сельских районах, роль посредника между крестьянином и администрацией вообще. В Южной Италии преобладает именно этот тип интеллигента со всеми характерными для него чертами: он демократичен перед лицом крестьянина; он реакционен перед лицом восстания против крупной собственности и правительства; это политикан, развращенный и вероломный. Нельзя было бы понять традиционный облик южных политических партий, если не принять в расчет характерных черт этого социального слоя.

2. Южный интеллигент почти всегда является выходцем из сословия, которое еще очень значительно на Юге,—

из сельской буржуазии. Сельский буржуа — это мелкий и средний земельный собственник, который не является крестьянином (то есть он сам не обрабатывает землю) и который постыдился бы работать землепашцем. Он сдает в аренду или просто в медзадрию¹ принадлежащий ему небольшой участок земли, желая получить доход, необходимый, чтобы жить подобающим образом, чтобы послать сыновей в семинарию или в университет, чтобы запасти приданое дочерям, которые должны выйти замуж за офицера или чиновника. От этого сословия интеллигенция наследует свое крайнее отвращение к крестьянину-труженику, взгляд на крестьянина как на рабочую машину, из которой надо выжать все возможное и которая легко может быть заменена благодаря «избытку» трудящегося населения; от этого сословия она наследует также инстинкт безумного страха перед крестьянином, перед его неистовой силой и, следовательно, навыки утонченного лицемерия и утонченнейшего искусства обманывать и укрощать крестьянские массы.

3. Так как к социальному слою интеллигенции принадлежит духовенство, необходимо отметить характерное различие между духовенством Юга в целом и духовенством Севера. На Севере священник является обычно сыном крестьянина или ремесленника; ему присущи демократические чувства, он более привязан к крестьянам. В моральном отношении он более выдержан, чем священник Юга (который часто почти открыто сожительствует с женщиной); поэтому священник Севера выполняет свой духовный долг более полно в социальном смысле, то есть является подлинным духовным руководителем во всей жизни семьи. На Севере отделение церкви от государства и экспроприация церковных имуществ осуществлены более радикально, чем на Юге, где приходы и монастыри или сохранили, или вновь приобрели движимое и недвижимое имущество. На Юге священник связан с крестьянином 1) как земельный администратор, с которым крестьянин вступает в конфликт в связи с арендными договорами, 2) как ростовщик, который требует уплаты высочайших процентов и использует религию, чтобы спокойнее получать арендную плату или ростовщическую прибыль, 3) как человек, подверженный общечеловеческим страстям (жен-

¹ На условиях испольщины. — *Прим. ред.*

щины и деньги) и поэтому не внушающий доверия в своей беспристрастности и скромности. Вследствие этого исповедь в глазах крестьянина играет роль ничтожного официального долга, и крестьянин Юга, хотя и суверен часто в языческом смысле, но вовсе не клерикален. Все эти моменты объясняют, почему на Юге (за исключением некоторых районов Сицилии) «народная партия» не обладает значительными позициями и абсолютно лишена массовых организаций. Отношение крестьянина к духовенству кратко выражено народной поговоркой: «Священник — он священник лишь у алтаря, вне его — он такой же человек, как и все другие».

Крестьянин и крупный земельный собственник на Юге связаны между собой через посредство интеллигента. Крестьянские движения, поскольку они находят свое выражение не в массовых организациях, хотя бы формально самостоятельных и независимых (то есть способных выделить кадры крестьянского происхождения, отмечать и обобщать факты, говорящие о разногласиях внутри движения или о его успехах), в конечном счете оказываются вполне уместающимися в рамках деятельности существующих органов государственного аппарата — управлений общин, провинциальных органов власти, палаты депутатов — и выражаются в возникновении и распаде местных партий, состоящих из интеллигентов, но контролируемых крупными собственниками и их доверенными людьми, такими, как Саландра, Орландо, Ди-Чезаро.

Война, казалось, ввела новый элемент в этот тип организации с возникновением движения бывших фронтовиков, в котором крестьяне-солдаты и интеллигенты-офицеры составляли более сплоченный блок, являвшийся к тому же до некоторой степени антагонистическим по отношению к крупным собственникам. Он просуществовал недолго, и его последним остатком является Национальный союз¹, созданный Амендола и сохраняющий видимость существования только благодаря своему антифашистскому характеру. Однако если учесть, что у *демократической* интеллигенции Юга нет никакой *ясно выраженной* организационной традиции, то даже эту группировку следует отметить и принять в расчет, ибо при изме-

¹ Антифашистский союз, основанный Джованни Амендола во второй половине 1924 года. В 1925 году этот союз практически перестал существовать.

нении политической обстановки, тончайшая струйка может превратиться в мутный и мощный поток.

Единственным районом, где движение бывших фронтовиков приняло более решительное направление, и где удалось создать более прочную социальную организацию, является Сардиния. И это понятно: именно на Сардинии класс крупных земельных собственников ничтожен, не играет никакой роли и не имеет таких древних традиций в области культуры и управления страной, какие существуют на континентальном Юге. Давление снизу, оказываемое массой крестьян и пастухов, не вызывает ответных репрессивных мер со стороны верхушки крупных собственников, а руководящая группа интеллигенции испытывает в полной мере это воздействие и делает более значительные шаги вперед, чем Национальный союз.

Положение на Сицилии глубоко отличается как от положения на Сардинии, так и от положения на континентальном Юге. Крупные собственники здесь значительно сильнее сплочены и более решительны, чем на континенте; кроме того, на Сицилии получили определенное развитие некоторые отрасли промышленности, более развита здесь и торговля (Сицилия является богатейшим районом всего Юга и одним из самых богатых районов Италии). Высшие классы очень остро ощущают свое значение в национальной жизни и заставляют считаться с ним.

Сицилия и Пьемонт являются двумя районами, давшими большое число политических руководителей итальянскому государству. Начиная с 70-х годов и в последующие десятилетия эти два района играют выдающуюся роль. Народные массы Сицилии более передовые, чем на Юге, но их развитие приняло типично сицилианскую форму; существует массовое социалистическое движение, имеющее свои традиции и развивающееся по особому пути. В палате депутатов в 1922 году среди 52 депутатов, избранных от Сицилии, насчитывалось около 20 социалистических депутатов.

Мы говорили, что крестьянин и крупный землевладелец на Юге связаны между собой через посредство интеллигента. Этот тип организации является наиболее распространенным на всем континентальном Юге и на Сицилии. На практике он воплощается в чудовищном аграрном блоке, который в целом действует в качестве посред-

ника и надсмотрщика капитализма Севера и крупных банков. Его единственной целью является сохранение статус кво. У него нет никаких собственных идей, никакой программы, никакого стремления к улучшению жизни и к прогрессу. Если утвердилась какая-либо идея или программа, то источники их возникновения находятся за пределами Юга, в политических группах аграриев-консерваторов, особенно в Тоскане, которые в парламенте объединяются с консерваторами южного аграрного блока.

Соннино и Франкетти принадлежали к числу тех немногих буржуазных интеллигентов, которые поставили южную проблему как проблему общенациональную и разработали правительственный план для ее разрешения. Какова была точка зрения Соннино и Франкетти? Необходимо создать в Южной Италии экономически независимый средний слой, который бы создавал, как тогда говорили, «общественное мнение» и ограничивал жестокий произвол собственников, с одной стороны, и умерял бунтарство бедных крестьян — с другой. Соннино и Франкетти были до крайней степени напуганы популярностью, которую имели на Юге идеи бакунистов, проникших в секции I Интернационала. Этот страх приводил к тому, что они делали ошибки, носившие часто гротескный характер. В одном из их изданий указывалось, например, что какая-то гостиница или трактир где-то в Калабрии (цитируем на память) называется «забастовщики» (*scioperanti*), чтобы продемонстрировать, как глубоко распространились интернационалистские идеи. Этот факт, если он верен, (а он должен быть верен ввиду скрупулезной точности авторов), объясняется более просто, если вспомнить, что на Юге много албанских колоний и что слово «скипетари» (*Skipetari*) претерпевает в диалектах чрезвычайно странные и курьезные изменения (так, например, в некоторых документах Венецианской республики говорилось о военных организациях «*S'ciopetrà*»). Тогда на Юге не столько были распространены теории Бакунина, сколько сама ситуация была такова, что могла подсказать Бакунину его теории: действительно, бедные крестьяне Юга значительно раньше додумались до «анархии», чем мозг Бакунина изобрел теорию «всемирного разрушения».

Правительственный план Соннино и Франкетти никогда и не собирались осуществлять. Да этого и не могло произойти. Переплетение отношений между Севером и

Югом в области организации национальной экономики и в области государственной организации таково, что рождение значительного среднего класса (это означает появление в будущем широкого слоя капиталистической буржуазии) почти невозможно. Всякое накопление капиталов на местах и всякое накопление сбережений оказывается невозможным из-за фискально-таможенной системы и вследствие того факта, что собственники капиталистических предприятий не превращают на местах доходы в новый капитал, ибо они не являются местными капиталистами. Когда в XX веке эмиграция приняла гигантские размеры и первые денежные суммы начали притекать из Америки, либеральные экономисты кричали с восторгом: мечта Соннино сбывается. На Юге осуществляется мирная революция, которая медленно, но неизбежно изменит всю экономическую и социальную структуру страны. Но вмешалось государство, и мирная революция была задушена в зародыше. Правительство выпустило казначейские бонны за определенный процент, и эмигранты и их семьи превратились из проводников мирной революции в агентов, которые должны предоставлять государству финансовые средства, чтобы субсидировать паразитическую промышленную буржуазию Севера. Франческо Нитти, который, казалось, мог стать активным проводником осуществления программы Соннино демократическим путем и формально вне рамок южного аграрного блока, оказался, напротив, лучшим агентом северного капитализма по грабежу последних остатков сбережений на Юге. Миллиарды, поглощенные Итальянским учетным банком¹, почти целиком принадлежали 400 тысячам кредиторов этого банка; в подавляющем большинстве это были вкладчики с Юга.

Кроме аграрного блока, на Юге существует блок интеллигенции; цель его практической деятельности — помешать тому, чтобы трещины аграрного блока превратились в чересчур опасные и повлекли бы за собой обвал. Возглавляют этот блок Джустиньо Фортунато и Бенедет-

¹ Итальянский учетный банк основан в конце 1914 года. Стал исключительно мощным средством финансирования отраслей военной промышленности. Их неудачная реконверсия (прежде всего предприятий Ансальдо, который был особенно тесно связан с банком) вызвала его крах. Вкладчики потеряли около $\frac{1}{3}$ своих вложений.

то Кроче, которых поэтому можно рассматривать как самых деятельных реакционеров полуострова. Мы говорили, что Юг Италии представляет собой картину огромного социального распада. Эта формула, помимо крестьян, может быть отнесена также к интеллигенции. Знаменательным является тот факт, что на Юге наряду с крупнейшими собственниками существовали и существуют отдельные выдающиеся представители культуры и мыслители или небольшие группы выдающихся интеллигентов, тогда как средние слои интеллигенции не организованы. На Юге есть издательство Латерца и журнал «Ля критика»¹, существуют академии и культурные общества, члены которых высоко эрудированы; но нет менее специальных журналов, нет издательств, вокруг которых группировались бы средние слои южной интеллигенции. К южанам, которые стремились выйти из аграрного блока и поставить южный вопрос в радикальной форме, относились враждебно, поэтому они группировались вокруг печатных органов, издававшихся за пределами Юга. Можно даже сказать, что все культурные начинания средней интеллигенции, имевшие место в XX веке в Центральной и Северной Италии, носили на себе отпечаток меридионализма вследствие того, что они испытали очень сильное влияние южной интеллигенции; это относится ко всем изданиям группы флорентийской интеллигенции («Воче», «Унита»), к изданиям христианских демократов (например, «Ационе»), к журналам молодых миланских и эмилийских либералов, издававшимся Дж. Борелли (таким, как болонская «Патриа» и миланская «Ационе»); наконец, к «Ривольуционе либерале»² Гобетти.

Итак, верховными политическими и духовными вдох-

¹ Исторический философский литературный журнал, основанный в 1903 году Бенедетто Кроче и редактировавшийся им. Издание его прекратилось в 1943 году; в качестве продолжения нерегулярно выходят «Квадэрни делла критика».

² Журнал «Ривольуционе либерале» издавался с 1922 по 1925 год. Его основателем и редактором был Пьеро Гобетти. В журнале сотрудничали, в частности, Джованни Амендола, Гвидо Де Руджиеро, Гвидо Дорсо, Манлио Брозио, Луиджи Эмери, Марко Миссироли, Джованни Ансальдо. В нем печатались также статьи Антонио Грамши. О направлении этого журнала и о движении, которое Гобетти попытался организовать вокруг него, Грамши говорит ниже в этой же статье.

новителями всех этих начинаний были Джустино Фортунато и Бенедетто Кроче. В кругу более широком, чем тот, который подвергался удушающему влиянию аграрного блока, они добивались того, чтобы постановка южной проблемы не переходила известных границ, не сделалась бы революционной. Люди чрезвычайно высокой культуры и большого ума, появившиеся на традиционной почве Юга, но связанные с европейской и, следовательно, с мировой культурой, они имели все данные, чтобы удовлетворить духовные потребности наиболее честных представителей образованной молодежи Юга, чтобы ослабить их беспокойные стремления к бунту против существующих условий, чтобы направить их по средней линии классического спокойствия мысли и действия. Так называемые неопротестанты, или кальвинисты, не поняли, что в Италии, где вследствие новых общественных условий невозможна была религиозная реформа, которая охватила бы массы, осуществилась единственная исторически возможная реформа с философией Бенедетто Кроче: изменялись направление и метод мышления, создавалось новое мировоззрение, которое превзошло католицизм и любую другую мифологическую религию. В этом смысле Бенедетто Кроче выполнил величайшую «национальную» функцию; он оторвал радикальных интеллигентов Юга от крестьянских масс, заставляя их приобщаться к национальной и европейской культуре, а через посредство этой культуры они поглощались национальной буржуазией и, следовательно, аграрным блоком.

Если «Ордине нуово» и туринские коммунисты могут быть в известном смысле отнесены к тем организациям интеллигенции, которые мы упоминали, и если поэтому даже они испытали духовное влияние Джустино Фортунато и Бенедетто Кроче, то в то же время они, однако, олицетворяют собой полный разрыв с этой традицией и начало нового движения, которое уже дало результаты, а в будущем станет еще плодотворнее. Как уже отмечалось, туринские коммунисты поставили вопрос о городском пролетариате как главном действующем лице итальянской истории и, следовательно, южной проблемы. Так как коммунисты выполняют роль посредников между пролетариатом и некоторыми группами левых интеллигентов, то им удастся выправить, хотя и не полностью, мировоззрение этих интеллигентов. И если

хорошо поразмыслить, то в этом состоит принципиально важное значение деятельности Пьеро Гобетти. Он не был коммунистом и, возможно, никогда не сделался бы им, но он понял социальное и политическое значение пролетариата, и в своем мышлении он не мог уже абстрагироваться от этого положения. Во время совместной работы в газете Гобетти благодаря нам оказался связанным с живым миром, который прежде был известен ему только из книжных формул. Наиболее характерной чертой, отличавшей его, были духовная честность и полное отсутствие всякого тщеславия и низменной мелочности; поэтому он не мог не прийти к убеждению, что вся совокупность традиционных взглядов и представлений о пролетариате была фальшива и несправедлива. Какие последствия имели для Гобетти эти связи с пролетарским миром? Они явились источником и импульсом для оформления его концепции, которую мы не собираемся здесь ни обсуждать, ни подробно исследовать, концепции, которая смыкалась в значительной степени с синдикализмом и с направлением мышления синдикалистских интеллигентов: принципы либерализма были в ней перенесены из плоскости индивидуальных явлений в плоскость явлений массовых. Личные достоинства индивидуумов переносились на классы, которые рассматривались чуть ли не как коллективная индивидуальность. Эта концепция, как правило, побуждает интеллигентов, которые ее разделяют, к простому созерцанию, к регистрации заслуг и недостатков, к нелепому и отвратительному выводу, согласно которому интеллигенция должна занять положение арбитра в спорах, должна раздавать награды и определять меры наказания. Практически Гобетти удалось избежать такой участи. Он проявил себя как чрезвычайно ценный и культурный организатор, и рабочие не должны недооценивать ту роль, которую он сыграл в последний период своей жизни. Он вырыл ров, через который уже не отступили назад те группы честных интеллигентов, которые в 1919—1921 годах почувствовали, что пролетариат в качестве руководящего класса превзойдет буржуазию в умении управлять страной: одни, будучи убеждены в своей правоте, другие — злобно и бесчестно понося Гобетти, повторяя, что он был лишь замаскированным коммунистом — если не агентом коммунистической партии, то по крайней мере коммунистической группы «Ордине

нуово». Не следует даже опровергать эту глупую болтовню. Деятельность самого Гобетти и движение, которое он возглавил, явились стихийными следствиями новых исторических условий, сложившихся в Италии; именно в этом и состоит их значение. Нас несколько раз упрекали партийные товарищи за то, что мы не боролись против идейного направления «Риволуционе либерале»; отсутствие такой борьбы рассматривалось даже как доказательство тесной органической связи макиавеллистского характера (как тогда говорили), якобы существовавшей между нами и Гобетти. Мы не могли бороться против Гобетти, потому что он развивал и возглавлял движение, с которым не следовало бороться, по крайней мере в принципе. Не понимать этого — значит не понимать проблемы интеллигенции и той роли, которую она выполняет в борьбе классов. Практически Гобетти служил для нас связующим звеном: 1) с интеллигенцией, возникшей на почве развития капиталистической техники, которая в 1919—1920 годах заняла левую, благожелательную по отношению к диктатуре пролетариата позицию; 2) с рядом южных интеллигентов, которые благодаря более тесному общению с нами поставили южный вопрос на почву, отличную от традиционной, введя в него пролетариат Севера; среди этих интеллигентов Гвидо Дорсо представляет фигуру наиболее сложную и интересную. Почему мы должны были бороться против движения «Риволуционе либерале»? Быть может, потому, что оно не было организовано стопроцентными коммунистами, которые признавали бы полностью от первой до последней буквы нашу программу и нашу доктрину? Этого нельзя было требовать, потому что политически и исторически это было бы крайней нелепостью. Интеллигенция развивается в политическом отношении медленно, значительно медленнее почти любой другой социальной группы, вследствие самой ее природы и выполняемой ею исторической функции. Она воплощает в себе все культурные традиции народа, стремится в этих традициях подытожить и синтезировать всю историю; это относится особенно к старому типу интеллигента, рожденному на крестьянской почве. Думать, что интеллигенция в целом сможет покончить со всем прошлым и полностью встать на почву новой идеологии, было бы абсурдным. Это было бы абсурдом и по отношению к интеллиген-

ции в целом и, быть может, даже по отношению к огромному числу отдельных ее представителей, несмотря на все благородные усилия, которые они предпринимают и стараются предпринимать. Сейчас нас интересует интеллигенция в целом, а не отдельные индивидуумы. Конечно, было бы очень важно и полезно для пролетариата, если бы один или несколько интеллигентов в индивидуальном порядке присоединились бы к его программе и к его доктрине, слились с пролетариатом, стали бы и почувствовали себя его составной частью. Пролетариат как класс беден организаторскими элементами, у него нет собственного слоя интеллигентов, и он сможет создать его очень медленно, с большим трудом и только после завоевания государственной власти. Но, кроме того, очень важно и полезно, чтобы в массе интеллигенции произошел органический раскол, который имел бы исторически оправданный характер, чтобы оформилось в качестве массовой организации левое течение в современном смысле этого слова, то есть течение, ориентирующееся на революционный пролетариат. Такая организация необходима для установления союза пролетариата и крестьянства; тем более она необходима для установления союза пролетариата с крестьянскими массами Юга Италии. Пролетариату удастся разбить южный аграрный блок в такой мере, в какой он сумеет с помощью своей партии вовлечь в самостоятельные и независимые организации все более широкие массы крестьянской бедноты; но эту неотложную задачу он сумеет выполнить тем лучше, чем сильнее ему удастся расколоть блок интеллигенции, являющейся гибкой, но в высшей степени прочной броней аграрного блока. В разрешении этой задачи пролетариату помогал Пьеро Гобетти, и мы думаем, что друзья погибшего будут продолжать, даже без своего руководителя, начатое им дело, которое является делом гигантским и трудным, но как раз поэтому достойным всех жертв (даже жизни, как это случилось с Гобетти) со стороны тех интеллигентов Севера и Юга (а таких интеллигентов много — больше, чем обычно принято думать), которые поняли, что существуют только две действительно национальные силы, ведущие нас в будущее: пролетариат и крестьянство...

(Здесь рукопись обрывается.)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агилера 286
 Адзимонти, Эудженно 480
 Альба 287
 Альбертини, Лунджи 469
 Альварес, Мелькиадес 287
 Амендола, Джованни 120, 496,
 501
 Ансальдо, Джованни 111, 144,
 501
 Аньелли, Джованни 144, 145,
 227—230, 446

Бадольо, Пьетро 390
 Бакунин М. А. 499
 Бальзак, Оноре 310
 Барер, Камилл 273
 Бассо, Левио 477
 Бевиноне, Джузеппе 119
 Беки, Джулио 122
 Беккарис, Бава 488
 Бержере, см. Марронн, Этторе
 Бертолотти 386
 Бетман-Гольеве 276
 Биссолати, Леонида 265, 266,
 377
 Блан, Луи 196
 Бозелли, Паоло 273, 377, 378
 Борги, 74
 Борджезе 120
 Борелли 501
 Брешиани, Борза Антонио
 449—451
 Брозно, Манлио 501
 Брокдорф-Ранцау, Ульрих 320
 Брофферно 388
 Бувье 378, 389
 Букко, Эрколе 172
 Буоцци, Бруно 74

Бухарин Н. И. 173, 175
 Бьянки, Джузеппе 448
 Вайнкоп 299
 Ванин 414
 Виктор-Эммануил II 424
 Вильсон 119, 265, 276, 278—280,
 318, 320, 357
 Вольпи 120

Галиффе 320
 Гай, Винченцо 263
 Гай, Пиладе 481
 Гарибальди 388, 423, 424
 Гарино 174
 Гильфердинг, Рудольф 174, 202
 Гобетти, Пьеро 16, 250, 501—
 505
 Гольденберг 235
 Гомперс 14
 Гофман 342
 Грамши, Антонио 5, 7—9, 11—
 16, 32, 63, 98, 203, 225, 250,
 428, 477, 501
 Гувер, Герберт 392

Дан 82
 Данео, Эдоардо 378, 469, 470
 Д'Аннунцио, Габриэле 354—356,
 365, 452, 453, 462
 Д'Арагона, Людовико 74, 448,
 451, 482
 Дебс, Юджин 290
 Де Карменен 304
 Де ла Рив 387
 Де Леон, Даниэль 201

Деникин А. И. 304, 313
 Де Руджерио, Гвидо 501
 Де Санктис, Франческо 449
 Джентилоне 490
 Джиретти, Эдоардо 149, 446
 Джолитти, Джованни 110, 111,
 119, 123, 273—276, 358—363,
 370—376, 385—390, 392, 413,
 429—436, 445, 446, 448, 459,
 462, 467, 470, 471, 488,
 490—492
 Джокич 289
 Джордано 389
 Джулиано, Бальбино 247—249,
 251
 Дзиборди, Джованни 447
 Ди Робилант, Марио 389
 Ди Сан-Джулиано 272, 274,
 275, 359
 Ди Чезаро 497
 Дорсо, Гвидо 477, 501
 Дутов А. П. 304

Зиновьев Г. Е. 175
 Зорге, Фридрих Альберт 294

Кавилья, Энрико 452
 Кавур, Камилло 264, 292, 384,
 386—388, 471
 Канепа, Джузеппе 265, 266
 Капп, Вольфганг, фон 426
 Каркано, Паоло 273
 Карольи, Михай 344
 Кастелли, Микельанджело 387
 Каутский, Карл 175
 Кацлерович 289
 Ксренский А. Ф. 40, 95, 142,
 235, 324, 355, 368
 Клемансо, Жорж 65, 222, 318,
 320, 344, 345, 357
 Кодонья 76
 Колчак А. В. 304, 305, 312, 313,
 318, 319
 Корнилов Л. Г. 355
 Коррадини, Энрико 489
 Космо, Умберто 13, 14, 468—
 470
 Краснов П. Н. 304
 Креспи, Сильвио 120
 Криспи, Франческо 422, 491
 Криспольти, Филиппо 317
 Кроче, Бенедетто 300, 495,
 500—502

Куккуру 347
 Кун, Бела 288, 345

Лабриола, Артуро 202, 479, 489
 Ландзилло 490
 Лапчевич 289
 Ленин В. И. 11, 24, 26, 175, 201,
 235, 265, 320, 339, 368, 448,
 450
 Леоне, Марио 489
 Леонид 375
 Либкнехт, Карл 207, 290, 320
 Ллойд Джордж, Дэвид 27, 279,
 318, 320, 357, 381, 448
 Лонгобарди 489
 Лорио 289
 Людендорф, Эрих 426, 427
 Люксембург, Роза 175, 207,
 290, 320
 Люттвиц, Луиджи 426
 Луццатти, Луиджи 392

Мадзини, Джузеппе 247, 248,
 266, 267, 386, 423, 424
 Мазаньелло 137
 Макдональд 14
 Макиавелли 385
 Макино 318
 Мандзони 346
 Маннергейм, Карл 342
 Маравилья 489
 Маркора, Джузеппе 273
 Маркс 36, 105, 148, 149, 196,
 201, 203, 224, 294, 300, 301,
 303, 384, 420, 449
 Маррони, Этторе 109
 Мартини, Чезаре 390
 Мартини 371
 Маура Ла Сьерва 287
 Маццонис 150
 Милан Дель Вош 287
 Милло 452, 453
 Мильоли 315, 317
 Миссироли, Марко 501
 Мишле, Жюль 196
 Моллиари, Луиджи 196
 Моничелли 489
 Монтанес 287
 Монти, Арнальдо 266, 267
 Муна 289
 Муссолини, Бенито 332, 482,
 490

Наполеон III 292
Ненни, Пьетро 477
Нитти, Франческо 108, 119, 120,
222, 323, 327, 341, 352, 353,
355, 362, 390, 391, 404, 433,
434, 441, 491
Ничефоро 481
Носке, Густав 65, 100, 342
Нурра, Пьетро 415, 483

Озелла, Джузеппе 263
Оливетти, Джинио 76, 77, 150
Орано 480, 488
Орландо, Витторио Эмануэле
270, 318—320, 377, 378, 497

Паннекук, Антон 175
Панунцио 490
Папини, Джованни 490
Пасторе, Оттавио 482
Перроне (братья) 446
Платоне, Феличе 16
Полак 299
Прамполини 468, 493
Прати, Марчелло 120
Преццоллини, Джузеппе 14
Прудон, Пьер Жозеф 292

Радосевич 289
Раймондо, Оразιο 392
Ратенау, Вальтер 407
Раттацци, Урбано 388
Ричи, Умберто 299
Родриго 346
Романелли, Гвидо 345
Романонес, Альваро 286, 287
Ромита, Джузеппе 227
Росселли, Карло 477
Росси, Теофило 464, 469, 470
Росси, Чезаре 377, 378, 389
Русполи, Аугусто 274
Руссо, Жан-Жак 99
Руффини, Франческо 469, 470

Сакки, Этторе 346
Саландра, Антонио 108, 119,
120, 271—276, 358, 360, 374,
377, 392, 491, 497
Сальвемини, Гаэтано 247, 265,
330—333, 446, 467, 468, 480,
482, 483, 490

Саудино 378, 389
Семенов 304
Сен-Катаяма 290
Серджи 481
Серрати, Джачинто Минотти
13, 161
Сильвестри, Джованни 150
Скьявелло, Эрнесто 174
Смирнов П. И. 235
Собреро, Чезаре 120
Сократ 36
Соннино 264, 275, 358, 360, 377,
378, 491, 499, 500
Сорель, Жорж 203, 204
Спавента, Сильвио 424

Таска, Анджелло 172—176,
195—199, 201—203
Терни 111
Террачини, Умберто 16, 197,
493
Тольятти, Пальмиро 5, 9, 15, 16,
32, 98, 197, 198
Тревес, Клаудио 163, 482
Тремеллоне, Роберто 477
Троцкий Л. Д. 125, 320
Трульстра, Питер 299
Турати, Филиппо 37, 104, 105,
115, 468, 482
Тэйлор 133

Факта, Луиджи 378
Фанчелло 490
Феррара, Марчелла 16
Феррара, Маурицио 16
Феррарио, Анджело 263
Феррарис, Данте 352
Ферри, Энрико 104, 115, 481
Филиппи 289
Флиген 298
Флотов, фон 272, 274
Форже-Давандзати 489
Фортунато, Джустино 480, 495
500—502
Фош, Фердинанд 277—279
Франкетти 499
Фрассати, Альфредо 273—276,
372, 381, 389
Фурньер, Жозеф Эжен 196

Хеглунд 289

Церетели И. Г. 82

Чейрано 390
Черлантини, Франко 14
Черчилль, Уинстон 339
Чикотти 317, 490, 491
Чирмени, Бенедетто 120
Чичерин Г. В. 448
Чхендзе 82

Шапер 298

Шейдеман, Филипп 276, 290,
320

Эберт, Фридрих 276, 278, 279,
290, 320

Эйнауди, Луиджи 299, 300

Эмери, Луиджи 501

Энгельс, Фридрих 294

Энджелл, Норман 380

О Г Л А В Л Е Н И Е

От Издательства	5
К советскому читателю	7
Предисловие к итальянскому изданию . . .	11

Фабрично-заводские Советы и государство рабочего класса

Суверенитет закона	19
Дань истории	22
Рабочая демократия	28
Завоевание государства	33
За Коммунистический Интернационал	40
Рабочие и крестьяне	44
Развитие революции	49
Цеховым уполномоченным заводов «Фиат-Центр» и «Бреветти»	54
Профсоюзы и Советы	58
Профсоюзы и диктатура	64
Синдикализм и Советы	70
Промышленники, рабочие, производство	75
Революционер и те, что «тоже пахали»	78
Вне дилеммы	82
Проблема власти	85
События 2—3 декабря [1919 года]	91
Партия и революция	98
Итальянское государство	104
Власть в Италии	109
Аппарат труда	113
Пьяный наемник	119
Рабочие и крестьяне	124
Правящая партия и правящий класс	127
Пролетарское единство	133
Вопрос силы	139
Конец одной власти	142
Турин и Италия	145
Предрассудки и действительность	147
Сила революции	155

За обновление социалистической партии	157
Фабрично-заводской Совет	165
Доклад Таска и конференция туринской палаты труда	171
Профсоюзы и Советы	176
Две революции	181
Коммунистические группы	186
Россия — мировая держава	191
Программа «Ордине нуово»	194
Коммунистическая партия	203
Красное воскресенье	214
Только ли глупость?	219
Политическая зрелость	222
Станет ли «Фиат» кооперативом?	226
Туринское движение фабрично-заводских Советов	230

Приложение

Государство и суверенитет	247
Программа цеховых уполномоченных	251

Политические события в Италии и за рубежом

Отечество и власть	263
Триумф вильсоновской демократии	265
Россия и мир	267
Страна Пульчинеллы	269
Государственные деятели, ответственные за судьбу страны	271
Перемирие и мир	276
Разложение и генезис	280
Испания	283
Силы революции	288
Контрреволюция	290
Единство мира	292
Коммунистический Интернационал	294
Американская Рабочая партия	296
Голландское коммунистическое движение	298
Эйнауди, или о либеральной утопии	299
Политика интриг	303
Желание работать	306
Война колоний	309
Революционная волна	310
Италия и Россия	312
Свобода	313
Грабеж	315
Голоса с полей	316
Колчак и Орландо	318
Германия и мир	320
Забастовки в Канаде	321
Возвращение к свободе	323
Проблема школы	328
Сальвеминиана	330
Волнения на почве голода	334
Итальянцы и китайцы	336
Священное единение	340

20—21 июля [1919 года]	341
«Коррьере делла сэра»	343
Советская власть в Венгрии	344
Смертная казнь	346
Забастовка металлистов	348
После победы металлистов	349
Национальное единство	354
Вереница мошенников	358
Поражение	362
«Народная партия»	365
За кулисами джолиттианства	369
Италия и Соединенные Штаты	391
Революционеры и выборы	395
Результаты, которых мы ожидаем	398
Выборы	401
Позитивная деятельность	404
Рабочие и крестьяне	407
Историческая роль городов	410
Сардиния и рабочий класс	415
Фабричный рабочий	418
Монархическая традиция	422
Революция в Германии	426
Правительственная программа	429
Джолитти у власти	433
Народы колоний	437
Снижение цен и производство	441
«Заговор»	445
Иезуиты	447
Реакция	451
Интернациональная дисциплина	455
Заговор и партия	458
Одни — трусы, другие — шантажисты	463
Откровенное объяснение с одним буржуа	467
Что такое реакция?	470
Приложение к русскому изданию	
Некоторые аспекты южного вопроса	477
Именной указатель	506

А н т о н и о Г р а м ш и
«ОРДИНЕ НУОВО», (1919—1920)

Редактор В. Е. РЕПИН Художник В. И. Смирнов
Технический редактор Н. И. Смирнова Корректор К. И. Иванова

Сдано в производство 20/III 1957 г. Подписано к печати 20/XI 1957 г.
Бумага 84×108¹/₂ = 8,0 бум. л. 26,2 печ. л. Уч.-изд. л. 27,3 Изд. № 6/2831
Цена 18 р. 40 к. Зак. 1616

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

1-я тип. Трансжелдориздата МПС, Москва, Б. Переяславская, 46,

АНТОНИО ГРАМШИ

